

A misty winter landscape with snow-covered ground, bare trees, and a small house in the distance. The scene is captured in a soft, blue-tinted light, creating a serene and quiet atmosphere. The trees are mostly without leaves, and their branches are silhouetted against the pale sky. A small, dark-roofed house is visible in the middle ground, partially obscured by the mist. The overall mood is peaceful and contemplative.

Виталий Полозов

Поросло
быльём
некошеным...

Виталий Полозов

Поросло быльём некошеным...

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Редактор *Вальдемар Цорн*
Корректор *Елена Сафонова*
Компьютерная вёрстка *Андрея Цорна*
Обложка *Татьяны Крук*

Полозов В.

П52 Поросло быльём некошеным...: Повесть. – Свет на Востоке, 2020. – 480 с. Издание первое.

Суровому испытанию подвергаются народы при крушении империй. И для советских народов при развале государства СССР наступили времена тяжкие – войны между братскими народами, все сферы жизни охвачены кризисом и т. д.

Рухнула система, отвергающая Бога, и в жизни народов бывших республик при всеобщем кризисе и неуверенности в завтрашнем дне чётче обозначились её изъяны: обострилась борьба за «тёплые места», при которой хороши любые средства для достижения корыстных целей – обман, зависть, подсиживание, ненависть друг к другу, жажда мести и т. д. Эти жизненные коллизии в бывшей империи достоверно и правдиво отразил в своей повести «Поросло быльём некошеным...» Виталий Полозов.

Да использует Господь и эту повесть для назидания и благоговения читающих её!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	54
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	90
Глава 9	96
Глава 10	106
Глава 11	111
Глава 12	117
Глава 13	126
Глава 14	131
Глава 15	141
Глава 16	149
Глава 17	163
Глава 18	171
Глава 19	180
Глава 20	200
Глава 21	211
Глава 22	217
Глава 23	229
Глава 24	237
Глава 25	242
Глава 26	249
Глава 27	254
Глава 28	260
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Глава 1	278
Глава 2	295
Глава 3	325

Иисус сказал ему:
«Ещё одного недостаёт тебе:
всё, что имеешь, продай и раздай нищим,
и будешь иметь сокровище на небесах;
и приходи, следуй за Мной».

Он же, услышав это,
опечалился, потому что был очень богат.
Иисус, видя, что он опечалился, сказал:
«Как трудно имеющим богатство
войти в Царство Божие!»
(Лк. 18:22–24).

Предисловие

Новая замечательная повесть талантливого христианского писателя Виталия Полозова «Поросло быльём некошеным...» описывает жизнь огромного государства СССР во времена «смутные» (с 1985 года по настоящее время), характеризующимися долгим, мучительным кризисом. Многие в эти годы, годы послабления гонений на верующих, прозрели и обратились от доверия партии к доверию единственно достойному – любящему Всемогущему Богу.

Всеобщий экономический кризис весьма отразился на нравственном состоянии народа, стала процветать коррупция во всех сферах жизни, начиная от руководства страной и кончая руководством тюрьмами. Государство развалилось на отдельные вотчины. И многие, «искалеченные» жадностью, решили перестроиться и подстраховаться – стали деловыми и шли на сделку с совестью, зная уже из Библии, что Господь сказал: «Не можете служить Богу и мамоне». К таким относится главный герой повести Алексей Блинов, который прошёл длинный и мрачный путь страданий, чтобы обрести Бога: «Ибо всё лучшее покупается лишь ценою великого страдания».

Повесть написана богатым образным языком, с налётом тонкого юмора. Виталий Полозов вкрапливает в него слова из местного сибирского диалекта, что придаёт особую красочность речи. Он настолько правдиво и искренне описывает внутреннее психическое состояние своих героев, что читатель чувствует себя в их душе, как в собственной.

И как во всех своих повестях и рассказах, Полозов великолепно описывает красоту природы севера Сибири: белой ночи во всей её красе, сравнивая это чудо природы с явлением Бога Моисею у горы Хорив... Книга «Поросло быльём некошеным...» своевременна и актуальна. Да послужит она многим на пути к Богу.

Издатели

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Отгремела очередная весна майскими громами, отшумела ливнями, дождями, впрок напоив отогревшуюся землю, и укрыла её мягким разноцветным ковром из облетевших лепестков окрестных садов. От матово-бледного до нежно-розового, так и продолжают они кружить в тишине садов, оставляя завязи цветка без прикрытия, но ещё чуть-чуть – и нальются румянцем будущие плоды, затучнеют, заколосятся в полях злаки. И это «чуть-чуть» на сей раз не заставило себя долго ждать, не замедлило явиться погожим июльским утром, ознаменовав свой приход таким палящим зноем, что, кажется, и ветер от него сомлел. В воздухе лишь звенящая тишина: ни порыва, ни шороха, ни мало-мальски ощутимого дуновения. С самой ранней зари трудится солнце, усердно расчищая небо от крохотных кудрявых облачков, робкими белоснежными барашками разбежавшихся по пронзительно голубому небу. А к полудню и вовсе окрашивает небеса в девственно чистое васильковое поле, не оставив шанса уцелеть даже ни одной-единственной овечке на весь окоём.

Тихая сельская улочка. В самом её середине аккуратный домик с палисадником перед выходящими на дорогу окнами. И дом, и особенно палисадник ухоженностью своей выгодно отличаются от соседских покосившихся строений. Внутри двора, в беседке рядом с раскидистой яблоней, усыпанной плодами так, что ветви под их тяжестью касаются земли, неподвижным изваянием застыла фигурка немолодой уже женщины с книгой в руках. Она давно уже оторвалась от чтения и отложила книгу, на обложке

которой тиснёным золотом выведено «Библия», и взгляд её устремлён куда-то вдаль. Лицо её при этом выражает в равной степени и огорчение, и растерянность, и недоумение: видно, что она старается вникнуть в прочитанное, – и не может. Не может ни понять его, ни – в ещё большей степени – принять. В этот раз она застревает на словах: «Придите ко Мне, все измученные и обременённые, и Я успокою вас» (Мф. 11:28).

«Да, – как бы соглашается она, – я измучена, обременена горем и ищу утешения. Но как идти к Тому, Кто в течение всей жизни представлялся тебе не более, чем глупая выдумка? В лучшем случае – красивая сказка для лопухов». (Так пренебрежительно отзывалась она, если заходила речь о Библии или о Боге, хотя не имела понятия ни о книге, ни о Христе. И вдруг – «все измученные»).

«Хм, все! Легко сказать, – теперь уже возражает она, – но трудно примерить это на себя. Честно ли будет приравнять себя к тем, кто в лихую годину шёл за Христом и терпел унижения за веру в Него! В том числе и при моём попустительстве. Я хоть и не гнала верующих, но и не защищала их. Не-ет, подлежащее «все» здесь явно не к месту и попало в текст по чьему-то недосмотру. (Учительница русского языка и литературы, она в первую очередь придирчиво изучала тексты, отыскивая в них как грамматические, так и смысловые ошибки). Все, да не все. Во всяком случае я в это число не вхожа».

Она словно на каком-то перепутье: и манит подспудно Христово спасение, и чувствует себя недостойной его. Конечно, примеров «перековки» ретивых атеистов и скорого перевоплощения их в столь же рьяных подвижников Православной церкви было пруд пруди, но уж что-что, а такое лицемерие вызывало у Елены Ивановны Блиновой ничем не прикрытую брезгливость. Кстати сказать, как и у её мужа, Глеба Петровича, тоже бывшего идейного коммуниста.

Мысли постепенно перетекают на семейную драму сына, виновницей которой она ощущает и себя. В том смысле, что воспитанием Алексея больше занималась она, чем отец. Да, это было её воспитание, и драма сына стала горьким упрёком, перечеркнув радужные надежды на спокойную старость и, что горше всего, на воспитание внуков. Ведь единственного внука, Глебушку, они так и не видели и вряд ли когда-нибудь увидят, так как о его существовании узнали лишь после отъезда снохи (к слову сказать, очень ими любимой) за границу. Тогда-то в доме и появилась Библия, книга, которую они теперь читали с мужем, но не торопились во всём соглашаться с её постулатами. Да и не всегда улавливали основной смысл написанного в ней, чего уж там... Потому что, как выяснили много позже, пытались понять Библию умом, а не прочувствовать сердцем. Особенно трудно это давалось Елене как преподавателю, что в общем-то и понятно: ведь столько лет думать и верить, что сеешь «разумное, доброе, вечное», и вдруг вот так, в одночасье, открыть для себя всю порочность твоего посева! Понять, что без Бога нет и не могло быть у этой насквозь прогнившей системы никакого «светлого будущего», наоборот, лишь прямой путь в крошечную тьму, в погибель. А уж признаться себе в этом – ну для этого, братцы мои, надо иметь немалое мужество и цельный характер (если опять же «не перестроиться» по примеру тех, кто сильно не заморачивался, а просто повесил на грудь крестик – вот и вся недолга). Поэтому и ей, и мужу, в досталь намаршировавшимся за свою жизнь «широкими колоннами» под разного рода лозунгами, но каждый раз с одним и тем же набившим оскомину призывом «ещё теснее сплотиться вокруг родной коммунистической партии», как-то сразу пришёлся по душе путь, указанный Христом: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель,

и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13–14).

Втайне, скрытно даже от близких друзей, они и так-то давно уже были уверены, что нельзя бездумно, то есть, теми самыми «широкими колоннами», следовать за вожжами. Оттого-то безоговорочно приняли и другой стих Библии: «они – слепые вожди слепых; а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14). Что, собственно, и произошло и с властью, и с народом в период и после перестройки. Рухнула с таким тщанием выстраиваемая система, в которой не было места Богу. Всё стало ясно, как день, даже самым твердолобым атеистам. Но трудно, ох, как трудно ломать годами навязываемые в качестве жизненных принципов (так и принятые за эталон!) лицемерие и ложь. Это когда говоришь одно, а думаешь и творишь совсем другое. Такие вот чудеса в решетке. Не одна поэтому печалится душа, полагая, что нет ей дороги к Богу, коль скоро столько лет не признавала Его существования. А всё лишь потому, что не удосужится человек раскрыть Библию, чтобы прочитать: «Придите ко Мне все...». Или даже раскроет и даже прочитает, но... не примет призыв на свой счёт. Но не поторопится пойти в церковь за разъяснением из-за ложного стыда, дескать, куда уж мне-то. И не пойдёт. Не пойдёт, чтобы узнать, что всего-то-навсего требуется от тебя признания себя грешником, признания своих грехов, покаяния перед Иисусом. В этом беда многих, в этом была беда и Блиновых, хотя у них-то буквально перед глазами был пример их любимой снохи Риты. Ведь более активной комсомолки не было в сельской школе, что прекрасно видела Елена Ивановна, да и потом, в техникуме, была на первых ролях в комитете комсомола. И вот вам, нате, пожалуйста: Рита определилась в баптисты! Как гром среди ясного неба для всего села.

Но на этот пример Блиновы с лёгкостью нашли ответ: «Потому что молодая и столько грехов, как у нас, не успела совершить. А главное... – И не договорив, что там главное, замолкали. Только вздыхали горестно: – Не-ет, нам-то это уже поздно».

В таких размышлениях не замечает Елена Ивановна медленно сгущающихся сумерек, и лишь лёгкий скрип калитки выводит её из раздумья. Вернулся с работы муж. Глеб Петрович молча присаживается напротив, берёт из её рук Библию. В глазах немой вопрос.

– Нет, – вздохнув, отвечает супруга. – Ничего не было. Ни от Риты, ни от Лёши.

– Не было, значит, – эхом повторяет он и, чуть помедлив: – А Глебушке, должно быть, этим уж летом шесть будет, нет?

– Будет. Шесть.

– Большой уже. Интересно бы посмотреть, на кого он больше похож.

– На Риту, – убеждённо говорит Елена Ивановна. – Только на Риту.

– Это потому что ты не хочешь, чтобы он походил на Лёшу, – вздыхает теперь уже Глеб Петрович. – А он, может быть, как раз – вылитый отец.

– Может быть, – тихо соглашается Елена Ивановна. – Может быть, и на обоих. Дети ведь израстают, меняются. Может, и Глебушка... – И, покачав головой, стонет: – Эх, Лёшенька-Алёшенька, что же ты наделал?!

Такой или примерно такой же разговор у них происходит почти каждый вечер.

Глава 1

Это, бесспорно, была самая красивая пара на селе. Высокий, атлетического сложения Алексей Блинов, только что отслуживший на флоте в качестве морского десантника, и под стать ему невеста, Рита Моос. Они учились в одной и той же школе, хоть и в разное время окончили её. И теперь после окончания техникума она работала в районной библиотеке. Как-то так вышло, что никто из сельских парней особо-то и не пытался обратиться на себя её внимание. Все они знали и уважали (да и побаивались, чего уж там!) не только самого Алексея, но и его родителей, особенно мать Елену Ивановну, учительницу русского языка и литературы. Рита же, поджидая своего жениха, большую часть времени проводила у них, помогая будущей свекрови по хозяйству, поскольку та здоровьем не отличалась, а её мужу, Глебу Петровичу, заниматься этим было недосуг. Агроном, он всё время проводил на колхозных полях. То, что их свадьба – дело решённое, ни для кого не было секретом; все ждали лишь возвращения Алексея. Но вот жених с невестой сами со свадьбой не заторопились и после его демобилизации. По обоюдному согласию решили подождать, пока Алексей собственным горбом не заработает приличных денег, чтобы начать семейную жизнь не иждивенцами у родителей на шее. Родители одобрили такой проект, и младший Блинов сначала потрудился электриком в колхозе, потом больше года вкалывал на «КамАЗе» как в качестве «дальнобойщика», так и просто по командировкам по городам и весям Союза. Трудно, конечно, но и заработки были, прямо скажем, повыше, чем в колхозе, и пришло время, когда при полном согласии всех сторон свадьба-таки состоялась.

Пожалуй, для полноты картины не следует скрывать, что за невестой водился один недостаток, о котором люди предпочитали помалкивать. Ну, как сказать: не совсем, чтобы недостаток, да и вообще – недостаток ли? В общем, мама Риты была настолько глубоко верующим человеком, что сравнивали её разве что с монахиней. «Монашка Лиза» – так и называли её за глаза. Жила она тихо на свою небольшую пенсию да на то, что давал приусадебный участок, и никому не мешала. И Рита, активная, боевая комсомолка Рита, хоть и осуждала мать за «пережиток капитализма», но мирилась с её религиозностью. Не сильно-то осуждали её и другие сельчане, потому что у старшего поколения почти в каждой избе была своя иконка. Другое дело, как они к этой иконе относились.

А сразу же после свадьбы уехали молодожёны в столицу, где Алексей по протекции знакомых отца получил непильную работу личного шофёра директора мелкооптовой базы. Как-то очень легко получил он и служебную квартиру, а что до машины, то как только шеф отпускал его с работы, она была в его личном распоряжении. За это, правда, он должен был быть готов в любое время суток, в том числе и по выходным, оказать требуемую услугу как самому шефу, так и его жене, а то и их отпрыскам. Сие же означало, что машина также всегда должна была быть в состоянии «боевой готовности». Ну уж на этот счёт никаких нареканий возникнуть не могло: за машиной Алексей ухаживал с таким же вниманием и любовью, как и за женой. А со временем едва ли не более. Известно ведь, что изначальное желание показать своему шефу, на что ты способен, постепенно перерастает в угодливую привычку. Да, к сожалению, должность личного водителя очень часто возвращает открытые к мирским соблазнам души. Потому что к таким водителям, как к особам, приближённым к начальству, нередко обращаются с просьбой замолвить перед

шефом словечко. И, чего уж там, иногда такая просьба оказывается действенной официальных писем и формуляров. Вот с того времени и начинает он мнить себя важной фигурой и относиться к просителям свысока, чуть ли не так же пренебрежительно, как и сам шеф. Не стал исключением в этом смысле и Алексей, разве что происходило это с ним несколько медленнее, чем с другими. А случившись, не замедлило сказаться и на взаимоотношениях с женой. Всё чаще он стал выказывать своё недовольство её действиями, в чём бы они ни выражались. Рита и здесь стала работать в библиотеке – в тихом, уютном районе города у речки работала увлечённо, с полной отдачей сил, иногда задерживаясь допоздна. Это и стало первой причиной его недовольства. Дальше – больше. И готовить-то она стала плохо, и одевается не так, и дружит не с тем, с кем надо бы. Даже та детская непосредственность в поведении, которая всегда умиляла его, теперь стала раздражать. Рита сразу увидела перемену в муже и сильно переживала по этому поводу. Она терпеливо сносила любой его каприз, искренне считая, что муж изменился оттого, что у них не было детей, о которых оба так мечтали. Да не мечтали, а были уверены, что их будет много, а первый – так это непременно сын.

– Глебушка будет играть на свирели, – сказала как-то Рита.

– Почему именно на свирели? – удивился Алексей. – Чем пианино хуже?

– Не хуже, – просто ответила жена. – Со свирелью он будет выглядеть пастушком на загляденье. Белобрысым, как и ты.

– А с пианино – джентльменом с бабочкой, – засмеялся он. – Это посOLIDнее.

– Свирель можно носить с собой и играть. Ты сможешь носить с собой пианино?

– Я же не идиот. Ну, тогда – баян. Пусть играет на баяне.
– Нет, Лёша, только на свирели. Вот скажи громко и раздельно: пианино.

– Сказал: пи-а-ни-но.

– Что-нибудь слышишь?

– Н-нет.

– А теперь слушай: с-сви-рр-ель. Тут тебе и посвист клеста, и трели соловушки на все лады. А как задушевно и красиво звучит сама свирель!

– Ну, хорошо, хорошо, фантазёр, пусть будет свирель, – сдался Алексей. – Мне же обойдётся дешевле. А что: и хлопот меньше, и грузчиков нанимать не надо, принесу её ему в кармане.

14 Да, поначалу-то они так и отшучивались, не сомневаясь, что так всё и будет. Но время шло и, как это часто бывает с деревенскими женщинами (а она ею так и осталась, несмотря на всю свою учёность, атеизм и городскую прописку), Рита решила обратиться к знахаркам. Вот только адрес по какому-то совершенно неподвижному стечению обстоятельств перепутала, и вместо знахарки попала прямиком к двум верующим женщинам: Вере и Нине. Ей бы, как завзятой атеистке, убежать от них тут же, – ан, нет! Что-то покорило её в их готовности выслушать и расположило к беседе. Они вели себя так, словно были с ней давно знакомы, и как-то незаметно для себя она призналась, для чего искала знахарку. И тут уже увидела их неподдельный испуг.

– Ты хочешь стать матерью и просить об этом знахарку? – спросила старшая из них, Вера.

– Да, – потупилась Рита. – А что? Не идти же мне к доктору.

– Но ты ведь хорошо знаешь, что ей надо платить. Теперь подумай: разве за деньги можно купить счастье? Тем более материнское. Нет, милая, его надо вымолить у Бога.

Только Он способен подарить тебе это счастье. Молись Ему – и Он воздаст тебе.

От этих слов веяло такой уверенностью, что Рита даже и не подумала возразить, а только беспомощно развела руками.

– Но я не умею молиться, – тихо призналась, с затаённой надеждой глядя на них. И в надежде этой не обманулась.

– Мы будем молиться о тебе Господу нашему Иисусу Христу, – просто сказала Вера. – А ты, если захочешь, приходи завтра к нам на собрание.

Рита словно ждала этого приглашения и, ни минуты не колеблясь, приняла его. Тогда они заговорили с ней о Боге и привели пример из Библии, в котором рассказывается об Анне, жене еффрафянина. О том, как молитвы этой женщины дошли до Бога и Он подарил ей сына Самуила. Они не навязывали ей своего мнения, просто рассказали о женщине, жившей много веков назад, но судьба которой бессчётно раз повторяется в веках. Пройдёт много лет, но Рита никогда не перестанет удивляться, с какой лёгкостью Иисус вошёл в её сердце. И никогда впоследствии не пожалеет об этом. Кто же сделал так, что она в одно мгновение перешагнула черту, отделяющую её от веры в Бога? Каким образом она, убеждённый атеист, смогла преодолеть такой, казалось бы, неодолимый рубеж? Что с ней тогда случилось? На эти вопросы она ответит потом, а пока как на крыльях летела домой, торопясь поделиться новостью с Алексеем.

– Лёша, давай сходим к ним завтра? Ну, Лёша, что тебе стоит? – просила она его. При этом она была охвачена таким нетерпеливым ожиданием завтрашнего дня, что буквально не находила себе места.

– У меня предчувствие, что они нам помогут. Да нет, я почему-то уверена в этом. – Глаза её горели нескрываемым

восторгом. В них была надежда. Алексей же, в отличие от неё, принял это известие довольно скептически. Вернее сказать, с издёвкой. Но он ещё любил её и потому уступил.

– Ну, хорошо, сходим. Но обещай, что слиняем оттуда сразу же, как только убедимся, что всё это глупости. Не забывай, что это ещё и опасно. Ведь это не твоя верующая мама, это – секта. За них и привлечь могут.

С собрания, на котором выступал какой-то приезжий проповедник, они вернулись с диаметрально противоположными чувствами. Насколько глубоко и благоговейно восприняла Рита каждое слово о Боге, настолько скучным и даже глупым показалось оно Алексею. И он страшно возмутился, когда она попыталась уговорить его сходить ещё раз.

– Да чего я там не видел? – грубо оборвал он жену, но тут же спохватился и постарался смягчить свой выпад: – Ну, что ты там нашла, Рита? Слушай, если уж ты так хочешь, давай возьмём ребёнка из детдома?

Тогда он ещё мыслил так. Со временем исчезла и эта мысль. А вот раздражение его всё больше росло. И вовсе уже не по той причине, которой, как и прежде, всё объясняла жена. Причина крылась уже в другом. Во-первых, в том, что шеф повысил статус Алексея, предложив ему работать завскладом. Хотя и жалко было отпускать такого исполнительного шофёра, – тот ведь во всём успевал угождать, – но верные люди нужны были и на складах. Надо сказать, что в то время повального дефицита на эту «хлебную» должность можно было попасть лишь строго «по благу». Чужаков в свою среду старались не допускать не только сами кладовщики, но и начальство. Так-то оно спокойнее: при круговой поруке больше уверенности в том, что «не подсидят», «не настучат», не выдадут. Хотя конкуренция за право быть поближе к шефу существовала. Существовала и определённая такса, которую должен

был заплатить начальству соискатель этой должности. Алексею она досталась бесплатно. Что оказалось и хорошо, и не очень. Не очень, потому что несмотря на внешне дружеские отношения, все работники относились друг к другу с недоверием. А уж зависть, – тайная, да и явная, – так это как обязательный атрибут их отношений между собой. И такое вот отеческое участие шефа в судьбе своего бывшего шофёра породило естественную реакцию: везунчик, выскочка! К тому же с самого начала работы на новой должности шеф «устроил» его студентом-заочником в институт. Другие, если и удостаивались этой чести, то ждали намного дольше. Приплюсуйте к этому ещё и конкретные внешние данные Алексея – и вы поймёте, что отношение к нему сотрудниц и сотрудников было далеко неоднозначное. Правда, к их чести сказать, ни симпатий, ни противоположных чувств никто из них не выказывал. Одно слово – деловые люди!

И вот эти деловые люди имели привычку отмечать с начальством вышестоящей организации все месячные, квартальные, годовые отчёты да ещё и все праздники подряд. Причём в ресторане. При этом закатывали такие банкеты-фуршеты, что нашему герою, а особенно его жене, и не снились. Ну это, конечно, по первости не снились. Очень скоро он сам стал ворочать теми деньгами, за которые и надо было платить подобными застольями. После такого банкета база могла и дальше жить спокойно. А пока что Рита, появившись там с мужем один лишь раз, нашла предлог отказаться от следующего банкета. И от следующего. Ей просто претило их разгульное веселье. Алексей поначалу даже обиделся на неё: Рита так понравилась его сослуживцам и особенно высшему начальству, что они заподозрили его в укрытии своей красавицы от общества. И подкалывали: дескать, что, боишься за свою зазницу? Он отшучивался как мог, и получалось

это у него неплохо. Потом же, обвыкнув, он хоть и предлагал ей каждый раз пойти с ним, но уже с некоторым страхом: а вдруг возьмёт да и согласится? И отлегалось от души, когда она с виноватой улыбкой отказывалась. Тогда он, приняв обиженный вид, удалялся и кутил на всю катушку. Вот она – жизнь! Но в упоении этой жизнью был и отрицательный момент. Появляйся Рита с ним на банкетках (хотя бы время от времени), не прознали бы так скоро коллеги настоящую причину её отсутствия. А посещение собраний баптистов, знаете ли, это уже серьёзно. Но и не совсем это предопределило их разрыв.

Незаметно для самого Алексея, должность завскладом сыграла с ним злую шутку. Поскольку теперь он попал в когорту «нужных людей», к нему, как человеку при распределении кой-чего, зачастили такие же «нужные люди». И бескорыстного, в общем-то, в прошлом парня обуяла жажда наживы: деньги потекли рекой. Он стал тащить домой со склада всё, что удавалось «выкроить» всякого рода манипуляциями с накладными. Ах, уж эти накладные! Думаю, стоит сказать о них особо. Велосипеда тут никто не изобретал, и весь процесс был так же прост и понятен, как обыкновенная кочерга для печки. Проследим за цепочкой этого процесса. Итак, товаровед выписывает фондовый материал организации, не имеющей на него фондов или имеющей, но самый мизер. Как правило, это совхозы, а ещё чаще колхозы. За это при получении товара снабженец потребителя оставляет на складе как минимум его треть в качестве бакшиша. Пример: колхоз выписывает 30 шин для «Жигулей» – самый немыслимый дефицит тех времён. Снабженец расписывается за все 30, но 10 шин оставляет на складе в качестве «благодарности» – то есть, тот самый бакшиш. Остаётся только реализовать по сумасшедшим ценам этот остаток и положить деньги в карман. В свой и товароведа. Что тут же и делает завскладом, так

как у него на этот товар ещё одна очередь: теперь уже за воротами базы. А то и сам колхоз забирает остаток за те самые сумасшедшие наличные.

«Ну да, а куда же смотрели начальство да всякие там ревизоры?» – не поверит неискушённый читатель. Ответ: вот как раз туда и смотрели. Ведь те самые банкеты и устраивались для того, чтобы вручить высшему начальству конверт с вполне приличным – да ещё каким приличным! – подношением. Словом, никто не оставался в накладе: всем было хорошо. Уж если кого-то и боялись, то только сотрудников ОБХСС. Но не сильно. Как правило, начальство этой грозной организации заранее сообщало в такие «хлебные места» о намечаемом рейде своих подчинённых. Тогда приходилось быстро прятать остатки, если таковые задержались на складе. Бывало, что уносили и домой. Делал это и Алексей. И чем больше он ташил, тем отчуждённее становился для Риты. А на её робкое замечание, что с этим дефицитом он стал забывать о ней, Алексей выразительно покрутил пальцем у виска:

– Совсем ты, Рита, рехнулась со своим Богом. А для кого это я, по-твоему, стараюсь? Не для тебя? Да когда прежде у нас было столько добра?!

– Это шмутки, Лёша, а не добро, – вздохнула она. – Добро крадучись не носят. Оно всем всегда видно.

И Алексей испугался: он вдруг чётко осознал, что она представляет для него опасность. Они ж там, в её церкви, только и говорят, что о сокровищах на небесах. Здесь-то, мол, на земле, подобное богатство – чисто грех! Это раньше она вместе с ним подсмеивалась над своей матерью, когда та вполне искренне утверждала, что деньги – зло. А вот пришло время, и дочь впала в тот же маразм. Передались гены матери? Если так, то мало ли что теперь может ей взбрести в голову! Эта мысль уже не оставляла его более. Он стал подозрительным, скрытным и всё больше

отдалялся от Риты. «Жигули» к тому времени он уже приобрёл и вечерами пропадал то на различных «планёрках», то на строительстве их нового дома в престижном районе города. Во всяком случае так объяснял он своё отсутствие. А вот когда она обратилась к нему с просьбой помочь выписать хоть какой-нибудь линолеум для их новой церкви, он смерил её тяжёлым взглядом:

– Богу, значит, помочь хочешь? А много Он тебе помог, твой Бог? Я что-то не вижу. Пусть вон братья твои названные идут и, как все, подписывают письмо у шефа, а я за них не ходатай.

Больше они этой теме не касались. Она продолжала ходить на собрания и, как могла, помогала в строительстве нового здания церкви. Алексей же продолжал строить их собственный дом. Каждый из них возлагал на этот дом свои надежды. Рита надеялась, что с его окончанием муж наконец остановится в этой безумной погоне за деньгами. Он же, в свою очередь, рассчитывал выгодно продать его и тут же строить новый. «Деньги делают деньги!» – вот девиз, с которым он шёл теперь по жизни.

А тут подоспела пора и вступать в партию. Сам директор базы пообещал дать свою рекомендацию для такого дела. А то негоже, мол, как-то получается: мужик видный, при должности, без пяти минут выпускник института – и беспартийный. Неладно это. И пошутил: главное, мол, вступить в партию, пока не стал большим начальником. Тогда будет намного труднее. Но эта шутка как раз и соответствовала реальности: пробиться в начальники можно было только при наличии партбилета. А при вступлении льготами пользовались простые труженики – не начальство. То есть, вступи в партию сегодня, а уж завтра – можешь стать начальником. Не наоборот.

В парткоме вышестоящей организации, однако, не поспешили записывать его в кандидаты. Оказалось, что

парторг Иван Сергеевич более в курсе его семейных дел, чем директор. Для начала он коротко дал понять Алексею, что знает о предпочтениях его жены. А чуть позже, после обстоятельного разговора и напоминания о том, какой вред верующие наносят делу партии, да и вообще светлomu будущему страны, парторг подсунул ему областную газету. Дескать, убедись сам, чем занимаются эти люди. Прочитал Алексей статью, и сдавило грудь неведомой доселе тяжестью. Хоть всего один раз, но был он с Ритой в том собрании. И никакого даже отдалённого сходства со статьёй там не было. Там всё было тихо и чинно. Говорили о Боге и пели, по его мнению, уж больно меланхолические песни. Он-то больше любил песни живые, бодрые. Да и само собрание показалось слишком уж... целомудренным, что ли. Заунывно как-то: всё о Боге да о Боге. Здесь же автор всё поставил с ног на голову. Его статья была обычным перепевом с приснопамятного антирелигиозного фильма «Тучи над Борском», причём в его наихудшем варианте. Нисколько не утруждая себя поиском нового материала, спецкор газеты просто слямзил сюжет (что вообще-то наказуемо, потому что считается плагиатом), заменил имена и добавил пару душераздирающих сцен, которые, по его мнению, могли иметь место в такой церкви. В мрачных красках нарисовал он какое-то сборище ведьм с бесами, которые в конце бесовского представления хватают кто кого ни попадя и с криком «грехи-и!» предаются разврату. Финал статьи был поистине ужасен: молоденькая девушка, обманом втянутая в эту секту, вырвалась из рук пресвитера и, выбежав на улицу, попала под колёса поезда. (Откуда на глухой окраине города взялся поезд, не уточнялось.) И хотя жизнь врачи сумели ей сохранить, но судьба ей была уготована незавидная: кому нужна невеста без ног? «Сразу же забыли её и так называемые братья и сёстры», – сокрушался автор статьи. Но вот вернулся из

армии её школьный друг, доблестный комсомолец, и, несмотря ни на что, взял её себе в жёны. Он-то, в отличие от всех этих верующих, проявил себя настоящим современным комсомольцем, человеком с большой буквы. Так автор статьи натужно подводил читателя к выводу, что верующие, мол, только вид верующих принимают. А на деле-то вон что: отвернулись от бедолаги, будто и не знали её вовсе. И хотя столь очевидная фальшь была видна, как говорится, «невооружённым глазом», статья отвечала требованиям политического момента и шла «в ногу со временем». На Алексея она произвела гнетущее впечатление: настолько неуклюже, топорно и надсадно выводился звериный образ верующих, а в противовес им рисовался ангельский лик строителя светлого будущего, что в первый миг его даже покорило от такой неприкрытой лжи. Да и никогда бы не поверил он в то, что Рита стала бы ходить в такое место. Но встретившись глазами с парторгом, понял, что поверить придётся. Взгляд Сергеевича не предвещал ничего хорошего: похоже, он заметил смятение соискателя красной книжицы, и так и сверлил его взглядом.

– Ну? – спросил строго.

– Ужасно, – вмиг сориентировался Алексей, сделав возмущённое лицо. Но всё же предпринял робкую попытку выгородить жену: – Хорошо, что хоть у нас такое не творится.

– А ты знаешь, что творится у нас? – парторг не сводил с него своих колючих глаз.

– Да что вы, откуда? – в панике запротестовал Алексей, ибо подтвердить – значит признаться в том, что ходил с женой в её церковь. Тогда прощай мечта о партбилете. Ну, и... об Аме.

– Так вот: пока твоя Рита ходит на те собрания – тебе в партию ходу нет. И тут даже твой шеф не поможет. Понял? Ну вот и делай выводы.

Алексей понял. А выводы? Так те уже и до этого подспудно зрели в его мятушемся сознании. Дело в том, что с недавнего времени он разрывался между семьёй и прехорошенькой Аллой, товароведом базы. Которая, как наверное, уже догадался читатель, и заправляла всеми махинациями с товаром и накладными. Между прочим, была она племянницей парторга. И тот прозрачно намекнул, что нежелательный факт биографии простится ему (имелся в виду брак с верующей), если ради партии он поступится вредным для построения коммунизма человеком. Отвертеться он уже не мог: надо было выбирать. В общем-то своими нелепыми придирками он уже, как бы исподволь, подготавливал Риту к разводу, но всё никак не мог решиться на откровенный разговор. И хотя ясно понимал, что совершит подлость, используя эту статью в качестве обвинения жены во всём случившемся, но так хотелось хоть в чём-то обвинить её, чтобы не всю вину за развод принять на себя. Всё же совесть – ах, уж эта совесть! – ещё присутствовала в его сознании. Как бы там ни было, он решил: сегодня или никогда!

Но случилось так, что и Рита поджидала его с особым нетерпением именно в этот вечер. Вся в радостном возбуждении бросилась она ему навстречу и, заметно волнуясь, поведала, что ждёт ребёнка. Она только что вернулась из консультации, и глаза её сияли таким счастьем, что Алексею на мгновение передалось её состояние. Ах, как долго ждали они этого дня! Сердце его радостно забилось, и нахлынувшее благоговейное чувство на мгновение вытеснило всю запланированную речь. Забыв о своём решении, он подхватил её на руки, закружил по квартире и... тут же отпустил.

А Рита ликовала, не замечая этой мгновенной перемены в нём.

– Видишь, – шептала она. – Видишь. А ты не верил, что Бог поможет!

Лучше бы она не упоминала о Боге. Его передёрнуло. Он медленно отстранил её, отошёл к окну и уставился в одну точку. Буря эмоций отражалась на его лице. Да, он долго ждал этого дня. Но почему это случилось сейчас, когда он перестал ждать? Теперь остаться с Ритой – значит отказаться вступить в партию и таким образом загубить свою карьеру. А стало быть, и всю жизнь. Это расценится как вызов начальству, и его очень просто вышвырнут с работы. И что опять крутить баранку за гроши? Но он отвык от тех жалких подачек. А главное, образ жены всё больше вытеснялся в его сознании образом Аллы. Какое тут может быть сравнение! Свободная, образованная, всегда изысканно одетая Алла – и простенькая, даже простоватая Рита. И – никакого просвета в будущем. Будто издали донёсся до него голос Риты.

– Что, Лёша, что? – озаботилась она. – У тебя проблемы?

– Да, – сказал он после долгого молчания.

– Расскажи, – попробовала она обнять его, но он снова отстранился.

– Рита, – не глядя на неё, начал он. – Меня принимают в партию. Ты понимаешь, я должен...

– Понимаю, Лёша, – тихо сказала она. – Я тебе мешаю.

– Ничего ты не понимаешь! – взорвался он. – Не ты, а твоя церковь мне мешает. Если ты не перестанешь туда ходить – меня не примут в партию. Это тебе ясно? Больше того – вышвырнут с работы. И тогда всё, вся наша налаженная жизнь разрушится. Что тогда мы будем делать с ребёнком на руках?

– Жить, как и все люди. Оглянись, Лёша, все живут нормально без всякого твоего блата.

– Я не хочу, как все. Хватит, я достаточно нагорбатился за гроши. Ну что ты уцепилась за эту церковь? Что ты там

нашла? Я прошу тебя, Рита, откажись от них, и всё у нас наладится. Ну, Рита!

Он произнёс это и в который уж раз испугался сам себя: «Идиот! Что я несу! А если она согласится? Так долго готовить вескую, умную речь и так бездарно скомкать её». И услышал задрожавший голос Риты:

– Нет, Лёша, не наладится. Без Бога у нас ничего не наладится. Как раз этого я и боюсь.

Он взглянул наконец ей в глаза и увидел в них не меньший испуг, чем его собственный.

– Ты-то чего так испугалась?

– Слов твоих. У тебя нет страха Господня, и это добром не кончится. Но что бы ты ни надумал предпринять, я буду молиться о тебе.

Алексей облегчённо вздохнул: никакого согласия не будет. И даже как-то повеселел, расправил плечи. Теперь осталось немного поубеждать, а потом разыграть обиду. В общем, он уже обуздал любимого конька.

– Тебе не этого бояться надо, – произнёс он назидательно. – Что может сделать тот, кого нету?

Рита заметила его оживление:

– Я не за себя, за тебя боюсь. Потому что Бог есть, Лёша. Неужели и сейчас ты будешь отрицать это? Теперь, когда у нас будет ребёнок, нужно ещё усерднее благодарить Его. Молиться Ему.

– Да причём здесь твой Бог? – снова взорвался он, но тут же сбавил тон: – Впрочем, если уж тебе это так втемяшилось в голову – молись! Но давай решим так: ты ведь желаешь мне добра? Вот и молись, чтобы меня приняли в партию. В этом, если хочешь знать, и есть наше с тобой спасение.

– Спасение можно найти только во Христе...

– Всё! Договорились. Ищи своё где хочешь, а о моём спасении я уж как-нибудь позабочусь сам. О реальном, а не о каком-то там мифическом.

Теперь он уже знал, как довести разговор до задуманного конца. Теперь нужен ультиматум. И он его выдвинул:

– Подумай, Рита, от тебя зависит, спасём ли мы нашу семью. Или поступаешь по-моему, и тогда мы будем счастливы – теперь уже втроём. Или слушаешь своего Бога. Но тогда нам придётся развестись. Третьего не дано. Ну, что? – Он заспешил, боясь её слёз или даже сцен. Но получил неожиданно спокойный ответ:

– Не мучь себя, Лёша. Поступай, как тебе подскажет совесть. А я приму любое твоё решение.

Это спокойствие слегка задело его и вызвало раздражение:

– Ты не уходи от ответа. Не пытайся свалить вину с больной головы на здоровую. А то – со-овесть. Отвечай чётко: или – я, или – Бог! Вижу, что Бог. Ну, смотри, как бы потом не пришлось пожалеть. Я слов на ветер не бросаю. Если уйду, то навсегда. О ребёнке поговорим потом.

Глава 2

Итак, Рита не выбрала его. Алексей с облегчением вздохнул и покинул стены родного дома. А через месяц ушёл насовсем: переехал с Аллой в те самые новые хоромы, в которых мечтал когда-то жить с Ритой. Благо, они были уже готовы. И Алла – ах, само обаяние! – сделала всё, чтобы он не испытывал никаких угрызений совести. Да он и сам не шибко расстраивался: жизнь с такой красавицей казалась ему волшебной сказкой. На душе было светло и спокойно. Тем более, что Алла взяла на себя хлопоты по улаживанию конфликта с Ритой. Собственно, конфликта как такого и не было. Вскоре он

узнал, что Рита подала на развод и уже уехала назад, в свою деревню. То чувство радости, которое он испытал при этом, было так безмерно, что он даже удивился и на какой-то миг задумался: ну хоть бы капля грусти заронила в душе – как-никак столько лет вместе. Но пьянящее ощущение свободы и близость Аллы располагали только к восторженным чувствам, а потому и мысль та тут же растворилась без остатка. Словно и не было её. Самое же главное, никаких упреков совести: Рита ушла сама. Она согласилась избавиться от ребёнка, но потребовала достаточно большую сумму денег, которую Алла, не раздумывая, собрала и вручила ей. Сообщила ему обо всём этом сама Алла сразу же после встречи с его, теперь уже бывшей, женой. Где-то на самых задворках его души вспыхнула и тут же погасла искорка сомнения в правдивости её рассказа: чтобы Рита потребовала деньги... Это было так непохоже на неё, но... Ах, как хотелось, чтобы это было именно так! И он в порыве благодарности не переставал шептать новой супруге: «Ты – мой избавитель! Что бы я делал без тебя!» (Много позже он с содроганием будет вспоминать этот день.)

Алла, и правда, нанесла Рите «визит вежливости». И Рита узнала, что у этой женщины, кроме любви к Алексею, ещё и подрастает его годовалый сынишка. Вот и фотография карапуза – вылитый Алексей! Что так можно солгать, Рите даже и на ум не пришло. Она искренне пожалела соперницу и пообещала исчезнуть из их жизни навсегда. А та, растроганная до слёз (искренних, а как же!), поблагодарила за понимание, сказав, что такой она себе её и представляла. И тоже не останется в долгу. В доказательство гостя торопливо сунула ей в руки свёрток с деньгами. У тебя, мол, милая, тоже вся жизнь впереди, так что постарайся избавиться от ребёнка, пока не поздно. Не успела Рита сообразить, что она ей сунула, как той и след простыл.

Догонять визитёршу не стала, а решила передать деньги матери Алексея. Это решение пришло сразу: Алексей всегда неохотно расставался с деньгами, и ей редко удавалось уговорить его послать своей матери – своей, не её! – какую-то помощь. А ведь там у него ещё и больной отец. Но он всё отговаривался: «Вот когда дом построим, тогда и поможем. А то и заберём их вместе с твоей мамой к себе». Но обещания так и оставались обещаниями. Теперь Рита посчитала, что не согрешит, если передаст эти деньги Елене Ивановне. О том, чтобы взять их себе, не было и мысли. А уж о судьбе её ребёнка вряд ли стоит волноваться. Она твёрдо верила: это будет сын и имя его будет – Глеб. Как отца Алексея. С таким решением она на следующий день и уехала в своё село. И больше Алексей её не видел. Но кое-что иногда слышал.

С разводом проблем не было: один звонок парторга решил все бюрократические проволочки. Суд как таковой, конечно, состоялся, и сам Алексей даже ответил на пару вопросов. Но не более того. Главное, что вердикт – развести жаждущих развода – был вынесен в считанные минуты, несмотря на отсутствие Риты. А через полгода был оформлен и его новый брак с Аллой, поскольку партийный долг требовал создания, так сказать, семьи нового типа. Неплохо вписалась в этот тип подаренная его тестем машина «Жигули» шестой модели. После пышной свадьбы (о, никакого сравнения с той, его первой, скромной, с Ритой!) был медовый месяц на Кавказе, на одном из лучших курортов страны. В общем, становление семьи шло настолько успешно, что Алексей буквально витал в облаках от счастья.

Правда, спуститься на землю пришлось сразу же по возвращении из Кисловодска. Тогда Алексей обнаружил в почтовом ящике письмо от матери. Вскрыл – и словно окатили его ушатом ледяной воды. Елена Ивановна благо-

дарила за деньги, которые он переслал с Ритой, и сильно сожалела о их разводе. Но я, мол, её нисколько не виню: узнав, что у вас с Аллой уже есть ребёнок, она не стала вам мешать. И это решение – её личное дело. «Не буду строго судить и тебя, – писала мать в конце. – Как ни жаль мне Риту, но раз она не может родить тебе ребёнка, то она вольна была сделать выбор. И она его сделала: не стала обременять тебя взятыми обязательствами. Это очень благородно с её стороны. Жизнь – трудный путь, и на нём встречаются ухабы. Но вот то, что ты до сих пор скрываешь от нас с отцом внука, непростительно. Может быть, приедете с ним, погостите хотя бы до конца лета, пока мы с отцом ещё на ногах. Что может быть лучше для ребёнка, чем наш деревенский свежий воздух. У нас же тут такое раздолье для детей!»

Далее следовала пространная приписка, что Рита совершенно неожиданно уехала куда-то в Сибирь к маминной сестре. На минутку только и забежала попрощаться, так как ждали её в какой-то старенькой машине шофёр и две женщины. Пообещала написать по прибытии на место, да, видать, раздумала. До сих пор так и не написала. Оно и понятно: кому ж охота попусту беречь раны. Что было, то былём поросло. Вскоре съехала и её мама. Потом, когда эти самые люди приехали ещё пару раз в связи с куплей-продажей дома Лизы Моос, быстро выяснилось, что это были баптисты из столицы. Очень они понравились Елене Ивановне: смирные, вежливые, они даже не торговались о цене, и сколько предложил им сосед Лизы – турок Мемет, за столько и отдали дом. Надул он их, конечно. Так ведь приглядывался-то уже давно к её ухоженному приусадебному участку и всё сделал, чтобы рядом не оказалось ни одного покупателя. Елена Ивановна попробовала усовестить его, да куда там! Ошетинился Мемет, пригрозил, что не будет покупать, так те

бабоньки и растерялись. В общем, она не стала вступать в спор, но помогла им в оформлении документов, иначе бы содрали с них три шкуры ещё и за это. Сюда ведь за каждой бумажкой не наездишься. Но как ни уговаривала, не решились дать ей адрес Риты: дескать, просила никому не сообщать. А вам, мол, сама напишет.

– Алла, что это значит? О каком ребёнке идёт речь? – показал он ей письмо.

– Откуда мне знать? – нервно дёрнулась она, когда он прочитал ей те строки. – Скорее всего, твоя бывшая напела, чтобы благородной показаться.

– Рита не могла это выдумать, – Алексей взял её за локоть.

– Конечно, не могла. Она же у тебя святая, – неожиданно резко ответила Алла, понимая, что он всё равно узнает.

– Значит, это ты...

– Я. А кто же ещё?

– Но зачем тебе это понадобилось?

– Нет, вы посмотрите на него, – как-то незнакомо и зло усмехнулась она. Да и в голосе её ему послышались издевательские нотки. – У него ещё и претензии! А кто меня уговаривал: «Лапочка, придумай что-нибудь, чтобы она убралась куда подальше, не поднимая шума»? – Алла так ловко сымитировала его жалобный голос, что он тут же с подавленным видом сел на диван и обхватил руками голову. В её глазах он выглядел размазнёй?

– Ну да. Но я не думал, что ты сможешь так... – он подбирал слово.

– Как? Как ты: засунуть голову в песок и делать вид, что ничего не произошло? Тебе бы радоваться, что, впрочем, ты до сегодняшнего дня и делал, а не допрашивать меня с недоумённым видом. Он, вишь ты, паинька. А я – изверг. Да пойми ты, что иначе она никогда бы не оставила тебя в покое. Она тогда только и согласи-

лась, когда поняла, что мне ещё тяжелее. Эта деревенщина вполне искренне думает, что совершила благое дело. Так и пусть себе думает! Она счастлива этим. Вот и не лишай её этого счастья. Им, таким вот, как она, это просто необходимо, и я пошла ей навстречу, подарила это призрачное счастье. Ну что тебе ещё нужно?

И до него дошло, что это действительно так оно и есть. Он сразу же вспомнил, как Рита, не считаясь ни с чем, отправлялась на другой конец города, когда нужно было помочь какой-нибудь её заболевшей подруге по церкви – сестре, как они называют друг друга. Однажды она побежала, несмотря на то что была сильно простужена. Да-а, а какой тихой радостью светились её глаза, когда вернулась! Сама еле держится на ногах, а туда же: ах-ах-ах, сестра ждала её посещения! И подобное случалось не один раз. Он даже пошутил однажды, что не удостаивается такой заботы, какую она проявляет о своих сёстрах. На что она выдала ему очередной стих из Библии: дескать, Бог велит им носить бремена друг друга. Так, мол, исполняется закон Христов.

Тогда он только отмахнулся. А сейчас от этого воспоминания что-то тяжкое легло на душу. Алла, увидев его состояние (вон как опечалился!), поняла, что в своём уничтожении Риты добилась обратного эффекта, то есть, сама же возвысила её в глазах мужа. Значит, рано списала соперницу со счетов, решив, что полностью заслонила собой её образ. Тонкий психолог, она немедля дала задний ход.

– Да не такая уж она и дура. От ребёнка-то сначала избавилась, а уж потом к маме твоей явилась.

– Она не избавилась, – отрицательно покачал он головой. – Деньги-то маме отдала.

– Она обещала, а такие люди слово держат, – уверенно сказала Алла, явно в расчёте на его положительную реакцию. И с удовлетворением отметила, что именно это и произошло: он оценил её великодушие.

– Да-да. Это правда. Слово она держать умеет. Но как же быть с родителями?

– Ах, да не расстраивайся ты. Найду, что написать твоей матери. Всё будет ладушки.

– Что ты напишешь?

– Как что? – вскинув брови, разыграла она недоумение. – Правду, конечно. Я это затеяла, мне и расхлёбывать. А твоя мама меня поймёт: ложь во имя любви для любой женщины, тем более для педагога – она ведь литератор, не так ли? – святое дело! – И чуть помедлив, с пафосом, но удивительно невинно подытожила: – А стало быть, ненаказуемо!

32

Алексей, сражённый такой логикой, залюбовался своей ненаглядной. И как это ему в голову взбрело заподозрить её и обвинить в чём-то? Она же и впрямь для него старалась, раз у него не хватало решимости. И с мамой теперь решит вопрос. Причём не кривя душой. А это куда лучше, чем продолжать лгать. Всё же как это хорошо, что у него такая жена. Ну, а что сначала обрушилась на Риту, так оно и понятно – ревность. Стало быть, любит его. В порыве нежности он обнял её, а она лишь снисходительно улыбнулась. Той самой незнакомой для него усмешкой. И если бы он мог читать её мысли, то оптимизм бы его немного поубавился. Этот её со смешинкой взгляд означал не что иное, как: «Это последний раз, что расшаркиваюсь перед тобой. Ты у меня шёлковый будешь, Лёша. Ещё раз вякнешь, и я напомню, кому ты обязан своим теперешним положением. Иначе бы ты так и продолжал крутить свою баранку, зарабатывая на фруктовое мороженое своей сельской паве».

Примерно это самое он и услышит в итоге. Но до этого он несколько раз тщетно пытался призвать её выполнить обещание ответить матери. И всякий раз она ссылалась на нехватку времени. Которого, кстати, у неё, и правда,

было не так уж и много. Его явно не хватало, чтобы скрывать все проводившиеся махинации.

– Подожди, – отмахивалась. – У меня и без того голова трешит.

Но близился конец лета, и он, не выдержав, недовольно напомнил ей, что надо бы ответить родителям.

– Это кто, я должна отвечать? – возмутилась она. – По моему, это твои родители. Ну, что уставился? Непонятно говорю?

– Мои. Но это не я наплёл им с три короба. Ты же сама хотела убедить маму.

– Убедить? В чём? – ловко разыграла она изумление.

– Слушай, Алла, не прикидывайся, – начал он терять терпение. – Я тебя за язык не тянул. Кто обещал мне всё уладить? Ну, ложь во имя любви и всё такое прочее? Я, кстати, сразу тебе поверил. Поверит и мама.

– Какая ложь, милый? Если я что-то и сделала, то исключительно по твоей просьбе. Даже не по просьбе. До ужаса надоели твои причитанья, вот и ляпнула лишнее. Теперь разбирайся сам.

Она никогда ещё не разговаривала с ним таким тоном, и ему стоило больших трудов сдержаться.

– Алла, ты понимаешь, что говоришь? – медленно произнёс он.

– Я-то понимаю, – парировала она. – Но как ты, должно быть, заметил, я ни на кого не перекладываю свои проблемы. И жду от тебя того же. Но пока что вижу, как ты пытаешься свалить всё с больной головы на здоровую. То бишь, на мою. А мне нужно, чтобы ты сам, наконец-то, начал решать свои проблемы. Взял бы да давно уже съездил к старикам. – И рассмеялась, увидев, как он остолбенел от предложения. – Неужели тебе даже в голову такое ни разу не пришло? Ты что, Лёшенька?

Ошеломлённый, на этот раз уже её железной логикой, Алексей понуро поплёлся в другую комнату и долго сидел там обхватив голову. Сколько же времени прошло с той поры, как они с Ритой уехали из села? И с изумлением констатировал, что ни много ни мало, а уже целых пять лет! И шемящая тоска волной укора накатила на душу: почему он так редко вспоминал о родителях? Первое-то время они с Ритой регулярно – раз в месяц – навевывались в родное село; благо шеф разрешал ему брать машину, а отмахать какие-то двести пятьдесят км для профессионального водителя сушие пустяки. Потом он стал увививать под любыми предлогами, и Рита ездила одна как к своей матери, так и к его родным. Ездила на автобусе, что было гораздо утомительнее, но жалоб от неё он никогда не слышал. Наоборот, она так красочно, в подробностях описывала свои встречи с Еленой Ивановной и Глебом Петровичем, их наказы ему, что он чувствовал себя так, будто сам побывал дома. И сейчас ему вдруг страстно захотелось не только повидать их, но и встретить бывших друзей, побродить с ними по незабвенным местам детства. Пройтись вдоль речки до небольшого озера, где когда-то они строили шалаши, воображая себя робинзонами, и ловили майками в речке пескарей. Ещё они любили ловить в озерке головастиков, сажать их в банку и потом пугать ими девчонок. В общем, коснуться такого уже далёкого, но родного прошлого. Ах, как незаметно пролетело и детство, и юность. А он ведь и впрямь после Риты ни разу не задумался о том, что надо бы навестить мать с отцом. И неуклюже, понимая, что выгораживает себя, попытался оправдаться, что, мол, это опять же по причине того, что Алла не могла отпустить его от себя даже на день. Во всяком случае так она говорила всегда. Говорила... А сейчас что, не будет против? Отпустит? Он усмехнулся: похоже, не только отпустит, но даже будет рада, если он уе-

дет. Ну, хотя бы на время. В голову сразу зачем-то полезли слухи, от которых он отмахивался, как от надоедливых мух: слишком неправдоподобными они были для него. Коллеги намекали, что больно уж часто видят его жену на другом складе – у турка Абу Хатифа. Намного, мол, чаще, чем на твоём. Алексей снисходительно улыбался: он-то знал истинную причину слухов. Этот плюгавенький на вид турок ворочал такими «делами», что другим оставалось только завидовать. Например, совсем недавно загнал «налево» вагон импортного линолеума – невиданный дефицит! – и ведь сошло с рук! Ну да, размаху, с каким орудовал этот завскладом, завидовал и Алексей. Но только размаху, потому что хорошо знал, кто ему в этом помогает. Вернее, кто в этом «деле» главный. Без ведома самого начальника базы и Аллы такой крутой вираж был бы немислим. А что у неё с этим сморчком может быть что-то, кроме вот этого их общего «интереса», ему не приснилось бы и в страшном сне. Чтобы она, высокая, яркая, иногда надменная, с чуть томным и в то же время насмешливым взглядом из-под длинных стрел-ресниц, – и невзрачный, с огромным, вечно шмыгающим носом Абу? Да всё что угодно, только не это. Заподозрить её в такой связи было ниже его (а в первую очередь её) достоинства. Даже в мыслях представить их рядом друг с другом было по крайней мере смешно. И потом Алексей был уверен, что Алла за мужем пойдёт в огонь и воду. В общем-то, как и он за неё. О, он думал, что прекрасно знает цену их отношениям. Но сейчас вдруг всплыли в памяти некоторые моменты, которым он прежде не придавал значения: вот явное, хоть и мимолётное замешательство, с каким Алла вскочила из-за стола при его неожиданном появлении в её кабинете, и поспешный уход оттуда Абу (голимое бегство), невразумительно промычавшего что-то вроде: «Ну, я пошёл». И, шмыгнув носом, не глядя на Алексея, прошмыгнул мимо него в дверь. Или

вот ровно такая же ситуация, только теперь в огромном складе Хати́фа во время инвентаризации. Явное замешательство, даже испуг Аллы могли бы навести его на размышления. Но её откровенное признание: «Фу-у, напугал. Я ж подумала: ОБХССник» – только развеселило всю троицу, включая подобострастно захихикавшего Абу. Вспомнились и другие подозрительные эпизоды, и что-то торкнулось в душу, вызвало в ней сомнения, призвало к какому-то действию. Да, вот сейчас же, сию минуту, он подойдёт к ней и спросит напрямик, чтобы развеять все сомнения. И в то же время вдруг отчётливо осознал, что... не подойдёт, не спросит. Что он вообще ничего не сможет предпринять, потому что боится узнать правду. Впервые Алексей со всей очевидностью понял, в какой он зависимости от Аллы. Понял сам, без напоминания. И неизвестно, сколько бы он ещё так просидел, если бы она сама не нарушила ход его мыслей, войдя в комнату, и по его мельком брошенному на неё подозрительному взгляду догадалась, о чём задумался муж. Алла тут же присела перед ним на корточки, взяла его руки в свои и поспешила упредить вопросы:

– Не обижайся, Лёша. Я понимаю, что должна была бы вместе с тобой навестить твоих родных, но отпуск-то сейчас нам двоим никто не даст. Ни за какие коврижки. Но если тебе это так важно, могу взять больничный и поехать с тобой. Хочешь? – Она зарылась лицом в его ладони. – Только немного страшновато: Людку вон «из метизов» кто-то заложил, и, пожалуйста, – уволили немедля. Со мной, конечно, так не будет, но неприятностей не оберёшься, это точно. Стоит кому-нибудь настучать, что вместо постельного режима умоталась с муженьком в деревеньку, и ... – она замысловато покрутила пальцем в воздухе, потом ласково взъерошила его волосы и заглянула в глаза: – И а-ля-улю. Так-то вот. – И тут же, будто

решилась, махнула рукой и тряхнула локонами: – А, была не была, семь бед – один ответ. Едем!

– Нет, не-ет, – расцвёл Алексей. – Такой жертвы от тебя я не приму. Да и что тебе делать в той дыре. Поеду один.

– Ну-у, Лёша, – капризно надула она губки, приставив к ним палец.

Всё! Этот невинный жест всегда обезоруживал его. Теперь она могла делать с ним всё, что захочет.

– Раз я сказал «нет», то так тому и быть, – дурашливо построжился он и рассмеялся: – Мужик я или не мужик?

– Мужик, мужик, – подыграла она. – Чуть за ворота дома, и уже холостой. Вот поэтому и поедем вместе.

– Не-не, дорогая. Сказано – завязано. Только помоги с отпуском.

– Ну, как знаешь, – не сразу согласилась Алла. – А отпуск, считай, у тебя в кармане.

– И с отпускными, – продолжал шутить он. – На отпускных завскладом, ноль целых ещё меньше десятых, далеко не уедешь.

– Деньги в комоде, возьмёшь, сколько посчитаешь нужным. Кстати, как поедешь: на автобусе или на машине?

– Как ты посоветуешь, так и поеду.

– Бери машину. Прокатиться на ней двести – триста километров – одно удовольствие. А то кто тебя там встречать будет да по гостям возить? На весь ваш колхоз, наверное, один трактор, да и тот поломанный. И не забудь о подарках. Впрочем, сама приготовлю для твоих родителей такое, что сразу забудут все обиды.

Ах, как она заботилась о нём и уже не настаивала на своей поездке. От бывших сомнений у него не осталось и следа. Настроение самое что ни на есть бодрое. И чего это он вбил себе в голову с этим недошлёпком Абу?

– Э-эх, Аллочка, и жизнь хороша, и жить хорошо. Значит, проведаю предков. На сколько ты меня отпускаешь?

– Твой отпуск, ты им и распоряжайся. Только не забудь вернуться. А то знаю я вас, мужиков. – И погрозила пальчиком: – Смотри у меня!

Он сполз с дивана и встал напротив неё на колени.

– Смотрю, смотрю, милая. Куда ж я без тебя! Дай, я тебя расцелую.

Через пару дней он уже выруливал из гаража свой «жигулёнок», багажник которого был набит всякого рода деликатесами. Тут тебе и коробки конфет, и сервелат, и карбонат, и банки чёрной и красной икры, и шпроты, и много ещё того, что даже в лучшие годы советской власти напрочь отсутствовало на прилавках магазинов, а сейчас, в преддверии перестройки, тем паче. Да ещё джинсы американские отцу (аккурат для его поездок по полям!) и югославские сапожки матери. Всё это, по глубокому убеждению Аллы, должно было загладить её проступок (не очень-то и большой, как она считала) и послужить примирению Алексея с родителями. Ну, кто ж, в самом-то деле устоит перед такими подарками?! Ведь сей дефицит был доступен лишь избранным. Ну, кого-кого, а мужа ей убедить в этом удалось, и он, уже привыкший всё «мерить её аршином», поехал, ни минуты не сомневаясь в родительском прощении и целиком охваченный радостным ожиданием встречи с ними.

Глава 3

Вэтой своей эйфории он и примчался в родное село и, затормозив у калитки, на радостях пару раз надавил на клаксон: принимайте, дескать, мама с папой, блудного сына-отпускника. Елена Ивановна выбежала на сигнал

машины на крыльцо да так и обмерла: счастье-то какое – сын объявился! Как снег на голову. Обнимает его, целует, но тут же и спешит за калитку в надежде обнаружить там сноху и внука. И поскольку в машине пусто, вопросительно воззрилась на Алексея:

– Так это... – только и развела руками в недоумении.

И поубавилось эйфории у сына; дошло, наконец, сколь велико было желание матери видеть внука. Вспомнил, что лишь ради него мать с отцом простили ему развод с Ритой. А ведь внука-то – увы! – не было, и ложь Аллы с его молчаливого согласия теперь перед лицом родителей увиделась ему уже не столь невинной. Надо было попытаться оттянуть время.

– Мама, – улыбнулся виновато, – у Аллы на работе сейчас такая запарка, что врагу не пожелаешь. Всевозможные отчёты, расчёты, дебет, кредит... Она ж у меня товаровед. Ста-арший! В общем, отпуск дали только мне, да и то лишь благодаря её ходатайству. – И торопливо добавил: – Но осенью обязательно приедем с ней вдвоём.

– Вдвоём? – удивлённо вскинула она брови. – А как же внук?

Лицо сына залилось густой краской; матери он никогда не врал и от этой привычки ещё не успел отучиться. Но и вот так с ходу признаваться в том, что никакого внука нет, не входило в его планы. К этому нужно было и самому подготовиться, и её подготовить, а не так, чтобы с бухты-баряхты. Всё же сподобился быстро среагировать на свой промах.

– Я хотел сказать: вместе, – пробормотал невнятно. – Все вместе приедем, мама. И я, и Алла, и внук.

– Да как хоть зовут-то его? Вы ведь даже не написали.

– Юра, – неожиданно для себя брякнул он и снова смешался. И чтобы скрыть замешательство, а ещё больше, чтобы не дать ей продолжить расспросы, кинулся к багажнику: – Посмотри, я тут кое-что привёз. Может быть,

к вечеру какие гости будут. – И торопливо, стараясь не глядеть на неё, стал выгружать ящики с деликатесом.

– Юра, значит? – вздохнула мать, не обращая внимания ни на подарки, ни на его суетливость, и посетовала: – Да, жаль, что не пришлось на внука взглянуть. Глеб придёт с работы, тоже расстроится.

– А я сейчас смотаюсь в контору за папой, – оживился Алексей, увидев в этом для себя хоть и кратковременный, но выход из положения. Ну, конечно, надо сначала поговорить с отцом: он, старый коммунист, поймёт и поддержит сына перед матерью.

– Так ведь он в поле, скорей всего, – предположила она.

– Ну и что, махну в поле. Из конторы по рации свяжусь – и в путь!

– Да что ж машину-то будешь гонять? Скоро уж сам придёт.

– Э-э, нет. Знаю, как у него это «скоро» бывает: пока все вопросы не решит, не придёт. Да папа на моём месте тоже не ждал бы. Я мигом, мама!

Но необходимость в такой спешке отпала: аккурат в этот момент у ворот остановился колхозный «бобик», из которого не по годам бодро выбежал сам Глеб Петрович и с радостной улыбкой обнял сына. Слух о приезде сына, облетев село, уже достиг и его. Да оно и немудрено, ведь «сарафанное радио» на селе действует оперативнее всякого телеграфа. Выпустив сына из объятий, он теперь точно так же, как и мать, оглянулся по сторонам и вопросительно посмотрел на него.

– Потом, папа, потом, – умоляюще прошептал тот, увидев, что вслед за отцом из машины высыпало несколько его сотрудников: все они когда-то были друзьями Алексея.

– Добро, добро, – согласно кивнул Глеб Петрович и махнул им рукой, дескать, подходите, приветствуйте своего друга детства.

К дому меж тем, завидев прибывшего хозяина, потянулись соседи – неписанный закон гостеприимства во все времена был одной из самых замечательных традиций селян. А тут неожиданная, и этим ещё более приятная, без церемоний встреча с близким другом – будешь ли ждать особого приглашения! Кстати сказать, такая необязательность приглашения всегда озадачивала шепетильных иностранцев, поскольку приход даже к близкому соседу без предварительной договорённости у них считается зазорным. В общем, в доме Блиновых, который и так-то всегда был полон гостей – в основном ученики Елены Ивановны, как настоящие, так и бывшие, – вскоре негде было яблоку упасть. Ну, и расторопные соседи быстро организовали столы во дворе, а хлебосольная хозяйка радушно угошала чаем со столь вовремя погодившимися деликатесами. Было здесь и спиртное, несмотря на строгий запрет антиалкогольной кампании, но так, самая малость! Бутылка шампанского, приобретённая год назад к предполагавшемуся приезду Алексея.

К его удивлению и вопреки ожиданию, он не стал единственной темой для разговоров: во всяком случае никто не лез к нему с каверзными вопросами по поводу его личной жизни. Похоже, всех удовлетворил его короткий рассказ о жизни в городе. Главное, не было расспросов о разводе с Ритой, чего он больше всего опасался. Это не было данью вежливости или каким-то особым тактом по отношению к нему – просто люди были озабочены «обсуждением текущего момента», как сказал бы лидер страны того периода. Так ведь было что обсуждать: впервые в стране была введена «госприёмка» и выдвинут лозунг «ускорение»; впервые власть открыто признала наличие коррупции в стране и объявила о «борьбе с нетрудовыми доходами». Обсуждение последнего было настолько жарким, что с ходу захватило Алексея, и он принял в нём

живое участие, напрочь забыв о своих опасениях. Наверное, потому, что тема эта вовсю занимала умы и сотрудников их базы: недаром все они присмирели и работать стали с большой оглядкой. Словом, за столом всё выглядело так, будто и не отсутствовал он здесь долгое время, а после короткой разлуки навестил родителей. Сам он так увлёкся беседой, что даже перестал с сожалением наблюдать, как тают привезённые им продукты.

Но рано или поздно, а откровенный разговор с родителями должен был состояться, и он состоялся. Как только гости разошлись, отец с матерью, несмотря на поздний час, сели напротив сына.

– Ну, теперь рассказывай, сынок, – сказал Глеб Петрович. – И давай, договоримся так: всё без утайки. То, что живёте вы с Аллой богато, можно пропустить – в этом мы с матерью убедились. А вот хорошо ли?

И вскинувшийся было в недоумении Алексей (разве «богато» уже не означает «хорошо»?) вдруг сник. Вдруг – потому что ярко высветились ему взаимоотношения родителей; отношения, которые они пронесли через всю свою жизнь и которым он всегда хотел подражать. Он хорошо знал, с каким трудом они пробивали себе дорогу в жизни. Как они, оба студенты, мыкались в городе по чужим квартирам, да и вернувшись в село в лучшие свои годы, невзирая на наличие дипломов, не жили богато. Чтобы жить богато, надо было уметь подлаживаться к власти. «Хочешь жить – умей вертеться!» – таково было негласное кредо времени, по которому жило большинство. Они не умели. Поэтому ни Глеб Петрович, ни его жена так и не выросли по должности. Так и остались с чего начинали: рядовой агроном и учительница. Но всегда в доме их царил любовь как друг к другу, так и к родителям, бабушкам и дедушкам Алексея по обеим линиям. Несмотря на то, что он был единственным ребёнком, дом всегда был

полон детей, доводившихся ему двоюродными братьями и сёстрами, и просто друзьями. Здесь никогда не смолкал весёлый детский смех, что и означало для них – жить хорошо. И на этом фоне неожиданно никчёмной, даже в какой-то степени мрачной, показалась ему сегодняшняя жизнь с извечной погоней за деньгами. Серая, однообразная, несмотря на дорогие увеселения. А с некоторых пор ещё и тревожная. И он, готовивший хоть какое-то оправдание перед ними, сначала стыдливо и неохотно, потом всё более раскованно стал рассказывать. Без утайки. Как и просил отец. Было ли то мимолётным прояснением (спала пелена с глаз?) или подтолкнули загнанные им под спуд, а вот прямо сейчас явившиеся воспоминания детства и юношеские мечты, но рассказал всё, как было. Лишь о том, что Рита ждала в то время ребёнка, предпочёл промолчать. Он же видел, что она для них так и осталась желанной невесткой, так зачем пытаться умалить её образ. Всё равно они не поверят в то, что она избавилась от ребёнка. Ведь и он сам, положив руку на сердце, не сразу поверил в это. Как бы там ни было, но закончив исповедь, он почувствовал огромное облегчение. Стало быть, всё-таки лежал «камень на душе»? Когда Алексей осмелился поднять глаза, то первое, что увидел, было каменное выражение лица матери. Она сидела недвижно, как мумия, и смотрела мимо него невидящим взглядом. Отец же сидел с низко опущенной головой. И тоже – ни слова.

– Как же это возможно, – тихо, ни к кому не обращаясь, проронила наконец Елена Ивановна.

– Что, мама, что? – заискивающе погладил он её руку.

– Значит, никакого ребёнка не было, – как бы рассуждала она сама с собой. – Ну, прошла любовь. Бывает, конечно, но тогда так и надо было сказать. Зачем огород городить? А так выходит, что вы убрали Риту с дороги, чтобы не мешала вам, и при этом воспользовались её

добрым сердцем. Сыграли на её лучших чувствах, а по сути обманули её. Как же так, Лёша?

– Я тогда ещё не знал этого, – поторопился он оправдаться. – Алла призналась, что вынуждена была поступить так ради нашего будущего. – Тут он некстати привёл её слова, что ложь во имя любви ненаказуема.

– Нет, Лёша, это вовсе не святая ложь. Это называется по-другому: достижение цели любыми средствами. Даже негодными. Похоже, для твоей новой жены все средства хороши. Но ты-то, ты? Я думала, что не это воспитывала в тебе.

– Как-то уж больно быстро ты спровадил Риту, – вставил и отец.

– Я не спроваживал её. Если бы Рита тогда не настояла на своём выборе Бога, может быть, у нас всё стало бы по-другому, – сделал Алексей неуклюжую попытку убедить родителей, что это была не только его вина. Атеисты, они уж в этом-то должны поддержать его. – Секта так заморочила ей голову Богом, что ради Него она оказалась готова пожертвовать семьёй. Ничто не могло разубедить её.

– И ты поставил ей ультиматум: или ты, или Бог, – качая головой, в каком-то отстранённом раздумье повторил Глеб Петрович те его слова.

– Я хотел уберечь её от этого шага. Хотел спасти её.

– И она выбрала Бога, – не обратил внимания отец на его слова. – И звала к Нему и тебя. Она не хотела разводиться, значит, не считала веру в Бога помехой для семьи. Теперь вспомни: ведь до этого, как ты сказал, и тебя ставили перед точно таким же выбором: или Рита, или партия! Вот тут о совместимости уже не было и речи. И ты выбрал партию. Почему она оказалась тебе важнее семьи? Ты ведь тогда ещё любил Риту?

Сын озадаченно молчал, сражённый железной логикой отца. Такое никогда не приходило ему в голову.

– А может быть, ты больше всего на свете любишь партию? Её идеи? – как бы подсказывал отец, не сводя глаз с сына.

В его голосе Алексею послышалась скрытая издёвка, и он продолжал молчать. Ни о какой любви к партии он никогда не думал. Она нужна была ему для достижения определённой цели. То есть, того, о чём только что говорила мать, имея в виду цели Аллы. Но если быть честным, то ровно так же думала не только Алла, но и её дядька, Иван Сергеевич, парторг базы. Да все, кого он знал и с кем готовился вступать в ряды коммунистов, в личных доверительных беседах не скрывали этого, хотя и не говорили во всеулышание. Какая тут любовь, когда сплошное лицемерие! Время честных коммунистов, таких, как его родители, давно прошло, но сказать об этом значило обидеть их. Поэтому о пафосном признании в любви к партии (такие ещё имели место быть на всякого рода собраниях) не могло быть и речи. Сейчас это покорило бы их. Они ему просто не поверят. А Алексею надо было, чтобы поверили, и он лихорадочно искал такой ответ.

– Выбор, который предлагали мне, отличается от предложенного Рите... – неуверенно вымолвил он наконец. – Бог и партия – не одно и то же.

Он всё ещё надеялся сыграть на их партийных чувствах. И – ошибся.

– Конечно, нет, – согласился Глеб Петрович. – Скажу больше: даже сама партия и её руководство – не одно и то же. И даже её генеральный секретарь ещё не есть партия, хотя он олицетворяет её. Так нам кажется и, присягая на верность партии, мы имеем в виду именно его. Потому что он – вождь! А потом вдруг оказывается, что он и говорил не то, и вёл нас не туда, на что однажды нам открывают глаза, и мы скоренько присягаем на верность другому. Такому же славному, непогрешимому, кристально честному...

Но и тот впоследствии оказывается чуть ли не врагом народа. Сколько их уже было, наших вождей? Знаешь, Лёша, вожди приходят и уходят, а вот Бог... – Он немного помолчал и со вздохом подытожил: – Бог, если Он есть, то Он – один на все времена. А стало быть, Рита оказалась права: для неё, как верующей, другого выбора просто не существует. Нету другого Бога. Зря ты ставил ей свой ультиматум.

Если бы что-то подобное сказал любой другой человек, это не стало бы для Алексея открытием Америки, но чтобы его родители! Да против партии?.. Из уст Глеба это прозвучало, как гром среди ясного неба, так, что сын лишился дара речи и в недоумении переводил взгляд с отца на мать. Словам их он привык верить с детства и никогда не ставил под сомнение.

– Пап, и это говоришь ты? Ты что, веришь в Бога? – только и смог он вымолвить.

– Мы с мамой о Нём думаем. Не удивляйся, сынок, но люди долгое время верили в то, что на поверку оказалось лишь красивым фантиком. Начинку, состоящую из сплошной фальши, мы сумели раскусить много позже. Да и то не все. В этом ты мог убедиться в сегодняшнем нашем споре. Ясно одно: идеалы, к которым мы стремились, терпят крах, и это только начало. Вот увидишь, вскоре те, кто сейчас кричит о светлом будущем, о верности партии, быстро отрестятся от неё и будут кричать в противоположном направлении. Не удивлюсь, если всех их увижу в храме, отбивающих поклоны со свечой в руках. И ты не удивляйся, когда увидишь там своих партторгов. Это не будет означать, что они раскаялись в своих прежних грехах (или заблуждениях, как тебе ближе), ибо на раскаяние они не способны. Но вид они сделают. Они всегда делают вид... облачаются в одежды сообразно политическому моменту. К сожалению, наша система, как ни одна другая, расплодила неисчислимое множество лицемеров:

уж в этом-то она преуспела. Впрочем, что я тебе всё это говорю? Вы, молодые, знаете положение вещей не хуже меня. И вам это будет легче пережить.

Глеб замолчал. Как в рот воды набрал и Алексей. Он с изумлением констатировал, что отец словно читал его мысли и, в общем-то, нарисовал партийную жизнь его базы.

Елена Ивановна, чтобы сгладить обстановку (всё же сын приехал в гости не для того, чтобы выслушивать упрёки), подошла и обняла его:

– В жизни случаются ошибки, Лёша. Важно признать их и если уж не исправить, то как минимум не повторять. Мы ничего не советуем тебе, но на душе тревожно. Ты сам решишь, что делать.

– Я не знаю, что я должен делать, – растерянно и с долей досады в голосе обронил он. – У Риты другая жизнь. Это же ясно. Ну, предположим, я раскаялся: виноват, мол, то да сё, но ведь прошлого не вернёшь.

– Что было, то быльём поросло, – откликнулся отец. – Думать теперь надо, как бы не растерять настоящее. Но боюсь, что это зависит не от тебя.

– Отец! – укоризненно посмотрела на него Елена Ивановна.

– Лена, я обязан сказать своё мнение, – спокойно возразил он и снова повернулся к сыну: – А оно таково, что я реально боюсь за тебя. Человек, единожды переступивший через другого ради собственной прихоти, вряд ли откажется переступить через следующего, если в этом возникнет необходимость. Я имею в виду твою новую жену. Придумать ребёнка для того, чтобы избавиться от соперницы – верх кошунства! Попомни моё слово: как только прижмут обстоятельства, а они вас прижмут, судя по размаху, с которым вы живёте, – крайним в вашей иерархии окажешься ты. Она переступит через тебя точно так же,

как переступила через Риту. У них же там целый клан, а ты... ты сбоку припёка...

Глеб Петрович неожиданно смолк и схватился за сердце. Мать с Алексеем быстро подхватили его, перенесли в зал и уложили на диван.

– Ну, предупреждала же тебя, – давая ему капли из ложечки, всё так же укоризненно качала головой Елена Ивановна. – Лёша взрослый мужик, дай ему самому разобраться. А то ты тут целую политинформацию развёл. Лежи, лежи...

– Да всё уже, отпустило, – виновато улыбнулся отец. – Лёша!

– Да, папа.

– Не обижайся на прямоту. Это лучше, чем потчевать ложью.

– Я не обижаюсь. Я должен всё обдумать.

– Вот и хорошо. Ты обдумай, обдумай. Потом расскажешь, что надумал. А сейчас мне надо отдохнуть. Завтра возьму тебя на поля. Не забыл ещё, как они выглядят?

– Думаю, что нет. Спокойной ночи, папа. Спокойной ночи, мама.

– Отдыхай, сынок.

Глава 4

То ли к лучшему, то ли нет, но экскурсия по полям не удалась не только на следующий день, но и вообще. Нежданно-негаданно отца вызвали на областное совещание агрономов, и он, несмотря на плохое самочувствие, вынужден был поехать, потому что главный агроном был в отпуске. Вернулся же Глеб через два дня в неожиданно

оптимистическом настроении: намечался какой-то поворот в судьбе сельского хозяйства страны, и он с присущим ему энтузиазмом приветствовал новое веяние времени. Если коротко, то предстояло слияние нескольких министерств в одно – Госагропром. И у колхозов и совхозов от этого появлялось больше самостоятельности, а стало быть, больше денег будет оставаться самим хозяйствам. Отсюда и ожидаемое повышение как производительности труда, так и благосостояния народа. Тут ведь, как ни крути, а материальная заинтересованность всегда была и есть движущий фактор прогресса. Так что идея поездки с сыном по полям отпала сама собой, да Алексей уже и сам вволю поехал по району. Его, конечно, не столько интересовали поля, сколько памятные места детства. Но вот ведь незадача: все они были связаны с Ритой. Куда бы он ни направлялся, она как бы незримо сопровождала его. И так и стояла перед глазами, не важно, был ли он один или с группой друзей. В конце концов он поймал себя на мысли, что ни разу даже не вспомнил об Алле. И как это с ним уже случалось – испугался. Потому что как ни старался, не мог вызвать в памяти её образ. Рита – была: вот она перед глазами, словно на фотографии. Аллы – не было.

«Надо скорее линять отсюда, чтобы прекратилось это наваждение», – подумал он и тут же признался себе, что вовсе не хочет прерывать отпуск.

Но пришлось.

В конце недели один из давних приятелей отца, работавший егерем в госзаказнике, пригласил его к себе на отгон, где можно было и рыбку в озере половить, и в тугаях поохотиться. Начали с рыбалки, так как это было давней страстью Алексея – и именно с удочкой, а не сетями и не на катере, что вполне мог предоставить егерь. Он буквально дрожал от нетерпения, пробираясь в болотных сапогах на «чистую воду» через прибрежные

заросли камыша, и успокоился лишь с первым пойманным карпом. И буквально отрешился от мира: стоя по пояс в воде, он впервые за неделю окунулся в совершенно беззаботное состояние, забыл все переживания и ощутил душевное спокойствие. Сама рыбалка, особенно «вечерняя поклёвка», вышла знатная – больше дюжины увесистых карпов, сазанов и жерехов, да пара судаков, не считая «мелюзги» – окуньков и пескарей. Улов что надо! Алексей, как ребёнок, радовался каждой удаче и переживал, когда рыба срывалась с крючка. Солнце уже катилось к горизонту, и лёгкий ветерок, погнав по воде рябь, принёс с собой приятную прохладу. Смотав удочки, рыбаки только успели выйти на берег, как «проснулась» и затрещала на разные лады весь день молчавшая рация: егеря просили заехать на конеферму. Срочно. Там какой-то зверёк распугал всех лошадей. Сама ферма находилась в пяти-шести километрах от озера.

50

– Опять ласка объявилась, – озабоченно покачал головой Олег Ильич и взглянул на Алексея. Озабоченность его была понятна: на озеро они приехали на машине гостя, а свой мотоцикл он оставил дома. – Что будем делать? Если не торопиться, может, сразу проскочим? А то пока это я домой...

– Да без проблем, – перебил Алексей. – Только я хотел бы ещё тут посидеть, закатом полюбоваться. А вы берите машину и поезжайте.

– Доверяешь?

– Вам? Да как вы водите машину, мне ещё учиться и учиться.

– Тогда всё ладом. А ты, и правда, полюбуйся пока: где ж ты такую красоту ещё найдёшь?! И это мы ещё на охоту не ходили – ого! Завтра на утренней зорьке ещё не то увидишь. Ладно, я на ферме капканы поставлю и быстро вернусь.

– Можно и не быстро, – грустно улыбнулся гость. – Что-то мне подсказывает, не приеду я больше в наши края.

– Это ещё отчего? Ты бросай грусть-тоску тут разводиться.

– Да это я так, мысли всякие.

– А ты много не думай. Говорю же: любуйся, чем Бог нас окружил, и радуйся Его творению.

Алексей вздрогнул от его слов и, немного помедлив, спросил:

– Олег Ильич, вы про Бога просто так упомянули? Или Он для вас что-то значит? Неужели вы верите в Него?

Егерь уже открыл дверцу машины, но снова её захлопнул, подошёл и присел возле него:

– Бог, Лёша, веришь ли ты в Него или нет, значит одно: Он – Бог! А для меня лично Он теперь везде и во всём. – Олег Ильич обвёл рукой пространство и процитировал: – «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах Его вещает твердь». Это псалом из Библии, Лёша.

– Псалом?! – ещё больше удивился тот. – У вас есть Библия?

– Есть. Только не думай, что я прямо такой уж её знаток; просто я всей душой сразу откликнулся на этот стих, и он отложился в памяти. Думаю, навсегда. А ведь понадобилось тридцать лет с гаком проработать егерем, чтобы, живя среди этой красоты, задуматься вдруг о том, Кто её сотворил. Да и задумался-то совсем недавно: после долгих лет разлуки я, наконец-то, разыскал свою родную сестру, Веру: мы потеряли друг друга в самом начале войны. Я ушёл на фронт, а её с мамой уже потом эвакуировали в тыл. Последнее, что я знал, – вроде как в Ташкент. Теперь выяснилось, что сюда, в Казахстан. А меня после ранения в сорок пятом как раз здесь и собирали по частям. Выжил. Устроился егерем в глубинку, благо до войны кое-какое касательство к природе имел:

за пасекой колхозной присматривал. Вот и пригодилось. Ну, а как на ноги встал – и в прямом и переносном смысле слова, – так и начал поиски. Жена Анна, спасибо ей, сильно помогала в розысках. Это же надо: по всему Союзу разыскивали, а сестрѐнка тут рядом жила, в городе. В детдоме (мама-то умерла ещё в дороге) выучилась на швею, да так и осталась на фабрике. Вот год назад встретились. Она и Библию подарила, верующей оказалась. В общем-то, я взял книгу, чтобы не обидеть сестрѐнку, а как попробовал читать, так уже и не отложил больше. Потому что там всё – моё. Всё моим мыслям созвучное. Вера сейчас гостит у нас, Анне на пасеке помогает. Да и так по хозяйству, где какая надобность. Они друг от друга ни на шаг, будто это не я её брат, а они между собой сѐстры. Да они в своей церкви так и называют друг друга: брат такой-то, сестра такая-то.

52

– Олег Ильич, так это же секта, – напрягся Алексей. – В секте они – все братья-сѐстры.

– Для кого-то, может быть, и секта, – внимательно посмотрел на него егерь. – Точного смысла этого слова я не знаю, но если имеется в виду проповедь любви к ближнему, то согласен: пусть будет секта. Правда, сами себя они называют христианами, и этого у них не отнимешь, потому что в отличие от других не только на словах верят в Христа, но и всеми делами своими стараются следовать Его заповедям. Так что это более точное определение. Веришь-нет, жена с того времени так переменилась, что только диву даюсь. Куда и хворь вся подевалась. Кстати, можем поговорить с ней об этом вечером, если есть такое желание. Сгоняем на пасеку? Не пожалеешь! А, Лѐша?

«Вот ещё! Очень-то надо» – первое, что мелькнуло у того в голове, но что-то вроде азарта так и подвигло согласиться. Сказал только:

– Ладно, будь по-вашему. А не обидитесь, если я её на чистую воду выведу? Я ведь как-никак атеизм в институте проходил. И экзамен сдал на отлично.

– Так это же хорошо! – непонятно для него обрадовался Олег Ильич. – Недаром же говорят, что в споре рождается истина. Кто сказал, не помню, но мысль хорошая, правильная. Глядишь, и я чему-то подучусь.

– Не пойму, зачем это вам? – пожал плечами Алексей. Он уже пожалел, что так опрометчиво согласился. Вспомнил, как ничего не мог противопоставить словам Риты, когда заходил разговор о Боге. Да и утаил сейчас, что экзамен по атеизму «сдал», не выходя из склада, где отгрузил экзаменатору импортную плитку. Тот, хоть и атеист, а был на седьмом небе от счастья – всё «вот и слава Богу» повторял. И существуяй оценка выше, непременно поставил бы в зачётку и её.

– Для уверенности, Лёша, – улыбнулся егерь. – Для уверенности. А то в агитках-то своих лекторы-атеисты в пух и прах разносят деятелей от религии, но как-то под копирку всё подаётся: того поставили в тупик, этот не нашёлся, что ответить на заумный вопрос – ну, прямо всех на лопатки кладут. А верится с трудом. Вот если станется, что переборешь ты её, тогда другое дело. Тогда наглядно, так сказать. Поедешь? А чуть свет – на охоту. Глядишь, кабанчика добудем.

– Ну, что ж, – картинно разведя руками, вздохнул Алексей: – «Назвался груздем – полезай в кузов». Поедем, посмотрим, послушаем...

– Поговорим и поймём, что к чему, – довольно рассмеялся егерь. – Тогда жди, мигом обернись. Одна нога – там, другая – здесь.

Глава 5

Сестра егеря, такая же, как и он, в годах и очень походящая на него, сразу понравилась Алексею своей приветливостью. Правда, немного смутился, что она уж больно пристально разглядывала его при знакомстве, но что тут особенного? Может быть, напомнил ей кого-то. Сама же она лицом так напоминала добрую сказительницу из детского фильма, что казалось: вот-вот начнёт рассказывать сказку. Столько в ней было доброты. И Алексей, в детстве большой их любитель, облегчённо вздохнул: перечить этой женщине он не будет. Только послушает её сказку о Боге – и никаких дебатов не надо.

Их и не стало, но только по другой причине.

Подождав, когда мужчины поужинают, тётя Вера под-
54 села к ним за стол и, неловко улыбнувшись, сказала:

– А я ведь тебя, Алексей, сразу признала. Ты у нас на собрании один раз был. Помнишь?

– На каком собрании? – в недоумении воззрился он на неё.

– В церкви. В молитвенном доме у баптистов... С Ритой ты был.

Так и вспыхнул парень, так и обдало его жаром. Догадался, о чём речь идёт.

– Может, и был, – лицо его пошло пунцовыми пятнами. Засуетился, карманы зачем-то стал обшаривать. Наконец пробормотал беспомощно: – Только не упомяну. Давно, наверное, это было.

– Ну, не упомянешь, тогда и ладно, – спохватилась она, увидев его состояние, и повернулась к брату: – Ой, вы тут сидите, а я пойду, помогу Ане рыбу чистить. Вот ведь совсем за разговорами запамятовала.

– Подождите, тётя Вера, – пересилил себя Алексей. – Вы что-нибудь знаете о Рите? Где она? Как она живёт? Знаете?

Теперь недоумение отразилось уже на её лице:

– Ты ничего не знаешь о ней?

– Ничего. С той поры, как она уехала из города, я о ней не слышал.

– Вот те раз! – воскликнула Вера. – Да как же так? И о сынишке, значит... – она запнулась и неуверенно закончила: – Тоже ничего?

Алексей оцепенел. Заныло, засосало под ложечкой, зашлось сердце в шемящей тоске. И дыхание перехватило, будто из жаркой бани тут же в ледяную купель сунули парня.

– Сынишке? – с трудом вымолвил. – То есть, как это... У Риты родился сын?

– Сын, – подтвердила она. – Глебушек-хлебушек. Глебом парнишку назвали. – И удивилась недоверчиво: – Неужто и вправду не знал?

Алексей очумело покачал головой и, облокотившись на стол, обхватил её руками. Вера ещё что-то говорила, но он не слышал.

– Во-о-на как! – тихонько выдохнул Олег Ильич. – А ведь ни Елена, ни сам Глеб ни сном ни духом, что внук у них... Это же жизнь ихняя... Спят и видят... – И, кивнув на Алексея, тихо шепнул: – Погодить надо было. Наперво-то мне надо было сказать.

– Да откуда ж мне знать, что Рита из этих краёв? – так же шёпотом ответила она. – Вот Алексея увидела и сказала про сына. А так-то: зачем бы мне это на ум пало?

– Во-о-на как, – вновь протянул егерь и дотронулся до руки Алексея: – М-да-а, выходит, твоего сына в честь дедушки Глебом назвали? – И, поскольку тот никак не отреагировал на обращение, повысил голос: – Слышь-нет, Лёша!

Тот медленно поднял голову, каким-то отсутствующим взглядом обвёл комнату, снова уткнулся лицом в ладони и будто в приступе мигрени прижал пальцы к пульсирующим

жилкам на висках. Мысли, одна обгоняя другую, роились в голове: сын! Он отчётливо увидел всю низость своего падения: как он мог подумать, что Рита избавится от их ребёнка! Даже не подумал – вдолбил себе это в голову. Знал ведь, уверен был, что она не способна на такое, а вдолбил. Подлость высшей степени! Прав был отец, когда сказал, что он предал, разменял её на подачку с барского стола. Вдруг в его воображении возникла сама Рита, и он явственно разглядел её сияющее восторгом лицо. Она забавляла крохотного сынишку, строя ему пальцами «козу-дерезу», и он, смешно перебирая ручонками, заливался счастливым смехом. И этот смех всё громче и настойчивей звучал в ушах и перешёл на многоголосый детский крик. Это память выхватила из своих запасников тот, самый первый, миг их встречи...

Сельская детвора повадилась ходить на местную ГЭС, стоявшую в верховьях их горной речки. Приглянулось им загорать по обеим сторонам узкого бетонированного канала, по которому из этой самой станции время от времени устремлялся мощный поток воды и, срываясь с двухметровой высоты в более широкий водоём (бассейн в форме корыта с высоченными пологими бортами, также взятыми в бетон), образовывал на небольшом удалении довольно устрашающие буруны. А поскольку дальше поток убегал вниз, в речку, то в конце водоёма смышлёные пацаны устроили «запруду» из камней, чтобы и купаться можно, и буруны чтобы покруче были. Наиболее отчаянные осмеливались прыгать прямо в этот кипящий водоворот между водопадом и бурунами и пытались преодолеть их вплавь. Но это только те, кто рассчитывал на свои силы, и не всем это удавалось. Тогда неудачник, выбившись из сил, нырял прямо под водопад и в итоге оказывался в безопасности за бурунами. Манёвр этот был не совсем безобидным и требовал определённой

смелости, но, случайно опробованный как раз Лёшкой Блиновым, понравился многим. Лиха беда – начало! И вот уже пробуют это и другие, и хоть и не без страха, но... Ах, чего только не сделаешь, чтобы прослыть храбрецом. Да если ещё девчонки набегут, то и вовсе! До этого верхом храбрости у пацанов считалось заплыть в пространство между водопадом и бетонной стеной, с которой он срывался, постоять там на скользких камнях и выбраться на другой край бассейна. Вот Лёшка однажды и оскользнулся с них, да так, что его тут же сшибло мощным потоком, прибило к глубокому дну и, проташив несколько метров, вытолкнуло уже за бурунами. Он даже испугаться как следует не успел, а поразмыслив, переборол страх и повторил манёвр уже намеренно. Да ещё и упростил его, то есть спрыгнул сверху прямо в водопад. И ещё, и ещё. Пока совсем не победил страх. Пока для него это не стало обычным и уже получил от этого удовольствие. Глядя на него, решился один, другой – и пошло то увлечение. Вряд ли кто-то из них задумывался о возможной опасности.

Но однажды попал в водоворот и чуть не утонул здесь вполне здоровый парень. Плавать он не умел, но, видимо, понадеявшись на свой высокий рост, то и дело заходил на буруны, чтобы насладиться бесплатной шипучей ванной. И в один не совсем прекрасный момент чуть переступил, и его тут же затащило на глубину, и закрутило, завертело по кругу. Он на секунду показывался над водой, успевал что-то крикнуть и, нелепо взмахнув руками, вновь скрывался из виду. Ребятишки, думая, что дядя шутит, весело смеялись, но, когда при очередном всплытии он дико заорал, переполошились. И только подоспевшие уже на их крик его товарищи (они резались в карты чуть в отдалении), бросив длинную верёвку, вызволили бедолагу из пучины. Мёртвой хваткой уцепился он за неё (насилу разжали потом его пальцы), все локти и колени ободрал

о бетон, пока ташили его наверх, но по первости даже и не заметил этого. Видать, много страху натерпелся мужик. Не до царапин.

От наглядности произошедшего страшновато стало и детворе, и дня этак два-три не было их на канале. Но не зря ведь говорится: «И видит око, да зуб неймёт!» – вскоре снова замаячили на солнышке их загорелые тельца. Правда, на первых порах поутихли с показной храбростью, но ненадолго. И вот уже кое-кто, передразнивая того парня, машет руками прямо на пучине: дескать, вот какой я герой – всё мне нипочём.

Но именно в столь же похожий трагический день героев почему-то не оказалось. Одно дело бахвалиться собой, заранее рассчитав свои силы, другое – внезапность ситуации, когда в считанные секунды нужно принять решение и спасти тонущего, попавшего за буруны. Тут уже не показная отвага нужна – настоящее мужество. Готовность жертвовать собой.

А произошло вот что. Несколько девочек спустились на дно канала и беззаботно плескались там друг в друга, стоя по шиколотку в воде. Одна из них, девятилетняя Рита, подошла совсем близко к краю канала, и то ли из-за грохота низко летящего самолёта, то ли по какой другой причине, но не расслышала шума включившихся машин станции. Да никто не услышал, но все девочки успели выкарабкаться наверх, а зазевавшуюся Риту внезапно хлынувший поток в мгновение ока смыл в водоём, и закружил во вспенившемся водовороте. Забегали пацаны по обоим берегам в бессильной панике, и только Лёша, не раздумывая, «солдатиком» прыгнул в воду и, подхватив Риту, попытался вытолкнуть её за буруны. Куда там! Мало того, что её тут же швырнуло назад, так она ещё так цепко ухватилась за него, что сковала его действия, и теперь уже обоих стало крутить от одного края водоёма к дру-

гому. Всё же Алексей не поддался панике, а высвободив одну руку стал энергично загребать ею и когда удалось приблизиться к водопаду, нырнул, увлекая Риту за собой.

– Набери воздуха! – прокричал в последнюю секунду перед нырком. Но это было лишним: увидев, где они оказались, у Риты и так в безотчётном страхе перехватило дыхание.

Водопад тут же прибил их ко дну, проташил по нему несколько метров и вытолкнул на поверхность уже за бурунами. Здесь пацаны подхватили девочку на руки и вынесли на берег. Наглоталась, конечно, Рита изрядно, но сознания не потеряла и, когда Лёша присел около неё, что-то прошептала и доверчиво прижалась к нему. Вот тут-то храбрый «Блин», как звали его сверстники, и застыл в позе «лотоса», и долго сидел не шелохнувшись. Но лишь после свадьбы признался в этом Рите.

– Я ведь тогда будто аршин проглотил, – смеясь, поведал он. – Боялся потревожить тебя.

И вот сейчас он явственно ощутил то её близкое дыхание и полное безграничное доверие. Попроси она у него тогда звезду с неба – достал бы!

Замычал неожиданно Алексей, как от зубной боли, закачался, всеобъемлющая дрожь судорогой прошла через всё тело и, будто очнувшись от наваждения, выскочил из-за стола:

– Тётя Вера, вы знаете её адрес?

– Тут был у меня, тут, – с готовностью засуетилась она. – Шас, в Библии посмотрю. Будто знала, что сгодится. Он у меня закладкой там. Да вот он. Письма нет, а конверт тут. Да ты бери, бери, в церкви адрес есть.

Алексей сразу узнал убористый, каллиграфический почерк Риты.

– Простите, Олег Ильич, но я должен вас оставить, – пробормотал он, прочитав адрес.

– А как же охота, утренняя зорька? – не очень удивился егерь такому решению гостя и с улыбкой спросил: – Отложим до лучших времён?

– Да, до лучших, – чуть твёрже сказал Алексей. – Если они наступят.

– Наступят, наступят, какие твои годы, – заверила Вера. – Так ты напишешь ей?

– Н-не знаю, – качнул он головой. – Мне надо всё обдумать.

– Да уж, – согласился Олег Ильич, – ситуация не из обыденных.

– Я должен всё обдумать, – повторил Алексей. – Неправильно всё получилось. Неверно.

– Ну, что ж, может быть, ещё не поздно исправить. Но дело тут личное. Спишись, согласуй, что к чему. Ребёнок-то в чём виноват?

– Так я поехал? Надо отцу с матерью сообщить.

– Ну, это перво-наперво, – одобрил Олег Ильич и крикнул жене: – Аннушка, приготовь там медку для Глеба с Еленой! Лёша уезжает.

– Слышала я, слышала. Шас, Лёша, погоди минутку. Заодно рыбку родителям заберёшь. Славной рыбки наловили.

– Будешь писать, не забудь привет Рите передать, – напутствовал его егерь уже на улице. – Вот от всех нас.

– Не забуду.

Через полчаса он сидел перед родителями, низко опустив голову. Точно так же, облокотившись на стол обеими руками и обхватив ими голову, сидел и отец, и только Елена Ивановна взволнованно ходила по залу, повторяя вполголоса: «Вот оно как... Вот оно как!»

– Выходит, сдержала Рита своё слово, – вымолвил наконец Глеб Петрович и как-то горестно, со стоном вздохнул. Жена опасливо оглянулась и тут же шагнула к нему,

но он жестом отстранился от её руки: – Всё нормально, Лена. Это у меня так, нечаянно вырвалось. – И повторил уже громче: – Да, сдержала. Глебом сына назвала. В мою честь, стало быть. Хотя и видела уже, что она – честь эта, – недорого стоит. А что всего прискорбней – мы этой самой честью её и растоптали...

– Ну что ты, Глеб, как это растоптали? – умоляюще сложила руки на груди Елена Ивановна. – Ну, разве мы отпустили бы её, если она хотя бы намёком дала понять...

– Вот то-то и оно, что не намекнула, – перебил её Глеб. Встал, прошёлся по комнате и снова сел за стол: – Не надеялась, значит, что поймём и поддержим. А скорее всего не хотела нашей розни с сыном.

– А сами-то, сами мы куда глядели? Да ладно – ты, а ведь и я, старая, даже не заметила, – укорила она себя и покачала головой: – Боже, насколько же она оказалась порядочней всех нас.

– Я это давно знал, – грустно подтвердил муж. – Что стоит одно её смирение: она ведь ушла, чтобы Лёшу освободить для счастья.

Родители сокрушались так, будто во всём случившемся виноваты они; ни слова упрёка не прозвучало в адрес сына. Он вроде как и не присутствовал при их разговоре. Тем сильнее это удручало и обременяло его совесть. Проснувшуюся совесть. Где-то в глубине души уже зрело какое-то смутное решение, и вот эти последние слова о счастье подстегнули к действию. Как это часто случалось с ним в жизни, действию необдуманному, сиюминутному.

– Я всё исправлю, мама, – решительно встал он из-за стола.

– Что исправишь? – растерялась она. – Каким это образом?

– Я сейчас же еду к Рите и привезу вам внука.

– Прямо сейчас, что ли? – горько усмехнулся отец, но в глазах его мелькнуло одобрение. Похоже, он ждал от сына именно такой реакции и вовсе не собирался отговаривать, а просто уточнял время. – Куда ж ты на ночь глядя? Если уж ехать, то утром. Может, и я с тобой, а?

– Да вы что? Оба белены объелись? – переводила мать взгляд с одного на другого. – Куда ехать? А нужно ли это Рите, спросили её?

– Вот и спросим, – невнятно буркнул Алексей и уточнил: – Папа, конечно, никуда не поедет, а я за ночь столько пройду, сколько и за два дня не пройти. Дорога до Омска мне знакома – не раз ходил ещё на КамАЗе. За сутки управлюсь, ну, может быть, чуть больше. – И упредил мать: – У меня ещё отпуска больше недели, успею вернуться. А нужно это Рите или нет и примет или не примет меня – вопрос другой. Главное, она поймёт, что у нашего с ней сына есть любящие его дедушка и бабушка. И что вы хотите его видеть, потому что он ваш единственный внук, и никакого другого просто не существует. Когда она узнает это, думаю, простит меня и не станет возражать против примирения. Им Бог велит всех прощать, это я точно знаю. Вот и пусть простит. В общем, еду.

– Отец, уйми его! – призвала мать. – Как это у него всё легко выходит: захотел – и она тут же простила. Да таким наскоком можно только больше наломать дров. Слышишь! Нужно всё обсудить и взвесить, а не лететь неизвестно куда, очертя голову. Может быть, там их уже нет.

– Куда бы это они с дитём подевались, – не поддержал её отец. – Пусть едет. Это будет его единственный шанс загладить вину и настоящий мужской поступок за последние годы. Собери вон лучше ему что-нибудь в дорогу и пусть едет.

И мать, не найдя что возразить, бессильно опустилась на стул.

– Ну что ж, пусть. Только не гони машину да будь повнимательнее.

– Не переживай, мама, мне ж не впервой. По месяцу в рейсы ходил.

– Так это ж когда было, – грустно улыбнулась она. – Мы с Ритой всегда вместе ждали тебя из этих рейсов. Сильно она беспокоилась за тебя.

Глеб тяжело поднялся и подал руку Алексею:

– Поезжай, сынок, и постарайся вернуться с Ритой и Глебушкой. Или хотя бы фотографию его привези.

– Я постараюсь.

Глава 6

Не привёз. Ни Риты, ни сына, ни даже его фотографии. Не было их по означенному адресу, поскольку съехала она с матерью и сыном за два дня до его прибытия. Так сказала словоохотливая женщина, открывшая дверь Алексею. Узнав же, откуда он приехал, и видя, насколько устал человек, пожалела его:

– Не мог же ты чуть пораньше приехать. Аккурат и застал бы их. А теперь что, ничем не могу помочь. Ну разве что отдохни у нас. На ногах-то вон еле стоишь.

– Это ничего, это пройдёт, – успокоил он её и спросил в затаённой надежде: – А надолго уехали и куда, не знаете?

– Да вроде как насовсем, – пожалла она плечами. – И не куда-нибудь, а сразу аж за границу: то ли в Германию, то ли вовсе за океан в Америку. На эту самую, как её... слово-то мудрёное. – И просияла: – Вспомнила! Пээмжэ. Постоянное, стало быть, место жительства – вон

что. И грустили, и радовались они с матерью промеж собой, да и провожатые ихние – откуда-то из района они были – печалились, что расстанутся с ними. Но чего-то и радовались за них. Ну, дак теперь же все ездют, раз границы открыли. Но что насовсем, дак это вроде они первые. Так я слышала от провожателей, что, дескать, вы нам проложите дорогу. А зачем её туда пролагать, кого там искать в загранице этой, ума не приложу.

И когда уже Блинов повернулся уходить, вдруг засуетилась:

– Постой-ка, мил человек, постой. Совсем забыла: адрес Рита оставила на случай, если кто спрашивать будет. Не тебя ли она имела в виду, ты ведь из Казахстана? Вот! И адрес тамошний. Там, мол, знают и обскажут, где их искать. Ну церковь у них там какая-то своя. Не наша, не православная. Немцы же. Ты адресок-то посмотри, но с собой не забирай. Может быть, кто ещё их искать возьмётся.

Алексей взял исписанную бумажку и невольно взвыл.

– Что? – всполошилась женщина. – Что-то не так?

– Всё так, – во внезапно обуявшей злобе на самого себя бросил он и тускло подытожил: – Именно так и должно было стать. Тётушка, если вам не доводилось в жизни видеть идиотов, то глядите: вот он – перед вами.

– Да что ж ты так-то? – изумилась она. – Пошто на себя напраслину возводишь?

– Пошто? А потому, что я как раз оттуда и приехал, – ткнул он пальцем в адрес. – Выходит, только для того, чтобы узнать, что искать надо было там.

– Дева-а! – только и всплеснула руками сердобольная женщина. – Дак тебе теперь назад? Ох-ох-ох, это ж кака дорога долга! Ты зашёл бы, отдохнул с устатку. Правда, раскардаш у нас ещё полный; заехали-то только вчера, но прилечь найдём где. А то неровен час, уснёшь в путе-то.

– Не усну, я привычный. Спасибо вам.

– Да было бы за что. Ну, с Богом тогда.

«Ага, с Ним, – в каком-то отчаянном злорадстве пробубнил он под нос и, усевшись в машину, рванул с места. – С Богом, Который приташил сюда, когда всего-то и надо было, что зайти в ту церковь, что у тебя под боком находится. Вот остолоп, даже мать не послушал: будто чувствовала она, что Риты может здесь не быть. И с чего я вообще попёрся в этот Омск... – От внезапно мелькнувшей мысли он резко затормозил, съехал на обочину и, обхватив руками руль, уткнулся в них. – С чего? Да ведь как раз с упоминания о Боге и началось. Егерь, чтоб ему ни дна ни покрышки, своими сказками настроил на слезливый лад. Потом эта тётя Вера. Адрес Риты. Сын. И я забыл обо всём на свете. Только бы увидеть их. Только бы увидеть... Помчался, всё бросил...»

Тут мысли споткнулись: он понял, что это своё деяние превозносит чуть ли не до героического. Ему стало противно, он злорадно ухмыльнулся и продолжил вымешать злобу на самом себе.

«Ага, сначала её, беспомощную, беззащитную, с глаз долой, а теперь как великодушный герой решил осчастливить её своим вниманием. – Он вновь взвыл, заскрежетал зубами в охватившем отчаянии. – Как я мог! Спровадил, когда она больше всего нуждалась во мне, в моей поддержке, а теперь – вот он я! Явился не запылится, извольте радоваться! Ах, как права мама. Да будь Рита здесь, разве бы стала она со мной разговаривать? После всего, что я сделал ей. Почему это сразу не пришло в голову? Откуда-то ведь взялась уверенность, что она всё простит и побежит за мной. Откуда? А всё оттуда же. Я ведь поверил в красивые библейские стихи, что так задушевно читал Олег Ильич. Как же: «Бог есть любовь!.. Он прощает все грехи, только признайся в них...» Ну вот, поверил. Ну вот, раскаялся.

И всю дорогу до Омска просил Бога – если Он есть – помочь встретиться с ними или хотя бы уговорить Риту не отказываться от помощи его родителей, от их протянутой руки. Просил так, будто сам себя гипнотизировал. И что? Потерял Риту. Теперь уже навсегда. Где же ты, к месту и не к месту упоминаемая Божья милость и любовь? Да там же, где и людская: всё зиждется на лжи и обмане, что с Богом, что без Оного. И кому только охота так морочить людям головы?!»

Алексей почувствовал полное равнодушие к жизни и страшную усталость во всём теле. Не то чтобы ехать – двигаться не хотелось. Он медленно поднял голову, огляделся и увидел, что стоит прямо напротив какой-то гостиницы. Ни минуты более не раздумывая, зарулил на стоянку.

Пожилой швейцар у входа в гостиницу перегородил ему путь:

– Визитку, паря!

И, как бы сочувствуя, развёл руками, красноречиво указав на болтающуюся на дверях табличку: «Мест нет».

– Друг, – сунул Блинов ему в руку четвертную, – добудь одно место до утра. Хоть у себя в подсобке. Устал я, а дорога дальняя.

Страж ошалело уставился на банкноту (отдельный номер стоил около пяти рублей в сутки), потом быстро сунул её в карман мундира, вытянулся в струнку и чуть ли не вскинул руку к фуражке. Пробормотав невнятно «я шас, мигом», не по годам резво взбежал по ступенькам фойе к окошечку администратора, что-то сказал туда, и скрылся в коридоре. Минут через пять Алексей вертел в руках ключ.

– До утра, как и просил, – напомнил швейцар. – Но если дольше, то...

– Понял. Если дольше, то за мной не заржавеет. До утра, так до утра.

– Ах, да, документ-то какой есть? – спохватился страж и, виновато шмыгнув носом, успокоил: – Ну, это так, на всякий случай.

– Да права вот.

– Тогда всё путём. Ресторан вон там на втором. Ну, дыхай, а если что, обращайся, – кивнул служивый и многозначительно подчеркнул вернувшееся достоинство: – Провожать не буду, пост ведь не бросишь.

Вспомнил, видимо, с какой поспешностью ухватился за ассигнацию.

Номер был довольно уютный, с телевизором и телефоном, но это меньше всего интересовало Алексея. Не раздеваясь, он плюхнулся на кровать с одной мыслью: поскорее забыться. Утро вечера мудренее – эту аксиому ещё никто не отменял. Ему казалось, что едва коснётся подушки, как тут же заснёт. Но не тут-то было; образ Риты вовсе не собирался оставлять его в покое. Вернее сказать, он сам не отпускал её и старался представить их теперь уже вместе с сыном. Какой он, его сын? Каким родился: большим или маленьким? На кого похож? Ну хоть бы одним глазком увидеть его и то бы ладно... Тогда, может быть, ему бы стало легче. Спокойнее. Воображение, однако, ничего не вырисовывало, а сознание собственного бессилия заставляло не просто ворочаться – метаться по койке. И оно, это осознание, уже не уходило, стучалось в самое сердце: «Эк, когда ты хватился, брат. Кому нужно теперь твоё раскаяние? Больше ты её не увидишь. Никогда. Поздно пить боржоми».

«Боржоми? – встрепенулся он. – Боржоми – да, поздно. А вот пойти и выпить рюмку-другую – как раз время. Позвонить швейцару, чтобы принёс? О, этот принесёт, из-под земли достанет. Или самому сходить в ресторан? Пожалуй, схожу, может быть, удастся разогнать тоску. – И будто оправдываясь перед кем-то, произнёс вслух: – Буквально на полчаса-час, не больше. Потом спать, спать, спать!»

Зал ресторана был заполнен лишь наполовину: сказывались наступившие нелёгкие времена. Скучавший у низких подмостков пустой эстрады официант с готовностью кинулся к появившемуся клиенту, но, углядев довольно помятый вид Блинова, тут же притормозил. Дежурная улыбка сползла с лица, он скептически оглядел клиента с головы до пят и скучным голосом проинформировал:

– Братан, пивная вон там за углом. А тут ни пива, ни воблы нету.

– Иди ты: ни того, ни другого? – криво усмехнулся Алексей, перехватив его взгляд. Он только сейчас вспомнил, что действительно одет не для ресторана. Потёртые джинсы и особенно кеды явно не вписывались в импозантную обстановку зала. – Ну тогда, может, селёдка с корочкой хлеба найдётся? – И, кивнув на столик для двоих у окна, добавил тоном, не допускающим возражений: – Я тут пришвартуюсь, а ты позаботься, чтобы никто на хвост не упал. Плачу за двоих, не обидишься. Зовут-то тебя как?

Вальяжность и раскованность, с какими он всё это произнёс (опыт застолий с чиновниками высокого ранга), а скорее всего ключ от номера гостиницы, небрежно брошенный клиентом на столик, подсказали официанту, что перед ним один из завсегдатаев ресторанов, которые не скупятся на щедрые чаевые. А то, что вид у него не ахти какой, так, может, с причудами мужик.

– Валёк, то есть, Валентин, – быстро поправился он и учтиво склонил голову, приложив руку к груди.

– Услыхал. А я – Алексей. Просто Лёша. Давай-ка, Валёк, принеси для начала коньячку с шоколадкой, пока я выберу что-нибудь перекусить.

– Вот вам меню, пожалуйста. Всё будет в полном ажуре.

И уже через каких-нибудь пять минут вернулся с графинчиком, из которого, улыбаясь, самолично налил коньяк на донышко рюмки.

– Только для уважаемых гостей, – сказал доверительно. – Оцените сами: армянский – пять звёздочек! Итак, что ещё будете заказывать?

– Да брось ты «выкать», Валёк. Мы ведь люди свои, простые...

– И то ладно, – улыбнулся тот и, записав заказ, вновь удалился.

«Уважаемый гость» удовлетворённо откинулся на спинку стула и привычным взглядом окинул зал. Публика была хоть и разношёрстная, но шумных компаний не наблюдалось. На эстраде уже появились музыканты и, негромко переговариваясь, стали настраивать свои инструменты. Оттуда же, от эстрады, чуть слышно лилась из динамиков убаюкивающая мелодия.

Алексей сначала подержал во рту и лишь после этого глотнул обжигающий напиток, в котором знал толк. Прогустировал, так сказать.

«Похоже, не врёт, коньяк стоящий, – приятно удивился он и налил уже побольше. – Молодец парень, хоть и за бомжа меня принял. Ну да, немудрено, вид-то у меня, и правда, облезлый».

Он всеми силами старался отвлечься от тоскливых мыслей, но после первой же рюмки понял, что эффект от выпивки как раз обратный. То есть, нагнал ещё больше той самой тоски. Тут ещё (совсем не к месту, по его мнению) грянул оркестровый квинтет и разразился какой-то безумной, режущей слух какофонией, и он в раздражении заткнул пальцами уши. Официант, аккурат в это время расставлявший на столике заказанные блюда, с пониманием улыбнулся и виновато развёл руками, дескать, ничего не поделаешь, публике нравится. Он уже собрался уходить, но Блинов, что-то сообразив, жестом поманил его и, вручив десятку, кивнул в сторону эстрады:

– Валёк, пусть сыграют что-нибудь для души. Какое-нибудь танго. Аргентинское, например. Ну на что они там способны.

– Нет проблем, – засмеялся тот. – Тут хватит на два раза. Или?

– Два – ещё лучше. Как договоришься.

– Не больше, понятно. А то уснут все.

– Вот и держай. Зачтётся.

В последующей за какофонией паузе ведущий объявил «танго по заявке нашего дорогого гостя», и с первыми звуками мелодии Алексей умиротворённо прикрыл глаза в надежде хоть на мгновение забыться. Не тут-то было!

– Потанцуем? – услышал он прямо над собой, и, поскольку никак не отреагировал, вопрос повторился уже в сопровождении лёгкого прикосновения руки к его плечу: – Я говорю, потанцуем?

Он приподнял голову: перед ним, поигрывая красивым перстнем на левой руке, стояла слегка одетая, яркая блондинка с сумочкой через плечо.

– Что, ташишься? – догадалась радостно, увидев его ничего не отражающий, безразличный взгляд.

– Ташусь, ташусь, не видишь что ли, полный отпад? – пробормотал он и изобразил на лице то, что у наркоманов называется «таска». Хотя и поверхностно, но с этим контингентом он был знаком: были такие даже среди его школьных друзей: – Не ломай кайф, подруга, свали по-тихому.

– И не подумаю, – передёрнула она плечиками, выдвинула стул и бесцеремонно уселась напротив. – Уж кто-кто, а я-то тебе как раз сейчас больше всего нужна. Угости-ка коньячком для знакомства. Что, слабо? Тогда я сама, а ты слушай музыку, слушай, раз танцевать не хочешь. Для чего-то ты же заказывал это танго?

Она ловко плеснула чуть-чуть коньяку в рюмку, приветственно подняла её и отрекомендовалась:

– Луиза. А тебя как зовут? Алексей? Лёша, значит. Да что же это ты так уставился на меня, Лёша? Жалко этого пошла, что ли?

Блинов молча покачал головой и махнул рукой: пей, мол. Он смотрел на эту наглую девицу и старался вспомнить, кого она ему напоминает, но не мог сосредоточиться. И вдруг понял, что это Алла. Поразительное сходство. И в лице, и в манере говорить она напоминала его жену. О которой он, кстати, почему-то совсем забыл. И не просто забыл, а не хотел даже вспоминать.

Между тем Луиза склонилась к нему через столик и уже по-свойски подмигнула.

– Есть клёвая кока, – прошептала заговорщически. – Чистейший крэк. Одна проба бесплатно. Как ты на это? Да не менжуйся, я тебе не какая-нибудь залётная из подворотни. – И чтобы развеять его сомнения, сунула ему под нос руку с перстнем. – Видишь? Сапфир. Сказать, сколько карат или сам прикинул?

Блинов снова молча покачал головой, теперь уже с улыбкой. Только что официант принял его за бомжа, теперь ровно так же эта девица – ещё и за наркомана. Но зачем тогда он ей нужен? Он развеселился:

– Что ж ты, Луиза, с такими-то каратами да на нишего бомжа запала? Уверен, на твои габариты и без них охотников немало, а?

– Это кто, ты – ниший? Я что, на дуру похожа? – обиделась она и кивнула на ключ: – В этом номере ниших не держат.

– А-а, это, – Алексей тут же спрятал ключ в карман. – Это одного знакомого. Вот, – обвёл он рукой столик, – жду его.

– Да ладно темнить-то, – презрительно хмыкнула Луиза. – Строишь из себя дурачка, а габариты-то мои узрел. Ладно, ближе к делу. Или к телу, как тебе понятнее. – Она воровато оглянулась по сторонам и достала из сумочки малюсенький

аккуратный пакетик. – Пойдём, попробуем у тебя в номере. Прямо сейчас. Чистый крэк, как и сказала. Пойдём?

Блинов невольно оглянулся по сторонам. До него, наконец, стало кое-что доходить. Кокаин ведь доступен только так называемой «золотой молодёжи», молодым отпрыскам современной элиты. Значит, именно за такого лоботряса она его и приняла. Наркошу с прибабахом. Ну так ведь сам им прикинулся. Вот уж не думал, что обладает такими актёрскими способностями. Выходит, заигрался.

Ей же показалось, что он колеблется, и даже догадалась, почему.

– С официантом улажу, никого к столику не подпустит. Да у нас и делов-то на полчаса. – И игриво подмигнула: – А может, и больше, если будешь себя хорошо вести.

– Ты ошиблась адресом, Луиза, – медленно произнёс он наконец, чётко выговаривая каждое слово, и постучал ногтем по графину: – Вот это всё, что я иногда могу себе позволить, чтобы расслабиться. И никакого другого зелья. Я понятно говорю? А теперь спрячь эту гадость, спрячь. Вот так. Теперь встала и пошла. Быстро, быстро. Ты и так достаточно много отняла у меня времени.

– Ты меня гонишь? – в искреннем удивлении воззрилась она на него, но пакетик спрятала. Потом ещё раз огляделась и горячо зашептала: – Слушай, а если я тебе признаюсь, что мне необходимо на эти полчаса просто исчезнуть отсюда, ты согласишься?

– Я уже всё сказал: не морочь мне голову.

– Неужели я тебе даже не нравлюсь?

– Не-а, – мотнул он головой. – Не нравишься. Адю, мадам.

– Э-эх, ты, лапоть, – с кислой усмешкой поднялась она. – Ошиблась я в тебе. Ну, смотри, парень, не прогадай. – И тут же села, в явном испуге глядя на внезапно выросшего перед столиком крупного усатого мужчину.

– А-а, вот ты где, прекрасная царица, – раздался его густой бас с характерным грузинским акцентом. Несмотря на её растерянность, быстро склонился к девушке, галантно поцеловал ей ручку и, кивком указывая на Алексея, сверкнул приветливой золотозубой улыбкой: – Твой новый друг? Познакомь нас.

– Он не будет знакомиться, Каха, – недовольно сказала она.

– Почему нэ будэт? – удивился грузин.

– Потому что я ему не нравлюсь, – передёрнулась Луиза.

– Вах! – раскинул руки Каха. – Этого нэ может быть! Он шутит! – И повернулся к Алексею: – Как может не нравиться такая красавица? Ты ведь шутишь? Скажи, что шутишь, дарагой.

– Нэ скажу, – подстроился тот под его тон. – Более того: ты меня сильно выручишь, генацвале, если избавишь от неё. Называй её хоть царицей, хоть богиней – не до неё мне. И не до тебя. Короче, ищите лохов в другом месте. – И неожиданно для себя добавил где-то слышанную фразу: – Ищите и обрящете.

Грузин, сбитый с толку столь дерзкой отповедью, удивлённо вскинул брови и, покачав головой, презрительно выпятил нижнюю губу.

– Ти гляди, сме-елий. Ну-ну, тебе виднее, – процедил и, не скрывая насмешки, подал руку девице: – Пойдём, дорогая, парень обижен на судьбу. – И уже жёстче взял её за локоть, поскольку она попыталась отстраниться. – Пойдём, я сказал. Не видишь, импотент?

Луиза бросила на Блинова уничтожающий, с укором взгляд, нехотя поднялась и уже через плечо презрительно бросила:

– Да и я думала – мужик. Ничё-ничё, ещё свидимся. И найдём, и обрящем, не сомневайся.

А в голосе то ли угроза, то ли обида. Неясность, в общем.

Глава 7

Блинов рассеянным взглядом проводил «сладкую парочку», как он мысленно уже нарёк их, и потянулся к графину. В душе он чувствовал глухое раздражение и на самого себя, и на эту девку Луизу, и на грузина.

«Надо закругляться, всё равно тут не будет покоя», – подумал тоскливо. И словно в подтверждение этой мысли очередная дама, ничего не спрашивая, выдвинула стул и села, устремив на него наглые глазки.

– Скупаем? – спросила игриво. В отличие от Луизы эта была не столь привлекательной. Вернее, совсем не привлекательной.

Блинов чуть не взвыл от досады и подозвал погодившегося рядом официанта.

– Слушай, Валёк. Мы ведь договорились с тобой...

Официант, недослушав, метнул в её сторону многозначительный взгляд, и незадачливую даму словно ветром сдуло.

– Липнут ко всем, как мухи, – как бы оправдываясь, развёл Валентин руками. – Разве за каждой уследишь?!

В это время мимо столика, прижавшись к плечу солидного дядьки, продефилировала Луиза. Кокетливо поиграв пальчиками официанту, она смерила Блинова презрительным взглядом, чуть было замедлила шаг, но тут же резко отвернулась, торопливо увлекая за собой самодовольного толстячка. Причина испуга была очевидна: из глубины зала шёл Каха.

Алексей только головой покачал.

– Жалеешь, что у тебя с ней не срослось? – усмехнулся Валентин и присел на стул. Ему показалось, что он угадал мысли своего клиента, да и судя по всему, был явно не прочь побеседовать: – Не огорчайся. Зато и сам целее

будешь, и бабки твои при тебе останутся. – И охотно пояснил: – Это они в его номер отправились...

– Ну ты открыл Америку, – иронично усмехнулся Блинов.

– Значит, что там дальше будет, тебе неинтересно услышать?

– Да нет, отчего же, – засмеялся Алексей. – Просвети деревню.

– А будет вот что, – Валентин сделал вид, что не заметил иронии. – Очень скоро туда же зайвится её разгневанный «муж» с «представителями прессы» в виде двух отморозенных качков. На самом деле это всё её подельники; так вот я не думаю, что знакомство с ними доставило бы тебе удовольствие. Кстати, вон те, справа от тебя, видишь? Да-да, те самые. Ну, и как тебе эти бычки?

– Убеждают, – оценил Алексей. – А как у них с мозгами? – Ситуация действительно заинтересовала его, и официант это видел.

– А зачем им лишний груз? – презрительно прыснул он. – Сказал же, отморозки. Вон, кажись, уже стартуют; значит, сигнал получен.

– И что, разведут мужика на бабки?

– А ты как думал! Шас накроют с поличным командированного тьюфяка, который в быту и примерный семьянин, и коммунист «кристально честный», а чуть за ворота – блудник и пройдоха. Вот они его и раскрутят на всю катушку. Не парься, информация о «лохе» у них достоверная. К «пустому» её не подсунут, только к тому, у кого полный бумажник, а главное, кто пуше всего боится огласки. Этой-то оглаской его и припугнут. А чуть позже, когда мужик «созреет», появится некий гражданин кавказской наружности. – Валентин помедлил, оглянулся по сторонам и, пытливо взглянув на Блинова, закончил: – Кстати, уже знакомый тебе. Он только что говорил с тобой.

– Каха этот?

– Он самый. Сутенёр ихний. Он вроде как из администрации гостиницы и начинает уговаривать «прессу», а заодно и «оскорблённого мужа» не выносить сор из избы, а уладить всё полюбовно. Тут же озвучивает цену, и насмерть перепуганный любитель клубнички с готовностью расстаётся с бабками, лишь бы не узнала жена, а главное – партия. В результате все довольны, и больше всех – этот лопух...

– И никто никуда не жалуется, – догадался Алексей.

– Точно! – Валентин откинулся на спинку стула, спросил со смешинкой в голосе: – Ну, как это тебе? Ты ведь едва не оказался на месте того лоха.

– Я не мог им оказаться, Валёк, – серьёзно сказал Алексей. – Хотя бы потому, что мне пока ещё рано бояться огласки: никаких высоких постов я пока что не занимаю. Не знаю, к сожалению или к счастью, если взять во внимание данный момент. Да и вряд ли когда займу. Нет, спасибо, конечно, что ты всё это рассказал, но вот зачем – до меня не доходит.

Валентин словно ждал этих слов, наклонился к нему через стол:

– Чтобы осторожнее был, понял? Девка явно хочет выйти из игры и ищет того, кто помог бы ей в этом. Она ведь в Москве на факультете журналистики учится, а здесь на каникулах у кого-то из родственников. Видать, наобещали ей, что будет лишь не более, чем приманкой, вот и погналась за бабками. Да и увязла. Но это я так, к слову. А вот что всерьёз: Луиза что-то хотела от тебя, и это не понравилось Кахе. Она не может и шагу ступить без их ведома. Не знаю уж, чем ты разозлил или обидел его, но он явно хотел что-то затеять...

– Хотел или хочет? – перебил Алексей.

– Сейчас уже, наверняка, расхотел. Раз я с тобой сижу, значит, ему тут делать нечего. Он это уже увидел и пре-

красно понял. Но если всё же подойдёт, сам на скандал не нарываешься. Будь с ним повежливее. Ты ведь в чужом городе, а у него здесь всё схвачено. Мужик он мстительный, вполне может подождать и до завтра. Когда ты не сможешь рассчитывать на меня.

– Да провались они все, – во внезапной апатии махнул рукой Блинов. – И сутенёры, и особенно журналисты. По мне – так все они друг друга стоят. Но всё равно ещё раз спасибо за участие. Давай счёт, Валёк. Финиш!

– Уходишь? – искренне удивился тот. – Надеюсь, ты не испугался?

– Страшно нету, – с казахским акцентом сказал Алексей. – Тошно, это да. И что-то уж больно невесело! Не мой, видать, день.

– Ну, как знаешь. Но как я сказал, если что... Да? То я тут.

Ранним утром Алексей уже ехал по Черлакскому тракту. Время от времени он внезапно ловил себя на том, что мчится, совершенно не видя дороги. Останавливался, какое-то время сидел без движения, чтобы сконцентрироваться... и снова гнал машину, сломя голову, то есть, как на «автопилоте». Более или менее пришёл в себя лишь к вечеру, перед самой Карагандой, но даже не стал заезжать в город, а, заправив машину, продолжил путь, пока не стемнело. Только тогда съехал в пустынном месте с трассы и заночевал прямо в машине.

Столь же резво начал он и второй отрезок пути, намереваясь к вечеру прибыть в Алма-Ату, но уже в полдень почувствовал какую-то дикую – не физическую! – усталость и слабость по всему телу и вынужден был остановиться. Раз, другой. Так, с частыми остановками к концу дня добрался до Балхаша и, понимая, что вряд ли сможет провести ещё одну ночь в машине, быстро отыскал гостиницу. Труда это не составило, благо городишко он знал по прежним ещё своим рейсам дальнотойщика.

Номер был на двоих и в нём уже хозяйничал парень, на вид чуть постарше Блинова. «Хозяйничанье» выразилось в том, что он кипятил в кружке воду запрещённым в гостиницах самодельным кипятивильником – немудрящее устройство из двух бритвенных лезвий с проводками.

– О, земляк, – шумно обрадовался он при виде Алексея, – а я только что в окно видел, как ты тачку на стоянку загонял. Смотрю – номера алма-атинские. – И протянул руку для приветствия: – Юра Малов. Когда-то был Юрием Ивановичем, инженером, теперь вот перегоняю машины.

– Алексей, – ответил на рукопожатие Блинов и хотел что-то добавить, но бывший инженер недослушал.

– Лёха, значит, – уточнил по-свойски. Похоже, Блинов интересовал его только как слушатель и меньше всего, кем он является. Что, впрочем, вполне устраивало и Алексея. Ничего, кроме неодолимой усталости и полнейшего равнодушия, он не чувствовал. Даже разговаривать не хотелось.

– А я ещё подумал, что, вот бы, мол, мужик ко мне на постой определился, чтобы хоть поболтать было с кем, – продолжал Юрий. – И надо же, напророчил! Да ты располагайся, располагайся. Апартаменты, конечно, не люкс, но шас чайку заварим, да у меня вон сникерсы-пикерсы припасены, и всё будет как в лучших отелях Парижа. Ну как уже сказал, перегонщик я. При нынешнем раздрае как-то надо выживать, а на зарплату инженера в сто двадцать рублей много ли разживёшься? Да был бы один, ещё куда ни шло, но ведь семья, дети. Старший сын в школу пошёл, другой подрастает, на всё деньги надо, а где их взять? Вот с напарником и решили бизнесом заняться. Не на пустом, конечно, месте; связи у него хорошие в Приморье, да и начальный капитал позволил. Его, не мой. У меня было, как у латыша: всех и богатств-то, что долги да душа. Ну организовали фирму на двоих: заказов на иномарки хоть отбавляй, благо конкуренции большой пока нет. Он, зна-

чит, покупает машину на заказ и гонит от Владивостока до Иркутска, а я, стало быть, дальше. До места. А места разные, по всему Союзу. Вот сейчас пригнал тутошнему буржую («новый русский») «Тойоту» японскую. Так-то лайба ничё, классная, только праворульная: приновориться надо. Но мне уже не впервой, будто так и надо. А катит – о-о, я те дам! И расход бензина не в пример нашим жестяным коробкам. А уж буржуин-то рад – у-у-у! Так и ходит гоголем! Ну и тут же друг его просит ещё одну машину доставить. Вчера по телефону уже предварительно обговорили, что к чему. В общем, без дела не сидим, только успевай поворачиваться. – Тут он о чем-то догадался: – Кстати, ты сейчас из Алма-Аты?

Алексей молча покачал головой.

– Да ну, – просяял Юрий. – Неужели в Алма-Ату!

– А куда ж мне больше ехать? – не сдержал улыбки Блинов. – Раз не оттуда, значит, туда. – Ему нравилась непосредственность этого парня и его разговорчивость. Тем более, что самому, как уже было сказано, говорить не хотелось.

Кажется, теперь увидел это и Малов. И озадачился:

– Слушай, ты, видать, тоже отмахал порядочно, а я тебе тут басни рассказываю. Свободное ухо нашёл. А откуда катишь, если не секрет?

– Из Омска.

– Тоже порядочно. Ты не обижайся на мою болтовню. Бывает, так намолчишься за несколько суток пути, что потом не остановить. Ну, чай готов – индийский, между прочим! Можно и взбодриться. Ты как на это?

– Чай – это хорошо, – кивнул Алексей и, разведя руками, проговорил на манер казахов: – Чай не пьёшь – откуда сила берёшь.

– Во-во, – подхватил Малов. – А чай попил – совсем ослаб. Садись.

Алексей подсел к столу, взял сникерс:

– Я смотрю, шоколад у тебя французский, чай индийский... Машины гоняешь японские. Сплошная заграница. Значит, есть смысл в такой гонке? А? Нормально? Имею в виду заработок...

– Нормуль. Одна такая ходка – и четыре, а то и все пять моих прежних месячных зарплат. Больше того, – Юрий склонился к Алексею и уже тише, будто кто-то мог их подслушать: – Через месяц-другой смогу других перегонщиков нанимать. Как это уже делает мой напарник. А сам буду только бабки подсчитывать. Так-то вот!

Он выпрямился, с довольным видом потирая руки. Потом, не переставая балагурить, ловко разлил чай по стаканам, один пододвинул Алексею и, глядя на него, почему-то озабоченно покачал головой:

– Сам-то когда домой собираешься?

– Утром. А что? – насторожился Блинов.

– Да нет, ничего. Вид у тебя неважнецкий. Больной, прямо скажем, вид. А ведь до Алма-Аты ещё добрых шестьсот км с гаком.

– Так давай я тебя и найму, – полушутя-полусерьёзно предложил Алексей. – Ты ведь зачем-то про Алма-Ату спрашивал?

– Ну-у, зачем же нанимать, – расплылся в улыбке Юра. – Возьмёшь в попутчики – и все дела. Потому и спрашивал, что заказчик новый оттуда. Ну тот, с которым по телефону балакал. Мужик, видать, привередливый, раз даже другану своему, буржуину, не доверяет. Лично хочет всё насчёт машины обговорить. Ну чтобы там прибабасы, штучки-дрючки всякие. Вот поутру хотел уже на поезде отправиться, но если, Лёша, ты это серьёзно...

– Вполне, – подтвердил тот. – Говорят же, что хороший попутчик – половина дороги. Грех не использовать такой шанс. Тебе ли этого не знать. Честно говоря, последние

километры сюда я боялся, что сознание потеряю. Поэтому тилипался, как на телеге.

– Тогда чего чего уж лучше! И тебя доставлю по высшему разряду, и... – Юра довольно рассмеялся: – И сам «доставлюсь». Вот уж где сразу два зайца убить получится, а? Пстой-ка, – он вдруг засуетился, словно боялся, что Алексей передумает, отставил стакан с недопитым чаем и, нагнувшись, достал из-под стола небольшой «дипломат». Поколдовав над шифром замка, открыл его и извлёк что-то. – Это мой атлас, – пояснил гордо и развернул перед собой аккуратно сложенную карту. При этом на стол скользнула фотография. Он любовно оглядел её, отложил и, чуть смущаясь проявленной сентиментальности, улыбнулся: – Мои огурцы – Коля и Толя. Оба с матерью. – И вернулся к карте: – Та-ак, точно помню, что можно где-то порядком срезать угол. Шас прикинем – где. Так, так...

– Оставь поиски, – добродушно усмехнулся Блинов. – Я и без карты покажу, где. В рейсы тут одно время на «КамАЗе» ходил. Изучил, в общем.

– Ну-у, тогда я пас, – искренне обрадовался Малов. – Повезло мне с тобой, прямо скажу.

– Да и мне с тобой, – повеселел и Алексей и указал на фотку: – Могу взглянуть на твоих «огурцов»? Коля и Толя, говоришь? Ха-арошие бутузы.

– Ага, – расплылся от удовольствия явно польщённый Юрий. – В мать пошли, в Зою.

Алексей невольно задержал свой взгляд на этой женщине. Что-то в ней тотчас напомнило ему о Рите, и он понял – что. Во всём её облике было смирение, покорность и в то же время достоинство. Человек знал себе цену.

– Красивая семья, – вздохнул он. – Но как же жена отпускает тебя? Бизнес-то твой по нашим временам уж больно рискованный. Мало ли что в дороге случается. Да и ты сам – не боишься надолго их одних оставлять?

– Боюсь ли, нет ли, куда деваться? – пожал плечами Юра. – Говорил же про свой оклад. Правда, у Зои на этот счёт другое мнение: не умрём, мол, с голоду, другие же как-то живут. Ну и т.д. Но... понимаешь, Лёша... – он как бы искал поддержки, – не хочу я «не жить, а выживать». Тем более «как-то». Мужик я или нет? В общем, уговорил. Не скрою, там ещё одно обстоятельство было, что заставило её согласиться со мной. Но это так, мелочи жизни. Ну, а что до пацанов, то Зоя их в обиду не даст, надёжней матери нету. – Тут он хмыкнул и как-то снисходительно, по-доброму улыбнулся: – Да и защита у неё с некоторых пор от всех бед появилась.

– Это какая же? – поинтересовался Блинов. – Милиция, что ли?

– Да ты что, Лёша? Если уж от кого искать защиту, так это как раз от нынешней милиции. Они же первые бандиты, и не только на дорогах. О, посмотрелся я на это чудо природы! Видел бы ты, как они перегоншиков доят! Просто без зазрения совести.

– Ну, это-то как раз мне доводилось видеть, – усмехнулся Алексей.

– Лё-ёша! То, что ты тогда видел – цветочки по сравнению с тем, что творится сейчас. Они уже не доят – безбожно грабят! Безбожно – значит без Бога, чуешь? А у Зои защита – Сам Бог! – Малов снова разулыбался: – Ну во всяком случае она так думает. И искренне верит в это.

– Она? А ты? – так весь и подобрался Алексей.

– А что я? Она верит – и ладно. Пусть верит. Было бы ей хорошо, а мне и всяко-разно сойдёт. Недавно это у неё: с той минуты, как младший сын после тяжёлой травмы на поправку пошёл. Года три, пожалуй, будет. Я-то понимаю, что лекарства помогли, а вот она и решила, что это Бог её молитвы услышал. Чего ж, мол, раньше они не помогали, а как церковь стала просить Бога, то и встал сынок? Ну что ж,

я разубеждать, что ли, буду? Ладно, ещё бы одна молилась, а то ведь они действительно всей церковью (в которую, как я считал, её затащили) на коленях стояли. Попробуй убеди теперь, что это случайно совпало! Не-ет, пусть верит, от этого плохо ещё никому не было. А мне так и вовсе помогло, правда, совсем с другой стороны. – Юрий рассмеялся. – Сильно помогло. Хоть и не стал я верующим, зато избавился от членства в горячо любимой партии. В кавычках, конечно, горячо любимой. – Тут он оборвал смех: – Что-то я уж больно разоткровенничался с тобой, а, Лёша? Вдруг да ты коммунист и тебе неприятно это слышать?

– А, все мы коммунисты, – отмахнулся Алексей. – Блок-то у нас, сам знаешь, какой? Коммунистов и беспартийных. Народ и партия едины, то бишь, все мы одного поля ягоды. Так что продолжай, интересно мне.

– Та-ак, а на чём я остановился? – принял тот озабоченный вид.

Теперь рассмеялись уже оба. Алексей даже не заметил, как прошли и слабость, и апатия, и уже с нескрываемым интересом слушал Юрия.

– На счастливом избавлении от партии, – подсказал Алексей, ухмыляясь. – Что-то там помогло тебе. И я даже догадываюсь, что.

– Ну, скажи.

– По-моему, это те «мелочи жизни», о которых ты уже упомянул?

– Они самые. Честно признаться, это больше всего и подвигло меня бросить работу и податься в перегонщики.

– Так и признавайся. Я тебя не выдам, – продолжал шутить Алексей.

– Ладно. Поверю на слово. Видишь ли, на этот бизнес меня уже подбивал бывший однокашник из института, но я всё колебался, так как со дня на день ждал повышения

на должность замначальника цеха. И опыт работы, и стаж позволяли надеяться; короче, был я кандидатом номер один. А это, брат ты мой, не фунт изюма, а вполне себе солидная добавка к окладу. Там уже и жить бы можно, и необязательно в рискованные авантюры ввязываться. И вот как-то объявляют по динамику, что, мол, инженеру Малову в конце рабочего дня явиться в партком. Ну, понятно для чего. Все напутственно по плечу похлопывают, дескать, отметить бы не мешало. Кое-как дождался конца смены, бегу из цеха в радостном предвкушении, прикидываю на ходу, сколько потратить «на обмывку» должности да где сколько сэкономить. А парторг мне вместо ожидаемого поздравления официально так, будто никогда и не выпивали вместе: так, мол, и так, товарищ Малов, поскольку поступил сигнал, что ваша жена посещает церковь баптистов, то придётся с вступлением в должность повременить.

Увлечённый воспоминаниями несостоявшийся замначальника цеха заново (и, видимо, не в первый раз) переживал крах своих собственных надежд и иллюзий и не замечал, что его собеседник всё ниже опускал голову, а его улыбка сменилась страдальческим выражением лица. Теперь он сидел, опираясь подбородком на тыльную сторону сомкнутых ладоней. Ситуация – один в один напомнила его собственную.

– Ну, понятно, опешил я от такого разворота-поворота, – продолжал Малов. – Будто ушат холодной воды на голову вылили, толком даже не соображу, что сказать. И чувствую, что нужно бы возразить, а слов нету. Только лезут в башку умные мысли насчёт свободы вероисповедания, а кому их тут скажешь! Вот и ляпнул с кондачка: «А какое, – говорю, – отношение жена имеет к нашему заводу?»

«Вы что, Юрий Иванович, и правда, не понимаете всей серьёзности вопроса? – слашаво так улыбается

парторг. – Ну тогда это нас лишний раз убеждает, что решение не поддерживать вашу кандидатуру было правильным, и мне вас жаль. А ну как спросят рабочие: дескать, что это за коммунист, у которого жена верит в Бога? Или начальнику, мол, можно такую иметь, а другим никак? Что мы им сможем возразить? Представили? Не-ет, негоже это. Вот как наведёте порядок в доме, отводите жену от Бога, тогда и разговор будет».

Стою, как оплётанный. Я и раньше слышал, что парторг своего родственника на должность эту метит, но не верил. Пацан только что из института – какой может быть из него зам! И нате вам! Может, оказывается! Только теперь я разглядел, что он там за боковым столом сидит. Вот тогда-то зло и взяло на весь белый свет.

«Послушайте, – спрашиваю, – а если я не хочу свою жену в порядок ваш приводить, тогда как?»

«Тогда, – строжится он, – придётся партбилет сдать».

«Ну, я вас за язык не тянул, – говорю с таким видом, будто этого только и ждал. И партбилет на стол – бац! – Извольте принять, – говорю, – потому как не имею привычки откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня...»

Юрий энергично мотнул головой, словно отгоняя наваждение:

– Знаешь, Лёша, готовил-то я его совсем к другому, даже стыдно вспоминать, к чему. Нет, ты только представь: хотел тот билет прилюдно поцеловать в благодарность за заботу партии?! Даже перед зеркалом специально репетировал, тьфу! Вот ведь до чего же затурканным может стать человек от такого жизненного беспросвета.

И смолк, не переставая качать головой. Потом украдкой взглянул на Алексея и увидел, что тот сидит в каком-то отстранённом состоянии. Даже вроде как ладонями уши закрыл.

– Так ты... не слушаешь? – огорчился. – А я тут распи-
наюсь.

Нет, Алексей слушал. Слушал и в памяти невольно пере-
бирал в деталях тот момент малодушия, когда нужно
было защитить Риту. Вот так, как сделал этот парень. Не
потворствуя начальнику, он не дал в обиду жену, и этим
в первую очередь защитил себя. Потому что ему никогда
не придётся презирать самого себя. Не будет он в такой
же вот безысходной тоске искать ну хоть какое-нибудь
оправдание своей подлости по отношению к самому
близкому человеку. Ну как, как же он мог предать Риту
и того маленького человечка, фотку которого так же мог
бы сейчас с гордостью показывать своему счастливому
собеседнику! Ведь в том, что тот был счастлив, сомнений
не было. А он, Блинов, никогда уже не сможет испытать
подобное. Никогда он не сможет сказать: «Вот он, мой
огурец!» Ни-ког-да.

– Всё я слушаю, Юра. Всё.

Алексей медленно отнял руки от лица, и Юрий по-
разился вмиг произошедшей в нём перемене. Это был
снова усталый, как и при недавнем появлении в номере,
парень, но теперь ещё и с отрешённым, полным шемя-
шей тоски взглядом.

– Ты явно переутомился, парень, – встревожился он
и положил руку на плечо Блинова: – Давай-ка отдохни,
а то меня ведь не переслушаешь. – И, поскольку Алек-
сей в ответ не шелохнулся, предложил: – Или, наоборот,
расскажи, что стряслось. Я же вижу. Глядишь, может
быть, и чем помогу.

И Алексей вдруг почувствовал неодолимое желание
поделиться (без преувеличения сказать) постигшей его
бедой; излить душу прямо сейчас и именно вот этому
незнакомому человеку. Может быть, потому что он вы-
казывал такое искреннее, непритворное участие, а мо-

жет быть, потому что незнакомцу легче открыть сердце? Завтра они расстанутся, и тот уже никогда не напомним об услышанном, даже если сам Алексей пожалеет потом, что поддался минутной слабости и, возможно, открыл то, чего не стоило бы. Ну и не придётся ломать голову над вопросом, надо ли было вообще делиться с кем-то. «Что было, то быльём поросло» – вспомнилась любимая поговорка отца.

Лишь за полночь закончили новые друзья свою долгую, оказавшуюся столь задушевной беседу. И ещё оказалось, что Юра горазд не только говорить, но умеет и слушать, не перебивая. Качество, не столь уж и часто встречающееся в людях.

– А я верю, что ты всё же вернёшь Риту, – подытожил он, укладываясь спать. – Если захочешь, конечно. Кому-то она да сообщила свой новый адрес. Вот перво-наперво и поезжай в её бывшую церковь.

– Ну, допустим, я узнал адрес, – предположил Алексей. – Даже, допустим, поехал за границу. Мечтать не вредно. И что? Что я ей скажу?

– Да то же самое, что хотел сказать, когда мчался к ней в Омск, – приподнялся Юрий на кровати. – Так, мол, и так... – Ну, что там у тебя на душе было.

– Слушай, Юра, – растерянно пробормотал Алексей, – а я ведь даже и не думал об этом... Торопился, думал: лишь бы увидеть.

– Вот это самое и скажешь, – буркнул Юра. – Думаю, она поймёт. И простит, в этом тоже не сомневайся. Это я со слов своей Зои сужу. У них в церкви вроде как законом положено прощать тех, кто кается в своём проступке. И это, мол, непреложно. Или свято, уж не помню точно.

– Так и я это от Риты слышал, – вздохнул Блинов. – Только знаю ещё и то, что каяться-то перед Богом надо. Причём прилюдно. Чтобы, значит, Бог простил, а там тогда

уже и люди простят. Но в том-то и дело, что для этого человеку самому поверить надо, что Бог есть! А то как же ты встанешь перед людьми и будешь просить Того, Кого знаешь, что нету? И где её, веру эту, взять? Вот у нас с тобой схожая ситуация: твоя Зоя верит, а ты – нет. Почему?

– Это и для меня, Лёша, китайская грамота. Был я однажды у неё в церкви, так кое-как конца собрания дождался: одно да потому, одно да потому. Скука полнейшая! В конце проповеди какой-то мужик вперёд – бегом, бегом и бух на колени! Чего это он, думаю. Гляжу по сторонам, – батюшки! – а у них у всех глаза блестят от радости. Моя так вообще чуть не плачет. Ну и пояснила мне потом, что это, мол, происходит, когда Бог человеку открывается. – Юрий шумно выдохнул: – Видать, это, и правда, состояние души. И то ли я своей душой ещё не дорос до этого открытия, то ли Бог временит мне открываться, но каяться не тороплюсь. Что точно о своей душе знаю, так это то, что велит она подзаработать, пока время и удача сопутствуют. И чем больше, тем лучше. Чтобы можно было потом более или менее безбедно жить. Тогда, наверное, и подумаю. А до этого мозги забивать и сам не буду, и тебе не советую. Ладно, утро вечера мудренее. Всё это можно будет уже завтра в ихней церкви выяснить. И адрес Риты, и про душу уточнить. Можешь взять меня с собой, если один боишься. Возьмёшь?

– Ловлю на слове: поедем вместе. Согласен?

– Согласен, раз сам предложил. Всё, Лёша, я сплю.

– Ладно, ладно, я тоже сплю, – Алексей лёг на кровать и, созерцая потолок, пустился в размышления. Да, мечтать не вредно, но реально-то я ничего сделать не смогу. И не потому, что уехала Рита неизвестно куда, а потому что у неё есть Бог, а у меня нету. У меня – партия, про которую даже отец говорит, что она выродилась. Нету никакой партии! Есть только стяжатели, погрязшие в тинистом болоте наживы (и я в их числе), которые лишь прикрываются её

названием. И не выбраться из этой тины, потому что весь перепачкан ею. И вдруг засуетился в мыслях: – Впрочем, почему же не выбраться? А если так же, как Юрий: партбилет на стол – и... (тут он даже руками размахался) пошли бы вы все со своей партией куда подальше! А почему нет? Я – свободный человек и могу верить в то, что хочу, а не в то, что мне предписывают. Да, да, именно свободный! Что хочу, то ворочу! Если это сделаю, смогу разыскать их хоть на краю света. Столько наших лоботрясов с базы уже побывали за границей, чем я хуже? – Во внезапно нахлынувшей гамме радостных чувств он даже присел на кровати и заторопился за мыслью: – Должно, должно всё получиться, важно только начать. И Рита поймёт, что я уже другой, и простит. Не знаю, как Бог, но даже в народе говорят, что «повинную голову меч не сечёт». – И тут уж вовсе в голове сумятица, завихрились мысли, поскакали, обгоняя одна другую. – Постой, постой! Если уж мирские люди так говорят, то верующие тем более. А раз так, то может статься, я обрету и веру... и Бога? А Он (милостивый и всемогущий, как она всегда говорила) простит и поможет мне их найти. – Он вдруг ощутил никогда ранее не испытываемый прилив умиления, снизошедший на него откуда-то извне и волною объявший всё его существо. И не совсем отдавая себе отчёт, больше исподволь, чем осознанно, вскрикнул сдавленно: – Господи, только бы Ты помог найти: на губах буду обоих носить. А уж как любить-то буду! Моя вина, дай загладить её! Найди Глебушку, где бы он ни был. Господи-и-и!

И мешком сполз с кровати. Опомнился от того, что Юрий тормошил его за плечи:

– Ты чего, Лёха, ты чего? Ну-ка, поднимайся.

– Шас, шас, – бормочет Блинов, непонимающим взглядом обводя комнату. – А где же... – И наконец приходит в себя: – Что это было, Юра?

– Это я у тебя должен спросить. По-моему, обморок. Но одно могу сказать точно: плох ты, Лёша. Поэтому за руль я тебя завтра не пушу. К врачу тебе надо.

– погоди, дай очухаться, – держась за виски, Алексей сел на кровать. Неожиданно лицо его осветила счастливая, лучезарная улыбка, и он мотнул головой: – Не-а. Не надо к врачу, Юра. Вспомнил я. Лучше сразу к Богу.

Фраза прозвучала двусмысленно. Малов понял её по-своему и, картинно сложив ладони «домиком» у подбородка, закатил глаза в показном смирении.

– Это всегда успеется. Не торопись, братан. Все там будем.

– Да я же не о том, – запротестовал было Блинов...

– А я всё о том же, – перебил Юрий. – Поспать тебе надо. Особенно после этой встряски. Всё, гуд бай. Свет не буду гасить. Будет хуже, зови...

Тем не менее сам же несколько раз потом подходил к Алексею и, только убедившись, что тот действительно спит, щёлкнул выключателем.

Глава 8

Руль Алексею он, и правда, не доверил, да тот не очень-то и настаивал. Особенно после того, как увидел, с какой тщательностью Юрий проинспектировал машину, прежде чем завести мотор. Не поленился даже осмотреть её снизу. Все его действия были без суеты, неспешными и выверенными, и Алексей, сам шофёр-профессионал, оценив надёжность своего попутчика, безоговорочно уступил ему место водителя.

Можно даже сказать – не без удовольствия. Потому что ему хотелось ни о чём не думать, кроме как о том бла-

гословенном состоянии души, что испытал вчера. Очень хотелось побыстрее уйти в себя, забыться и ждать повторения того удивительного чувства, что, конечно же, невысказано при управлении машиной. Поэтому и расположился на заднем сиденье, чем немало удивил Юрия, и виновато улыбнулся в ответ на его немой вопрос:

– Подремлю ещё немного. Устанешь, подменю.

Малов понимающе кивнул:

– Не волнуйся. Можешь спать до самой Алма-Аты. – И похвалил: – А ты молодец, следишь за машиной. «Жигули» твои в полном порядке, так что домчимся и не заметишь. С ветерком! Ну что, с Богом, что ли? Ты уж извини, но я на всякий случай всегда Его призываю. Привычка уже.

– С Богом, – серьёзно ответил Алексей. – Это хорошая привычка. Мало ли...

– Ну, «мало ли» у Малова не случается, – скаламбурил Юрий. – Прибудем точно по установленному расписанию. Пока ты спал, я тут маршрут расписал так, чтобы успеть в церковь. Ты ещё не передумал?

– Не-не, всё, как обговорено.

– Вот и ладно. Вот и поехали, – тронул машину с места Юрий.

Через несколько минут они уже были за городом.

Алексей устроился поудобнее, прикрыл глаза и попытался вновь предаться воспоминаниям; ведь они вчера принесли ему такое желанное умиротворение! Снова витал он где-то в облаках, играл с сыном, высоко подкидывая его до тех самых облаков, а тот заливался звонким счастливым смехом и прижимался к отцу, не желая ни на секунду расставаться с ним. И вдруг молнией пронзила мысль, заставив его подпрыгнуть на сиденье. Алла! Ни вчера, ни сегодня ни он сам, ни Юрий (очевидно, из чувства такта) старались не упоминать о ней. А ведь многое, если не всё в его дальнейшей судьбе, зависит от неё. Отпустит ли она

его? И если – да, то разойдутся ли мирно, как произошло с Ритой? О, на этот счёт были большие сомнения. Уже лишь потому, что Алла – не Рита. Почему-то только теперь он смог признаться себе, что никогда не любил её. Ему просто льстило быть рядом с такой эффектной красоткой и ловить на себе завистливые взгляды других парней! К тому же она была умницей: циничной, расчётливой, но умницей. А главное – самой успешной в их избранном кругу. И он стремился завоевать её, чтобы попасть в этот круг. Вот и попал. Ценой потери любимого человека. И, как оказалось, не одного.

А ещё обиднее, – и в этом признаться было труднее, – что кругом оказался виноват сам. Даже Аллу винить не стоит. Ах, быстрее, быстрее бы всё с ней разрешилось. Будь, что будет, у него назад дороги нет. Будущее может быть только с Ритой и сыном.

92

Настроение его круто изменилось, и, как часто бывает в такие минуты, человек начинает торопить время. Тут сразу и машина-то бежит не столь быстро, как можно было бы (вон дорога-то, как лента, – жми да и жми!), и Юрий не очень-то сноровисто ведёт её.

– Притопил бы, а, Юра, – тихо произнёс Алексей, но тот никак не отреагировал, похоже, не расслышал. Может быть, из-за того, что как раз съезжал с дороги к небольшой речушке, чтобы подлить воды в радиатор. Теперь и Алексей увидел пар, поднимающийся над капотом, и тоже вышел из машины:

– Не устал? А то поменяемся?

– Не-не, рано тебе впрягаться. Вон, чуешь, самое пекло начинается, – кивнул Юрий на солнце, и с довольным видом отчитался: – Но ничего, полпути, считай, позади. Идём точно по графику и часа через три будем на месте. Машина – зверь! Первый раз воды запросила. А ты нормально вздремнул, даже завидую.

– Это да. Давай-ка, всё-таки подменю? Ты ведь взмок уже от жары.

– Подменишь в Алма-Ате. Церковь-то искать сам будешь.

– Ну и ладно, – согласился Алексей. – Рули, раз такой стойкий.

Но подменить пришлось чуть раньше. Время в непринуждённой беседе хоть и летело быстрее, но нестерпимая жара и духота давали себя знать. И, когда они зашли перекусить в ресторан в Капчагае (в пятидесяти км от Алма-Аты), Юрий не удержался от соблазна и охладил душу пивом.

– Угорел, – признался он и пошутил: – Могу же я иметь какие-то привилегии, как твой личный перегонщик. Остальные километры твои.

– Всё ладом, – улыбнулся Алексей. – Можешь взять что покрепче.

– Э, нет, этим не балуюсь. Только дома и только по завершении дел.

– Ну тогда угощу у себя дома. Согласен?

– До дома надо ещё доехать, – засмеялся Малов. – Шучу. Согласен на все сто. Сдаётся мне, что недаром мы встретились. Что ж, так сразу и расстанемся, что ли?

– Да нет, конечно. Чую это и я. Но загадывать, и правда, не будем.

До города оставалось каких-нибудь семь км, когда посреди степи, на прямой и пустынной в общем-то дороге Алексей заметил несущуюся навстречу иномарку. Вот она нырнула в распадок и через мгновение уже вылетела наверх.

– Шикарная лайба! – восхищённо зацокал языком Юрий. – Джип «Ниссан-Патрол». Гонял один раз уже такой. – И вдруг закричал, увидев, что джип, обогнав какой-то грузовик, так и мчится по встрече: – Куда он прёт? Куда он прёт? Уходи, Лёха!

Впереди них на старенькой бричке ехал, судя по синему ватному чапану и цветной тюбетейке, такой же старенький аксакал, изредка постёгивая ишака камчой. Мурлыкая себе под нос, старик не видел, что джип летел прямо на него, да и вряд ли он успел бы что-то сделать.

Алексей же успел увильнуть с обочины вниз и пытался удержать машину, чтобы не перевернуться, когда от страшного удара разлетелась бричка и её отскочившее колесо шарахнуло в переднюю дверцу. Острая боль пронзила всё тело, каким-то невероятным усилием воли он вырулил всё же в степь, нажал на тормоз и, навалившись на руль, потерял сознание.

Юрий, больно ударившийся головой о верх кабины, некоторое время сидел в полном в оцепенении, потом взглянул на товарища.

94

– Лёха, ты как? – легонько потормошил его и тут же пулей выскочил из машины. Вмятую дверцу со стороны Алексея заклинило так, что она не поддавалась. – Ах, ты мать честная! – засуетился он, пытаясь открыть заднюю, но не открывалась и она. – Приехали называется. Шас я, шас.

В это время раздался вой милицейской сирены; он интуитивно обернулся. Из джипа, несколько раз прокрутившегося, но устоявшего на колёсах посреди дороги, выскочили двое человек и побежали в сторону видневшегося невдалеке посёлка. За ними, на ходу расстёгивая кобуру, погнался милиционер из подоспевшей машины, другой остался у лежавшего на обочине тела аксакала, а третий – сержант – быстро спускался к Малову.

– Стой! – послышался окрик первого. – Стой или стрелять буду!

Убегавшие остановились, и только теперь Юрий увидел, что это подростки лет пятнадцати, не больше.

– Мать честная! – снова громко вырвалось у него. – Сопляки совсем.

– Эти сопляки успели избить владельца джипа, а потом уже угнали его, – скороговоркой выпалил подбежавший сержант и, мельком взглянув на машину, тут же распорядился: – Так, давай с той стороны его выташим, здесь намертво заклинило. Помогай, помогай.

С большой осторожностью они вытащили Алексея, не подававшего признаков жизни, и лишь когда положили на землю, он тихо застонал и снова затих.

– Живой мужик, – облегчённо выдохнул сержант и остановил наклонившегося было к нему Юрия: – Не трогай его. «Скорая» с минуту на минуту будет, разберутся без тебя. Пойдём, обскажешь, что к чему.

Когда с его слов уже были запотоколированы все обстоятельства аварии, врач приехавшей «скорой» осмотрела и его, и распорядилась везти обоих в больницу. У Юрия она заподозрила сотрясение мозга. Он понуро поплёлся за медбратам, с горечью повторяя про себя: «Приехали, называется».

Прямо около них резко затормозила ещё одна милицейская машина, и молоденький лейтенант что-то энергично прожестикуюлировал сержанту, которому Юрий давал показания. Тот вдруг засуетился, побежал к своей машине, вывел тех двоих пацанов и, откозыряв, усадил их к лейтенанту. На лицах обоих отчётливо читалось высокомерное презрение ко всем, находящимся здесь, на месте устроенной ими аварии.

– Странно, – громко, чтобы слышали все, сказал Малов. И, не спуская глаз с лейтенанта, повторил: – Странно. Или закономерно?

– Не твоего ума дело, – прошипел в самое ухо резво подскочивший к нему сержант и, ещё раз козырнув вслед рванувшимся с места «Жигулям», поторопил врача: – Везите, везите быстрее больного. Не видите, погнался мужик! Ваш диагноз подтверждается.

– Всё правильно, – пробормотал Юрий. – Всё через пень-колоду.

Бросив взгляд на неподвижное тело старика, около которого теперь – вот уж диво дивное! – стоял живой и невредимый ослик в ожидании приказа своего хозяина, Малов вопрошающе посмотрел на медбрата.

– Не наш контингент, – отводя глаза, коротко буркнул тот. – Заберут, не бойся.

Так и остался в памяти тёмно-синий чапан аксакала, брошенный на голову кусок материи, валяющаяся рядом тубетейка и тут же печальный ослик, не понимавший, почему не встаёт аксакал.

Глава 9

Палата была просторная, светлая, в углу на красивой тумбочке стоял цветной телевизор, а по потолку и по стенам бойко выплясывали солнечные зайчики. Отражались они в том числе и от склянок, которые Алексей, придя в себя, увидел на штативе прямо над собой. «Капельница, – тупо обозначил он. – А палата не меньше, чем совминовская. Где это я и зачем? – И тут же вспомнил: – Значит, живой. А Юра?» – Он попытался приподняться и едва удержался, чтобы не застонать от резкой боли.

– Поговорите, но только пару минут, не больше, – сказал женский голос, и он увидел присевшего на стул рядом с ним молодого человека в милицейской форме.

– лейтенант Лунгин, – представился парень. – Следователь. Сможете ответить на пару вопросов? Если нет, закройте глаза.

– Что с Юрой? – невольно вырвалось у Блинова, и собственный голос показался ему чужим. Будто говорил все не он.

– Отлично! – обрадовался лейтенант, и тут же поправился: – Имею в виду, хорошо, что можете говорить. А Юра – это ваш попутчик, как я понимаю? Ну ему повезло больше, он здоров и выписан в первый же день.

– В первый? А я? Какой день тогда здесь я?

– Вам сделали операцию. Наложили гипс. Остальное вам объяснят врачи. Вернёмся к вашему знакомому: показания он дал, но поскольку сориентироваться вам всё-таки ещё сложно, я их сейчас зачитаю. Послушайте, и если согласитесь с ними, то нужно будет лишь подписать протокол, и мы, то есть, следствие, оставим вас в покое. Не потревожим, пока не выздоровеете. Начнём? Здесь не больше, чем на минуту-две.

Как только он начал читать, Блинов почувствовал, что тут не всё чисто: смысл был в том, что старик, по видимому задремав, совершенно внезапно выехал на бричке на встречную полосу, и водитель джипа не успел затормозить. Ни про обгон, ни про грузовик речи не было. То, что это липа и Малов не причастен к ней ни с какого боку, Алексей понял сразу; по части фабрикации таких протоколов он был осведомлён не хуже этого Лунгина. Он даже знал расценки на такого рода документы. Не раз и не два приходилось выпутывать из невыгодных ситуаций коллег по работе, включая и высокое начальство. Но там, как правило, нарушения были не так серьёзны. Здесь же погиб аксакал и на него же сваливалась вина. Значит, за рулём того джипа было некое важное лицо; этот вывод напрашивался сам собой, и Блинов (тёртый калач), чтобы не попасть впросак, решил выиграть время.

Притворяться не пришлось, так как очередной приступ боли не заставил себя долго ждать, и он, громко

застонав, закрыл глаза. Тут же появилась медсестра, миловидная женщина лет под сорок, и следователь послушно вышел из палаты, предупредив её, что завтра придёт ещё раз.

– Сестричка, – жалобно попросил Алексей, как только он вышел, – скажи, сколько я уже здесь? Что сейчас: утро или вечер?

– Утро, утро. Четвёртый день пошёл. Успокойся, всё самое страшное позади. Раз уж из реанимации в палату перевели, значит, будем жить.

– Вещи мои здесь?

– Всё здесь. И вещи, и документы, не переживай.

– Это хорошо. А кто-нибудь ко мне ходит?

– Жена была... раза два, – в её голосе Алексей уловил нотки удивления: – Просила позвонить, когда в себя придёшь. Я ещё не звонила.

– А кроме неё, кто-нибудь с работы был?

– Не знаю. Мужик, с которым тебя привезли, тот по нескольку раз на день приходит. Справляется. К тебе же пока что никого не пускают.

– Сестричка... как мне к тебе обращаться?

– Лидой зови. На людях Лидией Сергеевной.

– Лида, сделай так, чтобы его пустили, если ещё придёт. Мне это очень важно. Я в долгу не останусь, увидишь.

– Увидим, – вздохнула она. – Как придёт, так и постараюсь. – И, вроде как рассуждая сама с собой, добавила: – Вот молодёжь пошла! О друзьях просит, а о жене – хоть трава не расти. Ей-то позвонить-нет?

– Не надо. Когда придёт, тогда и придёт. Скажешь, не дозвонилась.

– Понятно, – снова вздохнула она. – Так и скажу. Лежи, через час с уколом приду.

А к обеду в её сопровождении появился Малов.

– Вы только потише тут, – предупредила Лидия. – И недолго.

– Ну что, Лёха? – после дружеского приветствия и обязательных расспросов озабоченно начал Юрий. – Докладываю: кажется, влипли мы в историю, хуже не придумаешь. – И, как бы подтверждая ту, возникшую у Алексея прежде догадку, спросил: – Кто за рулём джипа был, сказать?

– Кто-то из... – Блинов закатил глаза под лоб, – самых-самых, так?

– Так, да не совсем. Это сын такого самого-самого. Сынок одного местного партайгеноссе. О-о, бо-ольшого полёта птица. Кстати, ты хоть знаешь, кому обязан такой роскошной палатой?

– Думаю, Алла позаботилась.

– Ничего похожего. Как раз ему, отцу того акселератора, что угробил старика, да и нас с тобой чуть-чуть не отправил на тот свет. Если бы не твоя реакция, не разговаривать бы нам с тобой сейчас. Вообще ума не приложу, как ты смог по откосу удержать машину. Да ещё на скорости! Говорю без всякой лести: не уверен, что я бы успел так среагировать! Стало быть, вовремя мы с тобой поменялись местами. Не возражай, я знаю, что говорю. Ну да ладно, как говорят, вернёмся к нашим баранам, то бишь, к этому отпрыску. Ему с друзьями, видишь ли, искупаться на Капчагае приспичило, а батя предоставить машину с шофёром отказался. Ну, он и угнал её, да не просто так, а предварительно оглоушив его личного шофёра. Тот где-то в этих же стенах головой мается – череп они ему проломил. Да как-то ещё в городе никого не сбили. Тот аксакал первой жертвой оказался, ну и мы по касательной. Мне обо всём этом гаишник рассказал ещё до приезда своего начальства. Не знал ещё сам бедолага, кто эти угонщики, вот и разоткровенничался. А потом,

когда втык от командира получил, сам же посоветовал мне забыть, что слышал. Тебе же, мол, лучше: меньше знаешь – живее будешь. Ну так-то оно так, но теперь мне ещё и показания мои же велят изменить.

– Всё правильно, – криво усмехнулся Алексей. – Сегодня утром мне эти показания читали. Твои, дескать. Я не поверил, сплошная туфта.

Алексей передал содержание зачитанного ему протокола.

– Во дают! – изумился Малов. – Уже сварганили! Да не мои это показания, Лёша.

– Да я знаю. Но если бы я поверил и расписался, следом уже и тебя точно так же бы обули – вот и весь секрет их работы. Там и дело можно закрывать. Виноватых-то нет! В общем, ты прав: влипли мы в некрасивую историю, и я не уверен, что от нас зависит, чем она закончится.

– Вот и я то же самое сразу заподозрил, – поскучнел Юрий. – Они ж на тебя ссылались, дескать, ты просил. А как ты можешь просить, если только сегодня очухался от операции. Вот я каждый день и ждал, когда оклемаешься. Посоветоваться чтобы. Мне ведь надо за очередным заказом вылетать. Ну, ты в курсе, о чём я.

– Лети, Юра, не бери ничего в голову. У меня достаточно опыта, чтобы найти с ними общий язык. К тому же, успеешь не раз обернуться, пока я тут валяться буду. Твои показания у них есть, а уж что там дальше будет, посмотрим. Надеюсь, тебя не задерживают?

– Ка-акой там, наоборот, – отмахнулся Малов. – Вали, говорят, на все четыре стороны, а понадобится, так найдём хоть здесь, хоть во Владике. – Юрий понизил голос: – Скажу прямо, Лёша, им по боку мои показания. Ты – главный свидетель, и им надо купить тебя, чтобы отмазать сосунков. Твою вон лайбу уже отрихтовали-отполировали – блестит, как новенькая! Ни намёка, что

в аварии побывала! Умельцы, что там говорить. Она недалеко тут в мастерских стоит, так следователь мне её вчера показывал. Явно для того, чтобы я тебе сказал. Опять же палату предоставили тебе – кум королю! – не от бескорыстной же любви к ближнему. Да и без этого куда ты денешься? Что тут можно противопоставить? Надавят так, что рад будешь, как бы самого в аварии не обвинили. До этого не дойдёт, конечно, но случаи такие знаю. Но ты-то, ладно. Можно согласовать показания, то да сё, можно ещё о чём-то договориться за нанесение ушерба здоровью. Но это значит, что виноват во всём окажется старик, а мне его жалко. У меня его ослик так и стоит перед глазами. Стоит и ждёт, когда он поднимется. И родных его жалко. А что выйдет из этих отпрысков? Не поймут ли они так, что можно убивать безнаказанно? Папа, мол, замнёт любое дело.

– Юра, а почему ты решил, что я поддамся на всё это?

– Я этого не сказал. Просто предположил то, что происходит обычно в таких случаях. Слушай, Лёша, даже если ты и станешь упираться – плетью обуха не перешибёшь. Не понимаешь ещё, к чему я клоню? А что если подключить прессу, а? Как ты насчёт прессы? Это может поставить их на место. Времена уже не совсем те и... – Тут он увидел страдальческое выражение лица своего друга: – Ох, прости, прости, Алексей, тебе плохо?

– Нет-нет, я уже почти в порядке.

– Да уж где там в порядке. Тут даже будь в здравом уме и доброй памяти, и то голова кругом пойдёт. Каково же тебе? Давай отложим разговор на потом, а то у меня, видать, ум отшибло на почве аварии. Совсем заговорил тебя.

– Всё ладом, Юра. Ты всё правильно сказал. Только не надо прессы. Сами придумаем, как действовать дальше. Как фамилия босса, не узнал?

– Омаров, кажется. Да фамилия – что? Тут должность – главное. Лунгин вон говорит – рукой не достать.

– Это я для Аллы. Она разовьёт такую деятельность – почище всякой прессы будет. Пусть и не очень хотелось бы, но придётся её подключать, чтобы нам в итоге не опростоволоситься. Ладно, сначала посмотрим, что завтра следователь выдаст. Когда вылет намечаешь?

– Да это хоть завтра. Но если надо, задержусь.

– Не надо. Лети со спокойной совестью. Вернёшься – проведешь. Одна только просьба, Юра, очень важная для меня.

– Да.

– Что бы со мной ни случилось ни сейчас, ни потом, не подключай прессу. Во-первых, среди репортёров встречаются гнилые люди, и один из них сильно навредил мне. Не было бы его статьи, может, всё у нас с Ритой было бы по-другому. Оттого-то и нет к ним уважения. Понял, да?

– Как скажешь, Лёша. А во-вторых?

– А во-вторых, – Алексей попытался улыбнуться: – Во-вторых, это мой воз, мне и везти. Одно обещаю твёрдо: ты будешь ни при чём. Главное, не волнуйся за меня и поезжай, как говорила моя Рита, с миром Божиим. Ты ведь сам говорил, что на всякий случай Бога вспоминаешь. Вот и я вспомнил, потому что вижу в тебе настоящего друга. Глядишь, и мне когда-нибудь зачтётся.

– О, это зачтётся, не сомневайся. Я уж сколько раз в этом убеждался. Ну, спасибо на добром слове. Тогда, значит, как вернусь, так сразу и объявлюсь. Поправляйся быстрее.

– Постараюсь.

Малов вышел из больницы, обогнул расположенный перед парадным подъездом фонтан и остановился на тротуаре в тени могучего дуба. Рядом журчал арык, отделявший

аллею из дубов и стройных тополей от проезжей части улицы и создавая приятную прохладу вкупе с бьющими по всей окружности фонтана струями воды. Взлетая с боков они разбивались на мириады мельчайших брызг об огромную причудливую бетонную вазу в центре, и Юрий с наслаждением подставил лицо под эту их морось. Несколько детишек резвились по всему кругу фонтана, плеская водой друг на друга. Он с улыбкой следил за ними и медлил уходить. Что-то удерживало его здесь, навевая какие-то грустные воспоминания. А вывел его из этого мирного созерцания резкий взвизг тормозов: на противоположной стороне дороги лихо припарковалась чёрная «Волга».

«Лихач, чтоб тебя... – мысленно обругал он шофёра. – Не иначе, перед хозяином выкаблучивается. Министра, поди, возит». Но машиной залюбовался: больно уж эффективная. Вскоре из неё вышла не менее эффективная молодая дама и, простучав каблучками по асфальту, у тротуара обернулась, чтобы послать водителю воздушный поцелуй.

«Интересно, – изумился Юрий. – Что ж там за шофёр такой!»

– Может, всё же подождать, если недолго? – высунулся тот в окно, будто услышав его желание. Сильный акцент, интонации, да и облик выдавали в нём турка. – Или я уехал?

Дама молча махнула рукой: езжай, дескать.

– Ну, как знаешь, – хлопнул он дверцей. – Тогда до вечера. Заеду.

Она уже не ответила, торопливо шагнула к больнице, и едва не столкнулась с зазевавшимся Маловым, удивлённо разглядывавшим теперь не только машину, но и шофёра. Он учтиво посторонился, уступая дорогу, и... узнал в ней Аллу (Алексей показывал фотографию). Видимо, на лице его что-то отразилось, так как

она приостановилась и озабоченно взглянула на него. Он слишком поспешно отвернулся и, приняв непринуждённый вид, двинулся было дальше, но она окликнула его.

– Минуточку! Да, да, я к вам обращаюсь. Подождите!

Он молча подождал. Ясно, что она поняла: он видел их любезности.

– Вы ведь Юрий Малов, не так ли?

Юрий всё так же молча кивнул. Хотя удивился ещё больше.

– И идёте от Алексея, – утвердительно сказала она.

Ещё один кивок.

– Я Алла. Его жена.

– Я это понял.

– Ну, слава Богу, заговорил, – язвительно хмыкнула она. – А то уж подумала, немой. Лунгин говорил мне о вас. Как там Лёша?

Юрию вовсе не хотелось говорить с ней. В голове был настоящий сумбур: неожиданный и больно уж неприятный с любой точки зрения.

– Вы же идёте к нему, – ответил, не глядя на неё.

– А вы не очень-то приветливы, – усмехнулась Алла. Глаза её стали злыми: – Надеюсь, вы не придали значения моему разговору с... – Она кивнула назад: – Ну, с шофёром этим.

– Нет, не придал, – медленно покачал он головой.

– Это, конечно, всё наши шутки, обычные дружеские шалости, не более того. Но доносить о них Алексею сейчас не стоит, поверьте.

– Успокойтесь, я ничего не слышал и не видел.

– Это обнадеживает. Если вы его друг, то должны понять, что ему такие новости совсем ни к чему. В его-то положении...

– Он скоро выздоровеет.

– Я не о том.

– Не понял. О чём же ещё может быть сейчас речь?

– Я вам расскажу, но только с условием, что будете держать язык за зубами и ничего пока ему не скажете.

– Об этом я уже уведомил вас, мадам, – потерял терпение Юрий. – В своих отношениях разберётесь как-нибудь без меня.

– Речь не о семейных отношениях, а о нашей работе.

– Вот как, – насторожился он. – Неприятности?

– Да. И это важнее, чем разборки между мужем и женой. Или вам всё равно?

– Нет. Это в корне меняет дело. Вам что-то угрожает? Обоим?

– Об этом как-нибудь в другой раз, – Алла многозначительно поджала губы: – Пожалуй, лучше будет, если пока не будете знать. А то наломаете ещё дров вместе с Блиновым. Но в следующий раз скажу обязательно. Так что, до скорого. И не забудьте, что обещали.

Юрий не стал останавливать её и допытываться. Зачем? Более или менее ясное представление о даме у него сложилось ещё по эпизоду с Ритой, о котором рассказывал Алексей, а наглость, с какой она вела себя сейчас, только подтверждала это: властная баба. Немудрено, что Алексей у неё под каблуком. Властная, коварная... и красивая. Не отнимешь. Но этот турок... И Малов в недоумении разводит руками.

«Хотя, чего это я так накручиваю? – Пытается убедить он себя. – Может, у неё с этим чуреком действительно, как она говорит, дружеские отношения. Или вполне может статься, что это друг Алексея и просто подвёз её к больнице. Правда, вечером пообещал заехать, а вечером к жене друга вряд ли заезжают... особенно если этот друг в больнице. Вот уж воистину говорят, что «чужая семья – потёмки». Короче, пусть разбираются сами: кто знает, как сложится у них в дальнейшем. А мне разумнее всего промолчать».

На том и успокоился.

Глава 10

Встреча Алексея с женой получилась хоть и недолгой, но полной эмоций. Едва появившись в палате, она упредила, что пустили её «буквально на минуточку», дабы не утомлять его, ослабевшего после операции. Потом, расцеловав мужа, стала украшать принесёнными фруктами вазу на столике и выкладывать ещё что-то в тумбочку, не переставая при этом говорить ему слова утешения. И то подбегала к нему, чтобы поправить одеяло, то бежала к окну раздёрнуть шторы, чтобы было больше света, то, наоборот, прикрывала форточку, чтобы не было сквозняка. В общем, суетилась так, как и положено любящей жене. Не забыла спросить и о родителях и предложила вызвать их телеграммой.

106 И он тут же забыл, к чему готовился до аварии и после операции, когда пришёл в себя уже здесь, в палате. Ушло всё куда-то, отодвинулось на задний план, как будто и не было тех переживаний, тех планов по поиску Риты с Глебом. Была только Алла, и он в умилении наблюдал, как она хлопчет о нём. И, конечно, он не хотел тревожить родителей, о чём и попросил её.

– Ну не надо, так и не надо, – согласилась она, – но на твоём месте я бы вызвала.

Расфасовав наконец продукты, она присела к нему на кровать.

– Ешь витамины. Доктор сказал, тебе нужно больше фруктов. Переломы, говорит, лучше заживают.

И тут же вскочила, изображая благородное негодование:

– Нет, ты представляешь, тебя перевели в палату ещё вчера, а мне сообщили лишь сегодня. Хотя я наказывала сестре известить сразу же. «Никак не могла

дозвониться», – передразнила она Лидию. – Я ей это ещё припомню.

– Не надо, Алла. Не ставь меня в неловкое положение. Это я ей сказал, – как можно более слабым голосом произнёс Алексей и удивился, как ловко это у него вышло. И следом ещё ловчее соврал: – Не хотел, чтобы ты меня такого немощного видела.

– Ах ты, дурачок мой, – развеселилась она. – Ты – живой, вот что для меня главное! Кстати, врач только что заверил меня, что у тебя всё идёт просто отлично. Через три-четыре дня будешь всю ходить, а там и до выписки недалеко. За-бе-ру и никого не послушаю: дома своё долежишь. А если что, долечу сама.

От такой чуткости Блинов и вовсе растаял, а она, взглянув на часы, озабоченно вздохнула и виновато развела руками:

– Ну, мне пора. Завтра не жди, работы по самое «не могу». Двое нас осталось на весь отдел: кто-то на больничном, кто-то в отпуске, ну, сам понимаешь, голову поднять некогда. А тут ещё отчёты... Но как закончу, так сразу к тебе. Если что надо будет, скажешь сестре, она мне позвонит.

Ещё раз поцеловав Алексея, Алла выглянула за дверь, прикрыла её плотнее и, приставив палец к губам, продолжила уже совсем тихо:

– Лёша, не хотела говорить, но вдруг не скоро управлюсь с отчётами и не успею предупредить. Короче говоря, на базе переполох из-за чьей-то анонимки, причём строит козни явно кто-то из своих, так как больно уж адресно всё изложено. В общем, могут быть крупные неприятности. Поэтому прошу тебя вот о чём: следователь Лунгин уже был у тебя? Вот. Постарайся задружить с ним. Он с тобой по просьбе самого Омарова занимается, а тот может одним звонком много чего уладить. Знаешь, нам

ведь уже и машину восстановили – не подкопаешься, и палата вот... Всё это через Лунгина. Он вроде как доверенное лицо у Омарова, понимаешь? А что ему нужно от тебя, ты сам должен догадаться. Кстати, с твоим другом Маловым уже вроде бы улажено. Потом, Лёша, потом возражения. Делай, что говорю. Вернее, что скажет Лунгин, потому что это сейчас самый нужный для нас человек. А уж когда мы того писаку вычислим, тогда... Ну, ты понял, да? Вот и молодец. Чао!

И, не пояснив, что именно будет с анонимщиком, исчезла за дверь. А он с удивлением отметил, что не возбудился ни вестью о ревизии, ни мстью, которой впоследствии обязательно подвергнется тот, кто «строит козни». Надо же: всего-то две недели с небольшим не был на работе, а уже отвык от этого привычного для него житейского ритма с непременным поиском «нужных» людей, от постоянных дум о выгоде и непременном, хоть и скрытом, страхе перед той самой ревизией. Вот опять же странность. Все прекрасно знают, что директор базы всё уладит: загрузятся ревизоры дефицитом – вот и вся ревизия! А страх тем не менее сидит в каждом.

«Всё одно да потому, одно да потому, – с горечью итожит Алексей. – Не успел очухаться, как уже что-то через кого-то надо. С одним – задружить, другого – к ногтю. Всё бегом, бегом, всё срочно, неотложно, прямо сейчас. Неужели так будет всю жизнь? Да пропади всё пропадом!»

И накатила вдруг такая тоска, что вспомнились враз все планы, и торкнулась в голову мысль, да до того шальная на тот момент, что буквально ошарашила: а не махнуть ли на всё рукой? Пусть бы оно летело всё в тартарары, коль уж решил вернуть Риту! Хватит! Когда-то же надо начинать новую жизнь.

И тут же испугался своей смелости, даже огляделся, приподнявшись на подушке, что не подслушал ли кто его

мысли. Новая жизнь, оно, конечно, хорошо, и он много думал, можно сказать, стремился к ней. Но... так, чтобы финансово оставаться в привычной, старой.

«Не-не, – бормочет он сам себе. – Пока что не с руки этот разговор заводить. Это уж когда оклемаюсь, тогда да. Тогда обо всём скажу ей».

Но уже знал, что не скажет. Ведь стоило увидеть Аллу, как он не только не отважился объявить о своих планах, а больше всего переживал, как бы она во время посещения не стала допытываться, откуда он ехал в тот день. То есть, почувствовал себя виноватым перед ней и боялся быть разоблачённым. И это сознание даже не страха, а собственной трусости угнетало ещё сильнее. Унижало в собственных глазах. До Риты ли тут с Глебом!

Пусть не досадует мой читатель на такую быструю смену чувств героя: ведь это было следствием его физического и душевного состояния после аварии. Давали себя знать постоянные боли и неизвестно откуда взявшийся страх перед уколами (их, как оказалось, он просто панически боялся), которые ему делали через каждые три часа, ну и конечно, вынужденная неподвижность. Он часто впадал в дрёму, но не спал, а находился в полузабытии и, очнувшись, не сразу понимал, где сон, а где реальность. Вот и теперь он незаметно забылся и в каком-то пограничном состоянии между сном и явью вновь ощутил присутствие Аллы, взял её руки в свои и стал что-то сбивчиво и невнятно объяснять. А она с улыбкой внимала и как-то попечительски, словно малому дитяти, с присущей ей иронией указывала на полную несостоятельность его задумки. Дескать, ты решил уйти от меня, а чем это может обернуться, подумал? Готов ли ты потерять всё нажитое? Пусть не совсем праведным путём (а кто сейчас живёт честно!), но ты заработал всё это. И это – твоё. Заметь: пока – твоё. Но оно в том числе и моё. Так как

дом, машина да просто денежные сбережения – всё это наше! Неужели ты надеешься, что я тебе что-нибудь из этого оставлю? Забудь! А без всего этого – ты нищий. Ну? И как тогда будешь искать свою Риту? На какие шиши? За границу что ли голодранцем поедешь?

– Как ты узнала о Рите? – сдавленно вскричал он, дёрнулся в кровати и застонал от пронзившей боли. Боль и безотчётный страх непонятно за что, дополняя друг друга, заполнили всё его существо. Потом, осознав, что это всего лишь наваждение, он успокоился и уставился в потолок недвижным взглядом. И снова что-то неуютное крадётся в душу, в уши шепчет доверительно: «А ведь это так оно и будет, если не выбросишь из головы глупые задумки. Алла с помощью дяди просто обдерёт тебя, как липку. Ведь всё записано на неё и «на всякий случай» на её родственников. А они, эти «случаи» всё чаще имеют место быть в наше перестроечное время. Они просто переступят через тебя, как сказал твой отец. Думай, матрос, думай. Голодранцем за границу, и правда, не уедешь».

В горле Алексея пересохло от волнения, он дотянулся до стакана на тумбочке, выпил воды. Воображаемый собеседник может вполне оказаться прав в своём предсказании: лишившись своего благополучия, он вряд ли что-то сможет сделать. Но кто сказал, что он хочет терять всё это? Он уже так свyksя с тем, что деньги сами текут в карман, что другой жизни как-то и не представляет. После этого пойти работать за гроши, мыкаться по квартирам... Ну-у-у, это уж извините.

«А как же Рита? Глеб? – с ослабевшим и уже не столь болезненным укором слышится другой голос. – Неужели попустишься?»

«А нужен ли я ей теперь? – безвольно повторяет Алексей за тем, кто нашёптывает на ухо. – Столько времени прошло. Может быть, у неё уже другая семья. Кто знает?»

Он знает, что это не так. Он даже уверен, что это не так. И тем не менее с готовностью цепляется за столь нужные ему в данный момент слова. Потому что это уводит от переживаний к мнимому покою. Он действительно чувствует наступившее в душе спокойствие. Только оно какое-то тяжкое и... не светлое. Тот свет вспыхнувшего в душе огонька в номере балхашской гостиницы погас уже при первом сегодняшнем сомнении. И загасил его сам Алексей.

А для самоуспокоения тут же и довод оправдания откуда-то выплыл, что, мол, он-то, конечно же, хотел и обязательно нашёл бы их, но вот же – авария! Это она, окаянная, встала на пути, развернула все обстоятельства против него, и – вот! – он пока бессилён что-либо противопоставить. А значит, надо ждать. Ждать надо. Может быть, оно всё как-то и образуется.

«Кому я это говорю? Перед кем оправдываюсь?» – недоумевает он. И понимает, что перед самим собой. И начинает тихонько себя ненавидеть.

Наутро лечащий врач констатировал у больного признаки депрессии, о чём подозревал с самого начала, и прописал лекарства.

Глава 11

Лейтенант Лунгин не спешил к свидетелю с повторным визитом, как не спешила с этим и Алла. И хотя не пришли они ни на завтра, ни в последующие дни, Блинов воспринял это с полным равнодушием. Зато на третий день, когда он уже мог ходить по палате (причём по настоянию врача чем больше, тем лучше), его посетили интеллигентного вида дочь и сын погибшего аксакала. Справившись о его

здоровье, они для начала расспросили об аварии, потом долго рассказывали о том, каким хорошим человеком был их отец, приводили примеры из его жизни. И только под конец беседы, стыдливо отводя глаза, сообщили, что у них с Омаровым произошло так называемое «примирение сторон», и попросили Алексея не упорствовать в своих показаниях, а согласиться с выводами следствия о вине старика.

– Не осуждайте нас, – вытирая глаза уголком платочка, упредила дочь аксакала возможный вопрос Блинова. – Буду с вами искренна: отца не вернёшь, а нам здесь жить и дальше придётся. – В её голосе покорность судьбе и ни намёка, ни тени на надежду. – Какая нам польза от того, что обвинят пацанов? Посадить их всё равно не посадят (они даже не фигурируют в данных следствия!), а вот все-сильных врагов на всю оставшуюся жизнь наживём. Да вы, наверное, и сами это понимаете?

112 Алексей долго молчал, медленно покачиваясь всем корпусом. На лице его отразилась буря эмоций, особенно после вот этой последней её фразы. Потому что не только понимал, но именно это и предвидел.

– Понимаю, – криво усмехнулся он наконец и вздохнул: – Ну, хоть помощь какую-то окажут?

Она расценила это, как ответ, и признательно тронула его за плечо:

– Спасибо, что поняли нас. Остальное не имеет значения. Так мы можем передать следователю, что договорились?

– Да. Передайте. И всего вам доброго.

«А Лунгин-то оказался не таким уж и зелёным, как я представил его себе, – смекнул Алексей, когда они ушли. Препараты, выписанные врачом, оказали благотворное действие на его психику, и теперь он, в дополнение к тому, что зримо выздоравливал физически, снова был способен к анализу ситуации: – Неужели догадался из той первой

беседы, что я закосил? Почуял, что не подпишу, и не захотел тратить лишнее время на уговоры? Да и зачем, если есть такой козырь, как родственники аксакала. Если так, то Омаров не зря его при себе держит. Интересно, что они предложат мне. – И размечтался, вспомнив о наказе жены: – Вот исполню просьбу Аллы насчёт дружбы с ними и снова буду «на коне». Быстрее бы этот Лунгин появился, а там... там видно будет. Моя игра ещё впереди. Будем посмотреть, как говорят французы».

Он уже был в состоянии шутить: верный признак скорого выздоровления. Немного тревожило только то, что уж больно долго нет Аллы. Но она же предупредила.

В приподнятом настроении Алексей бодро приподнялся с кровати и, держась за бок рукой, прошёлся по палате. У окна, держась теперь за подоконник, попробовал осторожно присесть. Получилось. Ну, теперь можно и домой собираться, надоело уже палату мерить. И даже глаза зажмурил от приятной мысли: вот появишься Алла сейчас, так и огорошил бы её, что забирай, мол, муженька, раз уж сама вызвалась забрать, как только на ноги встану. Напрохлаждался я тут уже всласть, домой поехали.

И аккурат в этот момент в дверь, и правда, постучали, но появился в палате Павел Лунгин, а не Алла. И разговор состоялся совсем не тот, на который он рассчитывал.

– Ходите уже? – осведомился следователь. – Это хорошо. Но всё равно долго вас задерживать не стану. Набирайтесь сил, они вам очень скоро пригодятся.

– Это в каком смысле? – насторожился Алексей.

– Ах, не обращайтесь внимания, – устало махнул рукой Лунгин. – Трёп обычный, не более того. Я с вашего позволения присяду. Ну, что, будем перечитывать показания Малова или сразу подписываем?

– Давайте, подпишу.

Блинов тоже подсел к столику, подписал протоколы, не читая, потом откинулся на спинку стула и, как ученик на уроке, поднял руку:

– Один только вопрос. – Чуть помедлил и улыбнулся: – Нет, два. Только ответ начистоту, Павел.

– Да хоть три. Говори, я слушаю.

Оба даже не заметили, как перешли на «ты».

– Я же всё понимаю. Ну, хорошо, дело замяли, да? Замяли. Честь и хвала и тебе, и мне немножко. Но, извиняюсь, мои-то претензии теперь к кому – к покойнику?

Лунгин, поджав губы, часто-часто закивал головой, давая понять, что ждал этого вопроса, но не сейчас. Потом, видимо, решившись на что-то, скрестил руки на груди и взглянул искоса.

– М-да-а, – протяжно выдохнул. – Претензии, говоришь?

– Угу. Кто мне будет возмещать больничный, да вообще ущерб за...

– Э-эх, милый ты мой, – не дал договорить следователь, – не о том тебе заботиться сейчас надо. Не о возмещении ущерба и не о том, чтобы, как ты говоришь, «дело замяли», а ... – и сам теперь прервался, выразительно оглянулся на дверь и вполголоса продолжил: – А благодарить судьбу, что вообще это дело случилось.

– То есть, как? – опешил Алексей.

– А так, – склонился к нему Павел через стол. – Вообще-то я обещал доктору ни о чём серьёзном с тобой не говорить. Он подозревает, что с нервишками у тебя что-то неладно, так, мол, чтобы не расстраивать. Но Алла настояла, чтобы я рассказал всё. Говорит, ты мужик крепкий. Да и дело ваше не терпит отлагательств. Так как, говорить?

– А где... Алла? – не отвечая на вопрос, спросил Алексей в момент осипшим голосом. Не сводя глаз с Павла, он с усилием поднялся со стула, но ниоткуда взявшаяся

противная дрожь в коленях не дала устоять на ногах и тут же сел снова: – Когда она придёт?

– Она не придёт, – всё так же тихо сказал Лунгин. – Под следствием твоя Алла, понял? Ну не в КПЗ, конечно, но под надзором. И контакта с ней у тебя до суда не будет. Если и будет, то только незаконный... вот этот, через меня. Теперь слушай и постарайся не свихнуться умом, если ты, и правда, мужик, как она утверждает. Всё ещё можно будет исправить и зависит это только от тебя. Готов выслушать?

Алексей судорожно сглотнул и кивнул в знак согласия.

– Вот и молодец, – удовлетворённо заметил Павел. – Так и держись дальше. Я коротко, в двух-трёх словах. Значит, излишки вскрытые во время ревизии на одном твоём складе, и, наоборот, недостача на другом, такие, что в обойме тянут не меньше как лет на десять. Не трепыхайся, доказывать, что это не так, надо будет не мне, сам понимаешь. Да это как раз доказывать-то и не надо. Там измерения вроде как в вагонах идут, если я правильно понимаю. Дальше: то, что тебя подставили, пока ты был в отпуске, ни у кого не вызывает сомнения, но слова к делу не пришьёшь. Тем более, что любому ясно главное: муж на складе, жена товаровед, да? Вот Алла и идёт прицепом за тобой. Или ты за ней, тут разницы немного. Теперь смекай: будешь пытаться что-то доказывать – схлопочете в лучшем случае на двоих пятнашку. Возьмёшь на себя – под чистую выгородишь жену, а тебе в ответ за вот эту твою подпись, – тут Лунгин ткнул пальцем в протоколы, – дадут не больше двушки. Да и то на стройках народного хозяйства. То есть, та же воля, та же работа, только не на складе. Но ты же не рождён быть завскладом? Работал же когда-то и шофёром, насколько я знаю. В общем, максимум через год будешь с женой пить чай с маслом уже дома – это тебе гарантии Омарова. Повторяю, за вот эту подпись. И – за молчание о пацанах. Это твой

главный козырь и гарантия, что тебя не обманут. Всё! Трогать тебя не будут ещё с недельку-другую, а этого вполне достаточно, чтобы всё взвесить. Теперь думай.

Павел встал и протянул руку. Алексей, совершенно подавленный, ничего не соображая, подал свою. Он был близок к тому состоянию, что испытывал по дороге из Омска. К тому же почувствовал сильную боль в затылке и сжал руками голову. Лунгин у дверей обернулся и добил:

– Забыл предупредить. Завтра тебя переведут в городскую больницу. Нельзя допустить, чтобы люди языки чесали, будто за тебя в верхах ходатайствуют. Проще надо быть, к народу ближе, тогда и домыслов не будет. Оно и тебе легче.

Последние слова прозвучали как-то издевательски. Хотя... с доброй улыбкой сочувствия. Алексей с трудом дотащился до кровати. Боль в затылке перекинулась на зубы, на всё лицо. Мир потускнел, в охватившей его панике просторная палата почудилась вдруг залом суда и в неожиданно возникшем видении явился некий грозный судья в чёрной мантии. Зачитав приговор, он поднёс к губам пионерский горн, призывно протрубил и, глядя прямо на Блинова, ударом молотка подытожил: «Два года лишения свободы с отбыванием в колонии...»

Какой, Алексей не расслышал. Судорожно цепляясь за край внезапно разверзшейся под ним пропасти, он изо всех сил пытался выбраться наверх, но не удержался и полетел в какую-то чёрную бездну.

Кто-то успел подхватить его и осторожно уложил на кровать. На мгновение он пришёл в себя, смутно различил склонившегося над ним лечащего врача и услышал его голос.

«Невралгия после травмы. Я же просил повременить, – огорчённо выговаривал он кому-то. – Рано его переводить. Вот проведём терапию...»

«Какую ещё терапию? – перебил его другой, глухой, замогильный голос. Он и звучал-то, как из трубы. – Отправляйте в городскую, пусть там и разбираются. А вообще-то в психиатрию бы его сразу. Диагноз налицо».

«А где тут псих?» – хотел спросить Блинов, но перед глазами всё вновь поплыло, и он впал в небытие.

Глава 12

Палата, в которой теперь обитал Алексей, сильно отличалась от той, первой. Прежде всего численностью – аж шесть пациентов, не говоря уже о моральной обстановке. Удручающее впечатление произвели на него трое тяжелобольных, которые вообще не вставали с постели. На ночь к одному из них, лётчику, выжившему в катастрофе, приходила жена и дежурила у его постели. За двумя другими по ночам, часто не дозвавшись сестры, ухаживали так называемые «ходячие» больные, два молодых парня. Но оба уже готовились к выписке, и Алексею через пару дней волей-неволей пришлось заменить их на правах «старожила». Как ни странно, но именно забота о других благотворно повлияла на него самого. Вскоре он уже много чего знал о своих подопечных в палате, о себе же предпочитал помалкивать. Да никто особо-то и не расспрашивал. Тяжелобольному человеку важно поведать о своих болячках, а не выслушивать чужие.

Мало-помалу привык Алексей к новым обстоятельствам. И хоть не придавали оптимизма обшарпанные стены, облезлые подоконники и не менее грязные разводы на потолке, но уже не было того отвращения, какое испытал,

очнувшись в этой палате (тогда первой его мыслью было то, что он уже в тюремной камере). К плохому ли, к хорошему ли – человек ко всему привыкает, так было и с ним. Первые дни он ни о чём, кроме заведённого на него дела, не думал, и в страхе ждал, когда за ним придут, вздрагивая при каждом стуке в дверь палаты, а в каждом посетителе видел следователя. Поэтому любой шум, доносившийся из коридора, заставлял его замирать на месте: всё! Это за мной! И расслаблялся лишь, когда слышал удаляющиеся шаги. Но шли дни, он понемногу успокоился, и вот уже безотчётный страх уступил место закипавшей внутри злости. По здравом рассуждении дошло, что из него делают «козла отпущения», и он в бессильной ярости клял всех своих коллег подряд. Всех, потому что ни один из них ни разу не навестил его в больнице. Ни в той, ни в этой. Ни один даже из тех, кого он считал пусть не другом (какие могут быть друзья среди рвачей-соперников!), а добрым приятелем. Будто и не работал он столько лет с ними бок о бок. Будто никогда не пили на «брудершафт» и не клялись в вечной дружбе. (Он ещё не знал, что аккурат в эти дни «добрые приятели» голосовали за исключение его из партии. Так уж положено: прежде чем завести на коммуниста уголовное дело, нужно лишить его этого звания). Это ещё больше утверждало в мысли, что ничего подобного не случилось бы, не уйди он в это время в отпуск. Ведь если, несмотря на принимаемые Аллой предосторожности, ревизоры смогли обнаружить хищение у него, то насколько же больше должно было обнаружиться у других, где дефицит действительно «шуровали» вагонами! Какая там осторожность: без всякого зазрения совести! Уж кого-кого, а того же турка, к примеру, без всякого суда и следствия можно сажать за решётку. Достаточно заинтересоваться, откуда у простого завскладом «Волга», двое «Жигулей»

да ещё шикарный особняк в элитном районе, не говоря уж о натуральном дворце на даче. Тут Алексей против него невинный ребёнок. Нет, конечно, грех-то есть, но всё равно он выкрутился бы, не случись эта авария. Ах, как она не к месту. И пусть не пудрит мозги Лунгин, что авария – его спасение. Ничего себе спасение – пара годков на «химии»!

Представление об этих «стройках народного хозяйства» Алексей имел: довелось как-то будучи в командировке провести несколько дней в Жезкенте, посёлке городского типа, известном как один из таких центров. Ну и соответственно видел его контингент: нет, конечно, жили тут и нормальные люди, но обыкновенной шпаны было заметно больше: считай, два общежития осуждённых за мелкие преступления. Несмотря на строгие запреты и жёсткие меры наказания, процветала торговля анашой, героином (в основном его суррогатами) и прочими наркотиками, и одни под их воздействием, другие в поисках средств на наркоте творили здесь такой беспредел, что только ай да ну! О том, как работается этому люду, Алексею было мало заботы, а вот как они «отдыхают» – испытал на собственной шкуре: встретил таких разудалых, возвращаясь вечером в местную гостиницу, а лучше сказать, в общежитие для командированных. Так вот, благо успел добежать до своего «КамАЗа», иначе забили бы до смерти. И мотив у них для этого был основательный: поднял руку на местную «элиту». Они его вежливо (с финками под бок) попросили отдать часы с кошельком и раздеться, а он вместо того, чтобы столь же тихо, по-интеллигентному расстаться с вещами, двоих из них уложил на асфальт. Но, как только увидел, что к оставшемуся на ногах поспевают подмога – целая шобла с завёрнутыми в газету обрезками арматуры, – предпочёл ретироваться. А поскольку у шпаны на забег на дальнейшее расстояние не хватило «дыхалки»,

успел не только вскочить в «КамАЗ», а ещё и развернуть его. И теперь уже сам погнался за ними по посёлку, поминутно нажимая на клаксон. В общем, нагнал страху и на шпану, и на местных жителей, через ограды которых сигали удиравшие со всех ног «добры молодцы». Погоню пресёк невесть откуда взявшийся в посёлке гаишник (поговаривали, что их вообще здесь не было – делать-то нечего! На трассе – да, были, а в посёлке нет), и завершилась она в отделении милиции, куда доставили и тех двух побитых парней. О, тут они вели себя так кротко и смиренно – ну ни дать ни взять, пай-мальчики, да ещё и потерпевшие! Даже разжалобили Алексея. Вот только на капитана милиции Ивана Волина их кротость не произвела впечатления: выслушав их сбивчивые оправдания, он тут же пообещал им скорое «небо в клеточку». Раз, мол, взялись за старое, будьте готовы отвечать по всей строгости закона. Потом внимательно просмотрев документы Алексея, где был и военный билет, повернулся к нему:

– Холодное оружие при них было? Ну, финки там, кастеты? Только не пытайся их выгородить, я-то знаю, что они без этого не ходят. Это сейчас они такие агнцы, а попробуй выпусти их – они тебе же в спину нож воткнут. Так было или нет? Говори прямо, матрос, не бойся.

– Кого, этих что ли я должен бояться? – криво усмехнулся Алексей в сторону парней, но, встретившись взглядом с одним из них, почему-то осёкся. Застопорилось готовое сорваться с языка слово: столько искренней мольбы и неподдельного страха прочитал в его глазах. Оно и понятно: здесь-то какая-никакая, но воля, теперь же весь срок придётся досиживать в тюрьме. И хоть стоял перед глазами Алексея миг, когда они угрожали ему, подставив с двух сторон финки, но передумал сдавать парней.

– Да нет, какое оружие, – покачал головой. – Так, слово за слово пошло, ну и давай кулаками махать. Погорячились,

конечно. Можно сказать, все виноваты. Короче, я за себя ответчик, не за них, и если виноват, готов уплатить штраф, или уж что там будет, командир.

И так пробовал его уговорить Волин, и этак, но он стоял на своём: ничего подобного не было, а что поссорились, так это из-за такого пустяка, что сейчас и не припомнить. Приободрились и парни и, чуть осмелев, стали умолять капитана не заводить дела. Это, мол, в последний раз, ну и дальше всё, что в такой ситуации готов обещать нашкодивший хулиган. В общем, после получасовой воспитательной беседы отпустил их капитан «за примирением сторон».

– Смотрите, архаровцы, ради моряка отпускаю, – кивнув на Алексея, сказал им на прощание. – Неохота его с вами равнять. Но если даже рядом с ним увижу – пеняйте на себя. И всей своей братве передайте: случится что с ним, искать никого не буду. С вас двоих шкуру спущу. Уловили? Всё! Идите.

Рассыпаясь в благодарности, оба «архаровца» поспешили к выходу. Уже в дверях тот парень обернулся, прижал руку к груди.

– Спасибо, братан, – кивнул Алексею. – Спасибо! И прости, чего уж там. А если чё, в долг не останусь.

– Да ладно, – махнул в ответ Блинов, – Бог простит.

Он произнёс это так обыденно, как говорил несчётно раз, никогда не вникая в смысл сказанного. Для него это была обычная фраза, но парень так и вскинулся от неожиданного для него слова и даже переменялся в лице. На секунду он замер, потом, пробормотав что-то невнятное, исчез за дверью. Алексей проводил его удивлённым взглядом (дескать, чего это он?) и выжидающе посмотрел на капитана.

Тот сделал вид, что не слышал их обмена любезностями, взял со стола его документы, выпрямился и прищурился в ухмылке:

– Ну, а с тобой, нарушитель тишины, что будем делать? Сам-то как думаешь? Что ты сделал бы на моём месте?

– Да я, пожалуй, штрафом бы обошёлся, – схитрил Алексей.

– Ну хоть вину признаёшь, и то ладно, – хмыкнул и протянул документы. – Держи, морфлот. Обойдёмся без штрафа. Хотя, шума ты, по правде сказать, наделал немало. – Тут он весело засмеялся: – Суток эдак на пятнадцать, а? Ладно-ладно, за это теперь поедем-ка ко мне. Лайбу твою здесь во дворе оставим, так оно надёжнее будет, а сами на мотоцикле. Посидим часок-другой, а? Поговорим да чаю выпьем за тех, кто в море.

Говорил он теперь с Алексеем доверительно, как с давним другом, и такая благосклонность объяснилась очень просто: служил и он когда-то на корабле, даже до старшего мичмана дослужился, вот и проявил флотскую солидарность. Ну не сажать же в самом-то деле флотского кореша на положенные в данном случае пресловутые пятнадцать суток!

А уж наговорились они в тот вечер, что называется, всласть. И хоть спиртное не употребляли, разговор был по душам: чувствовалось, что истосковался бывший мичман по морю, и простое общение с человеком, совсем недавно драившим палубу корабля, в какой-то мере утишило ту тоску. Так бы до самого утра и просидели за воспоминаниями (даже жена Ивана оставила их в покое), если бы чуть за полночь не вызвали капитана по рации.

– Вот такая она теперь служба, что поделаешь, – развёл руками Волин. – Видать, очередное ЧП с такими же «архаровцами». С ними, если их не держать в ежовых рукавицах, потом горя не оберёшься. Ну да ладно, день да ночь – сутки прочь; пока днём закончишь тут свои дела, пока отдохнёшь, аккуратно к вечеру я и найду тебя в гостинице.

В общем, расстались, словно два давних друга, и с этого позднего часа не прошло и дня, чтобы не встретились у Волина за чашкой чая. Как всё же быстро может привязаться один человек к другому, если их объединяет что-то общее. Этих двух объединяло море, вернее сказать, о нём воспоминания. Оба знали, что вряд ли уже когда доведётся постоять на палубе военного корабля, тем пронзительнее была память, тем желаннее друг, который может разделить её с тобой.

Обычно Волин заезжал в гостиницу и забирал Алексея к себе: когда домой, когда прямо на службу. Потом Иван Дмитрич вдруг исчез на два дня и появился у Алексея лишь в конце недели. Пришёл в приподнятом настроении и шумно, с веселыми шутками-прибаутками расположился на предложенном стуле:

– Извини, Лёша, что без вести пропал. Текучка заела, понимаешь. Но зато какую вещь тебе принёс, увидишь – не поверишь. Смотри! – Загадочно улыбаясь, он извлёк из своего планшета узкий, продолговатый свёрток: – А? Знаешь, что это?

– Не-а, – мотнул головой Алексей и улыбнулся: – Я ж не факир, Иван Дмитрич, и даже не следователь. Покажи, тогда уж точно догадаюсь.

И ошеломлённо воззрился на капитана, когда на столе блеснула финка с красивой наборной ручкой: дескать, что это?

– А-а, – удовлетворённо потёр руки Волин. – Ещё не так удивишься, когда узнаешь, чья она. Так вот слушай. Вчера эту штуку принёс мне один из тех «архаровцев»... ну, которых ты на улице приголубил, а я потом при тебе же отпустил. Николай Шарий его зовут. Я-то уж только к десяти в отделе появился, а он меня, как оказалось, с самого утра поджидал. И что бы ты думал? – Иван пытливо взглянул на Алексея и, убедившись в его живом интересе к сути

дела, продолжил: – Выждал парень, когда остались с ним вдвоём в кабинете, и отдал её. Дескать, я вам тогда обещал, что больше не повторится, вот и хочу доказать, что так оно и будет.

«И чего ты ждёшь от меня?» – спрашиваю.

«Чтобы поверили, – говорит. – Хочу завязать навсегда со всем, что было. Тошно жить стало после того позора. При мне ведь она в тот вечер была, когда мы тому парню угрожали, а он же нас и выгородил. Оттого и тошно: настоящим мужиком оказался ваш матрос, не то, что я».

«Так ты что, вроде как с повинной явился?» – спрашиваю.

«Вроде того», – отвечает и, как маленький пацан, в пол смотрит.

«Ну, тогда надо бы извиниться перед матросом», – говорю. Тут он и расплылся в улыбке. Понял, что я поверил ему и смущённо так просит:

«Если вы мне верите, помогите с работой. Прогулял я уже больше недели, теперь боюсь, что уволят, а это будет полный крах. Клянусь, вам не придётся за меня краснеть!»

– Вот так, Лёша, бывает, – удивлённо развёл руками Волин. – Так и сказал, что не придётся краснеть. И с такой надеждой он глядел, что я, не раздумывая, посадил его в коляску и повёз на ГОК (горнообогатительный комбинат). Приехали, поговорил с одним, с другим начальником и понял, что и они жалеют этого парня. Деловой, мол, грамотный, работающий, но... – Иван пожал плечами и изобразил на лице жалкую гримасу: – Знаешь, Алексей, так уж случилось, что только после этого «но», и начинается реальная аттестация большинства моего контингента, где графа «прогульщик», как правило, не самая худшая и мрачная. А всё ранее сказанное уже не имеет значения, поскольку сказано для профформы. Вот и мой Шарий далеко не только деловой, работающий и т.д.

Но как бы там ни было, а велели ему выходить в забой уже вечером. Видел бы ты, Лёша, как искренне он обрадовался. М-да-а, не скрою, давненько я не испытывал таких положительных эмоций.

Капитан встал, с заметным удовольствием прошёлся по комнате к окну и, глядя на улицу, сказал, как бы в размышлении:

– Я что подумал, Лёша: впереди два выходных, может быть, сходить нам к парню в гости? Побеседуем по душам. Шибко он тебе признателен. «Я бы, – говорит, – сразу перед ним извинился, но вы же сами наказали ближе километра к нему не подходить». Так что, сходим? А потом я для вас обоих сюрприз припас, да такой, о котором и самому за нехваткой времени только мечтать приходится. В общем, не пожалеете. Так как?

Не дождавшись ответа, Волин повернулся и лишь теперь обратил внимание на перехваченный ремнями чемодан у двери и такой же наготове рюкзак. Сам Алексей стоял рядом и виновато улыбался.

– Ты что, уезжаешь? – в недоумении спросил Иван Дмитрич.

Алексей молча кивнул.

– Сегодня?

– Сейчас, Иван Дмитрич. С минуты на минуту подъедет ещё пара наших машин и уходим. Мы своё отработали.

– Э-эх, ты, незадача, – искренне огорчился Волин. – Я распинаясь тут, а он уже на взводе. Я ж думал на выходные съездить поохотиться с тобой. Тут такие места за Бородулихой, век будешь помнить. Заодно бы Николая этого прихватили, чтобы поддержать на первых порах парня. Не часто ведь удаётся кого-то из лап криминала вырвать. М-да-а, огорошил ты меня. Что, и отложить нельзя?

– Нет, Иван Дмитрич. Комбинат уже сообщил, что идём грузёные.

– Жалко. Но, как говорят, на нет и суда нет. Ладно. Может быть, ещё когда к нам командировка будет, так сразу у меня объявляйся. Да, а парню-то что-нибудь передать?

– Ну что передать? Скажи, что зла не держу. Буду рад, если слово сдержит. Тогда и будет это действительно навсегда и всё у него наладится. Ну, пошёл я, Иван Дмитрич. Спасибо за всё, уверен, что ещё встретимся.

– Так и я уверен, – улыбнулся капитан. – Пойдём, про-вожу.

КамАЗы, просигналив, ходко пошли один за другим. Они уже были у поворота, когда Иван заметил над кабиной последней машины поднятую в прощальном приветствии руку. Он улыбнулся, шутливо вытянулся в струнку и козырнул в ответ. Таким, отдающим честь, и увидел Алексей в последний раз в боковом зеркале бравого капитана милиции. Таким он и запечатлелся в его памяти. Ненадолго, но запечатлелся. Так ведь сколько их было – подобных встреч – на его жизненном пути, разве все упомнишь.

Глава 13

И вот теперь, в палате больницы, столь ярко в памяти всплыл тот трогательный миг прощания, что Алексей стал даже забывать и об угнетавшем его страхе, и о точившей душу злости. Впервые за эти дни он ощутил в ней что-то похожее на благодарность: как славно, что был в его жизни такой человек. Да, такой, как Волин, не оставит друга в беде. Вон как озаботился о том парне; другой о родном человеке так не заботится. Как же его звали?

Кажется, Николай Шарий. Да, так и есть. Интересно, что с ним случилось? Удалось ли капитану насовсем вызволить его из криминала?

И ещё больше радости в сердце от памяти, что и сам он причастен к судьбе Николая. Тот ведь хотел увидиться с ним, чтобы поблагодарить. А за что? Только ли за то, что он их не выдал? Алексей вдруг вспомнил – и это тоже впервые, – как странно повёл себя парень перед самым уходом из кабинета Волина. Как он замер, будто услышал для себя нечто очень важное, потом так же быстро сник, невнятно пробормотал что-то и исчез. Такой всплеск эмоций озадачил, вызвал недоумение, но тогда он сразу и забыл о нём, теперь же, как ни старался, не мог вспомнить, на какие его слова так отреагировал Шарий. А похоже, что благодарить он хотел именно за них. Тот эпизод не давал покоя, настойчиво повторялся в воображении, и Алексей от души жалел, что не довелось им встретиться. Кстати, надеялся на их встречу и Иван Дмитрич. Но – не вышло.

Чем чаще вспоминал Алексей время, проведённое в Жезкенте, тем сильнее менялось его восприятие тех дней: причём в положительную сторону. Дескать, не такие уж плохие там условия для жизни. И жильё есть, и заработки на руднике по тем временам что надо. Что до него, так он заработал там больше, чем в любой другой командировке. Конечно, не по сравнению с тем, что он имеет сейчас, но деньги были совсем неплохие. Как правило, эти рассуждения заканчивались довольно философски: живут же, мол, и там люди – и ничего. Почему это я должен пропасть?!

Словом, сам того не замечая, готовил себя к худшим временам.

И они пришли, эти времена. За пару дней до выписки объявилась Алла. Физически он был уже вполне здоров, и врачей беспокоила только нервная система пациента.

Но всё вроде и здесь шло как нельзя лучше, всё налаживалось. Чего он не смог сказать о своей жене, увидев её в кабинете главврача. Усталая, с тёмными ободками бессонницы под глазами, детской, чуть скошенной чёлкой до бровей вместо броской модной причёски, и без косметики на лице, она выглядела действительно подавленной. Прибавьте сюда следователя, сопровождавшего её, и вы поймёте, какой жалостью преисполнилось сердце неискрушённого в житейских интригах Блинова. Хоть и довелось ему вращаться в деловых кругах, но в сущности-то он оставался далёким от всякого рода заговоров. Например, если кому-то вдруг приходилось уволиться из-за того, что его «подсидел» кто-то другой, то Алексей, хоть и не одобрял этого, но принимал как должное и почему-то искренне считал (как, впрочем, и любой другой из того окружения), что уж с ним-то такого не произойдёт. Почему? А вот не произойдёт – и всё!

Вот так одни почему-то всегда уверены, что козни строят против кого угодно, но только не против них самих, другие – что строят все и против всех. Алексей пока что был из числа первых.

И вот следователь (или кем там ещё был этот мужчина), прозрачно и недвусмысленно намекнув на лимит времени (ни дать ни взять – свидание в СИЗО), оставил их одних. Алла тут же кинулась к мужу и, обливаясь слезами, торопливо и не очень связно, перескакивая с одного события на другое, рассказала, как обстоят их дела. А обстояли они, по её разумению, из рук вон плохо: само-то дело как раз завершено, поэтому, мол, и разрешили посетить тебя. Теперь предстоит суд, там всё и решится.

– Лунгин передал мне ваш разговор, – не переставала плакать она. – И если ты всё ещё согласен с ним (слов «всё взять на себя» Алла не произнесла, но это как бы подразумевалось само собой), то так и будет, как он обещал. То

есть, от силы с год придётся тебе поработать где-то на стороне, зато мы сохраним всё, что у нас с тобой есть. Только не думай, я на этом не настаиваю, Лёша. Да, наверное, это тебе и не под силу: я же вижу твоё состояние. Знаешь, можно прямо сейчас отказаться от своих слов. Вот как зайдёт этот мент, так и объявим ему, что ты от всего отказываешься. – Алла тяжело вздохнула и, тряхнув головой, откинула со лба чёлку. – Тогда суд перенесут, и всё начнётся по новой. И влепят нам с тобой – ты уже в курсе, сколько. Думаешь, я не пыталась выгородить тебя? О, ещё как старалась! Хотела всё свалить на свою оплошность; вина, дескать, моя, меня и судите. Кто, мол, не ошибается. И что, думаешь, поверили? Как бы не так. Тогда-то и предложили нам этот вариант. Это, как я поняла, уже Омаров постарался, и это самое лучшее, на что мы можем рассчитывать.

Алла немного успокоилась, замолчала. Не выпуская рук Алексея из своих, заглянула ему в глаза, прижалась к плечу:

– Ну, что молчишь? Отказываемся? Звать мента?

– Не надо, – покачал он головой. – Когда придёт, тогда и придёт. Я всё сделаю так, как обещал. А что с партией? Будут исключать?

– Ах, нашёл о чём горевать, – притворно всплеснула она руками и погладила его по плечу: – Лёша, да люди из неё сами скоро бежать будут. И уже бегут. Но если тебе это так важно... собрание уже было.

– Вот как! – весь напрягся он. – И что, никто за меня не вступился?

– Ну, ты как с луны свалился. Где и когда ты видел, чтобы кто-то выступал против линии партии? Чтобы голосовали не е-ди-но-глас-но? Да не расстраивайся ты так, Лёша. Не стоит она того...

Алла ещё что-то говорила, но он уже отсутствовал. Столь знакомое уже равнодушие плавно распространилось на всё его существо.

– Когда суд? – только и спросил спокойно.

– На днях. Всё откладывали из-за твоего лечения, и это тоже благодаря Омарову. У тебя ведь, кроме травм, ещё что-то невралгическое.

– Всё уже прошло, – он сидел, как изваяние. – «Всё прошло, как с белых яблонь дым...» – повторил монотонно, без всякого выражения.

– Не надо так, Лёша. Встряхнись, раз уж решился. Всё ещё придёт, всё вернётся, вот увидишь. Только надо немного потерпеть. А там, если захочешь, я к тебе приеду. Да даже и не захочешь – всё равно приеду.

Она говорила так, будто суд уже состоялся и был приговор, но он не придавал её словам никакого значения. Или не хотел вникать в их смысл?

В кабинет без стука вошёл сопровождающий, остановился у двери и, предупредительно кашлянув, вопросительно взглянул на Аллу.

– Да-да, мы всё обговорили, – торопливо чмокнув мужа в щёку, вскочила она. – Можем идти.

То ли за беседу отчиталась, то ли разрешила взять её с собой.

На второй после этой встречи день Алексея прямо из больницы доставили в суд, и не больше, чем через полчаса судья зачитал приговор, в котором первоначальные два года лагеря общего режима заменили двумя годами условно. С обязательным направлением на исправительные работы на стройках народного хозяйства!

Подробностями процесса вряд ли стоит утомлять читателя. Скажем только, что это была хорошо продуманная постановка, с отведённой каждому участнику определённой ролью. Как пьеса в театре, где всё расписано от начала и до конца.

После суда он пробыл на воле всего два дня, а на третий (видимо, исполнители закона и тут подсуетились) уже

получил предписание отправиться... куда бы вы думали? Да-да, в Жезкент, на тот самый ГОК, где Алексей полмесяца возил с рудника медную руду. Родителям о переменах в своей судьбе так и не сообщил: съездить к ним уже не мог – подписка о невыезде! А писать письма всегда было для него мучительным испытанием. Поэтому, следуя убеждению, что отцу с матерью главное знать, что он живой, ограничился очередной телеграммой об отъезде на новую работу в новые края. А о том, что за работа и что это за края, он умолчал. Ну, во-первых, он (опять же по личному убеждению) поступает вполне благородно; дескать, не стоит до поры до времени расстраивать их. А во-вторых, Алла из всех сил убеждала, что через полгода (и это максимум) он вернётся домой. И это второе оправдывало первое, потому что очень хотелось в это верить. И он верил, хотя сверлила где-то в подсознании мысль, что это была позиция страуса, прячущего голову в песок от надвигающейся опасности. Но... так легче было уезжать. Известно ведь, что надежда умирает последней: а вдруг да и правда всё обойдётся, как видится Алле. Не с бухты же барахты она это взяла: сам Омаров пообещал такую индульгенцию за его, Алексея, молчание. Как же тут не будешь надеяться?!

Глава 14

Майор Волин в смятенном состоянии духа прохаживался взад-вперёд по своему кабинету. Был уже вечер, но он не спешил уходить домой. Вот остановился у окна, потянулся до хруста в суставах, улыбнулся растерянно. Нет, всё-таки какое же это хитрое устройство – человек! Ведь сколько лет мечтал выбраться из этого, как

он сам определял, захохотав, а пришло столь желанное назначение, и оказалось на поверку, что роднее-то этого края и нет. Прикипел всем сердцем и к посёлку, и к своим непутёвым подопечным. А уж как мечтал-то, как мечтал! Особенно размечтался после того, как повысили в звании. Но повысит-то повысили, а всё так же оставили прозябать тут, возиться с мелким хулиганьём, в то время как душа требует больших дел. Так он думал всего пару дней назад. И вот те на! Всё-то, оказывается, ему тут мило, всё по душе, впору отказывайся. (Это он, конечно, так для фигуры речи помыслил: какой там отказ может быть, когда жена вон, как узнала, так на день по десять раз звонит, не сдал ли ещё дела. И для детей это целый праздник. Большие уже стали, большой и город им подавай).

– Разрешите! – Негромкий стук в дверь прервал размышления и даже несколько раздосадовал, но едва Иван завидел вошедшего посетителя, тут же шагнул навстречу с распростёртыми объятиями:

– Лёшка! Кореш дорогой! Сколько лет, сколько зим! Вот уж уважил, так уважил! Да с чемоданом таким, будто на целый год. Давай-ка его сюда. Ну, рассказывай, какими судьбами занесло?

– Ты же наказывал, Иван Дмитрич, чтобы сразу к тебе, как только появлюсь в ваших краях, – улыбался и Алексей. – Вот я и послушался.

– И правильно сделал. Ну, садись. Долго рассусоливать не будем, шас я кое-что тут заберу и едем ко мне. Не забыл ещё, как в коляске ездить? – Майор выдвинул ящик стола и стал копаться в бумагах: – Ты пока рассказывай, рассказывай, больно уж не терпится узнать, что тебя привело сюда. Опять командировка? Всё так же на КамАЗе заруливаешь?

– Я вижу с повышением тебя, – ушёл от ответа Алексей. Не хотелось вот так сразу огорчать доброго друга: – Давно майора присвоили?

– Ну, давно, недавно – это понятие растяжимое, – оторвался Волин от бумаг и кинул быстрый взгляд на Алексея: – Для кого-то и год долго, а кому-то и десять лет как раз. Долго ждал, быстро получил. Для нашего посёлка – это нормально. Но это и предел. Поэтому я ... Стоп! Обо мне ещё наговоримся. Так, всё нашёл, – положил он в карман свёрнутый листок, сел сам и знаком пригласил Блинова: – Давай, выкладывай, моряк, что у тебя стряслось. Вот этим чую, – постучал по груди, – не по своей ты воле тут очутился.

– Верно, Иван Дмитрич, – вздохнул Блинов и выложил на стол документы. – Тут есть всё, чем должна интересоваться милиция. Ну, а дальше всё в твоей компетенции; как скажешь, так и будет.

Вряд ли можно было найти что-то другое, что так оголошило бы Волина. От неожиданности он присел на стул и негромко присвистнул.

– Вот это да-а-а, – только и вымолвил, быстро пробежав глазами все бумаги, тут же сунул их в открытую ещё столешницу и решительно встал: – Ну, тем более, поехали ко мне. Там и разберёмся, что к чему. Разговор-то уж больно серьёзный будет. Чемодан с собой берём. Пошли! – И уже по дороге за рулём мотоцикла нет-нет да и качнёт головой майор: – Ну и дела-а. Прямо как гром среди ясного неба!

И снова, уже дома, была долгая беседа, но столь же задушевной, как и первая, годы назад, она никак не получалась. Слушая исповедь друга, Волин ловил себя на мысли, что не очень-то сочувствует ему. Самой большой для него неожиданностью было не то, что Алексей попал в переплёт и был осуждён (от суммы да от тюрьмы не отрекайся), а сам факт, что его кореш уже не тот простой шофёр КамАЗа, а «деловар» со стажем. Хоть и мелкая сошка, судя по тому, с какой лёгкостью подставили его, но «деловар». Так майор называл всех, кто «ворочал делами», то есть, так или

иначе был связан со всякого рода фондами, торговлей, снабжением, и никогда не скрывал неприязни к ним. Он был одним из тех редких служаек, для которых мораль и нравственность общества были не пустым звуком. Такие, как Волин, и являлись честью и гордостью советской милиции. Вот только было их – раз-два и обчёлся.

Только ближе к развязке рассказа он немного отошёл душой.

«Попробуй, покрутись в этой сфере тотального стяжательства и останься при этом человеком, – размышлял он, слушая невесёлый финал истории. – В погоне за богатством и не такие мужики поступают честью; да что там честью – родного отца готовы продать! А этот парень поступил, как настоящий мужик, вывел из-под удара жену (о Рите Алексей умолчал), и этим сохранил достоинство. Пусть и сомнительное по своей сути, но достоинство. Так что он просто обыкновенный лапоть, имевший глупость возомнить себя лакированным башмаком. Вот и в историю влип, причём по уши, тоже по стечению обстоятельств. А всё это вместе – по собственной глупости. В сущности же он так и остался рубахой-парнем. Эх, Лёша, Лёша, – горестно качает головой Волин. – Ну куда ж тебя занесло? «Не в свои сани не садись!» – разве никогда не слышал? А ты сел. И теперь не только в сани. Ну, ничего-ничего, это тебе хороший опыт на будущее. А так-то что ж: за одного битого двух небитых дают! Вот бы ещё знать мне, что твоя благоверная задумала. Отмазать-то ты её отмазал от суда, конечно, но только ли её одну, вот чего ты не знаешь. И будет ли тебе благодарность за это или наоборот, как говорят мои гаврики: «кинут тебя, как последнего фрайера» – бо-ольшой вопрос. Пока что мне на ум приходит только мысль о «козле отпущения», но с выводами не поспешу, по-всякому дела оборачиваются. Надо поговорить с Жоржем, он хоть и в опале, а связей

с прессой в Алма-Ате не потерял и, возможно, узнает об окружении этой павы и их планах в отношении моряка. Жаль, сам-то помочь в деле ничем не могу, так хоть ситуацию для него прояснить. Нет ничего хуже напрасных надежд, а она зачем-то его ими тешит. Ишь, как храбрится. И не показушно, а явно уверен в чём-то. Интересно, что она ему обещает? Впрочем, примерно догадываюсь: быстрая амнистия или досрочное. Ничего нового, на это все поначалу рассчитывают. Тем горше реальность. М-да-а, но Жорж ведь аккурат со своей киношкой укатил: вроде деньгу там хорошую зашибает и вернётся ли до моего отъезда – вилами на воде писано. Да и по прибытии может надолго затвориться, что не достучишься. И в прямом, и в переносном смысле, потому что запирается в квартире мужик – и тут уж его не тронь! Он книгу какую-то пишет. Творит, значит. Что ж, попрошу Лакиса передать ему мою просьбу. Они ведь не только соседи, но и друзья. – Иван Дмитрич невольно улыбнулся: – Да ещё какие! Вот уж воистину чудно: глубоко верующий, истинный христианин Лакис – и талантливый журналист, авантюрист, каких поискать, а главное, завзятый атеист Жорж Колода. В общем, полная несовместимость. Как там у Пушкина: «Стихи и проза, лёд и пламень...» Ох-ох, Лёша, задал ты мне задачку».

К счастью для Алексея, он не мог слышать всех происходящих в душе Волина борений, а когда поднял на него глаза, тот всё ещё покачивал головой, но уже с искренним участием. И готовым, так сказать, резюме:

– Вот тебе, Лёша, мой вывод: жизнь не кончается даже с потерей свободы, не говоря уже о деньгах. Ты – свободен – и это главное, а деньги – дело наживное, поэтому сильно не горюй. Неплохо зарабатывать можно и здесь и жить полной жизнью. Такой, какой ты жил до того, как не вступил на путь наживы. Извини за прямоту, но кто ж

тебе ещё это скажет, как не я! Ты не кисейная барышня, чтобы тебя жалеть, а выслушать правду всегда полезнее, чем обманываться ложным утешением. Боком это иногда выходит.

Теперь вот что, пока я не забыл. Вот тебе ручка, бумага. Пиши адрес родителей. И не куражься, – пресёк он запротестовавшего было Алексея. – Я просто не откладываю на завтра то, что можно сделать сегодня. Завтра у нас и без бумаг полно забот.

– Да что ж ты будешь со мной возиться, будто своих дел нет? – всё же возразил Блинов. – Я и сам все ходы-выходы на комбинате знаю. Или уж так всё изменилось?

– Ничего не изменилось, только я займусь тобой не потому, что ты мой друг, а потому что так я занимаюсь всеми вновь прибывшими, понял? – И вроде бы и шутливо, но построжился: – Не забывай, что я теперь не только твой друг, но ещё и непосредственный начальник. Бельмеймен?

– Ну, конечно, – немного повеселел Блинов. – Конечно, бельмеймен. Но всё же скажи, для чего тебе адреса.

– Для чего, для чего, – продолжал шутливо ворчать майор. – Много будешь знать, скоро состаришься. – И уже серьёзно добавил: – Положено так, Лёша. Чтобы потом не суетиться в поисках того, что зафиксировать можно уже сейчас. В жизни ведь всё случается. Так что считай это типичной страховкой на всякий случай. Ну и не скрою: скоро у меня будет возможность почаще бывать в столице. Если не против, могу заглянуть к твоим родителям.

– Нет-нет, – так и подскочил на месте Алексей. – Не надо, Иван Дмитрич. – У отца слабое сердце, да и мать не лучше, зачем им знать? Мы с Аллой решили немного подождать. Понимаешь, она... – замялся он в нерешительности. – Даже не знаю, могу ли об этом говорить с тобой...

– Говори, говори, – ободрил Волин. – Я даже догадываюсь, о чём ты хочешь сказать. Поверь, на это надеются все, кто прибывает сюда.

– На что – на это? – глаза Алексея от удивления округлились.

– На досрочное освобождение, на что же больше. Так?
– Так.

– Ну и какой срок она тебе напросочила? По половинке?

– Через полгода, если не раньше, – чуть слышно пролепетал Алексей. – Сказала, что уверена. Ну, там же есть кому ходатайствовать, я же говорил.

– Э-эх, Лёша, ты Лёша, – теперь уже вслух пожалел его Волин. – И откуда только берётся эта уверенность. Да пусть Омаров хоть министром МВД будет, но через полгода тебя никто не отпустит. То же самое и по половинке. Ну тут хотя бы бывают случаи, но чтобы через полгода?! Здесь, конечно, не тюрьма и не лагерь, но правила те же. – Он неодобрительно зацокал языком: – Да, хотел бы я знать, зачем они тебе голову дурят.

– Что,дохлый номер? – совсем упал духом Блинов. – Совсем?

– Совсем. Ещё раз говорю, Лёша: лучше знать горькую правду, чем тешить себя тем, что не осуществится. Тогда больнее будет. Только не раскисай, время пролетит и не заметишь. Это лишь по первости оно медленно тянется, а войдёшь в колею – ого! – ещё и не захочешь отсюда уезжать. Вот, кстати: Колю-то Шария помнишь ещё?

– Разве он ещё здесь? У него ж, по-моему, давно срок кончился.

– Срок-то закончился давно, а он остался. И девушку, что ждала его, сюда привёз, свадьбу уже здесь сыграли. Потом, когда дочка появилась, мать свою доставил для присмотра за ребёнком. Теперь-то уж за двумя, поскольку сына ещё

заимели. Жена в бухгалтерии работает, сам мастером на участке, так что в материальном плане тоже всё в порядке. «Жигулёнка» даже приобрели. – Волин почему-то вздохнул: – Его бы и начальником участка давно поставили, но там другая проблема с ним.

– Что за проблема? – чуть оживился Алексей. – За старое взялся?

– Как раз наоборот. Верующим он стал, Лёша, потому и ходу нет. Хотя на деле-то весь воз работ тащит на себе, даже документацию и ту на него всю спихнули. Если по мне, так в посёлке легче бы стало жить, будь таких проблемных мужиков побольше. К сожалению, наши партийные товарищи так не думают. Так-то оно всё шло нормально, пока Туманов, председатель профкома, не додумался однажды его на доску почёта вывесить; ну, передовик производства, показатели, то да сё, сам знаешь, как это афишируется. Но сам-то Туманов, видать, не в теме был, а главное то, что другой кандидат на место на той доске почёта уж больно завистливым оказался: расстроился мужик, что его обошли, и сообщил куда надо. Там сигнал приняли и уже через неделю из области партийная комиссия нагрянула: «Как так? Что за чудеса в решетке? С каких это пор у нас баптисты в почёте?»

И пошло-поехало. В общем, фотографию сняли, а вместе с ней и Петра Туманова с должности турнули. За потерю бдительности, так сказать. Это уж потом, когда партком комбината собрался (а я являюсь его членом с правом голоса), отстоял я Петьку. С большим трудом, но отстоял. Оставили его. Так он ведь, и правда, не знал, что Шарий – баптист.

Говоря так, Иван Дмитрич заметил, как при слове «баптист» Алексей оба раза вздрогнул и невольно передёрнул плечами, будто прикоснулся к чему-то неприятному.

– Ты что-то вспомнил, Лёша? – спросил озабоченно.

– Нет-нет, – поспешил заверить тот, – просто обидно за парня.

– Так и я о том же. И трудяга мужик, и дисциплина на участке на уровне, а вот поди ж ты, недостоин той доски оказался. Получается, не ко двору нам такие люди. Но опять же, не моё это мнение. А самое смешное в этой истории (если не самое грустное!) то, что сам Николай ни под каким соусом не хотел на этой доске висеть. Вот и вышло по его. Трудная у него биография. Уже в семь лет без отца остался; тот, как я узнал, по тюрьмам за веру не раз сидел, ну и после очередной отсидки помер. Мать, понятно, во всём за ним следовала и сына, считай, одна воспитывала. И вряд ли это по её вине вышло так, что Николай в другую крайность ударился... Ну, да это он тебе сам лучше расскажет, если сдружитесь. А вы сдружитесь, даже не сомневаюсь. М-да-а, а зачем это я его приплёл? Стареею, однако, – Волин покрутил пальцами около головы. – Память вон уже никудышная стала... А-а, хотел сказать, что ничего удивительного в том или зазорного не будет, если останешься тут. Многие работающие парни находят здесь своё место, а ты аккурат из их числа. Руки-ноги у тебя есть и растут откуда надо. – Иван Дмитрич встал, прошёлся по комнате и стоя облокотился на стол против своего друга: – Короче, так! Завтра быстренько всё оформим: и учёт, и прописку – и на комбинат. Где хочешь работать, не думал? Только не говори, что на складе, – упредил, вскинув руку, – не пойму. На «КамАЗ»? Что ж, думаю, согласятся. Недаром же тебя начальство долго ещё добрым словом поминало. Ну и сами хорошо попросим. А жить? Обшагу-то, понятно, сразу дают, но вашему брату разрешено проживать и в гостинице. Хотя это название одно, но всё же условия есть. Если деньги позволяют, конечно.

– Да есть пока, – дотронулся до кармана Алексей и просительно улыбнулся: – А квартиру снять не разрешается?

– Квартиру? Дай подумать...

– Тошно мне пока с людьми, Иван Дмитрич.

– Понимаю, – согласно кивнул Волин. – В общем-то, есть квартиры, но они только для семейных. О! Слушай, – хитро прищурился он и довольно потёр руки: – А кто знает, вдруг да и к тебе жена приедет, а? Тогда мы так и запишем и покумекаем с тем же самым профкомом, может, он что и выкроит. Шибко благодарен он мне за то моё участие. Только тогда надо будет уладить с надзором. Поначалу ты должен у них четыре раза в месяц отмечаться; ну, а как не будет нарушений, пореже, а то и вовсе снимут. Но это всё потом уладим, а пока суд да дело, у меня поживёшь.

– Нет, Иван Дмитрич, вот этого мне делать категорически не следует, – твёрдо возразил Алексей.

– А что так?

– Во-первых, негоже будет злоупотреблять твоим гостеприимством; а во-вторых, вряд ли это пойдёт мне на пользу. Я хоть и немного, но знаю нравы вашего контингента, в число которого теперь попал и сам. Тут же прослывёшь среди них как минимум шестёркой, и тогда... где бы что бы ни случилось, всех собак на тебя вешать будут. Ходи потом доказывай, что ты тут ни при чём.

– Ну, тебе виднее, – согласился Волин. – Может быть, ты и прав. За себя ты сам в состоянии постоять и в опеке не нуждаешься. Да я её и не предлагаю. Я-то что: поживи в гостинице, а как только подвернётся квартира, так и переберёшься. Но это когда выйдешь на работу, а пока ночуешь у меня. – И упредил возражения: – Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Ранним утром они уже были в милиции, и как не умалял Волин своей роли, но именно благодаря ему за считанные минуты были завершены бюрократические

формальности, связанные со всеми видами учёта, и документы направлены в комбинат. А через три дня Алексей не только был благополучно принят на работу, но уже и опробовал почти новый «КамАЗ». Больше всего порадовало майора, с каким явным наслаждением он копался в машине, проверял работу мотора, прислушиваясь к его вроде бы равномерному гудению, и снова, уж в который раз, лез под капот. Чувствовалось, что истосковался парень по общению с такой техникой. Ну, а когда вдоволь погонял машину по кольцевой вокруг посёлка и с сияющим лицом вышел из кабины, то и вовсе расслабился Иван Дмитрич; найдёт ещё себя его друг, найдёт. Время залечит душевные раны, а работа не даст сникнуть. Вон, на следующий день-то уже выходить в смену, за работой всё и скрасится.

– Ну, Лёша, вижу, что ты доволен машиной, – подытожил он. – И раз уж нам так везёт сегодня, пойдём в профком к Туманову, потолкуем насчёт квартиры. Авось да небось, а? Пошли. Пусть пораскинет мозгами.

Глава 15

Всё-таки разрешился и этот вопрос. Весь жилой фонд посёлка принадлежал комбинату, и аккуратно в эти дни освободилась комната в двухкомнатной квартире на пятом этаже «хрущёвки», рядом с промзоной. Правда, требует ремонта после долгой эксплуатации, а так-то можно заселяться прямо сегодня. Другой квартиросъёмщик, местный журналист, находится в отпуске, вернётся через две недели. Эту информацию озвучила миловидная девушка из бухгалтерии, вызванная в профком как раз по этому поводу.

– Ну, вот вам и решение, Иван Дмитрич, – расцвёл председатель в улыбке, довольный тем, что угодил Волину. – Профком мы соберём попозже. Давайте сюда вашего протеже. Где он?

– В коридоре дожидается, – кивнул майор и придержал девушку за руку: – Людмила, будь добра, позови парня. Алексеем его зовут. Блинов Алексей.

– Хорошо, Иван Дмитрич.

– И это... Люда, сама с ним тоже зайди, – что-то надумал Туманов.

Но девушка раскусила его.

– Позвать – позову, а квартиру сами показывайте. И не просите, у меня дел по горло. – Она торопливо выбежала в коридор и подошла к парню, который, заметив её, стал сосредоточенно разглядывать стенгазету.

– Вы, Алексей? – тронула она его за плечо. – Зайдите, там вас ждут.

И вдруг сама же замерла в оторопи: «Блинов? Алексей? Уж не тот ли самый?.. Да нет, просто совпадение, мало однофамильцев, что ли. Но с чего бы тогда Волин так усердно хлопотал за него? Да и Коля говорил, что тот у Ивана Дмитрича за лучшего друга. Конечно, он!»

Между тем парень уже был у двери профкома.

– Постойте! Я с вами, – окликнула Людмила и, толкнув дверь, пропустила его вперёд.

– Извините за вторжение, но вы сами просили зайти, – пошутила, как бы оправдываясь перед председателем.

– А-а, Люда, – просиял Туманов. – Вот и хорошо. Выручишь, значит?

– Ну куда ж от вас деваться? – улыбнулась она.

Что касается Волина, то возвращению девушки он не очень удивился и сразу же представил их друг другу.

– Лёша, это – Людмила Шарий, супруга Николая, – сказал он. – Ну, а кто ты, она, похоже, уже знает. Знаешь ведь, Люда?

– Догадалась, – кивнула она.

– А-а. Ну я так и подумал. И вернулась поэтому?

– Да, поэтому.

Туманов, не совсем понимая, о чём речь, переводил взгляд с одного на другого и выжидающе остановился на Волине. Тот едва заметно кивнул, и председатель, задав несколько обязательных вопросов, торжественно поздравил Алексея с получением квартиры. Ну и слова, приличествующие такому случаю, произнёс: дескать, надеемся, что не подведёшь, оправдаешь доверие самоотверженным трудом и т.д.

Теперь уже Блинов, не веря своим ушам, вопросительно глядел на председателя профкома, и только после того, как к его заздравной речи присоединились Волин с Людмилой, поверил, что всё услышал правильно. Никто ничего не перепутал. Но всё равно не мог отделаться от мысли, что это не про него речь; до того растерялся, что даже забыл о благодарности.

Выручила Людмила:

– Ну раз уж мне выпало ознакомить вас с квартирой, я вот что предлагаю: сейчас Коля должен подойти, так вместе с ним и посмотрим.

– Вот-вот, – поддержал Туманов. – У Николая машина, может быть, и перевезёте сразу. Если, конечно, есть что везти. Есть что, Алексей?

– Да. Но... только чемодан, – сообщил тот с таким видом, будто был в этом виноват. Всё разрешилось так неожиданно и так многообещающе для него.

– Чемодан подождёт, – сказал Волин. – Ты поезжай, посмотри, что к чему, а потом расскажешь. Там вроде ремонт ещё нужно сделать. Я бы тоже с тобой, Лёша, но мне и на службе не грех бы появиться.

– Да я-то что? Не в обузу бы людям... – замялся Алексей.

– Нам не в обузу, – заверила Людмила. – Я о вас наслышана от Коли, и мы оба рады будем помочь. Подождите,

он будет с минуты на минуту. А вы можете спокойно идти, Иван Дмитрич.

– Да-да, надо. Но если успею, заеду посмотреть. Там и решим, когда переселяться. И – с чем. Квартира-то, поди, пустая?

– Пустая, – подтвердила Люда. – Но вы не беспокойтесь, мы прямо сейчас клич среди своих друзей бросим – и к вечеру будет чем обставить.

– А, ну да. С миру по нитке – голому рубашка, – улыбнулся Волин. – Ну-ну, держайте.

В это время в кабинет, чуть слышно постучав, вошёл мужчина.

– А вот и Коля, – обрадовалась Людмила. – Говорила же, с минуты на минуту будет.

Николай, увидев майора, разулыбался и шагнул было к нему, да так и застыл с вытянутым от изумления лицом.

– Ка... какими судьбами? – спросил в сильном замешательстве, явно имея в виду Алексея, но глядя на Волина.

– Вот такими, – развёл руками Иван Дмитрич. – Как говорят: сколько лет, сколько зим. Ну мне кажется, знакомить вас нет нужды, – поочерёдно взглянув на парней, продолжил он и, получив от каждого подтверждение, подытожил: – А раз так, то я пошёл, а вы тут без меня завершайте.

Не будь с ними Людмилы, вряд ли нашли бы парни столь быстро общий язык, и труднее всего было бы Алексею. Но благодаря её умению найти нужные слова уже минут через десять он почувствовал такую удивительную лёгкость в отношениях, что даже и не припомнить, когда изъяснялся с людьми так свободно и непринуждённо. Вот разве что с Юрой Маловым чувствовал себя столь же комфортно, но это когда-а уже было. И хоть прошло-то после последней встречи всего ничего, а кажется Алексею, что было это давным-давно. Вообще ощущение такое, что тогда была

совсем другая жизнь. Даже не другая – чужая. А надо было начинать новую, вот с этими людьми, которые сразу расположили его к себе. Вроде ничего необычного – люди, как люди, но с самого начала в их отношении к нему почудилось что-то неуловимо близкое; напомнило о той детской бескорыстной дружбе, когда чем-нибудь делился с друзьями, без всякой задней мысли о том, чтобы получить что-то взамен. Видя радость друга, он получал главное – неизъяснимый восторг души, готовой сделать ещё что-то доброе. И теперь ту же детскую готовность поделиться увидел в друзьях Люды и Николая, потянувшихся к вечеру в эту, теперь уже его, квартиру: каждый из них нёс что-то с собой. Немолодой уже мужчина из соседнего подъезда притащил стол (не ахти какой, конечно, но вполне себе стол с дверками), другой мужик – стул, третий – пару табуреток, а одна пожилая пара – железную кровать. Кое-что из посуды принесла Люда, благо их дом в том же районе, а чтобы у Алексея не возникло чувства, что он чем-то обязан, упредила: дескать, придёт время – и ты кому-то поможешь. Когда-то ведь и нам ровно так же помогли на первых порах. И вот это искреннее, не показное участие трогало больше всего. Причём всё выглядело так просто и буднично, как само собой разумеющееся. Ни даже тени намёка, что они делают что-то доброе. Но что ни говори, а всё необходимое для неприхотливого быта у него уже было.

– Главное, не поддавайся унынию, – напутствовали они. И это тоже без всякой выпренности. – Всё наладится.

Алексей лишь согласно кивал и блаженно улыбался.

А под занавес Людмила пригласила всех на чай из объёмного чайника, который презентовал тот же сосед с необычно звучным именем Ремигиус Лакис, или как он сказал: «просто Ремис или Роман». Называть его по отчеству он категорически запретил. Кстати, у него же погодились и сахар, и печенье.

И вот тут виновник скромного торжества был застигнут врасплох неожиданным предложением Николая: тот, поблагодарив всех за помощь, призвал помолиться и прославить Бога за предоставленную пищу.

Ах, как всё шло хорошо до этого момента! Уже совсем расслабился Алексей, уже с оптимизмом виделась здешняя его жизнь: проживу, не пропаду! Теперь же вздрогнул всем телом и потускнел от этого призыва. Сразу перед глазами – Рита! А он как мог старался не вспоминать о ней. Молитва... То, что больше всего раздражало его в бывшей жене. Особенно в последние перед разводом дни, ещё до того, как они узнали о ребёнке. Яркой вспышкой вдруг высветился один его выпад: нарочито грубый, унижающий её, явно рассчитанный на то, чтобы затеять ссору. А причиной послужила её молитва благодарения Богу за ниспосланную пищу. И хоть молилась она беззвучно, уткнувшись лицом в ладони, он так и вскипел от злости.

– Слушай, избавь меня от созерцания твоего глупого моления! – процедил сквозь зубы, когда Рита закончила молиться. – Ты можешь хотя бы при мне не заниматься этой ерундой?

– Что с тобой, Лёша? – искренне удивилась она и, полюбивя его, озаботилась: – Что-то случилось?

Этим своим спокойствием, а ещё больше заботой, она только сильнее разозлила его. Он просто взял и выскочил из-за стола.

– У меня что, обязательно должно что-то случиться?

– Но ты никогда не говорил, что тебе это неприятно, – спокойно ответила она.

– А надо обязательно говорить, да? Ну не говорил, так теперь говорю. А тебе, я вижу, всё – как об стенку горох.

– Значит, я права, и ты что-то скрываешь, – вздохнула она и, покачав головой, встала: – Ну, хорошо, если это тебя так раздражает, я поем попозже. Садись, садись,

тебе надо отдохнуть, а когда найдёшь нужным, расскажешь. Я не буду тебя беспокоить.

– Буду, не буду, – проворчал он, сбитый с ритма её спокойствием. – Всё у тебя как-то просто выходит... Ладно, не волнуйся, ничего не случилось.

– Случилось, Лёша, я же вижу. Я это чувствую. Хотя бы потому, что ты никогда не был таким грубым.

– Прости, у меня, и правда, нервы на пределе, – пересилил он себя, понимая, что своей необоснованной придирчивостью дал ей повод для подозрений. (Это же надо быть полным идиотом, чтобы раскрывать свои намерения до времени). И он принял вид раскаявшегося школьника: – Не обижайся, – сказал как можно ласковее, – молитва твоя тут ни при чём. А что при чём, расскажу в другой раз. Не сейчас. Ну, не в теме я пока.

Вся та ситуация промелькнула в памяти одним стопкадром, и ни творивший молитву Николай, и никто другой из гостей не заметили мгновенно переменившегося состояния Алексея. Медленно, очень медленно опустился он на табурет. Нынешняя молитва, как и воспоминание о той, давней, вызвали в нём отторжение всего доброго, позитивного, на что он было настроился с таким энтузиазмом. Кто-то неведомый услужливо подсовывал мыслишку о тех его, прежних, материальных благах и вкрадчиво так нашёптывал: «Ну какая это будет жизнь здесь среди этих, конечно же, милых и добрых, но зацикленных на своей вере людей? Ты смотри, благодарят Бога за более чем скромный ужин, а радуются так, будто перед ними стол ломится от яств. Бедные, бедные людишки, как мало им надо для счастья! Какое будущее ждёт тебя, если духовные запросы их не простираются дальше служения Богу?»

В какие просторы устремлена и в чём выражается его собственная духовность – этим вопросом Алексей не мочил себе голову. Он слушал этот неведомый глас, слышал

и соглашался. И всё больше убеждался: да ясен пень, что ни под каким соусом он не примет это служение. Просто потому, что оно не для него: слишком долго и слишком многими материальными благами он пользовался, чтобы смириться с такой вот нищетой. Не говоря уже о том, чтобы восхититься ею, принять как должное. Нет, надо во что бы то ни стало вернуться туда, в прежнюю, вспыхнувшую однажды разгульным фейерверком сытую жизнь с роскошными застольями, с осознанием своей избранности, значимости перед людишками... Ах, какой же это был праздник души! Праздник, оборвавшийся так внезапно и так глупо. Нет-нет, надо как можно скорее выбраться отсюда и отыскать справедливость. Почему я так быстро сдался? Не всё в стране в руках таких, как Омаров, есть люди и повыше.

И уже забыл о жертвенности ради Аллы и о сроке, который могли заработать оба в случае его неподатливости. На уме лишь страстное желание вернуться в ту жизнь.

«Вот, вот! – подбадривает наушник. – Именно что вернуться! За своё-то добро и побороться не грех! Можно подать кассацию, ведь десяти дней не прошло ещё».

От такой обнадеживающей мысли (как же я об этом даже не подумал!) привскочил Алексей с табурета и в сильном возбуждении оглядел гостей, пытаясь что-то сказать.

– Слово имеет хозяин квартиры, – шутливо подбодрили гости, полагая, что встал он именно для этого. – Говори, Лёша.

– Надо подать кассацию! – выпалил он, не удержав вертевшуюся на кончике языка фразу, и только тогда сообразовался с реальностью. И сразу скис, опустил голову и обронил обречённо: – Извините, ребята. Перегрелся. Кто о чём, а вшивый о бане.

– Да это понятно, Алексей, – откликнулся Николай. – Кому, как не нам, знать твои думки-переживания? Ведь каждый из нас пережил подобное.

– Давайте закругляться, – предложила Людмила. – Человек устал, а завтра первый рабочий день. Чего доброго, проспит ещё.

С предложением согласились все. Общими усилиями быстро помыли посуду, убрали в стол и стали прощаться.

Глава 16

Последним уходил Роман Лакис из соседнего подъезда. У двери он задержался:

– Я скоро уезжаю, Лёша. Хотел бы поделиться кое-какими соображениями. Не против?

– Конечно, нет, – с готовностью согласился Алексей. – И далеко едете?

– На родину, в Литву.

– Ого, далековато вас судьба забросила. Присядем?

– Спасибо. – Гость взял стул и сел за стол напротив хозяина: – Я уже несколько раз сюда возвращался, а теперь насовсем уезжаю. Ты ведь тоже в этих краях второй раз, как я слышал от Волина?

– Точно. Второй.

– Тогда начну без предисловий. Вот в этом твоём повторном приезде есть много такого, что заинтересовало меня. И я хотел бы прояснить для себя кое-что. Сначала насчёт кассационной жалобы. Ты это серьёзно?

– Не знаю. И да, и нет. Вот так вдруг на ум пришло. Прямо накатило ниоткуда.

– Я почему-то так и подумал, – кивнул головой Роман. – Потому что любой на твоём месте был бы рад получить «химию» вместо лагеря. Что ж, видать подставили тебя что надо, раз даже такой мягкий приговор до сих пор душу

будоражит. Растрата-то, сам знаешь, на что тянула: знатная растрата. – И упредил вопрос: – Не удивляйся, сарафанное радио работает оперативно и здесь. Тем более, что фигура ты заметная ещё с той первой поры, в чём я этим вечером, глядя на ребят, убедился ещё раз. Ладно, дело, конечно, твоё, но я бы не советовал лезть на рожон с жалобой (а сейчас это будет выглядеть именно так). Если что-то и может измениться, то только в худшую сторону, тут уж поверь моему опыту и интуиции. Моей квалификации, в конце концов, но обо мне как-нибудь потом. Видишь ли, люди, которые, как я понимаю, «отмазали» тебя от серьёзного срока, ни за какие коврижки не вступятся во второй раз. Они своё дело сделали и светиться снова за кого-то им не только не нужно, но и опасно, учитывая ситуацию в стране.

– Да не берите в голову, ничего я подавать не буду, – махнул рукой Алексей. – Кому я теперь нужен? Это после травмы у меня случаются такие «завихрения».

– Вот и ладно. Всё это мы уже обсуждали с Волиным. Опять же не удивляйся, в этом плане у него от меня секретов нет, так как в отличие от большинства партийных чиновников он не избегает контактов с верующими. Более того, другой раз просит их помочь тому или иному человечку. Короче, был разговор, и не могу не согласиться с ним, что лучший лекарь для тебя – время. Только ведь есть и другой лекарь... – Он чуть помедлил, внимательно взглядываясь в собеседника: – Знаешь, я тут подглядывал за тобой и вроде бы понял, что ты... как бы это сказать... ещё не совсем верующий, нет? Имею в виду, как эти ребята. Хотя ты для них – авторитет.

– А вы? – переадресовал вопрос Алексей. – Вы – с ними?

– Я-то? Да, с ними. Или это они со мной, я ведь много старше их. – Роман замедлился и вроде как пробовал слова на слух: – Я – с ними, они – со мной. Это ты хорошо спросил. Да-а, а ведь было время, когда я готов был рас-

топтать любого, дерзнувшему при мне заговорить о Боге. Было это, к моему великому сожалению, было. Пока не встретил вот таких же парней. И знаешь, где?

– Неужели... – невольно вырвалось у Алексея, но он не договорил, запнулся. Уж больно интеллигентным выглядел собеседник, чтобы заподозрить в нём зэка. Пусть даже бывшего. Но тем интереснее он становился для него.

– В правильном направлении мыслишь, Лёша, – подтвердил его догадку Лакис и откинулся на спинку стула. – В лагере я их встретил, где свой срок мотал. Ни много ни мало, червонец. Каким-то образом – до сих пор удивляюсь, каким! – им разрешили провести у нас собрание и после проповеди они подарили мне Евангелие. Да что там подарили – выпросил я, чтобы их же высмеять при следующей встрече, если, конечно, она состоится. И она-таки состоялась, эта встреча, да вышло наоборот. Верхушек-то по поводу «опиума для народа», то есть, религии, я ещё по молодости нахватался: любая газета, не говоря уже о радио, пестрила разоблачениями сектантов. Из каждого утюга неслись антирелигиозные передачи. Ну ты сам должен знать, к чему вся агитация сводилась – да и сейчас сводится.

– Ещё бы не знать, – развеселился Алексей. – К тому, как мудро лектор атеизма в очередном диспуте о Боге ставит в тупик очередного проповедника-баптиста.

– Вот-вот. А то и вовсе укладывает его на лопатки, – подхватил Роман. – В общем, все одно да потому; всех под одну гребёнку.

– Да, я тоже удивлялся, как это ловко у них выходит. Прямо все лекторы как один – семи пядей во лбу, а баптисты – сплошь темнота.

– Точно. Даром, что чаще оно всё наоборот бывает; высокого-то ума человек вряд ли снизойдёт до пропаганды такой халтуры. Ну я и решил: дескать, раз это по

силам заштатным агитаторам, то не более ли мне? Зря я, что ли, грыз гранит науки, всякие там диаматы, истматы осилил и лишь чуть-чуть до научного коммунизма недотянул в институте по причине благополучного отчисления из оногo. М-да, за не совсем благое поведение. И что, каких-то верующих за пояс не заткну? Да я им такой диспут устрою, век помнить будут. А главное, братву потешу. О, острый язык у зэков едва ли не столь же в почёте, что и физическая сила. Почёт у меня, правда, и так был, но хотелось большего. Одно дело тонко разыграть туповатогo надзирателю, и совсем другое – людей, имеющих цель в жизни. Короче, тут же принялся за чтение – и уже не оторвался более. Скажу больше: увидел вдруг, что это – моё. О чём мечтал, но боялся признаться себе. Потом, правда, долго определиться не мог: то ли твёрдо стою на пути к вере, то ли в сомненьях на распутье. Бывало, придут в очередной раз, поговоришь с ними – душа поёт, хоть кайся тут же; отвернёшься – а нужно ли мне это? – Лакис бросил быстрый взгляд на Алексея: – С тобой такого не бывает?

– Ещё как бывает, – криво усмехнулся тот. – Ровно это и происходит со мной, один к одному. Семь пятниц на неделе. А вы, выходит, вычислили меня?

– Так я же сказал: подглядывал за тобой. И показалось, понял, что творится у тебя на душе. Мне это, ох, как знакомо.

– Поэтому решили поговорить на эту тему?

– И поэтому тоже. Хочу знать о тебе побольше, поскольку вижу, что у ребят, которых оставляю, ты пользуешься авторитетом. И вот что меня озадачило: я видел, как ты переменялся, услышав о молитве. Увидел, какое она вызвала у тебя раздражение. И, прости за откровенность, немного испугался за ребят. Ведь они все мои братья и сёстры во Христе! Скажи, ты пробовал сам когда-нибудь молиться?

– В последнее время – да. Не то, чтобы молиться, а... В общем, так припекало иногда, что волей-неволей... Ну, вот как утопающий за соломинку, так я за молитву. Которая, скорее, просьба... или жалоба, что ли. Только скажу честно: пустая это трата времени. Да и сколько ни пытался, ни одной молитвы путней не вышло. Ни одной до конца не выговорил.

– Что-то мешает? Или кто-то? – приклонился Роман к столу.

– Ладно, откровенность за откровенность, – чуть помедлив, сказал Алексей и попросил: – Только пусть останется между нами. Что-то восстаёт вот здесь, – постучал по груди и обронил тоскливо: – Думаю, это память о Рите, жене моей... – И тут же мотнул головой и поспешил с пояснением, увидев, как вздрогнул Лакис: – Нет-нет, живая она, да только укатила за тридевять земель. Развелись мы. В веру она ударилась, это при мне уже, ну я ей рот и затыкал, когда начинала благодарить Бога. Да ладно бы раз-другой поблагодарила, а то буквально на каждом шагу, да за всё и про всё. Вот я и бунтовал. Теперь, видать, ответка за это прилетает. Начну молитву, ну вроде как всё ладом идёт, и вдруг где-то на полуслове ощутишь себя полным идиотом и сам себе до того противен... бр-р-р. А стоит подумать о Боге, – не обратиться, подумать! – как тут же начинает корёжить всего. Аж до судорог. Короче, бросил я все эти попытки.

– И ни разу не задумался, отчего это так?

– Зачем думать, если знаю? Как говорится: некрасиво подозревать, если уверен. А я уверен, что это ответка за Риту.

– То есть, она может желать, чтобы ты никогда не пришёл к Богу? – выпрямился над столом Роман и уточнил: – Это вроде как её месть тебе?

– Месь? – возрился на него Алексей, немного сбитый с толку. – Н-не-ет. Чтобы Рита... Да она вообще не способна кому-то мстить.

– Это хорошо, что не винишь её огульно, – одобрительно кивнул Лакис и добавил с непонятной для Алексея уверенностью: – Стало быть, как я и предположил, она звала тебя ко Христу. Тогда поразмысли всё же – вдруг да и поймёшь, что не очень уверен, чья это ответка. Или совсем не уверен, а только так кажется. Тогда ищи, кому это надо. Кто-то ведь не даёт тебе молиться?

– Понял, куда вы клоните, – иронично хмыкнул Алексей. – Слышал не раз от Риты об этом нехорошем парне. Не-ет, сатана, или кто он там ещё – дьявол, тут ни при чём; я ведь неверующий. Во всяком случае, пока.

– А к верующим у него вопросов меньше, Лёша. А то и вовсе не бывает. Какой ему резон выслушивать их непрестанную благодарность Господу? «За всё и про всё», как ты только что сказал о своей Рите. Это ведь их отповедь сатане. Впрочем, нет у него вопросов и к неверующим; никого он не потревожит и будет спокойно спать, пока тех не интересует весть о Боге. Но стоит задуматься, как он тут же просыпается и творит с человеком то, что ты уже испытал. Всё сделает хитрец, лишь бы удержать у себя своего раба. Что? Что-то не так, Лёша?

– Да нет, всё нормально. Только насчёт раба вы это зря. Это опять же не ко мне.

– К сожалению, и к тебе, так как мы все его рабы. Все без исключения. Именно так и говорит Библия: «Ибо кто кем побеждён, тот тому и раб» (2 Пет. 2:19).

– Но я что-то никаких побед над собой не припомню, – в голосе Алексея всё та же ирония: – Да и не хочется как-то, чтобы вот так сразу – и в рабы!

– Ну, вот, – с лёгким укором развёл Роман руками. – А кто-то минутой раньше сказал, что бросил все попытки молиться. То есть, сдался, отступил, да? Или я не так понял?

– Нет, ну это... – пробормотал Алексей, – так-то оно так, но я же не... – и совсем смешался: – Я как-то не связывал это с поражением...

– А никто не связывает, – улыбнулся Лакис. – Потому что так легче всего себя ублажить. Нас, в общем-то, и побеждать не надо, коль уж мы сами с упорством, достойным лучшего применения, лезем к сатане в кабалу и, с каждым днём умножая грехи наши, «идём вслед скверных похотей плоти». А он – что? Он лишь ловко расставляет сети на своём болоте и как можно удобнее устраивает нас в них. И мы чувствуем себя там до того удобно, до того покойно, что не хочется даже шевелить мозгами, чтобы различить, что растёт на этом мрачном болоте: заросли лжи охотно принимаем за ростки правды, лесть – за признание своего достоинства, лстивые посулы – за добрые пожелания, а навет врага – за совет друга. И наоборот. Так и живём, плутаем в потёмках, не пытаюсь выбраться из этого мрака: дескать, зачем напрягаться, когда наперёд знаешь, что не найдёшь выход.

Он встал и в видимом волнении заходил по комнате. Его взволнованность в какой-то мере передалась и Алексею: этот литовец будто читал его сокровенные мысли.

«Всё так, всё так, – мысленно соглашался он. – Кругом ложь, наветы и лесть, а я всё принимал за чистую монету. Ни один из друзей не подал голос в мою защиту. Ни один! Наоборот, лишь помогли обмакнуть рылом в корыто».

– Это очень удобная позиция для нас, – продолжал между тем Роман, – и самая выгодная для сатаны, который – повторюсь – не трогает человека до тех пор, пока тот не услышит весть о Христовом спасении! «Кто поверил слышанному от нас и кому открылась мышца Господня?» – это зов к вере в Него. И счастлив, кто услышит его, потому что вера – от слышания... Она властно поманит его, и человек постучится к Господу. Нет, ты только представь: из тьмы и мрака – к свету Божьего слова!

Роман остановился и счастливо засмеялся. Казалось, что он забыл о собеседнике и говорил это для себя, таким

восторгом сияли его глаза. Но нет, он тут же склонился к Алексею и, положив руку ему на плечо, в светлой грусти закончил:

– Это и есть для человека момент истины: или – или. Или оставаться во мраке, где так «хорошо» (да и сатана не отпускает), или идти на спасительный зов Иисуса, где всё для тебя ещё неведомо, но есть завет вечной жизни? Есть свет любви Христовой. Что изберешь, то твоё и будет. Я однажды увидел его, этот свет, протянул к нему руки – и он зажёгся в моём сердце. И уже не дам ему погаснуть до самой той вечности.

Он снова сел, сложил ладони и поднёс к лицу, будто согревая себя этим светом. Через мгновение отнял их и виновато улыбнулся:

– Вот видишь, хотел больше узнать о тебе, а отвлёкся на целую проповедь о себе. Я тебя не утомил?

– Нет-нет, что вы. Просто пытаюсь переварить, что услышал. С чем-то согласен, с чем-то нет. А в голове пока одни сомнения.

– Ну-ну, посвяти, какие, например?

– Да всё о том же. Ну, допустим, я действительно раб? Но тогда по вашей логике получается, что я навсегда им и останусь, поскольку этот момент истины у меня не раз уже так плачевно заканчивался. Давайте так: я пытался молиться? Пытался. Но – пусть будет по-вашему – сатана меня не отпустил. И что, на этом всё? Мне опять – туда, как вы сказали, в болото? А как же Бог? Выходит, Ему до лампочки моя молитва? Или как? Или не всем дано выбирать из этого круговорота, а лишь избранным?

– Дано-то всем, Лёша. Всем одинаково. Бог не делает различий между людьми.

– Извините, но тут-то у меня и не укладывается. Одного, вот как вы, например, Он принимает, а другого, такого, как я, – ну никак.

– Опять ошибаешься. Я ведь как раз и был такой, как ты. Не лучше, если не намного хуже. Тут уж зависит от того, кто истинно стремится к Богу, а кто только на собственную судьбу решил пожаловаться: помоги, мол, Господи, защити от нехороших людей, а то плоховато мне от них. Но прежде чем жалобиться, надо перво-наперво признать себя грешником пред Богом, покаяться в грехах. Вот что – главное! И если покаяние от чистого сердца, тогда Он примет тебя, и грехи простит, и силы даст противостоять сатане.

– Я за грехи свои получил сполна и даже больше, – помрачнел Алексей. – Не унести. Я уже сказал про откровенность: так вот буду откровенен до конца. Я ведь потерял не только Риту, но и сына, о котором даже не знал, что он будет. Бог наказал меня за них на всю катушку, в чём же ещё мне каяться?

Наступила томительная пауза. Видно было, что Романа ошеломила эта весть.

– Я сочувствую тебе, Алексей, – прервал он наконец молчание. – Но ты не очень внимательно слушал. Бог никого не наказывает, потому что Он есть любовь. Наказываем мы себя сами своим непослушанием, а Он любит всех и каждого. Тем более не наказывает человека, исповедовавшего грехи, а ты так свои и не исповедал. Не смог, потому что кто-то не даёт тебе это сделать. И ты это понимаешь, но продолжаешь стоять на своём, уж извини. А Господь прощает искренне кающихся, даёт надежду на жизнь вечную – в этом и заключается Его спасение. Только Он никого не тащит к Себе силой, а ждёт собственного решения грешника. Жизнь коротка и непредсказуема, поэтому важно не опоздать с покаянием. Кто из нас может поручиться, что завтра с ним ничего не произойдёт? Даже не завтра, а через час, через минуту. Не подумай, что я тороплю, но в следующий раз, когда тебя, как ты сказал

«припечёт», попробуй просить Бога не о том, чтобы Он облегчил тебе жизнь, не о здоровье или удаче: единственное, о чём надо и стоит просить, – чтобы простил твои грехи. Молись об этом, потому что Господь о тебе знает всё и ждёт одного – покаяния. Проси и увидишь, что из этого выйдет. И давай договоримся, что обязательно расскажешь мне об этом. Я уверен, что рано или поздно ты придёшь к Богу. Если же это случится после моего отъезда, то напишешь мне. Адрес я оставлю. Давай на этом закругляться и прости, что так задержал тебя.

– Ну что вы, какое там «прости», если столько впечатлений. Но вот о себе-то вы хоть и заикнулись, но так и не договорили, а мне сейчас это более всего интересно. Думаю, вы понимаете, почему это для меня так важно.

– Думаю, да, – кивнул Роман и озабоченно взглянул на наручные часы. – Только не поздновато ли будет? А то, и правда, проспичь на работу.

– Не проспичь. Вот если не расскажете, могу проспать, – пошутил Алексей и пояснил с улыбкой: – Потому что я в таком случае начинаю строить догадки, и тогда уж не до сна. Ну хотя бы коротко: что это за квалификация, о которой вы упомянули, и как совместить её с лагерным сроком?

– Ладно, только, и правда, коротко, а уж потом найдём время поговорить обо всём обстоятельнее. Да, квалификация у меня действительно есть, и начиналась она на юрфаке Вильнюсского университета, с четвертого курса которого был отчислен. А если честно, то я сам забросил учёбу за ненадобностью. Тогда, в шестидесятые, в стране akurat началось одно прибыльное ремесло – спекуляция валютой. Ну, а где валюта, там и заграничные шмутки, драгметалл и прочее. Короче, подпольный бизнес. Почин пошёл с Прибалтики и Ленинграда, где было полно иностранцев, и тот, у кого был хотя бы маленький шанс

заиметь «зелень» (доллары, то бишь), пусть в самом мизерном количестве, при сильном желании и расторопности вполне мог «раскрутиться». У меня были и шанс, и желание, и расторопность, поэтому очень быстро раскрутился так, что институт лишь мешал. Мешал ещё и в том плане, что, имея статус студента, прилюдно не зашикуешь. Ты же весь на виду и откуда у студента, скажем, предметы роскоши (а к ним в то время тотального дефицита можно было отнести всё, что угодно), сразу же могло вызвать вопросы. А шиковать хотелось, да ещё так, чтобы знакомые видели! Иначе зачем оно, это богатство? С деньгами оказалось жить легче, и я почему-то решил, что это и есть свобода, и был так опьянён ею, что пренебрегал предостережениями партнёров о возможной слежке милиции. Какая милиция, если они сами у меня были в клиентах! Да не какая-нибудь мелкая сошка, а при званиях. О том, что есть другое ведомство, повыше и посерьёзнее, которое может привлечь за связь с иностранцами, я, конечно, знал, но не принимал на свой счёт. Для меня это больше было игрой, и я совершенно не боялся ответственности за свои дела. Просто верил, что она никогда меня не коснётся; ведь я никого не грабил, не убивал. Больше того, я приносил пользу людям, доставая нужные им вещи без всякой давки в магазинах! И – да, за эту услугу я получал заслуженный гонорар. Этот довод казался мне столь убедительным, что в случае ареста я не сомневался в том, что сумею донести его до судей. А главное, на что я надеялся, – это знание уголовного кодекса и хорошо подвешенный язык. Известное изречение, что незнание закона не освобождает от наказания, в нашей среде звучало иначе: хорошее знание закона – залог свободы – поможет избежать наказания. В общем, продолжал вести шикарную, раздольную жизнь, но сильно, так, чтобы деньги из карманов валились, раскрутиться не успел.

Ирония судьбы в том, что когда я всё же стал осторожнее, меня и сцапали. В Ленинграде это было. По негласной шкале я был причислен к валютчикам средней руки, что и спасло жизнь. Ведь при Хрущёве за эти дела приговаривали к расстрелу, так что мне ещё повезло и приговор в десять лет встретил с таким восторгом, будто десять дней дали. Так вот, сначала в тюрьме, а потом и в лагере, я стал для ээков собственным и незаменимым адвокатом (это, к слову, была моя кликуха). Здесь выросла и набирала силу моя квалификация. О, это была великолепная, не похожая ни на какую другую практика, а уж уголовный кодекс я, что называется, вызубрил от корки и до корки. А сколько составил жалоб – не сосчитать! Запомнились, конечно, те, которые имели тот или иной успех, и их было немало. Мы буквально заваливали жалобами администрацию лагеря, и это приносило хоть и временные и незначительные, но послабления режима, ведь на каждую жалобу они обязаны давать ответ. Пусть даже формальный – но ответ. Ну, а на половине срока повстречал верующих, и как-то само собой поубавилось гонору, перестал обживать всякие там изоляторы, и в результате «оставил хозяину» почти три года. Дальше закончил геологический факультет в Ленинграде и мотаюсь теперь по степям Казахстана в поисках полезных ископаемых. Насиделся за семь-то лет, вот и решил оставшиеся годы провести в движении. Всю Среднюю Азию, считай, уже облазил, а здесь, в Жезкенте, моя, так сказать, штаб-квартира. Вот такая моя биография, Лёша. Кроме работы, по мере сил и при любой возможности проповедую весть об Иисусе Христе. И вот ещё что хотел бы подчеркнуть, и это специально для тебя. Мне до ломоты в зубах жалко те загубленные мишурой богатства годы. Прошло уже около двадцати лет (из них семь – по тюрьмам да лагерям), но добрым словом я так ни разу и не вспомнил о своей разгульной жизни. Ни ра-зу! И толь-

ко нынешняя со Христом скрашивает ту никчёмность. Вероятно, мне надо было пройти через всё это, чтобы в полной мере осознать нужду в спасении души. Я был той заблудшей овцой, найдя которую, наш Пастырь Иисус принёс домой на своих плечах и сказал: «Порадуйтесь со мной: я нашёл мою пропавшую овцу. Говорю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:6–7).

Чтобы тебе было понятнее, приведу народную поговорку, которая гласит: «За одного битого двух небитых дают». Ты уже бит много, Лёша, не пора ли назначить себе такую же цену. Ведь всего-то и нужно, что признаться в грехах, покаяться, постараться забыть о богатстве, за которое, наверное, всё ещё переживаешь. Но даже будь оно трижды праведным (в чём я, честно говоря, не уверен!), поверь, оно того не стоит. Потому что – тлен. Всё в этом мире тленно. Постарайся забыть о нём, тогда и не будет больше «завихрений» насчёт кассационных жалоб. Вот теперь всё. Ещё вопросы есть?

– Пока нет. Но будут, нутром чую, будут. Дайте только время подготовить, а не так, чтобы с кондачка. И, пожалуйста, Роман, не уезжайте слишком быстро.

– Это уж как Господь усмотрит, Лёша. Я рад нашей встрече. Рад, если она хоть чем-то была полезной для тебя. – Лакис встал и протянул Алексею руку: – А пока мы оба здесь, давай вместе пытаться разобраться и в себе, и в наболевших вопросах. И раз уж ты решил подготовиться к ним основательно, разрешить их поможет Библия. Как ты насчёт её изучения?

– Да я что... Всё собираюсь почитать, да где её достанешь?

– Ну, у нас-то она, слава Богу, есть. В будни мы собираемся в семь вечера два раза в неделю, как раз для её

изучения. Это кто может, конечно: люди все занятые, но двое-трое есть всегда. Попробуем?

– Давайте попробуем.

– Тогда заходи ко мне без всяких причиндалов, запросто. Если, опять же, будет время, а то я слышал, что работать ты можешь сутками. Трудоголик, так сказать.

– Ну, это уж когда-а было, – улыбнулся явно повеселевший Алексей и пообещал: – Я зайду. Как с работой соотношусь, так и зайду.

– Вот и ладно. Значит, договорились.

– Значит, да.

Проводив гостя, Алексей прилёг на кровать и попытался восстановить в деталях ход сегодняшнего вечера. Вспомнил, как сначала, глядя на ребят, чьё счастье было в их духовности, а вовсе не от избытка материальных благ, испытал неопределившееся, неясное желание начать новую жизнь и как неодолимая тяга вернуться в старую в один миг перечеркнула робкие поползновения души. Потом в голове всё смешалось: метание из одной крайности в другую раздвоило сознание, их столь явное противоречие принесло в душу полный сумбур. Ясно было одно: он не готов отдать предпочтение ни одной из крайностей. И вот уже на слуху слова Романа о своей разгульной жизни, несправедном богатстве и пропавшей овце. И если бы речь шла не о самом Лакисе, никогда бы даже не задумался над этими примерами. Но тут он не мог отделаться от ощущения, что речь-то идёт о нём – столь много общего виделось в их судьбах. Да и по мере того, как слушал, не раз возникало чувство, что Роман говорит не о себе, а о нём. Ощущение, что тот знает всю его подноготную.

«Назначь, говорит, себе цену, – засыпая, бормочет Алексей. – Какую? Что «за одного битого двух небитых дают», – это мы знаем. Почему же за меня, за битого, за

душу мою никто и ломаного гроша не дал? А Христос вон одну овцу чуть ли не сотне противопоставил! Цена непомерная... Что же лучше тогда: битый грешник или пропавшая овца? Или это одно и то же? Завтра же задам этот вопрос. – И под занавес мысль совсем не в тему: – Ажитое добро не жалеть невозможно, не-е, невозможно. Даже оно и несправедное, а всё равно жалко. Зря это он говорит, что от памяти о богатстве у него ломит зубы. У других вон от его потери сердце кровью обливается. Вот как у меня. А потому и непригоден я к вере. Совсем непригоден. Скотина я, наверное?»

И где-то из глубины памяти всплыли вдруг и, повторяясь рефреном, тихонько удаляются не раз слышанные от Риты слова: «Не можете служить двум господам... Не можете служить двум господам...»

«А дальше-то, дальше как, Рита?» – просит он и тянет к ней руки, но ловит пустоту...

Глава 17

Ни завтра, ни послезавтра к Роману он не пришёл. К Николаю с Людой, где собирались верующие, заходил, но только так, чтобы не остаться на молитву. Потом прийти не получилось из-за того, что попросили подменить заболевшего водителя во вторую смену. А на следующий день уже сам напросился поработать сверхурочно. В третий день с непривычки так устал, что проспал с раннего вечера до утра. Лишь через неделю вошёл в трудовой ритм, но так и продолжал избегать встреч с ними. Встретив же в карьере Шария, свалил всё на усталость: дескать, отвык от настоящей работы, вот вечером и валяюсь с ног от усталости.

И в то же время, мол, так наскучался по технике, что готов дневать и ночевать за баранкой. Признался в расчёте, что тот обязательно передаст и Лакису.

К вящей своей радости, он не услышал в ответ ни упрёка, ни недовольства, а только доброе сочувствие.

– Это хороший знак, – искренне одобрил Николай. – Пусть Бог поможет тебе найти утешение в работе. Мы знаем, как ты в этом сейчас нуждаешься, и если что, зови – мы всегда рады чем-то помочь. В общем, трудись, Лёша, но и нас не забывай.

– Да ну, чего бы это я забыл, – поспешил он заверить. – Скажешь тоже. – И уже совсем отлегло от души: – Людмиле передавай привет и Роману скажи, что обязательно зайду. Вот как чуть пообвыкну с работой, так и зайду.

Сказал и тут же пожалел: знал уже, что вряд ли зайдёт, да и их не позовёт. И знал почему: вольно или невольно, но сравнивал себя с Романом и ловил себя на том, что завидовал ему. Где-то в подсознании точила мысль, что, в отличие от литовца, ни Бог, ни молитвы не смогут заставить его отказаться от материальных благ. Наоборот, чем дальше удалялось время, тем ошутимее становилась его скорбь о прошлом. Возвратятся ли те золотые дни, вот что волновало больше всего. Поэтому и продолжал избегать встречи с Лакисом и сокрушаться по этому поводу не стал.

«У них своя жизнь, у меня своя, – оправдывался сам перед собой. – Вот получу весть от Аллы (плохую ли, хорошую) – оттуда и плясать буду. А ну, как сбудутся её планы насчёт срока, кому тогда кланяться? Не-е, обождать надо, а покаяться всегда успею, кто бы что ни говорил о непредсказуемости жизни. – Тут же и мысль услужливая не замедлила явиться: – Да ничего со мной не случится: я же заговорённый. Вон из каких передряг живым выходил. Взять хотя бы этот последний раз: какая авария, а обошёлся же как-то без Бога. Сам выжил».

И заспешил памятью в детство. Именно так – заговорённый – однажды назвал его Пётр Петрович, дедушка по отцу, когда залечил болезненный «ячмень» у него на глазу. Почертив нарыв крест-на-крест ногтем большого пальца, дед пошептал что-то и заключил: «Ну вот, теперь ты заговорённый, и никакая болезь тебя больше не возьмёт».

Алексей незаметно для себя унёсся по волнам памяти в незабвенное детство и счастливо улыбался, если удавалось извлечь из неё ещё какую-нибудь подробность.

Та болячка, и правда, быстро усохла. Зато присутствовавший при «лечении» соседский пацан быстро растрезвонил, что Лёшка Блин есть человек заговорённый. Так и прилипло прозвище. Ну, а взяла «болезь» или нет, сказать трудно, – всяко по жизни бывало, поди разберись.

Такого рода воспоминания и раньше приносили душевное умиротворение, вот и теперь он, может, и не совсем осознанно, но всё чаще возвращался в детские годы.

Но с памятью или без памяти, а полного успокоения так и не намечалось: нет-нет да и высветится тот или иной приснопамятный момент его полного падения. И занозит где-то под ложечкой, заскребёт душу тоской неизъяснимой. Тогда остановит он свой КамАЗ у обочины, вцепится в баранку мёртвой хваткой, притулится к ней грудью и подолгу не отрывает от неё головы. Ах, сколько бы отдал за то, чтобы вернуть тот миг и не дать ему завершиться так, как он завершился. Но... как известно, нет ничего более трагичного в жизни, чем абсолютная невозможность изменить совершённое в прошлом. Сколько и как бы ни пытался оправдывать – не изменишь.

Лакис зашёл к нему сам уже на излёте месяца. Поздоровался, огляделся, словно искал кого-то.

– Я ненадолго. Это ничего, что без приглашения? – спросил с улыбкой. – Как говорят, если гора не идёт к Магомету, то он сам идёт к горе. – И упредил возможные

оправдания: – Да не смущайся, Коля рассказал нам вчера о твоих трудовых успехах. Выходит, я верно предположил в тот вечер, что ты трудоголик, и нисколько не обижаюсь, что не заходил ко мне. Ну, а теперь вот сам зашёл. Попрошайтаться. Утром рано уезжаю. – Роман кивнул на дверь в другую комнату: – А твой сосед, Жорж, он что, не приехал разве?

– Н-нет, – не очень уверенно пробормотал Алексей, подошёл и подёргал ручку двери. – Закрыто. Во всяком случае я никого ещё не видел.

– Вот оно как, – удивился Роман. – Тогда хорошо ещё, что Коля просветил меня насчёт твоей трудовой вахты, а то я грешным делом подумал было, что вы с Жоржем время весело проводите. Мужик он интересный, журналист.

– Терпеть не могу журналистов, – вскинулся Алексей.

– А что так? Почему?

– Потому что с подачи одного из них у меня и пошла жизнь кувырком.

– Это серьёзное обвинение. Что-то очень личное?

– Да не совсем. Но если вам интересно, могу рассказать. Но вы же спешите?

– Ну, не так, чтобы пропустить интересный рассказ. Давай, хотя бы коротко.

– Если коротко, статью тот журналист тиснул в газете о церкви баптистов, где намолол с три короба про их собрание, да ещё приплёл трагедию одной прихожанки.

– Молоденькой девушки, которая попала под поезд? – уточнил Роман.

– А, так вы читали? – даже обрадовался Алексей.

– Читал. Но необязательно ту самую статью, что и ты. Подобную галиматью тиражировали почти все газеты страны, меняя только место действия и имена.

– Но там же поставлено всё с ног на голову, – возмутился Алексей. – Да так, что даже мне это стало ясно с первых строк. Что же это за журналист?

– Тут нет ничего странного, Лёша. Это заказная статья и подразумевает она как раз извращение любых фактов, их подтасовку с одной-единственной целью: очернить верующих. Поэтому и автор тот – не журналист, хотя, наверняка, имеет соответствующее образование, а пропагандист. Но чем его статья коснулась тебя?

– Она попала на глаза нашему парторгу, а он каким-то образом узнал, что Рита ходит именно в такую церковь. Ну и, поскольку я уже ходил в кандидатах в партию, вызвал меня «на ковёр»: дескать, как это так получилось, что без пяти минут коммунист – и верующая жена?! И пошло-поехало, – энергично взмахнул рукой Алексей, намереваясь изобразить учинённый ему разнос, но что-то ёкнуло внутри и тут же сбавил тон: – Короче, понёс парторг ту самую, как вы сказали, галиматью.

– Тут ты попытался его переубедить, и схлопотал за это по полной программе? – догадался Роман. – Тоже знакомо. И дальше что, Лёша?

– Дальше нет смысла рассказывать, потому что никого я не переубеждал, – сник совсем тот. – Дальше домысливайте сами. Концовку вы знаете. Но исходный толчок был здесь, в этой статье! Оттого и возненавидел я писак этих. А уж журналист он или, как вы говорите, пропагандист, не вижу разницы.

– А между тем, разница эта велика, – вздохнул Лакис. – Настоящий журналист пишет, опираясь только на достоверные факты, имеет и высказывает своё, а не чужое мнение и никогда не станет писать заказуху. Поэтому их и выдавливают из самых популярных изданий, а набирают тех, кто за гонорар напишет то, что угодно власти. Так что наряду с честными профессионалами встречаются в журналистике и людишки продажные. Впрочем, как и во всех областях нашей жизни, но мерить одной меркой их нельзя. Как нельзя перекладывать собственную вину на

другого, пусть и негодного, человека. Ты наверняка понял, о чём я. И не обижайся, я должен это сказать.

– Я не обижаюсь, – глухо произнёс Алексей. – Мне об этом ещё отец сказал, да я как-то забыл. – И, немного помолчав, спросил: – А этот ваш Жорж? Он из настоящих?

– Смею так думать. Он работал в самых престижных издательствах Алма-Аты, где был вхож в высокие кабинеты власти. Но дал маху: то ли поддержал публикациями своими кого не надо было поддерживать, то ли напал не на того. В общем, впал в немилость, ну, и – пожалуйте из столицы. Теперь вроде бы на киностудии подвизается и рыскает по городам и весям Казахстана с кинокамерой в надежде раздобыть такой материал, публикация которого смогла бы вернуть его в столицу. Пока довольствуется заметками в уголовной хронике и вроде бы пишет (или пытается написать) книгу. Они там ещё с киношниками какой-то коммерцией занимаются, но я не в курсе. Мне он примечателен тем, что хоть и атеист, но не наотмашь отвергает право человека на веру в Бога. Я так подробно о нём рассказываю, потому что не пришлось увидеться с ним на прощание. А жаль. Ты уж, будь добр, передай привет и наилучшие пожелания. Скажи, что разговор наш ещё не закончен, о чём напишу ему попозже. Ну, а теперь, – Лакис вынул из кармана пиджака и положил на стол почтовый конверт с маркой: – Вот, как и обещал, мой адрес. А готовый конверт для того, чтобы исключить соблазн затянуть с вестью, ждать которую я буду с нетерпением. Можешь даже ничего не писать, а просто заклеить конверт и отправить. Я буду знать, что произошло.

Уже простившись, он снова, как и в прошлый раз, задержался у двери:

– Я никогда не совал свой нос в чужую жизнь, Лёша. Не делаю этого и на сей раз. Скажу лишь то, что открыл мне

Господь на мои о тебе молитвы: Христос примет тебя, и ты ещё станешь Его вестником. Но случится это, когда потеряешь всё, что можно потерять. Всё, за что сейчас держишься. Ты знаешь, о чём я. Тебе осталось понять это и додумать всё остальное, как только что предложил это сделать мне. Понять и найти путь к спасению: оно у ног Христа. Это моё пожелание тебе: найти и остаться с Богом!

– Остаться с Богом, – эхом откликнулся вслед ему взволнованный Алексей. Потом, уже прикрыв дверь, изумлённо прислушался к себе и повторил: – Остаться с Богом? И это он – мне, кто пренебрёг его обществом. Пришёл, попросался так, будто и не произошло ничего предосудительного с моей стороны. Ну что же ты за человек такой, Роман Лакис? Опять ты всё во мне перевернул! Вот уж чего бы никогда не предположил, так это служение Богу. И что я должен додумать? Вот если бы... – он встрепнулся, пытаясь поймать мелькнувшую на мгновение и тут же ускользнувшую мысль. Догнал и ухватился, как утопающий за соломинку: – Да-да, если бы был уверен, что в этом случае смогу вернуть семью, тогда... Что тогда? – заторопил он себя. – Что? Покаяюсь, и Бог вернёт Риту и сына? Да, вернёт? – Он вдруг почувствовал то знакомое состояние умиротворения и блаженства, которое испытал однажды в балхашской гостинице, медленно опустился на стул и замер, боясь спугнуть волной накатившую на сердце надежду: – Боже, неужели это когда-нибудь сбудется?!

И, обхватив голову руками, долго сидел так, уставившись в одну точку.

Ах, как хочется в этом месте остановиться, дорогой читатель, и дать место спасительной молитве нашего героя. Да только и на сей раз в его мятущееся сознание тихой сапой вкрадывается чей-то голос. И нашёптывает, и нашёптывает: «Что же ты изводишь себя мечтами

несбыточными-и. Вспомни-ка, сколько уж раз тебе это было обещано! Вон как в Балхаше, а? И что, сбылось? А ты заметил, что после слезливых этих сцен судьба бьёт тебя всё сильнее и сильнее? Хочешь ещё испытать? Вот то-то и оно, что хватит. И потом, что это за торговля с Богом: дескать, Ты – мне, я – Тебе? Нехорошо, ой, плохо».

Вздрыгнул Алексей, распрямился, водит глазами по сторонам в поисках шептуна. Но в комнате лишь тишина да постукивание маятника настенных часов.

«Или у меня уже галлюцинации, или это голос того, кто не даёт мне ходу к молитве. Того самого, о ком говорил Роман, – мыслит он. – Ведь я чувствую, понимаю, я даже хочу верить, что это от Бога. Но, Боже, если Ты есть, зачем же селить надежду там, где нет никакой надежды?! Роман сказал, найду Бога, когда потеряю всё. А что ещё мне осталось потерять? Аллу и всё, что с ней связано? Так и тут всё зависит не от меня, а от неё. А она не торопится с вестями. Письмо в первый же день ей отправил, и домашний телефон Ивана Дмитрича указал (он разрешил им пользоваться), а ни ответа, ни вызова на междугородку. Слу-ушай, а может ли Алла кинуть меня, как кинули все друзья? – Он даже привстал, опрокинув стул. Кажется, здесь, в Жезкенте, это впервые пришло ему в голову. И привычно зануло в затылке, и сник тоскливо: – Может. Ещё как может. И тогда это будет действительно – всё... Только представить это не могу. Не хочу представлять. Нет, лучше ни о чём не думать и терпеливо ждать. Лишь бы не оказалось, что ждал у моря погоды».

Ох, уж это «лишь бы»... Он почему-то вспомнил о страусе, прячущем при опасности голову в песок, с которым его однажды сравнила Алла, и как-то по-телячьи тонко и грустно замычал.

Не думал Алексей, что когда-нибудь будет презирать себя за трусость.

Глава 18

Со следующего утра он, несмотря на духовную опустошённость, снова стал работать в две смены и без выходных. Домой приходил только ночевать. Хорошо ещё, что успел посетить Волина в день отъезда. И хоть последнее время редко встречались, но расстались столь же дружески, как и прежде. И сразу Алексей почувствовал ещё большее одиночество: теперь даже и захочешь, да не к кому будет зайти и поделиться словом. С Николаем и Людой он так и не общался, а коллеги по работе за своего не держали; шофера явно недолюбливали его и считали рвачом и скрягой, для которого деньги – это всё. Начальство, напротив, не могло нарадоваться на такого работягу, но... вот как-то вот не ходят к начальству изливать душу. Не принято, понимаешь ли.

Тем не менее в день первой получки Алексей, как и полагается, «обмыл» с шоферами это событие, причём с таким размахом, что сразу развеял миф о своей жадности. Сам спиртным сильно не увлекался и, как скоро пришло время обниматься и клясться в дружбе навек, незаметно покинул компанию. Домой пришёл всё же немного подшофе и обнаружил там приехавшего, ещё более весёлого в этом отношении соседа. Тот с улыбкой до ушей раскинул руки и чуть ли не облобызал его, словно старого знакомого после длительной разлуки.

– Ну, друг любезный, я прямо заждался. Думал, что уже не придёшь сегодня – пророкотал густым басом и тут же усадил Алексея за стол, на котором красовалась бутылка «казахстанского» и уже налитый чуть выше доньшка коньяк в двух стаканах. – Извини, старик, но знакомство на твоей половине отметим, а то у меня там кавардак, ноги ломаешь. Вот я тут и подсуетился. – И без всякой паузы:

– Жорж Колода. Прошу любить и жаловать. Ударение ставь где хочешь, не обижусь. Про тебя уже знаю: нынче передовик производства, а в прошлом – моряк Блинов Алексей. Он же Лёша, так?

– Точно, – улыбнулся Алексей. Ему всегда нравились балагуры. Самому меньше напрягаться, чтобы поддерживать разговор. – Досье выдало ЦРУ?

– Коля Шарий. Заезжал к нему, чтобы киношную аппаратуру помог затащить в хату. «Бобик» видел у подъезда? Мой. Не личный, понятно, от студии, но когда и куда захочешь – к твоим услугам. Ну и к моим немножко. А тут, я смотрю, уютно стало, – придиричиво оглядел он комнату. – Девочек водишь?

Алексей уже со смехом отрицательно покачал головой.

– Води, – разрешил Жорж. – Чай, живём-то один раз! – И процитировал: – «Ни былой, ни грядущей минуте не верь, верь минуте текущей – будь счастлив теперь». Омар Хайям. А? Каково! Теперь и сейчас. О, этот перс знал толк в жизни. И в вине. Ладно, соловья баснями не кормят, давай-ка по махонькой за знакомство. Ты как предпочитаешь: как налито или сразу стаканами? И вот закусь, если что, – подвинул блюдо с шоколадкой и выжидающе посмотрел на собеседника.

Алексей понял и поднял стакан:

– Налито нормально. За нами ж никто не гонится и не отбирает. Ну и с хорошим человеком, тем более соседом, как не выпить! Давай-ка чокнемся за твоё здоровье.

– Ну-у, уважил, Лёша, – расплылся в улыбке Жорж. – А то я уж испереживался весь: а ну, думаю, такой же баптист, как Коля и его друзья, тогда сразу съеду отсюда. Теперь вижу – уживёмся.

– Уживёмся, конечно. Делить нам вроде бы нечего.

– Я того же мнения. И буду пить за твоё здоровье, пока не пропью своего. Как сказал тот же Хайям: «Поток вина – род-

ник душевного покоя. Врачует сердце он усталое, больное. Потоп отчаянья тебе грозит? Ищи спасения в вине: ты с ним в ковчеге Ноя». – Что-нибудь слышал об этом ковчеге имени семейки Ноя?

– Так, в общих чертах.

– Ну, значит, как и я. Они там вроде от потопа спаслись. Давай, вздрогнем.

Выпили. И ещё выпили. И ещё появилась бутылка. Больше говорил Жорж, рассказывал смешные истории из своих командировок, постоянно – и всегда к месту! – цитируя Омара Хайяма. И на глазах пьянел, видимо, сказывалась долгая дорога. Алексею, наоборот, хотелось продлить столь непринуждённую беседу да ещё с таким занятым рассказчиком. Жорж как бы вернул его в один из тех бесшабашных вечеров, когда он с коллегами кутил на всю катушку и где он был, что называется, «в своей стихии». Увы, далёкое теперь, но милое памяти сердца времяпровождение.

Поэтому, заметив угасающий запал собеседника, он поспешил затронуть тему, которая, по его мнению, должна была взбодрить Жоржа. И не ошибся.

– Вот слушаю тебя, Жорж, – сказал как можно беспечнее, – и не могу понять, что может тебя, известного журналиста, держать в этой дыре. Деньги? Так их вашему брату, по моим скудным соображениям, как раз в столице больше платят? Тогда, может быть, женщина? А? Не просветишь?

Колода на какое-то мгновение так и задержал руку на пути к бутылке.

– А ни то, ни другое, – усмехнулся, убрав руку. Он явно собирался сказать последний тост, а тут даже протрезвел и в первый раз за вечер пылливо взгляделся в соседа по квартире: – Вообще-то пора бы нам и закругиться, тем более, что я не люблю распространяться на эту тему. Но

ты мужик что надо, и я даже польщён твоим интересом. Скажи только: что я – журналист, это от Лакиса информация? Или Волин просветил? Коля говорил, что ты с обоими на дружеской ноге, а кроме них, никто не знает, что я газетчик. Киношник – это да, знают.

– От Лакиса. Он тебе привет просил передать, сказал, что напишет. Разговор, мол, ваш ещё не окончен. Жалел, что не простился.

– Разделяю, – ещё больше оживился Жорж. – Классный мужик, каких поискать. Одно жаль: верующий до мозга костей. О Лёша, на тему религии у нас было сломано столько копий, как раз вот в этих стенах, что и не сосчитать. Но мы так и остались друзьями. Мы с ним... – И не договорил, загрустил неожиданно: – А, ладно, уехал и уехал. – Махнув рукой, он, как это часто бывает с людьми в таком состоянии, разоткровенничался и пустился в философские рассуждения: – У человека вся жизнь состоит из таких вот встреч-расставаний. Только не всегда друзья на поверку остаются друзьями. Такие, как Лакис, – да, остаются. Нет-нет, у нас с ним совершенно разные взгляды, но в одном мнении мы едины: друг познаётся в беде. Разница в том, что для него это давно уже непреложная истина и он обязательно сюда приплетает веру в Христа, а я понял это только, когда первый раз пнули с работы. До этого в моей жизни просто не было подлцов, хотя сами-то беды случались, и довольно часто. Я ведь после института два года на Севере спецкором был: подался туда, несмотря на то, что сразу в Москве оставляли. Ну, что поделаешь, если романтика обуяла. Считаю, большую часть Заполярья исколесил: где на машине, где на «Буране», а где и на своих двоих. Так вот, не было ни единого случая, чтобы кто-то кого-то бросил в беде, поэтому и вопроса, как такового, для меня не было. Потом вернулся в Москву и словно окунулся в другой

мир. Если там, в Заполярье, приходилось соперничать в основном со стихиями природы, то здесь соперниками, причём не всегда добросовестными, стали твои же коллеги по перу. Не каждый, например, считал нужным дружить с человеком, если тот будет в чём-то несогласен с ним. А уж если кто-то посмел покритиковать тебя ли, твою ли статью, – о, тогда он уже почти враг. Какая уж тут дружба. Не сразу, но смирился с этими правилами и я, и вскоре обратил на себя покровительственное внимание власти, коей просто нужен был нестроптивный, сговорчивый журналист. Не без таланта, конечно. Я уже был таковым, и аккуратно подошёл на эту роль. Понятно, что считал её проявлением дружеского отношения власти ко мне. Вся моя деятельность выглядела так: сначала получал сигнал, как правило, из МВД или КГБ, и доступ к материалам, коим вроде бы не было хода, но которые должны были вызвать общественный резонанс. Потом готовил и публиковал (опять же с их подачи) разгромную статью о том или ином чиновнике и гордился, что раскрутил его «дело». На самом деле это был обычный слив информации о ставшем кому-то негодным человеке. А то и просто о жертве, которую приносят обществу, чтобы отвлечь внимание от проблем насущных. Но кто бы знал, какие там кипели невидимые миру страсти! Внешне-то всё выглядело благополучней некуда: объятья, поцелуи при встрече на людях, а копни глубже – у каждого на каждого компромат. Сравнить разве что с борьбой пауков в банке. Кто кого сожрёт быстрее. Это как камень за пазухой. Кстати, когда я это рассказал Лакису, он тут же сравнил их с крашеными гробами. Ну, что, мол, снаружи красивые, а внутри не то черви, не то букашки. Это он мне из своего Евангелия пример приводил. Занятный, скажу тебе, пример, что даже я – представляешь, я! – сразу запомнил.

Жорж на какое-то мгновение призадумался и поудобнее откинулся на спинку стула, свесив с него правую руку, а улыбка, скользнувшая по лицу, сказала о том, что воспоминания «о делах давно минувших дней» доставляют ему огромное удовольствие. Такое большое, что даже забыл о желании «закруглиться».

– В общем, я был доволен собой, пока сам не стал таким же неуютным, – через паузу продолжил он. – Дело в том, что Горбачёв только-только начал приоткрывать для нас мир, и у меня вдруг появился шанс поработать за рубежом. Тут-то «настоящие друзья» и показали мне моё место. – Жорж издал сжатыми губами тонкий писк и выразительно сопроводил его размашистой фигой. – Вот, мол, видел? Забудь об этом и прижми хвост, не то поедешь совсем в другую сторону: пилить тревожные таёжные леса. Не для того тебя снабжали информацией, чтобы ты ею потом торговал. Тут вон партийные бегут за границу да оттуда поливают Родину почём зря, как же надеяться на тебя, беспартийного?

Жорж приостановился и кивнул Алексею: дескать, не забывай, подливай, а то уже в горле першит. И тот, довольный, что вновь разговорил соседа, да и заинтригованный близкой темой, с готовностью выполнил заказ.

– Ты, Жорж, давай, что там дальше-то? – попросил, не забыв чокнуться с ним в очередной раз. – Я хоть и не был в столь высоких кабинетах, но ситуация знакомая.

– А-а, интересно стало, – довольно хмыкнул тот. – Ну в партию я, и правда, не вступал. Хотя ташили-то как! Какие только горы не сулили, только подай заявление. А я не вступал, потому что видел всё изнутри; видел, что вся её верхушка – сплошь мертвяки: лицемер на лицемере и лицемером погоняет. Я уже тогда их конец видел.

Ладно. Притих я. Думал, обойдётся. Не обошлось. Больше ни одного материала, ни одного путного зада-

ния от редакции. А месяца через три вообще отправили в Алма-Ату спецкором, что совсем не есть хорошо. Это, скажу тебе, конец карьеры, потому что выкарабкаться назад почти невозможно. Ну я на месте огляделся, увидел, что и тут то же самое, даже похлеще с учётом местного менталитета – ну, кланы, жузы и прочее – и, не будь дурак, быстро уволился. Тогда, хоть и робко, но уже стали заявлять о себе коммерческие издательства, так ума хватило слинять и устроиться в одно из них.

И вот уже время перемен, перестройка обороты набирает, – ну по всем параметрам моё время! Гляжу, а перемениться-то вперёд успели те же, что и были у власти, и они по-прежнему у руля. Я руки потираю в предвкушении разоблачений, дескать, уж теперь-то я их! У меня ж почти на каждого в заглавнике такой компромат, что просто грех не вывести одного-другого на чистую воду. Поделится с редактором, он не против, факты-то жареные! Давай, мол, Жорж, жги.

Я и зажёг. Короче, с двумя чиновниками хорошо прогремели – разнос вышел по всем правилам уголовной хроники, а вот с третьим прокол вышел. Поторопился я и не на ту лошадку поставил. С главным не посоветовался, а он сам недоглядел и статью пропустил. Благо дежурный редактор в типографии уже под утро узрел её при проверке и позвонил главному: так, на всякий случай. А вышло, что спас его. Не то кирдык бы ему первому пришёл. Но обошлись «малой кровью»: оперативненько эдак уволили задним числом автора, меня, то бишь. Оказывается, услужливые люди уже донесли герою фельетона, и он вроде бы пообещал «спустить три шкуры» со всей редакции, а с автора особенно. Редактору удалось дело замять, но весь тираж, конечно, пошёл под нож. На том и пришлось мне на время оставить карьеру журналиста. На какое, пока не знаю. – Жорж тряхнул головой, словно спроваживая

наваждение, и даже голос понизил: – Я рад, Лёша, что живым ноги унёс, а не ими вперёд вынесли. Хорошо ещё, что семьёй не успел обзавестись, тогда бы и вовсе труба была. Мужик тот из «непотопляемых», как сейчас принято говорить, и на редкость мстительный, а в его «свите» спортсмены, да не какие-то там простые разрядники, а всесоюзной и даже мировой известности боксёры, борцы и прочие. Они-то сами хоть и именитые и, может быть, даже с мозгами, зато в рядовых исполнителях держат обычных отморожков, готовых на любую жестокость. В общем, обложить-то меня они обложили, но найти не смогли. Дело в том, что я всех их знал в лицо, а они меня – нет. Да и мир не без добрых людей. Киношники помогли из города выбраться: они тоже в коммерцию ударились, так я им как журналист с опытом аккурат и пригодился. Вот мотаемся теперь по Казахстану, крутим в провинции дешёвые заграничные фильмы... Наверное, понимаешь, какие?

178 – Догадываюсь, – рассмеялся Алексей. Слушал он с неослабным вниманием и, кажется, ловил каждое слово Колоды. – Эту порнуху теперь где только не крутят. Даже спецвагоны в поездах дальнего следования появились.

– Не-не, у нас-то всё чин чинарём, – вяло возразил Жорж. – Мы проворачиваем всё это под эгидой перестройки. Летопись вроде бы ведём. Но кое-что и снимаем. Не для отвода глаз – в надежде, что, может быть, когда-то пригодится.

– Ну, а те люди в Алма-Ате оставили тебя в покое? Можешь о них рассказать?

– Да что тут говорить, – ухмыльнулся Жорж. – Ирония судьбы в том, что теперь ищут уже их самих. А для меня ещё и в том, что мой фельетон-таки вышел, хотя моего согласия никто не спрашивал и об этом ещё будет разговор с редакцией. Но это уже не суть важно. Важно то,

что главного фигуранта разжаловали, то бишь, сняли со всех занимаемых постов и вот-вот посадят, а его охранники разбежались.

Жорж говорил всё медленнее: ему явно хотелось выговориться, и в то же время он боролся со сном. Алексей же проявлял не свойственное ему любопытство:

– А их главного зовут случайно не... – заикнулся он, но Жорж не дал договорить, всем видом показывая, что вопрос не обсуждается.

– В этих кругах, Лёша, случайных людей не бывает. И лучше о них не знать.

– Понял. Значит, скоро вернёшься в редакцию?

– В редакцию? Вряд ли. Пока поостерегусь. Фортуна – дама привередливая, не всегда угадаешь, что она выкинет следующим номером. Правда, мой бывший редактор держит нос по ветру и раз уж дал повторный ход фельетону, значит, нет и тени сомнения в том, что того босса посадят. Но однажды обжегшись на молоке, дуешь и на холодную воду. А ну, как что-то пойдёт не так? Кто будет крайним? Я! Выходит ведь, что и на сей раз я к этому делу руку приложил. Вот как услышу, что все эти отморозки на нарах, тогда и видно будет. Ситуация кардинально изменится, и я восстановлю все прежние связи. Только в редакцию не вернусь; нагорбатился за гроши, хватит. Я даже здесь, в этой кинопередвижке, имею больше, чем зарабатывал во всех редакциях, вместе взятых. Задумка одна есть. Только на этот счёт тсс... – Жорж приложил палец к губам и с нарочито дурашливым подозрением взгляделся в Алексея, словно решая, стоит ли открывать тайну. Не решился: – Знаешь, давай-ка об этом как-нибудь в другой раз. Бай-бай, Лёша.

– Может быть, ещё по одной, а? – неожиданно предложил Алексей. – Вопрос у меня, Жорж. – И умоляюще приложил руки к груди: – Вот здесь он у меня стоит. Ты же наверняка знаешь Омарова?

Жорж снова пылливо всмотрелся в него, затем встал и, чуть покачнувшись, протянул руку:

– Завтра, старик, всё завтра. Обещаю. А сегодня я и так спьяну много чего наговорил. Утро вечера мудренее. Да и знаю ли, нет ли, теперь это не играет роли.

Глава 19

180 **Н**а следующий день Алексей отказался от второй смены и поспешил домой; во-первых, надо было соблюсти неписаный этикет – отблагодарить Жоржа за вчерашнее угощение (иначе нельзя, человек может отвернуться!), ну и во-вторых, пользуясь как раз этим предлогом, не терпелось убедиться в своём предположении, что «погорел» журналист как раз на Омарове. И что именно этого человека должны посадить, а ещё лучше, если уже посадили. Если это так, то... А что – «то», так далеко Алексей не заглядывал. Как-то совсем забылось, что его самого осудили не за аварию по вине отпрыска Омарова, а в результате интриг на работе, благодаря которым и оказался «козлом отпущения». Но в памяти то и дело возникало описание Малова об удиравших пацанах, о лежавшем у обочины аксакале и стоявшем рядом грустном ослике, который не понимал, почему не встаёт его хозяин, и вся обида Алексея, вся злость направлены были на всемогущего начальника; его, и только его, он считал источником своих бед и страстно мечтал о мести. Так страстно, что весь день только и знал, что придумывал и рисовал в мстительном воображении сцены суда и приговора. О, только бы тот получил наконец по заслугам и узнал «почём фунт лиха»!

Домой он постарался зайти бесшумно, чтобы не выдать своего присутствия и, быстро приготовив немудрёную закуску, достал из чемодана не пригодившуюся для встречи с Волиным (тот был на строжайшей диете после перенесённой пневмонии) бутылку армянского коньяка. Окинув взглядом стол, удовлетворённо хмыкнул и направился к двери соседа, намеренно оставив раскрытой настежь свою.

Но сосед этим вечером был уже совсем не таким, как вчера. Куда и подевался тот общительный балагур с его шутками-прибаутками. На осторожный стук дверь открыл явно чем-то рассерженный Жорж и, мельком окинув Алексея взглядом, угрюмо кивнул в ответ на дружеское приветствие. Теперь во взгляде опального журналиста можно было без труда прочесть, что общение на сей раз не входит в его планы.

– Извини, друг, не до разговоров, – пробормотал он, не называя имени недавнего собутыльника, что само по себе должно было подтвердить сказанное. – Книгу я тут, понимаешь, никак не закончу. Поговорим как-нибудь в другой раз.

И всем видом показал, что хочет затворить дверь.

Но не лыком шит и Алексей. Перехватив первый, как бы оценочный взгляд Жоржа, он придержал дверь и отступил так, чтобы виден был стол в его комнате. При этом учтиво и с улыбкой распахнул руки: дескать, приглашаю от души.

Лицо хмурого соседа медленно освобождалось от омрачавших его туч и вот уже расплылось в широкой ответной улыбке. Распознал наконец Жорж угощение, и тут же проснулся в нём прежний балагур. Даже имя соседа вспомнил.

– Лёха, старик, что ж ты резину тянул, – полуобнял повеселевшего от того и Алексея и проворно шагнул с ним к столу: – Разве ж добрые друзья так поступают?! Я сразу-то

не разглядел сослепу, что тут у тебя. О, вот сейчас здоровичко и подправим, а то я весь день в бегах да в заботах. А хоть бы и не в бегах, так взять всё равно негде, чтоб этому меченому Михаилу Сергеевичу с его сухим законом пусто было. Чтобы он икал не переставая. – И, разглядев этикетку, ловко подбросил в руке бутылку и языком зацокал: – Армянский! Ты молодцо-ом, даже меня перешеголял. Где добыл, если не секрет?

– Из дому ещё привёз, да всё не с кем было распочать, – расцвёл в улыбке Алексей, польщённый ещё и тем, что Жорж признал в нём доброго друга.

– Это есть отшень ка-ра-шо, что не с кем, – с иностранным акцентом протянул тот. – Наливай, старик, по пять грамм на каждый зуб, может, белый свет увидим.

– Рад, что угодил, – плеснув коньяк в стаканы, довольно искренне сказал Алексей. – Тем более, что ты обещал меня посвятить в кое-какие детали. Не забыл, кто меня интересуется?

– А, ты об этом, – сморщился Жорж, как от зубной боли. – Нет, не забыл, но тогда для начала хотел бы услышать поподробнее о тебе самом. Ну, кто ты есть, то да сё. – И предупредительно поднял руку: – То, что ты по жизни не совсем шофёр, я уловил сразу, так вот тут просвети, пожалуйста. Ну и за что тебя сюда да на сколько. И чем тебе Омаров интересен. Давай, старик, «вздროгнем», потом уже поговорим.

– Ну и с чего начать? – после длительной паузы, вызванной «вздрагиванием», спросил Алексей. – С себя?

– С того, что тебе важнее. Так полагаю, что ты тоже что-то не поделил с нашим общим знакомым? Тогда давай с него.

Беседа вышла на этот раз довольно серьёзной и получилась откровенной с обеих сторон. Алексей во всех подробностях описал аварию и её последствия, то есть,

гибель аксакала и неожиданный поворот в деле с возложением вины на него же. Затем, ни словом не обмолвившись о Рите, поведал, какую западную коллеги по работе устроили ему с Аллой; лишь вскользь упомянул о своём приговоре и о роли Омарова и тут, и там. Он то и дело с беспокойством поглядывал на Жоржа, так как казалось, что тот не очень внимательно слушает его. Да журналист и в самом деле сидел со скучающим видом и бесстрастным лицом и лишь задумчиво передвигал по столу свой стакан. Но стоило Алексею упомянуть базу, на которой он работал, и свою должность, как от меланхолии друга не осталось и следа. Он так и напрягся весь, и уже не спускал глаз с рассказчика. А когда тот закончил, то уже не сдержал эмоций и, вскочив со стула, прошёлся по комнате, радостно потирая руки:

– Лёша, да ты для меня настоящая находка. Ты даже не представляешь, как вовремя ты мне погодился!

– Что, может быть, стоит попробовать теперь пересмотреть оба этих дела? – поняв по-своему его восторг, спросил тот в затаённой надежде. – Как ты считаешь?

Вопрос сразу охладил пыл Жоржа, он уныло вернулся к столу и яростно поскрёб в затылке.

– Ах, да, нам же сначала с этим надо разобраться, – озадаченно усмехнулся. – Но тут считать мало. Тут, брат ты мой, выбирать надо. Получается, что Омаров для тебя и обидчик, и спаситель в одном флаконе, так что сам раскидывай мозгами, какая из ипостасей тебе ближе. – Жорж в очередной раз пригубил и после недолгого раздумья продолжил: – А ты верно догадался, что я прокололся, наехав на этого самого чинушу. Да, верно. Но что я бы посоветовал тебе, так это выбросить из головы всякую мысль о пересмотре дела с аварией и настоящими виновниками, несмотря на переменившийся статус нашего героя. Время, Лёша, ещё такое не пришло,

чтобы на суды наезжать, да и вообще приспееет ли оно когда в нашей стране. А что до твоего приговора, то и для его обжалования не вижу никакого резона: тебе ведь действительно повезло, что в дело вклинился тот же Омаров. Разве не так?

– Может быть, и так, – не смог скрыть досады Алексей, – только я его об этом не просил. Или ты не расслышал, что я рассказал?

– Да ты не кипятись, – миролюбиво улыбнулся Жорж. – Сначала выслушай до конца мои соображения, я ведь кое-что дельное хочу тебе предложить. В конце концов не он же натравил ОБХСС на вашу базу и лично на тебя. А вот с кем разобраться не мешало бы подробнее, так это с твоими коллегами по работе. Как? Ну, над этим уж твоя жёнушка должна поломать голову. Или... она уже её ломает? Ты ведь толком-то ничего о ней не сказал, – он мельком взглянул на друга и, не увидев в его лице признаков оптимизма, облокотился на стол: – Та-ак, без вопросов. А её дядя, который есть парторг? Или был? Ситуация-то в стране, как в калейдоскопе, меняется. Пойдёт он в твою защиту, если что-то переменится в ту или иную сторону?

И снова в ответ лишь красноречивое молчание и неожиданная грусть-досада во вздохе.

– Вот те раз, – несколько огорчился Жорж. – Ну, да ладно, это уже семейный вопрос и никто в вашу личную жизнь вмешиваться не будет. Не имеет права. Ещё по маленькой?

– Давай, – тоскливо махнул рукой Алексей. – Я-то уж подумал, что поможешь. А ты, собственно говоря, озвучил то, о чём предупреждали и Волин, и Лакис. Ничего нового. Ничего, что могло бы хоть как-то обнадежить. А? Ничего?

И то ли скисшая от досады его физиономия, то ли те пресловутые «пять грамм на каждый зуб» благотворно подействовали на «здоровычко» Жоржа, но догадался

наконец журналист о мстительном чувстве друга, и вновь, как и вчера, откинулся на спинку стула и перешёл на доверительный тон:

– Не горюй, Лёша, Омаров уже схлопотал своё: лишился всех постов, разве этого мало? – Он энергично потряс вытянутой ладонью и пустился в привычные для себя пространные рассуждения: – Поверь, для этих людей уже то страшно, что их лишают привычных благ. Которые они не заслужили, но которыми пользуются без зазрения совести. Он ведь даже представить себе не может, что однажды к его подъезду не подкатит лимузин и никто не выбежит навстречу, не откроет дверцу, чтобы посадить в машину. В конце концов не повезёт не только на работу, но и – страшно подумать! – на рыбалку, где для него уже наловили рыбы, или на охоту, где на кустах сидят привязанные фазаны или рябчики (ну это в зависимости от географии). Стреляй – не хочу! – И запнулся, увидев как поёжился Алексей от этих слов. – Впрочем, что я тебе рассказываю, если ты и без меня всё отлично понимаешь. Ты же, если и не варился сам в этом котле, то, как я понял, дровишки-то подбрасывал. А, Лёша? Подбрасывал?

– Да брось ты, – отмахнулся тот. – Мне до них, как пешком до Марса.

– Подбрасывал-подбрасывал, не скромничай, – не поверил Жорж. – И в этом нет ничего предосудительного. Как нет и ничего нового: мы все это делаем в той или иной мере. Вот если бы ни один из нас не угодничал перед ними, то и их, непотопляемых, не было бы. А то ведь стоит обычному ничтожеству попасть во власть, – бывает и такое, и не так-то уж редко, – как около него тут же появляются подхалимы всех мастей и ещё больше развращают его. И вот – он уже идол. Не Бог. Богу (если Он есть, конечно) подношения не нужны. Во всяком случае так утверждал Лакис. Помню, как однажды он выразился по этому поводу, и я согласился

с ним... Да, а как же он сказал? – Жорж наморщил лоб: – Шас, шас, шас... Ага, вспомнил! Худые, мол, сообщества развращают добрые нравы. Добрые, Лёша! Вникаешь? А что ж тогда взять с тех, про кого мы с тобой тут чирикаем? Которые суть индюки надутые, да простят меня эти добрые птицы за то, что приравнял их к самодовольным глупым жлобам. И это мы сами их плодим и подкармливаем. Понимаешь, к чему это я?

– Да всё я понимаю, Жорж, – вздохнул Алексей. Помолчал и добавил с горечью в голосе: – Только хотелось бы и для них справедливого суда, а не показательных мер, вроде снятия с постов. Как ты правильно заметил, я очень даже в курсе подобных «мер». Здесь снимут, а куда-то рядом переведут с повышением – вот и весь суд, всё наказание. Своего рода правило перемены мест слагаемых, при котором сумма не меняется. Или закон сохранения энергии, не помню, правда, чей. Тут убыло, там прибыло. Короче, всё как было, так и останется. Подумаешь, лишили кресла! Другое подыщут.

– Ну тут дело будет покруче и неизвестно, чего ещё, кроме кресла, он лишится. Но ты пойми одно, Лёша: сейчас, когда Омарова скинули с олимпа, ворошить дело о подонках-недорослях, виновных в гибели человека, и вовсе глупо. И особенно тебе.

– А это ещё почему?

– Потому что рикошетом вполне может привести к замене твоего условного срока на реальный, с отсидкой в лагере. – Жорж, похоже, даже разволновался и снова встал из-за стола: – Ну да, твое заявление о даче новых показаний рассмотрят. Но ты, видать, забыл, что у нас «самый гуманный суд в мире» (что в переводе с эзопова языка означает – самый продажный), который никогда не ошибается. И чтобы вынудить его признать ошибку, нужно за спиной иметь такую поддержку... – Он крутнул

пальцем вверх и шумно, с присвистом выдохнул: – Такую, что даже я не в силах представить. Вот так. Признать, что приговор состоялся под чьим-то давлением, – это для любого судьи как наступить на горло собственной песне. Как можно! Суд независим! Всё, только не это. В итоге сто процентов из ста, что акселератов, несмотря «на новые открывшиеся факты», суд всё равно оправдает. А что будет дальше, смекаешь?

– А что будет? – Алексей никак не мог ухватить последовательность мысли.

– Об ответственности за лжесвидетельство слышал? – вместо ответа спросил Жорж. – Вот то-то и оно. Ты окажешься один; дети аксакала не подтвердят твои новые показания, это уж поверь мне на слово. Для них это и больно, и не нужно. Ведь им тогда пришлось бы признать, что пошли на сделку, пренебрегши памятью отца. А для них это – страшнее, чем солгать ещё раз.

Алексей сразу же вспомнил виноватые лица дочери и сына аксакала и понял, что так оно и будет. Журналист прав.

– Ты прав, Жорж, – мрачно констатировал он, разлил остатки коньяка и грустно качнул головой: – Первый раз в жизни жалею, что мало выпивки.

– А выпивки сегодня аккуратно столько, сколько и надо было, чтобы обо всём порассуждать на трезвую голову. Ну более или менее трезвую. Впрочем, вижу, ты не расположен к прениям: может быть, продолжим беседу завтра?

– Так обо всём уж вроде бы переговорили.

– Э, нет, мы с тобой только подходим к самому главному. Я же сказал, что ты для меня находка. Сказал?

– Ну? И дальше что?

– А то, что не надо опускать руки. Помнишь, я сказал ещё, что не вернусь в редакцию? Вчера, помнишь?

– Да, ты заикнулся о какой-то своей задумке. Кажется, речь была о лопате, которой ты решил бабки загребать? – криво усмехнулся Алексей, и Жорж расслышал в его голосе едва заметную издёвку. Но не обиделся. Понимал, что не оправдал надежд парня, и тот переживает за только что несостоявшуюся мечту о реванше.

– Ну, не совсем так я сказал (сказал уклончиво), но, в общем-то, да. Именно, что грести лопатой и никак не иначе; так, как это делают сейчас все умные люди. И ты поможешь мне в этом: я, как будущий президент будущей фирмы, беру тебя в компаньоны. Если, конечно, ты не против.

– Не понял, – в недоумении воззрился на него Алексей. – И ты туда же? Ты что, забыл, кто я здесь? Ну если ты это так шутишь, то мне, пожалуй, лучше пойти спать. И будь ты хоть будущий президент, хоть премьер-министр, мне как-то по барабану.

– Постой-постой, Лёша, я вовсе не шучу. Знаешь, что такое словоблудие? Так вот оно сейчас в чести, как никогда ранее. Ты что, не в курсе, сколько у нас развелось «президентов» разных компаний? Однажды даже видел табличку «президент» на двери бывшего управляющего банно-прачечным хозяйством, а ныне владельца коммерческих привокзальных туалетов. Во, как! Чуть попозже наглядно обрисую пользу от этого словоблудия, а пока давай-ка поднапряги память и скажи: неужели среди клиентов вашей базы не встречались президенты? Именно в последнее время?

– А, всякие были, – презрительно отмахнулся Алексей. – Даже и говорить об этом не хочется. Скажу прямо, Жорж: не ко времени ты этот разговор затеял.

– Честно признаться, я и сам ещё сомневался в сроках, – подхватил тот, сделав вид, что не понял посылы. – Ну, в том смысле, что замутить дело – не замутить! Да

не рановато ли? Но вот ты мне как с неба упал. Ты тот нужный человек, которого мне так не хватало, на кого я могу рассчитывать и кому можно доверять. У тебя опыт по товароведческой части и высшее образование.

– Я это образование, считай, не выходя из склада получал, – угрюмо буркнул Алексей. – Так что не стоит сильно-то рассчитывать на мои экономические познания. Тем более в какой-то сомнительной афёре с фирмой.

– Погоди сомневаться. Сейчас поймёшь, что мои планы – не какая-то химера свихнувшегося на бабках чудика.

– Уж не машины ли гонять хочешь предложить? – Алексей почему-то сразу вспомнил Малова и даже немного развеселился.

– Не-ет, машины тут ни при чём, – замахал руками Жорж. – Машины и челноки – удел бесшабашных, я бы даже сказал безбашенных одиночек. Пусть и отважных, но живущих одним днём. Здесь купил – там продал! Да я и сам такой же авантюрист, но с головой. Вот с этой! – Он постучал казанками пальцев по макушке. – А она мне подсказывает, что бум с машинами, а также ширпотребом и другими барахольными товарами продлится ещё с полгода, от силы год. Потом большинству из них достанется разбитое корыто: и достанется оно им ещё и из-за того, что сумасшедшими темпами набирает силу рэкет. Что, кстати, закономерно: появление людей с «левыми доходами» неминуемо влечёт за собой появление и тех, кто хочет облегчить их карманы. Если ты не сталкивался с этим явлением, то вряд ли сможешь представить его реальную угрозу даже крупному бизнесу, не говоря уже об одиночках. Или приходилось иметь дело?

– Самому – нет, а одному хорошему другу, перегонщику, приходилось. Вот как раз тому Малову, с которым попал в аварию. Да он, наверное, и сейчас какую-нибудь машину куда-то гонит. Правда, их карманы облегчают в основном

менты: их «наезды» он описывал довольно ярко. Меня во всяком случае впечатлило.

– А менты тебя ограбят или кто другой, тут уже разницы нет. Хрен редьки не слаще, как говорят французы. Да, опаснее всего для такого бизнеса – сопровождение товара. Значит, надо обходиться без этого промежуточного действия. – Тут Жорж принял шутливо-важный вид и ловко симитировал казахский акцент: – И мы мал-мал обойдёмся без него. На примете уже есть немножко крупный предприятий, готовый к сотрудничеству мой будущей фирма. Постой, ты что, не веришь?

– Не-а, – качнул Алексей головой. – Вернее так: в то, что с тобой кто-то готов сотрудничать, я хоть и с трудом, но могу поверить. Всё же известный журналист, а не невесть откуда взявшийся, с фигой вместо денег в кармане проходимец. Их, к слову, сейчас развелось видимо-невидимо; а вот денег нет, не развелось. У проходимцев этих, имею в виду. Да, как ты правильно подметил, такого пошиба дельцы появлялись на базе с предложениями посреднических услуг, но быстро удалялись восвояси, поскольку нашего директора на мякине не проведёшь. Он и «сам с усам». Короче, их «фирмы», если даже и имели банковские счета, то могли заниматься лишь перепродажей, скажем, жареных семечек на базаре. – Алексей как-то свысока посмотрел на своего друга и всё с той же едва уловимой издёвкой закончил: – Ну, ты понял, да, к чему это я?

Он явно ожидал обиженной или даже сердитой реакции Жоржа, но вышло совсем наоборот.

– Ну, я ж говорил, что не ошибся в тебе, – расплылся тот в довольной улыбке. – Именно такой сотрудник, Лёша, мне и нужен: чтобы правду-матку не по за углам, не за спиной выдавал, а в глаза, невзирая на лица. Вот как сейчас ты это сделал. А главное, без сантиментов и чтобы не

лох, который доверяет всему и вся. Конечно, я понял, что к чему, и признаю правоту твоих доводов. Поэтому открою своё самое потаённое: я не тот проходимец без гроша в кармане, какого ты заподозрил во мне. Хотя заподозрил правильно: откуда, в самом деле, у советского журналиста деньги на приобретение фирмы? А я тебе скажу – откуда.

Жорж побарабанил пальцами по столу, как бы призывая к вниманию:

– Мой бывший редактор издательства... Ну, ты понял какого? Да-да, того самого, коммерческого! Что он сделал? – Жорж выдержал глубокомысленную паузу, затем сообщил доверительно: – А он в первые же дни моей работы застолбил мне место на брокерской бирже. Продолжать? Или уже понял?

– Не-не, ты продолжай, пойму потом, – сменил скепсис на интерес Алексей.

– Ну, слушай и понимай. Так вот я не только следил за биржевыми новостями и подбирал там материал для статей, но заодно и сколотил начальный капитал, играя на разнице валютных курсов. Довольно солидный, к слову, капитал, а главное – в «зелёных»! Это тот редкий случай, когда удалось охотиться на двух зайцев, и если бы не история с фельетоном, я так и продолжал бы «ковать денежку».

– А что же не вернуться туда сейчас, раз ситуация изменилась? – в искреннем недоумении пожал плечами Алексей. Он опять окунался в знакомую стихию и оттого чувствовал себя уже более... ну, как бы к месту, что ли. Настолько к месту, что даже решился на совет: – Слушай, да подожди ты чуток до полной ясности – и вперёд! Не пойму, на кой ляд тебе заморочки с какой-то фирмой, если на бирже – живые деньги. Это же Клондайк! Знавал я брокеров и даже завидовал: работёнка – не бей лежачего! Ни тебе забот, ни хлопот. Да и безопасно, как полагаю.

Вроде как лежишь весь в подушках, карманы оттопырил, а денежки сами туда – кап-кап – одна к одной, одна к одной. Только успевай подсчитывать. Что? Не так?

– Не совсем так. Во-первых, там нужны железная поддержка, крепкие нервы и верный расчёт. И, конечно, аналитический ум и удача. Можешь ведь так пролететь, что без штанов останешься и из долгов не вылезешь. Во-вторых (и это главное), я уже не могу вернуться, так как пришлось срочно продать место. И это ещё хорошо, что успел хоть что-то за него выручить. Да, жалко, но «прошлое не воротится», как поётся в одной сентиментальной песенке. Так что новая фирма – дело решённое. Это я тебе (как её будущему президенту) говорю. Ну как, убедил?

– Да мне-то что, – вяло откликнулся Алексей. – Ты ведь знаешь моё положение.

– Знаю. И вот здесь, Лёша, мы и поторгуюемся. Да, положение твоё незавидное, но не безвыходное; таких, как известно, не бывает. Вот мы вроде бы по поводу твоего срока пришли к единому мнению? Ну ты ведь согласился со мной, что плетью обуха не перешибёшь? Но правда и то, что обух этот в лице власти в целом и нашей, местной, в частности, в настоящее время сильно подвержен коррозии и всеми фибрами своей ржавеющей души жаждет лечебной смазки. – Жорж наглядно изобразил известный жест, потеряв друг о друга взятыми в шепот пальцами. – Вывод: перешибать его вовсе необязательно, надо просто «смазать», чтобы обух стал податливее. Перво-наперво имею в виду условия срока: поскольку работа будет связана с постоянными разъездами, выхлопочем тебе свободу передвижений. И никаких комендатур! Подозреваю, что для тебя нет ничего желаннее в данный момент, а? И это всё я беру на себя, но... при условии, что ты доверяешь мне и согласен на сотрудничество. Ну, что-нибудь надумал?

– Говори, – коротко выдохнул Алексей, и подался всем телом вперёд. – Что за условия, что за деятельность и сколько времени придётся ожидать её?

– Вот это разговор, – энергично кивнул Жорж. – Значит, решено?

– Замётано, – с улыбкой поправил Алексей. – Так у деловых людей сейчас принято говорить. И чем быстрее, тем лучше. Зажёг ты меня.

– Ждать недолго. Почти все документы для регистрации фирмы готовы, остались лишь несущественные мелочи да ещё открыть счёт в банке. А это минутное дело, так как есть и там свой человек. Жду, как уже сказал, конечного итога следствия. Ну и суда, понятно. Продлится всё не больше двух-трёх месяцев, чего как раз хватит, чтобы подобрать хвосты с киношкой. Возня с порнухой была вынужденной, но как отвлекающий манёвр сослужила добрую службу. Во всяком случае я был в безопасности. Ладно, это всё прелюдия, а теперь – к делу. Совсем скоро буду в Алма-Ате и, если разрешишь, найду твою Аллу и поговорю с ней.

– Зачем? – удивился Блинов. – Что ты ей скажешь?

– Предложу работу. Она ведь ...

– Она не поедет, – мгновенно перебил Алексей и сам смутился от поспешности, с какой выдал свои потаённые подозрения: в голосе слишком явно послышалась досада на жену. Чтобы как-то скрасить оплошность, попытался выкрутиться и пробормотал не очень вразумительно: – Нужно быть идиотом, чтобы поехать в эту дыру.

– Ну это мы ещё посмотрим, – сделал вид Жорж, что не уловил подлинных сомнений друга. – Она у тебя умный человек и поймёт нашу перспективу. Главное – она будет с тобой! Разве этого недостаточно для верной подруги?

– Времена жён декабристов, Жора, канули в Лету, – неопределённо усмехнулся Алексей. – Из столицы да в захолустье – ты в своём уме?

– Но ей совсем необязательно торчать всё время здесь. Пусть сидит в столице и работает с нужными нам бумагами. К нашим услугам все современные средства связи, и мы предоставим их ей. Кстати, офис, где они есть в наличии, к этому времени мы уже откроем: работать будем в здании, которое я присмотрел в самом центре. Вдобавок ко всему, твоей жене не придётся кого-то бояться: фирма будет работать под солидной «крышей». Надо объяснять, что такое «крыша» в данное время?

– Да в курсе, вроде, – усмехнулся Алексей.

– Всё же скажу для пушей убедительности: это люди из облисполкома и крупные чины МВД. Нет-нет, твой Волин тут ни при чём. Он из той редкой категории ментов, которые живут на зарплату и не идут ни на какие сделки с совестью. Я его, конечно, очень уважаю, но... Я ведь тоже долгое время пытался бороться со злом, но понял, что в условиях партократии – это борьба с ветряными мельницами. А годы уходят. Надо хоть что-то успеть взять от жизни, так почему же не воспользоваться предоставленными возможностями? В конце концов мы будем стараться не нарушать законов. Такие вот дела. – Жорж на минуту задумался, потом, как бы подводя итог, встал из-за стола: – И вот тебе, Лёша, так сказать «на закуску» идея, которая только что пала на ум. Если всё срastётся, обещаю заодно освежить свои связи с адвокатами в Алма-Ате. Эти ребята и раньше вытаскивали безнадежные на первый взгляд дела; не благодаря уму, заметь, а личному подходу к судье и... – вновь тот же жест с шепотью: – И всё в полном ажуре! Ну, а теперь и подавно их время. И тут очень кстати будет ходатайство не кого-нибудь, а аж – соображай, кого? Аж президента солидной фирмы. И ходатайство это будет о передаче гражданина Блинова А. Г. «на поруки» этой фирмы. Ну как, годится?

– Твоими бы устами... – в первый раз за вечер открыто улыбнулся Алексей. – Я так понимаю, что это и есть польза от словоблудия?

– Да, Лёша. К сожалению. Впрочем, кто знает, может быть, и к счастью – у нас и встречают, и провожают строго «по одежке». А в скором времени, попомни моё слово, будут и сажать, и миловать исключительно в зависимости от содержимого кошелька. И не только в судах, а и в местах заключения. О ростках этого явления я уже не однажды имел глупость писать, призывая и власть, и общество обратить внимание на проблему. Почему глупость? Потому что это был крик в пустоту или, как образно говорил Лакис: «глас вопиющего в пустыне»! Реакция нулевая. Ни одного отклика; впечатление, что так оно и надо. Все заняты исключительно собой. Куда катится страна, и где она будет в итоге? Не пророк, не знаю, но уверен в одном: время грядёт смутное, а значит, на коне будет тот, кто быстрее других приспособится ловить рыбку в мутной воде. И мы её поймаем, вот увидишь! Кто сказал, что мы хуже других? Мы – лучше! «Куй железо, пока горячо», не оглядываясь на неудачников – и шальные бабки потекут рекой. Главное, не отстать, а там... – Жорж мечтательно зажмурил глаза, потянулся всем телом: – М-м-м, «гуляй, рванина, от рубля и выше»! Сколько времени это протянется, не знаю, но лично я рвану на вечно загнивающий Запад, прежде чем здесь наступит полный кирдык.

– Почему ты решил, что он наступит?

– А просто надо знать историю своей страны и уметь анализировать. Кирдык наступит, Лёша: нынешняя власть либо прикроет (если у неё хватит сил) всю эту лавочку с частной собственностью, как случилось во время НЭПа с кооперативами там и прочее, либо кирдык придёт всей стране. Но ни то, ни другое меня интересовать уже не будет. Хочу пожить в свободном мире,

где смогу реализовать все свои способности. Все! Как предпринимателя, так и журналиста. Ещё хочу закончить книгу, но издать её здесь не представляется возможным; на Западе же её ждёт успех, в чём уверен на все сто! Потому что мне есть что сказать, а мысли излагать я научился, и очень даже неплохо, слава Богу! – Жорж заметил ухмылку Алексея и, хоть тот не проронил ни слова, поднял руки: – Ну-ну, не придирайся, это не больше, чем обычное присловье. – И, задумчиво покачав головой, вдруг заговорил о себе в третьем лице: – Зря они не пустили в своё время журналиста Колоду за кордон; этих пораженческих мыслей тогда у него ещё не было. А вот причина отказа, по которой его здесь законсервировали, подтолкнула к размышлениям. Она открыла глаза на то, что он и так видел, но не решался примерить на себя. И он сказал: «Да пропадите вы все пропадом, проживу и без вас». В том смысле, что смоюсь и без вашего на то разрешения. А эта страна... – Он в который уж раз сделал паузу и испытующе посмотрел на собеседника: – Надеюсь, ты не думаешь, что я пьян и несу пургу?

– Нет, не думаю, – грустно улыбнулся Алексей. – Ты не первый, кто говорит мне такие вещи. Только не так высоко, как ты. То есть, без политики. Просто люди узнали, что там живут намного лучше, чем это преподносится каждый день, и почувствовали себя одураченными. Ну и...

– И рванули туда за колбасой, – рассмеялся Жорж, не дав закончить мысль.

– И это тоже. Да и шут с ними. Так что же, по-твоему, будет со страной?

– Она просто развалится на удельные княжества. Так-то вот, старик. Поверь, я знаю, что говорю: правящие элиты союзных республик только и ждут ослабления центра, чтобы разбежаться по национальным квартирам; что они и сделают при первой же возможности. Следишь, что тво-

рится в Карабахе? Так вот, это долго тлело, а чуть вышло послабление – рвануло так, что, мама, не горюй. И это только начало развала, первая ласточка. Уж они-то точно знают, что им нужно. Власть! И чтобы ни с какой Москвой её не делить. А простые люди, если даже и будут против, то не настолько, чтобы быть помехой. Каждому народу неназойливо, как бы исподволь прививается мысль: стоит лишь отделиться – и в мгновение ока они озолотятся. Все! Ну, а кому ж не хочется стать богатым и жить припеваючи?! – Тут он что-то вспомнил и с улыбкой покачал головой: – Вот разве что верующим, да и то не всем, а только таким, как Лакис. Он ведь на полном серьёзе предупреждал меня о пагубности богатства (это когда я раскрыл ему свои коммерческие планы на будущее). В доказательство даже слова из Библии приводил: дескать, не собирайте себе сокровищ на земле, потому что так или иначе всё пойдёт прахом. Что-то там подкопают, украдут, убьют, ограбят. А нужно, мол, собирать их на небесах, где их ни украсть, ни отобрать нельзя.

– Знакомая песня, – криво усмехнулся Алексей.

– Что, и с тобой говорил на эту тему?

– Нет. Но в том же самом убеждал меня другой, очень близкий мне человек.

– Это ребята твои, что ли? Ну, Николай там, Людмила... Вера-то у них одна.

– Про них не знаю. Не настолько мы близкие.

– Ах, да, ты же сказал. И как вижу, тебе не очень-то хочется говорить об этом близком человеке. Я угадал, старик?

– Давай об этом как-нибудь в другой раз, – ушёл от ответа Алексей и сразу же перевёл разговор на самого Жоржа: – Мне вот что интересно: ты то и дело упоминаешь Лакиса. Причём с явной симпатией. Объясни: что вас, таких совершенно разных людей, связывает? Ведь и он постоянно говорил о тебе.

– Что связывает? – переспросил Жорж и задумался: – Наверное, мы жалеем друг друга, – ответил после долгой паузы и, следом, уже более уверенно: – Да, жалеем. Лакис меня за то, что не признаю Бога, а я его – что признаёт. Каждый из нас уверен, что он прав, а другой губит свою жизнь. Разница в том, что я его жалею, имея на то основания: талантливый буквально во всём, он верой в то, чего нет (или Кого нет), обрек себя на судьбу страдальца. Но зачем? Не раз признавался, что сколь угодно готов страдать за Христа (нести свой крест, как он сказал), и почитает это за честь. Хороша честь! Для меня честь – это не сломаться, когда тебя пытаются сломать, выйти победителем из любой опасной ситуации. Если мне и довелось пострадать, то только за себя, а нести чей бы то ни было крест – нет уж, увольте! Мне это как-то не с руки. А вот у него оснований для жалости ко мне нет, потому что... – Жорж запнулся и даже повертел рукой, подбирая аргумент. – Потому что... ну, нет их, оснований этих.

– А может быть, он как раз и жалеет тебя за это, – возразил Алексей. – В его же понятии ты – неполноценный человек, раз лишён готовности страдать за другого.

– О, как! – удивлённо вскинул брови Жорж. – Я смотрю, тот близкий человек совсем неплохо обрабатывал тебя. Но нет, это не повод для жалости, хотя бы потому, что у меня всё ещё впереди. К примеру, я могу ещё поверить в Бога.

– Что-о? – возрился на него Алексей и даже привстал со стула. – Постой, ты это всерьёз? Ты можешь поверить в Бога?

– Да что ты так уставился, Лёша? А вдруг!

– Но это будет означать, что Роман тебя «перековал»?

– Это будет означать только то, что я не догматик, а реалист. Конечно, вряд ли это произойдёт, но... (привычный жест перстом вверх). Никогда не говори «никогда». Все мы смертны, и чем ближе костлявая с косой, тем страшнее

человеку исчезнуть просто так. Тем больше гложет его сомнение: дескать, что, если со смертью всё не кончается? А если Бог всё же существует? Где-нибудь та-ам, – Жорж вновь покрутил пальцем. – На небушке. Тогда сам себе не позавидуешь. Правда, это обычная физиологическая трусость, а вовсе не какое-то духовное прозрение, но кто это разберёт? Не-е, Лёша, подстраховаться не мешает. – И развёл руками: – Бережёного Сам Бог бережёт, так ведь?

– А не рано ли тебе об этом думать? – добродушно хмыкнул Алексей.

– Рано ли, нет ли, старик, но у меня уже бывали случаи, когда очень хотелось, чтобы Бог был. Потом я, конечно, упрекал себя за слабость, а может быть, и трусость. Только из памяти-то эти моменты уже не вычеркнешь. Но и торопиться к Богу нет никакого резона. Как-то Роман рассказал, что вместе со Христом были распяты два разбойника. Так вот, один из них за минуту до смерти вроде бы поверил в то, что Христос есть Сын Бога, и тут же был прощён Им: дескать, ныне же будешь со Мною в раю. Это я со слов самого Лакиса. В общем, мне этот пример так понравился, что я тут же к нему с вопросом: выходит, мол, грешил мужик по жизни, грешил (разбойник же), а за мгновение до кончины покаялся, и прямо с креста да в рай? В бессмертие, то бишь? А раз так, говорю, тогда и я повременю с Богом. Мне пока и без Него хорошо, а там, поближе к старости, посмотрим.

– И он что? – Алексей был весь нетерпение. Это ведь было ровно то, чем всегда был озабочен и он сам: – Что Роман ответил?

– Да понятно, что. У него же везде и всюду Бог. Только Он, мол, определяет наши дни. Ну если подходчивее, то типа: откуда ты знаешь, что тебе завтра же на голову не свалится кирпич и ты не окочуришься?

– Тоже резонно, – согласился Алексей. – Подобное слышал и я. И что ты на это?

– Я с некоторых пор, Лёша, фаталист. Если уж из такой воды вышел сухим, значит, жить ещё да жить. Что ещё хуже этого может случиться? – Он неожиданно рассмеялся, потом так же резко оборвал смех: – Ни-че-го. До самой смерти ничего. Ладно, хватит философствовать. Давай обсудим все детали сотрудничества, пока мы на берегу. Потом, когда отчалим и выйдем на середину реки, хода назад уже не будет.

Разошлись они уже за полночь, довольные друг другом и полные радужных планов на будущее.

Глава 20

После этого разговора время заметно ускорило свой бег, но причиной тому была не столько замаячившая перед Алексеем перспектива возвращения в круг деловых людей, сколько долгожданное письмо от Аллы. Подробное, полное нежных излияний, заочных поцелуев, извинений за долгое молчание и признательности за жертвенность ради неё, оно прямо-таки окрылило его сообщением, что к маю (а на дворе был ещё не столь морозный по местным меркам ноябрь) он уже будет дома. Дескать, поэтому она и не торопилась писать ему, всё откладывала, чтобы было чем порадовать. Теперь же спешит к нему с этой новостью, потому что механизм запущен, и хотя пересмотр дела состоится только в апреле, вопрос в принципе уже решён. О, он даже не представляет себе её радости: с помощью своего дяди, Ивана Сергеевича, она-таки добилась, чтобы сам директор базы употребил все свои связи, влияние.

Тут Алла прозрачно намекала, что, мол, уж ты сам должен догадаться, сколько и чего это стоило: сначала директору, потом и ей. И в каком, мол, мы теперь перед ним долгу!

Вот этот намёк произвёл на Блинова решающее впечатление. Если до этого и были какие-то сомнения в правдивости её слов, то теперь всё вставало на свои места: будь ты кум, брат или сват, но только так (ты – мне, я – тебе) и вершатся сделки в этой компании. В общем, поверил жене и в нетерпении стал подгонять время, а не задаваться вопросами, каковые должны были непременно появиться, вникни он в ситуацию поглубже. Собственно, ложь настолько лежала на поверхности, что и вникать-то особо не надо было. Взять хотя бы того же парторга: с какого бы перепугу Иван Сергеевич да вдруг впрягся за него?! Ведь именно по его указке коммунисты проголосовали за исключение Блинова из партии. А теперь что: и сам прозрел да ещё и директора базы уломал ходатайствовать за опального завскладом? Чтобы поверить в такое, нужно было очень сильно захотеть. Что, собственно говоря, и произошло: столь велико было желание именно такого финала, что Алексей с ходу отмёл все сомнения и, приняв желаемое за действительное, с готовностью предоставил Алле распоряжаться будущим. В какой уж раз, ведь это было так удобно! Сам же предпочёл жить, как и раньше, одним днём. Хорошо ещё, что хватило ума не рассказать в ответном письме об их с Жоржем бизнес-затее. Как, впрочем, не посвятил и самого Колоду в новые свои обстоятельства, а скоренько взвесив всё «за» и «против», решил подождать до решающего момента – поездки Жоржа в Алма-Ату. В общем, здраво рассудил, что если не выйдет с освобождением в одном месте, то, может быть, повезёт в другом. Да, это немного походило на погоню за двумя зайцами, но не смутило. Он хорошо помнил, как скептически отреагировал на предложение Жоржа о работе для Аллы и как старательно тот

«не заметил» этого его мнения о жене. Переменить же на одном кругу собственную оценку значило оказать себя по крайней мере несерьёзным партнёром. Этого допустить он не мог, поскольку успел убедиться в отнюдь не иллюзорной перспективе будущей фирмы: Колода представил его своим коллегам, чиновникам на высоких должностях («мой актив», как он говорил), а те, в свою очередь, ознакомили с предварительным проектом фирмы. Если не вдаваться в детали и назвать всё своими именами, это был проект обогащения за счёт выкачивания из недр Орловского рудника дорожающей не по дням, а по часам меди. Что, скажем, забегая вперёд, впоследствии и случилось: развить идею и сказочно обогатиться удалось-таки частным корпорациям, но – увы! – без участия наших героев. По разным причинам, но с одним итогом: их здесь уже попросту не было.

202 А пока все они почти ежедневно (после работы, разумеется) собирались в уже арендованном офисе, дискутировали по разным вопросам, строили планы на будущее и в предвкушении прибыли ждали окончательной регистрации фирмы. Это зависело от Жоржа, потому что именно он был её идейным зачинателем и безусловным лидером. Ждал и Алексей, но теперь он уже не убивал время двумя сменами кряду, а всё больше вращался в их кругу. Поначалу немного робел, сознавая своё положение, но быстро освоился, благодаря их полному безразличию к этому его статусу. Больше того: к его мнению прислушивались – как-никак экономист с высшим образованием, да ещё и с хорошей практикой хозяйственника за плечами. Под практикой подразумевался опыт и умение ловко обходить законы, что Блинов и не замедлил продемонстрировать: с его подачи, например, будущие акционеры уже запаслись (правда, пока лишь на бумаге) якобы «списанной» техникой для перевозки руды. На самом деле это будет партия новых большегрузов

для автобазы, чьи шофера продолжают работать на своих испытанных временем машинах, но они станут как бы уже и новые. Ну а заплатит за всё, как вы понимаете, государство. Ясно, что начальство базы было в потенциальных акционерах будущей фирмы. Предложенную афёру (опять же назовём своим именем) оценили весьма благосклонно и мало-помалу стали принимать участие в обсуждении всех важных вопросов. И вот уже кто-то этак вскользь выразил мнение, что не пора ли, мол, нам обратить внимание комбината на своего шофёра, который на самом деле и не шофёр вовсе, а талантливый экономист. И совсем неплохо бы подыскать ему какую-то должность, дабы он не чувствовал в нашем кругу своей ущербности. Сказано это было, понятно, не при Блинове, чтобы не загордился мужик раньше времени, да и осторожность в таких шепетильных делах всегда присутствует.

Как бы там ни было, но робкое предложение не заглохло втуне и привело вскоре к двум событиям, сыгравшим не последнюю роль в этом жизненном периоде Блинова.

В первых числах декабря его неожиданно пригласили в профком. Был уже конец смены, и, поставив машину в гараж, он вместе с посыльным на «дежурке» доехал до комбината и поднялся в кабинет. Там, после ничего не значащих расспросов о житье-бытье всё тот же Пётр Туманов, дождавшись, когда, кроме них двоих, никого не осталось, перешёл к делу.

– Я буду краток, – начал непривычно сухо, без обычного дружелюбия. – На днях нашему начальству рекомендовано поставить тебя мастером участка; у тебя высшее образование, а мы должны продвигать собственные кадры. Вот и поручено мне предварительно поговорить с тобой на эту тему. Ну, вроде как подготовить. – Пётр пристально взглянул на собеседника: – Это будет серьёзная и очень весомая веха в твоей биографии. Ты как, не против?

– Да кто ж будет против? – удивился Алексей. – За баранкой я уже отвёл душу, сорвал охотку, как говорится. Нет того заряда бодрости, как раньше... – Тут что-то тревожно ёкнуло у него внутри, и он на миг задумался: – Постой, а от кого эта инициатива исходит, не скажешь?

– Да какая тут разница – от кого, – пожал плечами Туманов. – Важно, что она есть.

– А, ну да, ну да, – Алексей чувствовал всё большую тревогу. – Но мне важно другое... Мастером, значит? А чей участок?

– Участок? – как-то иронически и, как показалось Блинову, с долей презрения хмыкнул Пётр: – Да ты что, Лёша, сам не догадываешься?

– Коля? – одними губами прошелестел Блинов.

Туманов кивнул.

– А почему так решили?

– А то ты не знаешь, – снова повторил Пётр, и занудно, явно кого-то копируя, загнусавил: – В наш век космических скоростей и прогресса становится совершенно нетерпимым проявление мракобесия...

– Ясно, не продолжай, – помрачнев, перебил Алексей и неожиданно сник, скукожился на стуле. На лице его отразилась буря эмоций: Коля, паренёк, которого он когда-то, хоть и неосознанно, но натолкнул на путь правды, теперь должен был лишиться работы из-за него, Блинова.

«Но ведь не по моей вине, – лишь на мгновение слабым оправданием мелькнула мысль, но он тут же отогнал её. Перед глазами отчётливо возникли подробности их нынешней встречи, особенно момент новоселья: какой же неподдельной радостью светились лица Николая и Людмилы! Да, радостью... А он сразу же после этого стал избегать встречи с ними и избегает до сих пор. Как же им теперь не думать, что он сторонился как раз по этой причине: то есть, знал об этом назначении заранее?!

В голову настойчиво лезло мерзкое, но довольно ёмкое слово, бывшее в частом употреблении на прежней работе: «подсидел, подсидел». Он всегда чурался произносить его, но сейчас оно как бы застряло в голове, точно определяя ситуацию. И уже неважно, так или не так оценит её Шарий; важно, что именно так видит её сам Алексей. Его передёргивает, словно в судороге, но усилием воли он берёт себя в руки, выпрямляется на стуле и стискивает зубы: – Не-ет, я, конечно, жлоб, но не подлец, готовый выкарабкаться «в люди» за счёт друга». И поднимает наконец глаза на Петра.

– Вы бы не решились убрать Николая, будь здесь Волин, – то ли спросил, то ли предположил с долей обиды в голосе. – Коля на своём месте, и все это знают.

– Вот как раз поэтому я и выторговал у начальства поговорить с тобой: дескать, прошупаю парня, прежде чем официально объявите ему о своём решении, – почему-то обрадовался Туманов, и голос его обрёл прежнюю приветливость: – Надеюсь, ты не думаешь, что это исходит от меня? Я-то как раз не поддержал бы эту идею, если бы моё мнение что-то значило. – И вздохнул с явным облегчением: – Ну, теперь Николай хотя бы будет знать, что ты тут ни при чём.

Этим вздохом он подтвердил опасения Алексея, что так оно и есть: все будут думать, что Блинов «подсидел» друга.

– Так Коля уже в курсе? – всё так же мрачно спросил он, всё более укрепляясь в ответном решении.

– Конечно. Ты за него не беспокойся: вернётся в бригаду, его с распростёртыми объятьями там примут. Завтра же начнёт передавать тебе дела.

– Мне, товарищ Туманов, хватит одного дела, – подчеркнуто вежливо сказал Блинов и усмехнулся: – которое от прокурора. В общем, так: ни в какие мастера я не готов идти. И не пойду. Так и передай наверх, что... – И осёкся,

почувствовав вдруг неизъяснимый прилив благоговения, будто сам себе сообщил наименее приятнейшее известие. Будто по меньшей мере услышал весть об окончании срока. Как же давно у него не было этой вот радости! – Или мне обязательно самому идти «на ковёр»? – спросил, уже повеселев.

– погоди, не кипятись, Лёша, – положил Пётр руку ему на плечо. – Во-первых, твой отказ вряд ли примут во внимание; прикажут – и куда денешься? Я так полагаю, что на твой счёт уже дано обещание. Но кому, к сожалению, не имею понятия.

– Зато я, кажется, имею. Но это уже не имеет значения. Моё дело телячье: пахать во искупление своей провинности. Я и пашу, как папа Карло. Претензий на этот счёт ни у кого вроде бы нет, а остальное мне по барабану. Короче, пусть отстанут от меня.

– Ты недослушал. Если ты так решил, то надо бы как-то половчее обмозговать твой отказ. Чтобы начальство само, по своей воле, как ты говоришь, отстало от тебя. А для этого причина должна быть весомая, не так, чтобы с бухты-барахты: не хочу – и всё тут. Это ведь выйдет в некотором роде оплеуха начальнику от подчинённого. А зачем настраивать против себя тех, от кого многое зависит в твоём положении. Понимаешь?

– Так она есть, причина эта, – уже совсем весело улыбнулся Алексей. – Да ещё куда как причина.

– Ну-ну, и какая же, – с любопытством поторопил Пётр.

– Я же спросил тебя: мне самому идти для объяснения или ты передашь?

– Говори, а я уже соображу, как будет лучше.

– Тогда так и передай, что не стоит, мол, вам шило на мыло менять.

– То есть? – убрал руку с его плеча Туманов, и откачнулся в недоумении.

– То и есть, что я такой же верующий, как и Шарий, – тихо и так проникновенно сказал Алексей, что, кажется, и сам в этот миг поверил в сказанное. – Баптист я, Петя.

– Чи-во-о? – не удержался тот от восклицания и хохотнул недоверчиво: – Ну, ты даё-ёшь. – Потом ткнул в него пальцем: – Признайся, ты это сейчас придумал?

– Нет. Что признался – да, только сейчас. А верующий с давней поры. И поверь: очень рад, что ты вывел меня на чистую воду. Даже не представляешь, как рад.

– Ну, брат, ты и огорошил меня: ты – и баптист?! – не переставал качать головой Туманов. – Да-а, может, и не зря говорят, что чужая душа – потёмки?

– Истинная правда. Да ещё какие потёмки! Так как? Передашь?

– Посмотрим, – кивнул Туманов. – Слушай сюда: если это только что пришло тебе в голову и оговариваешь себя, чтобы не быть виноватым перед Николаем, то я снимаю перед тобой шляпу. Значит, не зря Волин говорил, что мужик ты надёжный. Но всё же в этом случае будет лучше подыскать другой вариант.

– А если нет? – посерьёзnel Блинов.

– Тогда я тебе не завидую. Когда об этом узнают и другие, – ты же вынуждаешь «настучать» на тебя, – то отношение к тебе сильно изменится. Надеюсь, понимаешь, в какую сторону? Ты – не Шарий, на веру которого смотрели сквозь пальцы и многое простили, потому что на нём многое и держится. А ты пока что только подающий надежды, благодаря наличию образования, не больше. Но если вы одного поля ягоды, то зачем же... э-э... м-м-м, – Пётр тшетно подбирал слово, чтобы не повторять Алексея.

– Менять шило на мыло, – с радостной усмешкой подсказал тот. – Это я и имел в виду. Видишь, всё сходится.

– Считаешь, что мне надо всё же пойти и «настучать»?

– Раз я прошу об этом, то это уже «не стук», а одолжение. Это самое лучшее, что ты сможешь сделать для нас. Не знаю, как Коля, а я точно буду благодарен тебе.

– А не получится так, что я сообщу, а ты передумаешь и откажешься от своих слов? Тогда мне сразу каюк, – в грустном признании затеребил подбородок Пётр. И не дожидаясь ответа: – Да нет, это я так: не страховки ради, но успокоения души для. Знаю, что не подставишь. Но «пуганая ворона куста боится», слышал? Так это как раз про меня. – Туманов криво усмехнулся: – После отъезда Волина я здесь на птичьих правах: в любой момент переизберут, был бы повод. Ну да раз уж взялся за гуж, доведу до конца. – И спохватился: – Да, а Николаю передать – тоже я?

– Это уж у кого вперёд получится, – развёл руками Алексей. – Ты только как надо постарайся постоять за него. Чтобы на месте парня оставили.

– Думаю, что после такого моего «стука» это будет нетрудно сделать. Его никто и не думал трогать, не будь чьей-то рекомендации насчёт тебя. Ты в начале разговора заикнулся по этому поводу, так, может, выяснишь? На будущее чтобы, а?

– Обещаю. Если, конечно, не подводит интуиция и это те люди, на кого я думаю.

– Да уж постарайся. Ну и пожелай мне тогда «ни пуха ни пера». Всё же завтра первый раз в жизни «стучать» пойду, – улыбнулся Туманов и взглянул на часы: – У-у, брат, засиделись мы, однако. В конторе поди уже никого не осталось.

Словно в подтверждение его слов в кабинет вошла уборщица и красноречиво показала на швабру и ведро: выметайтесь, дескать.

– Или ночевать здесь собрались? – спросила шутливо.

– Что ты, Петровна, как можно? Дома-то семеро по лавкам ждут, – отшутился и Пётр. – Но я ещё побуду тут

с полчаса. – И Алексею: – У меня во дворе машина. Если подождёшь, подброшу до дому.

– Нет уж, рахмет, – отказался тот, – я за эти полчаса полгорода обойду. – И, обменявшись рукопожатием, бодро, чуть ли не вприпрыжку, покинул здание.

Оказавшись на улице, первым делом взглянул на небо, словно хотел увидеть там для себя какой-то знак. Ведь душа его пела от умиления, и он обязан рассказать о только что свершившемся в ней перевороте; сообщить не просто кому-нибудь, а Тому, Кто там, в небесах! Кто, по словам Лакиса, видит всё! Пусть знает, что Алексей Блинов – не подлец! Он не соблазнился заманчивой перспективой, которая ставила его вровень с акционерами будущей фирмы. Ах, как, оказывается, это славно: не предать друга, отказаться, несмотря на то, что самому это будет стоить намечающейся карьеры. И изумление, не поддающееся пока разумному объяснению (да как же я решился!), сменилось ликующим: «Так и решился, что победила совесть. А значит, и сам победил, и имею право похвалить себя! А дальше будь что будет».

Несмотря на крепкий морозец, он распахнул фуфайку, съёрнул шапку и так и пошёл, не глядя под ноги, с запрокинутой к небу головой. Только снежок похрустывает под валенками, а грудь буквально распирает от ликования:

«Эй, там, в небесах! – кричит от избытка чувств душа. – Слышал ли кто, видел ли? Дайте знать. Не пойдёт ли это мне в зачёт, когда будет надобность!»

И хоть небо черным-черно от плывущих клубами грозных туч, а одна-единственная звёздочка всё же ухитрилась явиться в минутной их разорванности (на миг, не больше), и оттого ещё более ярко запечатлелся её отблеск в сердце жаждущего ответа. Даже и сам ответ пригрезился: тончайшим лучиком протянулся сквозь мироздание от звёздочки к невольным слезинкам на ресницах да на них и отразился

радужными переливами, будто соединил небесное ликование с земным и хочет одарить чем-то столь желанным, но пока неведомым и недостижимым. Что же это за слово, что она хочет сказать? Нет, не вспомнить. И вдруг ловит Алексей себя на мысли, что такое с ним уже было. Было – и не раз. Благословенный праздник души! Да-да, и вот так же хотелось, чтобы это волшебство не кончалось, и так же уверял себя, что не променяет подобный изумительный миг ни на какие сокровища мира. И потом... А что потом? А на поверку всё возвращалось на круги своя. Но нет, нет, сегодня всё не так будет. Сегодня этот праздник не сопоставим с прежними ощущениями. Никогда ещё, даже после самой удачной сделки, пополнявшей его кошелёк, не было в душе столько счастья, и он не чувствовал себя так, словно освободился от какого-то тяжкого груза. Значит, заслужил? Наверное. И совсем уютно становится на душе от сознания собственной значимости: сам смог! Сам решился! Оттого-то и радость, и восторг души. Только следом другая мысль наперёд спешит со своими сомнениями: дескать, а истинно ли всё сам? Или всё же подсказка была? Ну-ка, вспомни да пораскинь мозгами. Ладно, Петра обманул, а себя-то не обманешь. Вот то-то и оно, что надоумил кто-то извне. Ты же спрашивал, будет ли тебе зачёт? Так вот Кто подвиг на это, Тот и зачтёт.

Понимает Блинов, что это его собственные раздумья, а всё же оглядывается по сторонам, не говорил ли кто с ним. И с удивлением обнаруживает себя совсем не у своего дома, а наоборот, у подъезда Николая с Людмилой. Что за наваждение, ведь не думал, не загадывал? Вновь раздвоилось сознание: почему-то именно теперь появилось желание ни с кем не встречаться, насладиться одиночеством. В нерешительности стоит он, топчется на месте: зайти – не зайти? И приходит, наконец, понимание того, что должно было прийти ещё там, после собеседования:

«А для чего же ты отказывался, если не зайти, – тихой укоровой слышится ему чей-то голос. – Радость-то зачем от них прятать, если она и для них радость? Может быть, даже больше, чем для тебя. И уж они-то точно знают, что от Бога она».

Мысли торопятся, обгоняют одна другую, а ноги уже несут вверх по лестнице.

«Да я-то что? Я и сам знаю, что от Бога, – оправдывается он, перепрыгивая через ступеньки. – И уже не отступлюсь от обещаний, что давал Ему прежде и не выполнял. Слишком много счастья сегодня пережил, чтобы не сдержать их и на этот раз».

Рука его меж тем сама тянется к дверному звонку.

Глава 21

Лёша, – радостно обнял его Николай, – да как же ты к стати! – И с укором кивает на Людмилу: – А кое-кто (не буду показывать пальцем) уже засомневался, что ты придёшь.

– Да я пешочком решил прогуляться, – механически пояснил Алексей, снимая фуфайку, да так и застыл с ней в руках. – То есть, как? Вы... вы что, ждали меня?

А в голосе и волнение, и признательная благодарность.

– Не просто ждали, а заждались, – порхнула к нему Людмила, взяла из рук фуфайку и повесила на крючок: – Проходи, Лёша, я пока на стол соберу. Гость-то ты у нас теперь редкий.

– Нет-нет, ничего не надо, – торопливо остановил он. – Я на скорую руку и по делу. Одна нога здесь – другая там.

– Там ли, здесь ли, а задержаться всё равно придётся, – категорично заявила она. – Потому что у нас для тебя сюрприз. Коля, веди его в зал и покажи, пока он не сбежал. Видишь, уже лыжи наострил.

– Да, проходи, – пригласил Коля, и уже в зале, подвинув стул, скороговоркой выпалил: – Но сперва расскажи, чем собеседование закончилось. Уж прости, что не предупредил. Просто хотел, чтобы ты сам решал: ну, воз-то твой – тебе и везти.

– Иначе получилось бы, что ты отказываешься вроде как под его давлением, – добавила Люда.

– Так вы и это уже знаете? – так и присел в изумленье Блинов и вопросительно оглядел их: – Откуда? Туманов, что ли, был у вас, пока я пеша топал?

– Да никого не было.

– Тогда как знаете, что я отказался?

– Ну, догадаться совсем нетрудно, – переглянувшись с мужем, ответила Люда. – Ты что, пришёл бы, если бы дал согласие? Пришёл бы?

Алексей неуверенно мотнул головой.

– Вот видишь. Да Коля знал это ещё с того дня, как ему намекнули, кому будет славать дела. Ну, а почему тебя не предупредил, я уже сказала.

– Спасибо, братцы. Признаться, этого я больше всего и испугался, узнав, для чего им понадобился. Ну что вы подумаете ещё... Это... – Алексей смешался и смолк.

– Что всё это по твоей инициативе, – закончил за него Николай. – Нет, Лёша, ни у кого и в мыслях такого не было, да и не могло появиться. Мы же знаем твой характер.

– Тогда я, пожалуй, пойду, ребята, – виновато пробормотал он, пытаясь скрыть охватившее его волнение. Но не тронулся с места, а чуть помедлив, добавил проникновенно: – Наверное, это главное, что я хотел

услышать и... мог не услышать. Нет, правда, я вовсе не собирался идти к вам и не могу себе объяснить, как оказался у вашего дома. Что-то произошло со мной сегодня. Чувствую, ночи не хватит, чтобы всё обдумать. – Он шутливо прижал руки к груди: – А вставать рано. Отпустите, братцы.

– Хорошо-хорошо, Лёша, не будем задерживать, – не стал возражать Николай, хотя видно было, что как раз этого и хотели он и Люда. – Но от сюрприза-то, надеюсь, не откажешься?

– Это уж смотря какой сюрприз. Давай, поскорее выкладывай, что там у вас.

– Лакис прислал книги и одну просил передать тебе. Догадываешься, какую?

– Неужели Библию? – вскинулся Алексей. И совсем уверенно: – Точно, Библию.

– Да. Возьмёшь?

– Ещё бы, – невольно взбросив руки, просиял он, чем вызвал добрую улыбку у хозяев: столь искренним показался им его порыв. – Где она у вас?

Николай быстро прошёл в спальню, тут же вернулся и подал ему книгу в чёрном переплёте с тиснёнными золотом буквами на обложке:

– Он пишет, что у вас вроде бы разговор был на эту тему?

– Да, был разговор, и я хорошо его помню. Я так виноват перед ним.

– Думаешь? А Роман, кстати, так не считает: вот, гляди, ещё открытка для тебя с его пожеланиями. На, читай!

– Давай-давай, посмотрим, что он там пишет, – потирая руки, взял её Алексей, пробежал глазами и... споткнулся на приветствии. «Алексею, с любовью во Христе», – прочитал медленно, перевёл взгляд на супругов и повторил беззвучно: С любовью во Христе...

Дальше случилось неожиданное не только для хозяев, но в первую очередь и для него самого. Он будто окунулся во внезапно накатившую волну благоговения: к горлу от волнения подкатил ком и перехватило дыхание, застало глаза дрожащим маревом, да и всё тело вдруг объяла трепетная дрожь, и он, беспомощно озираясь, опустился на стул. Читать дальше не мог: четыре слова завершили то, что подспудно назревало в душе с того самого момента беседы в кабинете Петра, когда ощутил необыкновенный прилив духа, а потом привиделось в призывно мерцающем отблеске звезды.

– С любовью во Христе, – как заклинание повторил ещё раз, на глазах появились слёзы, и в тот же миг донеслись и проникли в сердце не раз слышанные, но ни разу ещё не осмысленные им слова: «Это милость Божия! Милость, Лёша!»

– Милость... – повторил он вслух и на миг замер, будто проверяя, правильно ли истолковал услышанное. Проверил – и поверил. И выдохнул: – Значит, и мне?

А Николай с женой не сводят глаз со своего гостя.

– Помолимся, Лёша? – взволнованно предлагает Людмила:

– «Яви нам, Господи, милость Твою и спасение Твоё даруй нам» (Пс. 84:8) – вслед ей слышится не менее взволнованный шепот Шария, и признательным эхом отдаются в сознании Алексея столь желанные слова.

«Спасение! Вот оно – слово! Вот что дарила звёздочка. Спасение!»

Словно солнечным лучиком вмиг высветило все потаённые уголки души и не осталось в ней места никакой тьме. Высвободилась она из-под какого-то длительного давнего гнёта, высвободилась вот этими волшебными словами. Он прочувствовал их и, уткнувшись лицом в ладони, в немом благоговении опускается рядом с друзьями, которые уже

стоят на коленях. И уже вслух, прерывисто и без видимой связи для них:

– Коля... Люда... это всё звезда! Я понял, что она хотела... Она...

Но дальше не может выговорить ни слова: что-то вяжет язык, делает его таким тяжеловесным, что он, неведомо от чего разбухший, еле ворочается во рту. Знать, не все задворки души высветил лучик, припас где-то её враг для себя укромный уголок и оттуда отчаянно сопротивляется благому порыву своего раба. Алексей знает это состояние, поскольку приходит оно к нему не впервые и всякий раз заканчивается его отступлением. Так неужели и на этот раз... И тут, будто наяву, возникает их беседа с Лакисом, и в памяти всплывают его слова: «В следующий раз, Лёша, когда «припечёт», проси Бога не о том, чтобы облегчил тебе жизнь, не о здоровье или удаче; единственное, о чём надо и стоит просить, чтобы простил твои грехи».

«Я помню, помню! Я сейчас, – в отчаянье напрягается Алексей и неимоверным усилием воли буквально продавливая пронзительное: – Прости, Господи!»

Как высвобождающий лёгкие вскрик новорождённого младенца. И снова, хотя и весь в слезах, но теперь уже легко и в полный голос:

– Коля, Люда, помолитесь... помогите молиться.

Они приклонились к нему с обеих сторон, и полилась благословенная молитва Николая, изредка дополняемая возгласами тихой радости и славословия Богу от Люды:

– Слава Иисусу за то, что не оставил нашего друга Своей милостью. Слава за спасённую из мира душу. «Господи! Кто мне на небе? И с Тобой ничего не хочу на земле!» (Пс. 72:25).

Как губка, впитывает Алексей каждое слово: «Господи, ничего не хочу на земле, только быть с Тобою! – повторяет за ними и той же тихой радостью и благословением

полнится душа. – О, какое же, оказывается, это счастье, даже только воззвать к Тебе!»

Одновременно растёт и жалость к самому себе – жалость и досада, граничащие с изумлением: как он мог так долго избегать этого благословенного момента. И бормочет в горестном раскаянии признавшийся грешник:

– Боже, сколько же я потерял! Не наверстать!

Завершая молитву, Шарий открывает и читает из подаренной Лакисом Библии:

«Господи, Боже сил! Кто силён, как Ты, Господи? И истина Твоя окрест Тебя» (Пс. 88:9).

Домой Алексей возвращался чуть ли не бегом, торопясь сделать сегодня то, о чём боялся даже думать все эти месяцы: написать родителям. И написал. Обо всём. Ничего не скрывая. Умолчал лишь о приобретённой сегодня новой семье – брате и сестре во Христе, предположив, что хвалиться этим ему ещё рано. По той же причине достал было, а потом отложил и подготовленный конверт Лакиса.

«Нет, не время ещё, – рассудил, как ему показалось, вполне здраво. – Не сильно я ещё бит, чтобы рапортовать о победе. Надо бы убедиться, что достойно выдержу любое испытание. Мне мало покаяния, я должен делом доказать (и в первую очередь себе), что заслужил Христово спасение. Тогда с чистой совестью и отправлю».

И бережно уложил конверт на дно чемодана. Не догадывался ещё, что поступает как раз наперекор учению Библии: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и это не от вас – Божий дар, не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8–9).

Именно эти слова апостола Павла услышал он от Шария на одном из собраний, но остался при своём мнении. К чему это привело, увидим совсем скоро.

Глава 22

Три недели пролетели как один день. Инцидент с собеседованием ко всеобщему удовлетворению продолжения не имел. Пока во всяком случае никто никого и никуда не вызывал, и каждый продолжал работать на своём месте. Жорж был в очередном отъезде, и Алексей не нашёл нужным дальше посещать планёрки его коллег. А между тем приближался Новый год, и, казалось бы, он больше всего должен был переживать из-за наступившего вновь молчания Аллы. Но – странное дело! – это его не только не волновало, напротив: ещё не признаваясь себе, он желал, чтобы молчание продлилось как можно дольше. С замиранием сердца заглядывал по вечерам в почтовый ящик и облегчённо выдыхал, видя его пустое нутро. Это было единственное, что как-то заботило его, а в остальном... Он будто витал в облаках: разве что только с этим можно было сравнить владевшее им состояние лёгкости и давно забытого беззаботного чувства. Словно вернулось незабвенное время детства. Нет, забота была, конечно, но столь желанная, что и заботой-то её не назовёшь: поскорее отработать и почитать Библию. А то и увидеться с Шарием, чтобы объяснил тот или иной не совсем понятный стих. Да вот ещё боязнь опоздать на библейский час, на который их маленькая группа (пять-шесть верующих) собиралась там же, у Николая, два раза в неделю.

– Нас мало, но мы в тельняшках, – начиная собрание, шутил Шарий, намекая на Блинова, как бывшего матроса. – А главное, с нами всегда Христос, «ибо где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

После того, как все расходились, Алексей оставался с хозяевами и подолгу засиживался у них за дружеской

беседой. На последнем перед Новым годом собрании намеренно задержался дольше обычного; знал, что сегодня может вернуться Колода, и при этом чувствовал, что не готов встретиться с ним. Кто знает, как тот воспримет известие о покаянии Алексея (а он и не думает замалчивать этот факт), и смогут ли они оставаться друзьями, как это было у Жоржа с Лакисом.

«Да, как ни крути, а разбираться с ним придётся», – размышлял Алексей и как желал, чтобы продлилось молчание Аллы, ровно так же хотел, чтобы его друг подольше задержался в своей командировке.

Но, подойдя к дому, понял, что отсрочки не будет: гость прибыл, о чём свидетельствовал яркий свет в окне их квартиры. Больше того, стоило ему замедлиться и в нерешительности (а не повернуть ли назад к Николаю) остановиться у подъезда, как тут же в окне появился силуэт Жоржа и через открытую форточку раздался его приглушённый голос:

– Лёша, отдыхай нету! Ходи скорее!

– О! Ты уже здесь! – наигранно удивился он. – Бегу, бегу. Будто и вправду обрадовался.

Жорж встретил его прямо в дверях.

– «Уж полночь близится, а Германна всё нет», – нараспев, театрально раскинув руки, продекламировал и сразу потянул к столу: – Ну, что такое, Лёша? – продолжал уже с долей укоризны в голосе. – Я тут стоически голодаю, стол накрыт, жду не дождусь, а тебя всё нет и нет. Ни дать ни взять Германн из «Пиковой дамы». Ну, хоть вообще появился и то ладно. Одному-то, сам знаешь, и кусок в горло не лезет.

Алексей быстро ухватил картину стола и облегчённо вздохнул: вина на нём не было. Уже подзабытое разнообразие деликатесов в виде шпрот, балыка да и того же сервелата – было. Вина – нет.

– Ну, стоило себя изводить, – упрекнул шутливо. – Голод не тётка, мог бы и...

– Стоило, Лёша, стоило! – в необычно сильном возбуждении перебил Жорж. – Да ты садись, садись, сейчас рассказывать буду.

– А это всё откуда? – взял стул Алексей. – Уж не спецраспределитель ли грабанул?

– Да вроде того, – хохотнул польщённый журналист. – Только не грабанул, а получил взятку от потребкооперации за состряпанную на скорую руку хвалебную оценку в областной газете. Всё идёт как надо, старик: грянут заключительные аккорды наших приготовлений, главный из которых – открываем счёт в банке. Предварительно всё обговорено, и завтра мчусь в Алма-Ату улаживать кой-какие проблемы. Короче, времени в обрез, а тебя – тью-тью. Ну, да ладно, этот разговор оставим «на потом», а пока объясни мне, почему отказался от должности? – И поторопился уточнить: – Днём-то тебя ни на работе, ни дома не нашёл. Поехал в офис – и тут облом. Зато коллеги просветили: исчез, мол, экономист наш и не появляется. – Тут он упреждающе поднял руку и продолжил дружеским тоном: – Лёша, меня не столько интересует, почему ты отказался (в конце концов, это твоё личное дело), сколько беспокоит, что ты перестал общаться с активом. Почему? Дело-то у нас общее.

– Я так и понял, что это была твоя инициатива, – вместо ответа сказал Алексей. – И уж если дело у нас общее, то и надо было спросить меня. Хотя бы для приличия.

– Но мы об этом хоть и вскользь, но говорили. И ты сам, помнится, был не против повышения своего статуса.

– Не против, это правда. Но не за счёт Коли Шария.

– Постой-постой, а причём здесь Шарий, если я договаривался о твоём переводе в плановый отдел комбината? – искренне удивился Жорж.

– Именно это я и хотел у тебя спросить: причём здесь Коля?

– М-да-а, – нахмурился Жорж. – Ну, хорошо, в смысле плохо. Давай, расскажи подробнее, чтобы я мог понять, кто к этому делу руку приложил. Впрочем, уже и сам вроде бы догадываюсь. Итак, с кем говорил, о чём, всё по порядку. Или нет, сначала вот это, – подмигнул хитро и достал бутылку коньяка из стоявшей рядом сумки. – Твой любимый, армянский! Цени, для тебя старался. Шас мы по грамульке, а там уже и разговоры будем разговаривать. – И, не увидев ожидаемого восторга со стороны друга, истолковал это как затаившуюся в нём обиду: – Да ладно тебе, Лёша, железно обещаю: неделя-другая – и вообще не понадобится никакой твой статус. Всё устроится с первых же дней, как вернусь. А за этот прокол с кой-кого спрощу.

220 | – Не надо ни с кого спрашивать, старик, – медленно проронил Алексей, на ходу обдумывая, как поступить с угощением. – Что было, то было. Сейчас всё стихло, а нам с Николаем только это и надо.

– Да понимаю я, – подвинул Жорж ему стакан с вином. – Ну, а как было-то?

– Вызвал Туманов. Предложил занять место Шария. Дескать, то ли просьба, то ли приказ сверху, – рассеянно отвечал Алексей, лихорадочно подыскивая повод для отказа от выпивки. Но ничего складного, такого, чтобы не обидеть друга, на ум не приходило и, взглянув на него, с каким-то обречённым вздохом махнул рукой.

– Ну-ну, и? – поторопил Колода.

– Ну я и отказался. Пётр, как я понял, тоже был не в восторге от этой идеи и не поташил к начальству. Вот так полюбовно и разошлись, – криво усмехнулся Блинов и нахмурился, увидев, что Жорж довольно улыбается. – А чему ты радуешься?

– Лёша, друг дорогой, можешь не поверить, но этим ты окончательно убедил меня в правильности выбора. Не воспользоваться гнилой удачей за счёт товарища – да это дорого стоит. Я это ценю и так же, как ты, горой встану за друга, способного на такое. Так что мы с тобой в положительном смысле два сапога пара, – развёл он руками и задумчиво покачал головой: – Поверь, такая дружба сейчас в огромном дефиците, и мне было бы очень горько расстаться с тобой из-за чьей-то зависти. Да, Лёша, зависти, если не сказать больше. Это – палки в колёса. Наши с тобой колёса, потому что... Ладно, давай пока только о хорошем: как вообще твои дела?

Это ещё больше обезоружило Блинова, и если он ещё намеревался сказать о своём покаянии, то теперь решил оставить признание «на потом», как любил выражаться Жорж. Всё же загадал в расчёте на его любопытство: «если спросит о причине отказа, тогда расскажу всё». И сам как бы подтолкнул к этому.

– А причину отказа не спрашиваешь – не хочешь знать? Ну, чем я мотивировал? – спросил и настороженно замер, вглядываясь в друга.

– Не-а, не хочу, – мотнул головой тот. – Потому что знаю.

– Да? И что же я сказал?

– То и сказал: не хочу, мол, и всё тут. – Жорж поднял свой стакан: – Так?

– Так, – кивнул Алексей и потянулся к своему: – Почти что так.

«От меня не убудет, если выпью разок, – уже спокойно оправдал себя, словно отчитался перед кем-то. – Да и какой это грех в сравнении с тем, что уже натворил по жизни. А если и грех, то семь бед – один ответ. Время придёт, за всё отвечу».

Жорж, как всегда, был шумлив и весел, но мало-помалу беседа, непринуждённая вначале, стала принимать

серьёзный характер. Что-то всё же тяготило его, раз он нет-нет да и замолкал неожиданно на полуслове и, качнув головой, задумчиво произносил: «М-да-а». Словно вспомнит вдруг о чём-то значительном, что не даёт покоя, однако сомневается в целесообразности сообщить об этом другу. Но наступил момент, когда он, встав, прошёлся по комнате и, опершись руками на стол, нагнулся к Алексею:

– Не нравится мне эта подножка, Лёша. Дело в том, что по возвращении из Алма-Аты мы должны утвердить тебя коммерческим директором фирмы. Это было моё предложение, и, видимо, кое-кому оно пришлось не по душе. Теперь жалею, что поторопился с ним и высказался раньше времени. Нет, я, конечно, не с луны свалился, чтобы не знать о неизбежных интригах, когда дело касается карьеры. Но чтобы на таком раннем этапе?! Это же всё равно, что делить шкуру не убитого медведя.

Жорж прошёлся по комнате, снова вернулся к столу.

– Да, а в интуиции этому типу не откажешь. Психолог!
– сказал задумчиво.

– Что ты имеешь в виду?

– Он явно знает о ваших дружеских отношениях с Николаем и точно рассчитал, что ты откажешься переходить ему дорогу. Что, в общем-то, и требовалось: стало быть, не найдёшь поддержки при голосовании на должность коммерческого директора. И это тоже понятно: на этом месте они хотят видеть своего человека, а не варяга.

– Да ещё и со статьёй, – с усмешкой дополнил Алексей.

– Ну, тут одно к одному. Да, поторопился я. Но ничего, я тоже не лыком шит и далеко не новичок в интригах такого рода. Не унывай, Лёша, всё будет по-моему. Во всяком случае нужные рычаги пока что у меня в руках.

В его голосе не угадывалось и тени сомнения, что так оно и будет, но Алексей вдруг осознал, что если сейчас же не откроет подробностей того собеседования, Жорж,

отстаивая свою позицию, может оказаться в незавидном положении. Ему даже стало жаль друга.

«Да оно мне надо, директорство это? – спросил себя и тут же ответил: – Теперь вряд ли. До покаяния надо было, а теперь – нет. Зачем же усугублять ситуацию?»

– Жорж, сядь, выслушай меня. Только не перебивай, – сказал решительно.

– Слушаюсь и повинуюсь, – с улыбкой приложил тот руку к груди, слегка ошеломлённый приказным тоном. – Вот, сел. Что-то серьёзное?

– Больше, чем ты думаешь. Тебе не стоит ввязываться за меня и портить отношения со своими коллегами.

– Объясни.

– Чтобы не стать подонком, я сказал Туманову, что такой же баптист, как и Коля. Какой, мол, вам резон менять одного на другого? Сыграло на все сто. Во всяком случае избежал ненужных расспросов.

Потянувшийся к бутылке Жорж, так и застыл с протянутой рукой:

– То есть, ты соврал?

– Жорж, я просил не перебивать, – укорил Алексей. – Как бы тебе объяснить...

– Да уж попытайся.

– Это случилось как бы помимо моей воли, но именно тогда я почувствовал себя человеком.

– Так это же нормально, старик. Достойный поступок. – Жорж в очередной раз подлил в стаканы. – Я уже сказал своё мнение.

– Это было только начало, – проследил за его движениями Алексей и осторожно отодвинул свой стакан. – Оказалось, что именно этого признания мне и не хватало по жизни. В общем, в тот же вечер на квартире у Николая я покаялся и принял Христа в своё сердце. Надеюсь, что Он принял меня к Себе. Теперь хожу к ним на собрания

и, может быть, по весне приму крещение. Выходит, я не соврал Туманову; выходит, я исподволь уже стремился к этому. Вот и подумай, стоит ли нам... а?

Наступило тягостное молчание. Жорж, облокотясь на стол, долго массировал шею, обдумывая услышанное.

– Ну, вот что, Лёша, – промолвил наконец. – Хорошо это или плохо, не мне судить. Как утверждал Лакис: каждый будет нести свой, а не чужой, крест. Плохо то, что об этом теперь знают в управлении, но хорошо, что знаю я. Недаром ведь говорят: осведомлён, значит, вооружён. Спасибо за откровенность – и давай лапу! А верующий ты или атеист, – продолжил, пожав руку Алексея, – меня меньше всего волнует. Больше того, постараюсь сделать так, что не будет волновать и других. Сейчас не то время, когда за веру гнобили людей почём зря. Короче, наш с тобой уговор остаётся в силе. Вот только одного не пойму: куда ты так торопишься? Помнишь, я говорил о разбойниках, распятых рядом с Христом?

– «Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую», – согласно кивнув, тихим голосом медленно процитировал Алексей.

– О! Я вижу, твои нынешние наставники время не теряют, – повторно за вечер изумился Жорж. – Молодцы! А прогноз, что озвучил Христос на кресте признавшему Его разбойнику, тоже можешь процитировать?

– Могу, – грустно кивнул Алексей. – «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю».

– Вот, видишь, – удовлетворённо развёл руками Жорж. – Не об этом ли самом и я тебе говорил? Времени признаться в вере в Бога вполне достаточно, старик. Но пока можно пожить в своё удовольствие, зачем обрекать себя на всякие ограничения, тяготы и страдания? Я вовсе не отговариваю тебя от веры, а прошу повременить. Ну хотя бы как раз до весны, пока пройдут все наши первые

презентации. Почему? Потому что ты будешь обязан не просто присутствовать, а вести их. Вместе со мной, разумеется. Но ты же хорошо знаешь по своему опыту, что там... там нельзя сидеть с постным лицом. Подписанию любого выгодного договора способствует в том числе и личная приязнь сторон. Производимое ими друг на друга впечатление. Только в общении, а не в сером молчании за столом человек может заставить думать о себе, как о надёжном партнёре, на которого можно положиться. Молитва и бизнес, к сожалению, не в одной упряжке. Но мы не собираемся мошенничать или грабить кого-то, что означало бы грех перед Богом, и нас не в чем будет упрекнуть. Если работать честно, во всём следуя закону, то в чём каяться? В общем, предлагаю не торопиться, а подождать, когда встанем твёрдо на ноги. Бог, как я полагаю, тоже любит людей, крепко стоящих на ногах, могущих постоять за себя, а не каких-то неумех.

– Вот тут ты ошибаешься, – оживился было Алексей, но Жорж не дал договорить.

– Да-да, лечил немощных, помогал бедным, обделённым. Знаю. Но для чего это делал? Чтобы они стали здоровыми и богатыми. Логично? – И пока Алексей, раскрыв рот от такой неожиданной интерпретации, раздумывал, что возразить, Жорж завершил мысль: – Человеку не надо потакать в лености, подавая на пропитание, чтобы он мог выжить; ты дай ему в руки орудие производства, чтобы он сам заработал и стал богатым. Вот обеспечим себя в финансовом отношении, тогда и...

– Тогда и рванёшь ты на Запад, а меня, как коммерческого директора посадят ещё за одну растрату, – неожиданно рассмеялся Алексей и добавил: – Шутка.

– Ну-у, не так мрачно, старик, – улыбнулся и Жорж. – Всё будет чики-чики, как говорят деловые люди. А на счёт посадок не заморачивайся: это твоя первая, она же

и последняя. И я в это – слышишь, Лёша, – свято верю, не будь я Жорж Колода! А это ни много ни мало – будущий президент преуспевающей фирмы! – дурашливо приосанился он и следом как-то заискивающе взглянул на друга: – За что и поднимем наши бокалы, а? Будем здоровы, старик, а остальное приложится. Так, кажется, говорится в Библии?

– Может быть, и так, – уклонился тот от ответа, но не от тоста. То бишь, поднял свой бокал, чтобы не обидеть друга. Жорж-то ведь к нему искренне и всей душой; как тут откажешься? – Выпью за твой успех в Алма-Ате.

– Наш, Лёша, наш, – довольный тем, что уговорил друга, поправил Колода и спохватился: – Да, а с Аллой-то как? Я же чуть не забыл, а ты не напоминаешь. Давай адреса, пароли, явки. Где и как с ней знакомиться и что разрешаешь предложить.

226 – Не надо, Жорж, знакомиться, – сразу потускнел Алексей. Он, и правда, забыл о том их разговоре. – Зачем попусту тратить время? Никуда она не поедет. Одно письмо за полгода прислала. Пообещала вытащить отсюда и опять замолчала. Ни письма, ни звонка. Слушай, если у нас с тобой всё будет так, как ты планируешь, я ведь смогу и сам между делом смотаться к ней?

– Это можно сделать независимо от нашего плана, Лёша. Как только вернусь, сразу выхлопочу тебе отпуск на комбинате. Правда, не больше, чем на три, ну от силы пять дней, если сильно захотеть (жест шепотью), но и это хлеб, как говорится. Выхлопочу под своё поручительство, ну и ещё кого-то найду. Да тех же Люду с Колей. Ты что, не знал этого положения?

– Н-нет, как-то не думал об этом.

– На поселении это хоть и редко, но практикуется. В качестве поощрения, ну и сам знаешь, что кому-то положено,

а кому и думать даже нельзя. Вот нам – можно. Ты прости, старик, что я сую нос не в свои дела, только мне кажется, у тебя не так-то и болит душа о супруге? Но если я не прав, буду рад это услышать.

В ответ Алексей лишь тяжело вздохнул.

– Понятно, – пробормотал Жорж. – Я почему-то так и думал. Дальше могу не расспрашивать?

– Да время-то уже позднее, а тебе ещё в дорогу собраться надо, – вопросительно взглянул на него Алексей.

– Тогда я слушаю.

Здесь это был второй человек, к которому Алексей проникся доверием (первым был Ремигиус Лакис) и поведал о своей жизненной драме. Наверное, потому, что они с Жоржем были почти ровесниками. Николаю с Людой открыться стеснялся: молодые ещё, могут и не понять. Да и неясно, как воспримут такой его тяжкий грех, чего уж там.

– Теперь Рита с сыном за границей, а я здесь, на вольных хлебах. Хорошо ещё, что не за решёткой. Такой вот финал, – закончил он грустно. И вдруг озлился:

– Вот и знаю, что сам виноват во всём, и Лакис убедил меня, но как другой раз хочется изловить того журналиста, да отвести бы душу, повозив его мордой по столу. С той его подлой статьи всё и покатилося у меня под гору. Кто знает, может быть, и не разошлись бы тогда с Ритой.

Сказал и тут же пожалел. Слишком хорошо знал, что это не так. И про душу ляпнул совсем не то, чем в последние дни насыщал её. Где она, та любовь, о которой столь много говорили на собрании? Как огнём ожгли тут же пришедшие на память слова Христа: «А Я говорю вам: любите врагов ваших...»

«Любите?! – сверлила мысль. – Сказать-то можно».

Ах, с какой легкостью внимал он этим словам и соглашался с ними, испытывая то же чувство умиления,

что и рядом молившиеся верующие. Не совсем, правда, вникал в сакральный смысл стиха, но тогда ведь было ещё и чувство локтя.

И задумался, даже о Жорже забыл. Как же трудно оказалось проявить эту любовь при первом же столкновении с реальностью; вот вспомнил о подлости, даже не врага, а просто стороннего человека, журналиста! Который, и подличая, в общем-то, не имел в виду лично тебя; ты для него абстракция, отвлечённое понятие, а он «изобличал и боролся» с мракобесным явлением, ого! Заказ ему был такой. Это его работа. И что, прикажете полюбить его?

Он даже содрогнулся, будто и вправду кто-то предложил ему такое. И услышал наконец Жоржа, который озабоченно тормозил его за плечо:

– Алло, Лёша. Вернулся? Вот и ладно, а то я уж испугался за тебя.

– Извини, находит иногда, – виновато улыбнулся Алексей.

– Наболело, значит, – констатировал Жорж. – Бывает. Не скрою, озадачил ты меня этой новостью, но и в ней я нахожу приятный для себя момент. Вот к чему, скажи, призывает нас партия после какого-нибудь очередного провала? Правильно: ещё теснее сплотиться вокруг неё, поднатужиться... да? – Он явно развеселился. – Вот вокруг меня и сплывайся, и будет нам с тобой счастье. Нет, шутки в сторону, если у тебя и будет когда-нибудь шанс найти и вернуть свою потерю, то он как раз здесь, в нашей фирме. Говорю это с полной ответственностью. На медь сейчас огромный спрос повсюду, а на комбинате есть люди, которые помогут нам выйти на мировой рынок. Что означает деловые связи с предприятиями Европы, а это, в свою очередь, деловые длительные командировки. Так неужели, будучи в Германии, не сможешь найти Риту? Узнаешь её адрес в алма-атинской церкви (что он там есть, к бабке не ходи) – и флаг тебе в руки!

– Сказочник ты, Жорж, – грустно качнул головой Алексей. – Как-то у тебя уж больно просто выходит. Но не скрою, так хочется поверить в эту сказку.

– А ты и верь, старик, потому что всё гениальное просто. Вот увидишь, оно так и сбудется. Ну что, про Аллу не вспоминаем?

– Не надо, сам разберусь. Только не забудь про обещание.

– Про отпуск? Да без проблем. Считаю, что с моим возвращением он уже у тебя в кармане. Только, чур, с крещением повременить. Уж что-что, а это мы всегда успеем.

– Мы? – удивлённо вскинулся Алексей. – Я не ослышался?

– Ну да, мы, а что? Я ведь, кажется, говорил тебе, что вовсе не против Бога. Только Он у меня как бы про запас. На случай, если припрут какие-то обстоятельства, как того разбойника. Но совсем-то до такого, надеюсь, не дойдёт. А так, что ж: придёт время – и помолимся и покрестимся, ибо «вольному – воля, спасённому – рай». Как там поётся: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью?» Мы её и делаем. Всё в этой жизни успеем и сделаем. Так-то, старик.

Колода в этот раз был как-то по-особенному весел и уверен в себе. Рано утром он отбыл в Алма-Ату.

Глава 23

Не успел журналист воплотить в жизнь свои дерзновенные мечты, как это ни прискорбно. Уже возвращаясь из столицы, влетел на своём «уазике» в дерево, одно из тех, что тенистой аллеей обрамляют дорожное полотно. То ли уснул за рулём (авария случилась в предрассветное

время), то ли скорость была так высока, что не справился с управлением, а может быть, и то и другое, осталось только гадать. За неделю до этого он звонил в офис и сообщил, что «всё в полном ажуре»: все документы подписаны, фирменные бланки с гербовой печатью готовы, скоро будет готова и сама круглая печать фирмы. Осталось открыть счёт в банке и, как он выразился, «разобраться с мелкими брызгами».

Обо всём этом Алексей, с нетерпением ожидавший его, ничего не знал: в офис к будущим коллегам он так ни разу и не зашёл. Как, впрочем, не обременяли и они его хоть каким-то вниманием. Поэтому, возвратившись однажды с работы и услышав ещё с лестничной площадки голоса в квартире, он в радостном волнении: Жорж! Наконец-то! – перемахнул через ступеньки и... остановился перед раскрытой настежь дверью. В прихожей спиной к нему стоял невысокого роста мужчина в расстёгнутом полушубке и ондатровой шапке, а в комнате Жоржа суетились двое незнакомых людей: статный седовласый мужчина и под стать ему приятная на вид женщина. И сердце сжалось в неясной тревоге.

– Что тут происходит, товарищ? – тронул он за плечо мужика в полушубке и, когда тот обернулся, облегчённо вздохнул: перед ним был Туманов.

– А, Блинов. Ну наконец-то, – обрадовался Пётр. – Мы же тебя как раз и ждём. – Потом, указывая на тех двоих, шепнул тихо: – Родственники Колоды. Только что прибыли. Будут твоими гостями пару дней. Дело у них к тебе.

– Родственники? – упавшим голосом переспросил Алексей. На ум сразу почему-то пришло, что ни разу за всё время их общения Жорж не упомянул, что у него есть родные. – А-а, это... где он сам?

– А, так ты ж ещё не знаешь, – снял шапку Туманов. – Нет больше твоего друга. Уже пять дней, как нету. Погиб

в аварии: в дерево врезался. Уснул, видать, в поворот не вписался – и сразу насмерть. Никаких шансов. Там, говорят, от его «уазика» только груда металлолома осталась. Да-а, знал бы, где упасть, соломки бы подстелил. – И уже громко к той паре: – Так я ушёл, Иван Кузьмич. Вот вам тот, кого вы ждали. Он вам всё покажет и, если куда надо будет, проводит. – Потом снова вполголоса к Алексею: – Ты как-нибудь зайди ко мне. Только обязательно. Дело есть.

Нахлобучил шапку, запахнул полушубок и, подняв руки, попросался.

– Ну, будьте все здоровы. Оставайтесь тут, я больше вам не нужен.

– До свидания, товарищ Туманов, – откликнулся седовласый. – Спасибо за помощь.

Всё это время Алексей стоял пень пнём, не совсем вникая в то, что говорил Пётр. Трагическая весть ошеломила своей внезапностью, ввергла в ступор. Перед глазами стоял Жорж, и отчётливо слышались его последние слова: «Всё в этой жизни успеем и сделаем». Вот и сделали.

Очнулся, когда услышал подошедшего гостя.

– Иван Кузьмич, журналист, родной дядя Жоржа, – представился тот, слегка склонив голову. – А вы, как я понимаю, Блинов, его сосед?

– Никогда не слышал, что у него есть родственники. Ни тётки, ни дяди, – вместо ответа невнятно пробормотал Алексей, но гость расслышал и понимающе улыбнулся:

– Зато мы о вас слышали от Жоржа. И я действительно его дядя. – Он поплотнее прикрыл дверь за Тумановым и протянул удостоверение «Пресса». – В наше время не всегда есть резон афишировать своих родных. Берите, берите, читайте.

«Колода Иван Кузьмич. Отдел фельетонов», – прочёл Алексей, виновато пожал плечами и молча вернул удостоверение, не выказав при этом никаких эмоций.

– А это Лилия Леонидовна, моя супруга и помощница. Я вижу ваше состояние, и мне оно понятно: Жорж отзывается о вас, как о настоящем друге.

– У нас были планы, – теребя подбородок, монотонным отсутствующим голосом изрёк Алексей. – Большие планы.

– Я знаю и разделяю вашу печаль. Жорж сильно на вас надеялся. К сожалению, у меня нет времени на сантименты. Сможем поговорить? Или вам не до разговоров?

– Конечно, поговорим, куда ж деться. Это будет допрос? Или?

– Нет, что вы. Просто надо кое-что уточнить. Это касается вас и Жоржа.

– Я готов. Только сначала хотел бы узнать, как это произошло. И, пожалуйста, не называйте меня на «вы». Просто по имени.

– Хорошо, Лёша. Тогда и меня зови или Иван, или Кузьмич. Ты позволишь Лиле похозяйничать на кухне? Ну, чай там, кофе сготовить? Нет-нет, она сама. Мы уже тут с обстановкой ознакомились, а продукты есть с собой. Иди, Лиля. А мы – присядем?

Алексей сел за стол и сжал виски в ладонях. Он не спрашивал больше, но взгляд, в котором отражалась тоскливая отрешённость, говорил за себя: «Как же так? Почему?»

– Ну, как он погиб, Туманов, наверное, обсказал, – ответил Колода на немой вопрос и сел напротив. – Машину резали сваркой, чтобы вытащить тело. Да, так вот и случилось, что ушёл Жора в самом начале своей карьеры. Только-только успел создать фирму – и на тебе. – Он поцокал языком, вздохнул и вдруг резко сменил тему: – Кстати, ты хорошо знаешь его акционеров? Имею в виду тех, кого он называл своим активом?

– Одного-двух – более или менее; об остальных, кроме имён, – почти ничего. А что?

– Понимаешь, за день до отъезда его напарнику вдруг приспичило срочно уехать поездом. Хотя, как я потом выяснил, никакой необходимости в этом не было.

– Но Жорж не говорил, что кто-то поедет с ним, – нахмурился Алексей.

– Наверное, сам ещё не знал, что ему навяжут спутника с комбината. Гучков Виктор... Что-нибудь можешь сказать о нём?

– Н-нет, наверное, – Алексей отрицательно покачал головой: – Раза два говорили с ним ни о чём, а так, чтобы по существу, – нет. Близко не сталкивался.

– А вот он о тебе успел кое-что сказать Жоржу. Даже размолвка у них насчёт тебя вышла. Кажется, там что-то с верой в Бога было... – Кузьмич сделал паузу, однако никакой реакции со стороны Алексея не последовало (сидел всё с тем же отрешённым видом), и он тут же продолжил: – Но потом они вроде бы согласовали, что Виктор не будет против твоего назначения на должность. Знаешь, какую?

– Да.

– А он, значит, к тебе вот в эти дни не обращался?

– Нет. Да и зачем? Всё равно без Жоржа этот вопрос никто бы не решил. Ни в какую сторону.

– Ну, это как знать, как знать, – раздумчиво проговорил Колода. – По-моему, в договоре это уже было прописано и оставалось лишь утвердить. Впрочем, может стать, что я не так понял Жоржа, тем более, что мне такие подробности были ни к чему. Разве ж мог я предвидеть что-то подобное. Но суть моего теперешнего интереса к тебе не в этом. Он встал и, придвинув стул, сел рядом: – Что сейчас скажу, пусть пока останется между нами. Во всяком случае до поры.

– Пусть останется, – равнодушно проронил Алексей. – Или нужны заверения?

– Не надо, верю и так. Опять же, по слову Жоржа, а он в людях не ошибался. В подробности вдаваться не буду, скажу главное. Нам с Лилей удалось уговорить одного знакомого эксперта осмотреть то, что осталось от машины. То есть, провести повторную нелегальную экспертизу... Ну не поверили мы в официальное заключение, что он уснул за рулём. Не однажды ему приходилось проводить длительное время за баранкой без сна (бывало и по двое суток), и ни намёка на усталость. Проверено мною в дни нашей совместной корреспондентской работы на Севере. Потом – да, потом мог точно так же отсыпаться сутки напролёт. Так вот, наши подозрения подтвердились: оба передних тормозных шланга были оч-чень профессионально подрезаны. Остальное, как опытный шофёр, додумывай сам.

– Вот это да-а, – даже привстал и тут же сел Алексей. Ошеломлённый пуше прежнего, он, однако, стал теперь быстро соображать. – Так это ведь... подождите... А он, эксперт ваш, не мог ошибиться?

– Ошибка исключается, всё зафиксировано до мелочей, и это вынуждена будет признать официальная экспертиза. Но мы представим свои результаты только после того, как выясним степень заинтересованности некоторых людей в гибели Жоржа. Например, того же Гучкова...

– Стойте, подождите, – в сильном волнении ухватил Колоду за руку Алексей. – По-моему, вы не там начали искать. Вы же знаете, из-за кого Жорж оказался здесь?

– Знаем, Лёша. Но этот вариант отпал ещё до его отъезда: Жорж и Омаров заключили, так сказать, пакт о ненападении.

– Помирились, значит? – как-то сразу сник Алексей. – А вроде бы братание с предводителем отморозков не входило в его планы.

– Ты прав, не входило. Но ты пойми, это было выгодно обоим в нынешней ситуации. Омаров сейчас занят больше спасением собственной шкуры, чем думами о мести

кому-то; да и давно уже нет у него исполнителей такого пошиба. Ну, а бизнесу Жоржа лишние разборки и вовсе не нужны. Не столько разборки, сколько неизбежно сопутствующая им огласка. Тем более, огласка такого рода – это же бо-ольшой минус в любом бизнесе. Ну что тебе говорить, ты сам это знаешь не хуже меня. Это не значит, однако, что мы совсем сбрасываем со счёта эту версию, но поскольку уж мы здесь по делам Жоржа, то заодно и разберёмся с возникшими у нас подозрениями. Поможешь?

– Да я-то что могу? – криво усмехнулся Алексей.

– Для начала хотя бы потребовать, чтобы тебе показали договор, и увидеть реакцию Гучкова. Это может стать для нас зацепкой...

– Как? Как я потребуую? – перебил Алексей с нотками лёгкой досады в голосе. – Почему-то все забывают мой статус осуждённого. Вот и Жорж этим грешил, забывал, то есть. Хм, потребовать... Даже представить себе не могу, как бы это я сподобился.

– М-да, я как-то об этом не подумал. Ну, хорошо, оставим в покое наш с Лилей интерес. В конце концов я сам найду предлог затребовать договор. Но если в нём есть графа о должности коммерческого директора, то почему бы тебе не побороться за своё право? Жорж говорил, что большинство акционеров ваши с ним союзники.

– Нет, дорогой Иван Кузьмич, – покачал головой Алексей. – Есть там союзники или нет, дело не меняет. С Жоржем – да, я бы мог всё, что угодно; увлёк он меня своим оптимизмом. А без него... В общем, хотите – верьте, хотите – нет, но мне теперь не нужна никакая должность.

– Ну, на нет и суда нет. Было бы предложено, как говорится. Просто я счёл своим долгом помочь во всём другу Жоржа, которого он очень ценил. Но если это твоё окончательное решение... – Колода выдержал паузу: – Ты хорошо подумал?

– Тут и думать не надо, Иван Кузьмич. Целее буду.

– И то правда, – грустно улыбнулся тот. – Честно признаться, до меня только сейчас дошло, в каком ты положении. Но я должен был предложить тебе это, хотя бы в память о племяннике. Поэтому извини. Дальше уже мы сами разберёмся.

– Это вы меня простите, что не могу помочь.

– Согласились. Тогда не буду обременять тебя своими замыслами, а просто встанем, Лёша, и помянем Жоржа минутой молчания. А потом и добрым словом. Лиля, оставь хлопоты и присоединяйся к нам.

После минуты молчания Алексей вежливо отказался от кофе и, сославшись на то, что хочет прогуляться, ушёл. Гости не задерживали.

Идти было некуда и не к кому. Николай с Людой только что уехали в отпуск, и он, обуреваемый тяжёлыми мыслями, долго и бесцельно бродил по улицам. После гибели Жоржа осталось уповать лишь на Аллу, чьей помощи он в последнее время хотел меньше всего. Отчасти потому что верил в осуществление планов Жоржа, а на неё уже почти не рассчитывал. Увы, их общий с Колодой проект оказался иллюзией. Ему не суждено было сбыться.

«Вот тебе, старик, и успеем всё сделать, – словно упрекая за несостоявшуюся карьеру друга, монотонно пробубнил он себе под нос, приостановился и с тоской взгляделся в ночное небо. – Вот тебе и успел! Господи, а теперь-то что? Неужели очередь за мной? Тоже успею? Куда?»

И то ли от вопроса похолодел, то ли от реального холода, но почувствовал, что основательно продрог, и повернул к дому.

Не знал ещё, что это было только начало новых жизненных испытаний.

Глава 24

Да, как оказалось, это было начало. «Пришла беда – отворяй ворота» – гласит пословица, и очень часто бывает права. Беда, как правило, не приходит одна. Первое, что огорчило, – это внезапный отъезд Лили с Иваном. Как неожиданно они здесь появились, так же спешно и без объяснений уехали на пятый день. За это время они не то, чтобы сдружились, но разговоры и даже споры о смысле жизни велись серьёзные. Правда, в детали проводимого ими расследования не посвящали, да он и не особо интересовался. Лишь однажды вечером, тем самым, что стал последним в их здесь пребывании, торжественно (но под строгим секретом!) поведали ему, что Гучков арестован и его уже увезли в область. Заодно пообещали рассказать, как будут дальше развиваться события, но получилось так, что сами исчезли, даже не попрощавшись. Что послужило причиной такой спешки, Алексей не выяснял, не до того было: аккурат в тот день добавилось ещё одно огорчение, а именно: завгар Степан Мухин без объяснения причин перевёл его с «КамАЗа» на самосвал «ЗИЛ-131», что, во-первых, означало сокращение заработка, а во-вторых, его машина, не в пример предложенному самосвалу, находилась в идеальном состоянии, и менять её на какую-то развалюху не было никакого желания. Да и предстоящая работа восторга не вызывала: придётся постоянно развозить стройматериалы (кирпич, лес, бетон) по объектам. А это сплошная суматоха! Но на вопрос, на каком основании у него забирают технику, завгар, глядя себе под ноги, раздражённо буркнул, что, дескать, не твоего ума дело, бери, пока дают хоть это. А будешь артачиться, пойдёшь в автослесари. Приказ, мол, есть такой, хоть и устный. Если не согласен, иди сам в контору «на ковёр». Так и сказал:

– Лёха, все претензии к директору. Хочешь удостовериться – иди. Там тебе устроят такую «промывку мозгов», что быстро забудешь о своём Боге... – И поспешно захлопнул рот ладонью. Не велено было, видать, озвучивать истинную причину.

Этот поспешный жест сказал о нём больше, чем все предыдущие их беседы. А они случались довольно часто: Степан, бывало, умолял водителей «задержаться на пару рейсов» или вообще «поругать ещё смену», и часто лишь Алексей откликнулся на эти просьбы. Оттого-то и отношения их были чуть ли не дружескими. Во всяком случае сам Степан это всячески подчёркивал и не раз ставил его в пример другим, не столь покладистым шоферам. Недаром же предлагал его кандидатуру на доску почёта.

Теперь же Алексей увидел в нём обыкновенного человечка, готового «взять под козырёк» в ответ на лобой намёк начальства. Ни о каком заступничестве тут не могло быть и речи, будь ты ему трижды другом. Да, шибко дорожил Степан своим «тёпленьким местечком»: ни для кого ведь не было секретом, какой «навар» он имел с шоферов по всякому поводу. А поводов хватало: многое в работе шофёра зависит от возможностей и настроения завгара.

Странно, но при виде вот этого его испуга нарастающая внутри Алексея волна злости как-то внезапно схлынула, уступив место полному равнодушию и даже жалости к Мухину. А вместо унижения (ну как же: не постоял за себя, когда его в сущности унизили, незаконно лишив машины) почувствовал душевное умиротворение. Не от безысходности, что плетью обуха не перешибёшь, а от сознания, что впервые в жизни не ответил на зло, как положено, то есть, по понятиям. Вот это обрадовало. Совершенно неожиданно в памяти всплыли слова умудрённого жизнью Жоржа: «Истинное лицо друга, Лёша, увидишь только

тогда, когда перестанешь быть ему полезным». Да, это не Николай и его Люда, истинная дружба которых не однажды проверилась в подобных ситуациях и о которых он как раз сейчас и подумал. Ни слова больше не говоря, он развернулся и пошёл к указанной машине.

Степан, не ожидавший такой покорности (готовился-то, если не к скандалу, то по крайней мере, к громкой обиде), даже немного смешался.

– Ключи-то, ключи, Лёха, – произнёс уже с долей вины в голосе. – На, держи. И это... слышь... гони «зилка» в бокс. Скажу слесарям, чтобы подшаманили на совесть. – И, покрутив головой, шмыгнул носом: – Да сильно-то не расстраивайся. Туманов-то за тебя горой стоял, так, глядишь, и ненадолго это. Ага, вот как раз и они. Толя! Петя! – окликнул идущих мимо слесарей. – Помогите Лёхе с лайбой. Прямо шас загоняйте и чтобы к завтраму всё было шик-блеск.

Новая работа неожиданно понравилась: в отличие от прежней, где он сменами крутил баранку в одиночестве, здесь было постоянное общение с рабочими то одной, то другой стройки. Если принять во внимание, что Николай с Людой были в отпуске, то это было как нельзя кстати, потому что отвлекало от неизбывной грусти о родителях (именно о них в последнее время думал всё чаще) и от всё более навязчивых мыслей о жене. Теперь, когда надежда на скорое вызволение отсюда вновь стала зависеть только от неё, он попросту упал духом: она только что была ему не нужна, а он? Он-то нужен ли ей? Да ни синь-пороху! Вон ведь ни одной весточки после единственного за всё время письма. И с каждым днём всё больше утверждался в этих подозрениях; всё чаще на память стали приходиться слова отца: «Человек, единожды переступивший через другого ради собственной прихоти, вряд ли откажется от того, чтобы переступить через следующего, если в этом возникнет необходимость... Она переступит через тебя

ровно так же, как через Риту. У них же там целый клан, а ты... ты сбоку припёка».

Но как же не хотелось верить в это. И как мог убеждал себя, что Алла молчит лишь потому, что ждёт окончательного решения суда. Ну, чтобы обрадовать, так уж обрадовать единым махом, а не обнадеживать в час по чайной ложке. Он даже пытался представить себе, как она приезжает к нему с этой радостной вестью, но ничего путного из этого не выходило: не вырисовывались в воображении ни её приезд, ни сама Алла. А вот сцены, подтверждающие слова отца, – эти да, эти вырисовывались. Особенно ночью, когда видения эти (одно мрачнее другого), чередуясь, подолгу не отпускали и, лишая сна, превращались уже в наваждение.

Оттого-то и оказалась новая работа благодатной отдушиной. Это не замедлило сказаться на настроении, и Алексей даже посвежел видом. А вскоре вернулись Шарии, и он поспешил навестить их. Они уже были в курсе о случившейся трагедии и восприняли её близко к сердцу: Жорж и для них был хорошим другом. Столь же участливо отнеслись и к переменам в судьбе Блинова.

Никогда ещё все трое не молились так долго и так усердно, как в этот памятный вечер их приезда. Молились в том числе и за Алексея, и он уже этому не противился, как прежде. Мягко и неназойливо Николай напомнил ему, что ничего нового в этом нет: таков крест верующего человека, вставшего на путь следования за Христом. Да и сам он, как ему показалось, по-настоящему понял: Сам Господь повёл его по жизни, и надеяться он может только на Него. Ни Жорж, ни Алла, ни какой-либо другой человек не могут дать ему того, что даст Бог. То, что произошло с ним, и что вначале счёл за наказание, в итоге обернулось для него благом. Ведь благодаря новой работе у него появилось общение с людьми и он избежал

очередной депрессии. А он чувствовал по себе, сколь близок был к ней, и кто знает, куда бы она его завела. Поэтому всем сердцем внимал теперь Николаю, взявшему в руки Библию.

«Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его. Ибо что он значит?» – читал тот вслух. И Алексей, полностью соглашаясь, мелко-мелко кивал головой, что, дескать, так оно и есть: ни-че-го! Никто и ничего не значит. И знаю это, и выверено оно самим собой.

А Шарий уже перешёл к другому месту Писания. Он видел состояние друга и мягко подводил его к размышлению о должном образе жизни верующего. К осознанию истины.

«Только живите достойно благовествования Христова... и не страшитесь ни в чём противников. Это для них предзнаменование гибели, а для вас – спасения. И это от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:27–29).

«Страдать за Него, – про себя повторил Алексей и тут же спросил: – Не значит ли это то самое «потерять всё», о чём предупреждал Лакис? А готов ли я на такую жертву? Смогу ли идти до конца? – И вдруг желанная мысль, как молния: – Вот бы встретиться с родителями и вместе с ними обратиться ко Христу. И принять Его спасение!»

В то же мгновение в памяти, будто на экране дисплея, высветились постаревшее от горя лицо матери, согбенная фигура отца, и их общий безмолвный упрёк, как подтекст к картинке: «Как же так, сынок?»

Он резко выпрямился, невольно взбросил руки к лицу и чуть слышно простонал.

Они сидели за столом и, словно угадав этот его порыв, Люда положила свою руку ему на плечо:

– Ты неважно выглядишь, Лёша. Хорошо бы тебе поглядаться с родными.

– Жорж тоже об этом говорил, – отняв после долгого молчания руки от лица, в тихой грусти вздохнул Алексей. – Вот только без него это и вовсе бесполезный номер.

– Ну почему же? – Не согласился Коля. – Мне кажется, Туманов мог бы помочь.

Алексей в некотором удивлении посмотрел на него, потом на Люду и, что-то вспомнив, просиял:

– Слу-ушай, и правда. Он же велел мне зайти к нему, а я и забыл. Да и Жорж, по-моему, хотел с него начать.

– Вот и зайдём вместе, – Шарий достал записную книжку. – Та-ак, завтра пятница, его не будет. В понедельник – я не могу. Вот, во вторник вечером. Люда постарается подготовить почву для переговоров, а я найду кого-то ещё, кто поручится за тебя. Кроме нас с Людой, разумеется. Только не забудь и приди пораньше.

– Ну, это нет. Это я не забуду.

Глава 25

Заходить к Петру не пришлось. Он сам появился у Алексея в понедельник после работы. Вид у него был озабоченный. Пришёл, в дверях остановился.

– Как видишь, если гора не идёт к Магомету, то Магомет сам идёт к горе, – непонятно, то ли с юмором, то ли с укором кивнул вместо приветствия. – Пригласишь?

– Да проходи, конечно. Хотя на Магомета ты меньше всего похож, – приветливо улыбнулся Алексей.

– Ну, в общем-то, как и ты на гору, – вернул шутку Пётр, прошёл и сел за стол. – Я же просил зайти, ты что, забыл?

– Сначала забыл, потом вспомнил. Вот завтра хотели зайти вместе с Шарием.

– С Колей? – округлил глаза Пётр и недовольно откинулся на спинку стула. – Это ещё зачем? В баптисты вербовать, что ли?

– В баптисты не вербуют, Пётр Акимыч. В баптисты люди сами просятся.

– Ага, скажи кому другому. Тебя же завербовали?

– Не-а, не угадал.

– Ну, просвети тогда непосвящённого. Только так, накоротке.

– Хорошо. Накоротке, так накоротке. Это происходит по зову сердца с любым человеком. Когда он посчитает, что кровь Христа пролита и за него и попросит Его войти в своё сердце. Я просил Иисуса, и Он мне открылся. Вот, пожалуй, всё. Короче некуда. Но имей в виду, что ты сам подал идею, то есть, я тебя не вербую.

– У-у, как ты заговорил, – опять же непонятно, с осуждением или удивлением, усмехнулся профорг. – «Открылся», «кровь пролил»... Прямо пророк, ни дать ни взять. Только мне не до пророчеств, Лёша. Дело у меня серьёзней некуда... – Тут он замялся и всё так же хмуро предложил: – Ладно, сначала скажи, что ты с Николаем... ну, по какому вопросу хотели зайти?

Однако, выслушав просьбу, Пётр чему-то обрадовался. Даже на стуле заёрзал.

– Слушай внимательно, Блинов, – сказал, приглаживая и без того гладкие волосы. – За это дело я возьмусь. И определённо обещаю, что оно выгорит. Показатели в работе у тебя дай Бог каждому... – И даже поперхнулся. – Не обращай внимания: про Бога это нечаянно вырвалось. Да-а, ещё что? Поведение тоже на уровне; никаких нареканий – одни благодарности. Так ведь?

– Думаю, что так, – подтвердил Алексей. – Значит, можешь?

– Сказал же. Но тут видишь, какое дело, – Туманов сделал вид, что задумался: – Тут должно быть, как говорится, «ты – мне, я – тебе», да? А не так, чтобы только с моей стороны помощи ждать. Ну, что осмурел-то сразу?

Алексей, и правда, как-то сник с недовольной гримасой на лице.

– Да потому что примерно знаю, о чём речь, – ответил сухо. – Что, бабки нужны?

– Ничего ты ещё не знаешь, – буквально взорвался Пётр. – Я думал, ты обо мне лучшего мнения. Если бы знал, что мне приходится выслушивать, когда защищаю тебя, то не торопился бы со своими догадками.

– Извини, Петро, брякнул не подумавши. Я знаю, что ты защищал меня.

– Откуда?

– Степан проговорился, когда машину забирал.

– Ну да, было дело, – успокоился Туманов. – А ты сразу – ба-абки.

– Только не пойму, в чём твоя защита заключалась: машину-то отобрали.

– Тю-ю, машину! Да тебя же требовали вообще снять и перевести в слесари. Кое-как отстоял, чтобы «зилка» дали.

– Тогда спасибо. Значит, мы с Колей правильно решили, что и тут поможешь.

– Помогу, если дашь хотя бы высказаться, зачем пришёл.

– Всё! Молчу, как рыба об лёд.

– Вот и помолчи. А я начну с того, что бьюсь за тебя не потому, что ты мне нужен, а исключительно из-за того, что об этом просил Волин. И я, и ты, мы оба ему обязаны. Его и сейчас здесь побаиваются, потому что он для всех – непререкаемый авторитет, глыба! Именно поэтому я позволяю себе иногда не соглашаться с мнением начальства: вот как в этом вопросе с машиной. Но сегодня ситуация совсем

другая, и тут даже Иван Дмитрич не может вмешаться. М-да-а, такие вот дела, – протянул Туманов и замолчал. Видно было, что говорить ему «о делах» не очень хочется.

– Да не тяни уже, Пётр, – подбодрил Алексей. – Если это плохая весть, то всё одно лучше от тебя её услышать, чем от кого-то другого.

– Весть, прямо скажем, неважная, – как от зубной боли, скривился Пётр. – В общем, так, Лёша: придётся тебе съезжать с квартиры. Где-то к началу или в начале марта перебирайся в общежитие. – И заторопился с пояснением: – Просто комбинат решил сдать квартиру в аренду одной известной тебе фирме. Да-да, той самой, в которой тебе отводилась ведущая роль, и если бы Колода не погиб, никому бы и в голову не пришло подобное. Да-а, и ещё если бы ты не сказался баптистом, что больше всего повлияло на это решение. Ну, что я тебе объясняю. Ясно же, нет?

– Да ясно, чего там, – на удивление безмятежно отреагировал Алексей, не выказывая печали. – И не переживай за меня. Я уже и сам подумывал об общаге: не могу одиноким волком жить.

– Не-е, точно? Да это ж прямо, как камень с души! – обрадованно вскинулся профорг. – А то Волин недавно звонил, да всё типа, как там успехи Алексея, а что ответить? Мямлил я, мямлил что-то такое, что и сам не понял. Так ты не в обиде?

– Нет-нет, про это забудь. Да и что ты мог тут сделать?

– Ну, я и говорю, – совсем оживился Пётр. Засуетился, волосы приглаживает то и дело. – Так ты уж, если Дмитрич спросит чего, скажи, что я сделал всё, что мог, да? А про отпуск – это мы смаракуем, даже и не сомневайся. Думаю, что к апрелю всё и всех подготовлю – и гуляй, Вася! Он же Лёха Блинов. Можно и пораньше, но это целиком зависит от тебя, а ты и слушать не хочешь, о чём речь.

– Имеешь в виду принцип «ты – мне, я – тебе»?

– Молодец, запомнил.

– А что я должен конкретно тебе?

– Мне – ничего. Это нужно тебе в первую очередь, а не мне. Хоть конкретно, хоть неконкретно. А я что? – Пётр поднял палец вверх. – Пото-ом, может быть, и я поймею выгоду от этого. – Тут его голос приобрёл доверительные нотки: – Ну, колись, нужен отпуск пораньше?

– Нужен, Пётр Акимыч. Но не любой ценой.

– А это и не цена вовсе. Это обыкновенный финт. Ну, как в футболе. Ты же играл в футбол? Ну вот! Делаешь замах в одну сторону, а сам уходишь в другую. Кто-то купится на твой финт, кто-то нет, но в итоге-то ты сделал то, что нужно и угодно тебе, а не кому-то другому. Так-нет? И продолжай себе бежать, куда бежал. А, Лёша?

– Ты всё же поконкретнее: что я должен сделать?

– Объясняю: всего-то и требуется, что выйти вперёд на собрании гаража перед своими же коллегами – подчёркиваю: гаража, не комбината – и сказать, что, виноват, мол, попался на удочку религии, – ну так, заблуждался же, – но осознал и выхожу из её рядов. Всё! Потом один-два никому неинтересных, но обязательных вопроса – какие, я тебе скажу заранее – и вся недолга. Иди и верь дальше, сколько твоей душе угодно. Хоть до посинения верь. Хоть в Бога, хоть в Аллаха, хоть в Будду или Магомета... Кто там ещё есть? А, ну да, в первую очередь в Иисуса Христа.

– Христос и есть Бог...

– Да по мне пусть все они будут богами. Мне от этого ни жарко, ни холодно. Только верь с оглядкой, чтобы не накапали, – и все дела. Ну что, согласен? Кстати, тогда попрошу, чтобы и с квартирой повременили, а? Это же совсем меняет дело.

– А нельзя сделать так, как ты в первый раз всё это провернул?

– Не понял? Что я провернул?

– Ну, то, что я – баптист, ты же без всякого собрания оформил. Я попросил, ты доложил. Почему бы и на этот раз не поступить так же. Выйди и сообщи всем: так и так, дескать, одумался Блинов. Сам сказать стесняется, попросил меня.

– Ты это сейчас серьёзно или решил поиздеваться? – нахмурился Туманов.

– Да вполне серьёзно. Какой там издеваться... Тошно мне от собраний, Пётр, тошно. – Алексей провёл рукой по горлу. – Вот так я их наелся ещё на базе. И потом – мне и в голову не приходило отказываться от Бога.

– Никто тебя не заставляет отказываться. Просто ты понял пагубность религии и передумал. Кто тебя проверит, правду говоришь или нет?

– Бог, как тебе ни странно слышать это, всё видит. И поверь: мне много страшнее потерять Его доверие, чем всех друзей, вместе взятых. В том числе и коллег из гаража.

– Да-а, а я ведь до сих пор сомневался в твоей искренности, – покачав головой, признался Туманов. – Думал, пыль в глаза пускаешь, чтобы с такими предложениями не лезли. Неужели тебя так скоро околпачили эти баптисты? Что ты у них нашёл?

– Никто меня не околпачил. Я и до знакомства с ними душой не кривил.

– Так а я о чём? Разве без Бога нельзя быть порядочным человеком?

– Можно, конечно. Одно другому не мешает, наоборот, помогает.

– Смотри: когда речь шла о твоём друге, я тебя понял и одобрил, да? Потому что друг познаётся в беде, и ты поступил, как мужчина. Хотя терял много. Но сейчас-то? Никого ведь не надо предавать, ни за кого не надо заступаться; единственное, что надо, – подумать о себе. И не только

об отпуске, а и о будущем. Тебе ведь ещё тут полтора года работать. Прими к сведению: ни на какое-то досрочное не надейся – не будет его. Не для того тебя сажали, не для прогулки. Но стоит последовать моему совету, и через месяц-другой тебя переведут в заводоуправление. А это уже другая жизнь, другой её уровень. И не по чьей-то непонятной просьбе, а по решению начальства: специалистов с образованием не хватает. Просто катастрофа. Есть такой разговор, я не с потолка это взял. Одна закавыка – твоя вера, будь она неладна; так опять же выход я обсказал. Ну?

– Не кипятись, Пётр Акимыч, – грустно вздохнул Алексей. – Эдак мы с тобой никогда не придём к общему знаменателю. Я же сказал, что для меня теперь важно в жизни. Если не понял, могу повторить.

– Не надо. Сказок о Боге я и без тебя наслушался. Ну что ж, живи, как знаешь.

– Про отпуск можно забыть?

– Разве я так сказал? Нет. Я сказал – поедешь, значит, поедешь. Слово я умею держать. А ты ещё подумай, до апреля время есть. Подумаешь?

– Посмотрим. Только бы день тот не оказался из серии «первый апрель».

– Не окажется. Как только удастся, подключу Ивана Дмитрича, иначе, при нашей-то бюрократии, документы будут болтаться до морковкина заговенья. Но и ты не забудь Волину изложить всё, что обещал. Ну, если появится вдруг у нас.

– Считай, что уже рассказал, Пётр Акимыч. Я это серьёзно. Спасибо тебе за всё.

– Спасибо потом скажешь. А пока найди время да присмотришься, где в общаге поселиться. Что выберешь, туда и поселим. Ладно, пошёл я. А ты думай.

Глава 26

Февраль отметился двумя значительными для Алексея событиями, и если первое (пришло письмо от родителей) было долгожданным и радостным, хотя и навеяло грусть, то второе... Впрочем, всё по порядку.

Письмо из дому он возил с собой, не вскрывая, всю вторую половину дня. То есть, с той минуты, как заехал на обед и обнаружил его в ящике. Не вскрывал не потому, что не было времени, оно было, а потому что боялся. Боялся заслуженных им упрёков: ведь столько времени он то лгал родителям, а то и просто игнорировал их.

Лишь вечером, когда в сильном волнении открыл конверт, с первых же строк снизошла на него тихая радость и покой; так всегда было в детстве, когда мать говорила с сыном, ласково обнимая его. И теперь он будто наяву почувствовал прикосновение её рук. Хотя упрёки за столь долгое молчание – да, были. Но столь мягкие, нежные, что хотелось их читать и читать.

После лирического вступления Елена Ивановна сообщила, что незадолго до его письма узнали о произошедшем с сыном от его друга Юрия Малова. Тот обо всём поведал: и о том, что Риты в Омске уже не было, и о той трагедии близ Алма-Аты, в результате которой Алексей очутился там, где очутился. И ещё были, мол, у тебя какие-то проблемы с работой, но в подробности ты Юрия не посвящал, поэтому больше он ничего добавить не мог. Приезжал же он специально взять адрес, чтобы навестить тебя, если вдруг да окажется когда по пути. («Значит, так и перегоняет машины», – отметил Алексей). А адреса-то и нет. Ну, отец возьми да и посоветуй ему обратиться к Алле, у неё-то, дескать, уж точно адрес есть. Но оказалось, что Юрий перед тем, как ехать к нам, узнал от её коллег, что

она уволилась с работы. Ну, не идти же, мол, к ней домой; время такое, что и хорошим знакомым двери не открывают. А когда попросили всё же найти её, ну, хотя бы для того, чтобы и мы что-то узнали о тебе, он даже в лице переменялся и категорически отказался от такой встречи, и нам посоветовал держаться от неё подальше. Почему, что за причина, не сказал. Мне, мол, важно Алексея увидеть, а остальное – не моё дело. Вообще чувствовалось, что чего-то Юрий не договаривает, но большего от него не добились и, как ни уговаривали остаться погостить, вежливо попрощался. Пообещал, правда, заезжать в гости, потому что последнее время ему часто выпадает дорога в Алма-Ату.

Потом буквально несколькими строчками следовала приписка отца, что он «нашёл Бога» и желает, чтобы и сын обратился к Господу, Который, мол, уберезёт от мирского зла, покажет ему всю пагубность погони за земными благами, от чего он уже и так пострадал.

«Отец с Богом!» Эта весть так ошеломила, что он не сразу осознал её смысл и прервал чтение. Затем, справившись с шоком, снова вернулся к тексту и, повторив вслух каждое слово, утонул в молитве благодарности, славя Господа.

Лишь спустя час продолжил чтение.

Далее следовали советы матери, как ему уберечься от простуды («края-то ваши посуровее будут, чем у нас на юге»), и пожелание, как можно скорее увидеться с ним. И уже в конце письма выражала уверенность, что до полевой обязательно приедут к Алексею. Если не с Маловым, то «сами на перекладных». Весна, мол, в этом году хоть и ранняя (февраль на дворе, а уже двадцать тепла), но не факт, что не будут ещё заморозки, так что жди нас в конце марта.

Это заставило Алексея на время забыть о взволновавшем его увольнении Аллы, потому что не мог и представить

себе, как он встретит их здесь. Тем более, уже не в отдельной квартире, которую на днях вынужден будет оставить. Он ведь уже и чемодан отвёз к Шарию на всякий случай. Нет, всё что угодно, только не это: подобную встречу он почему-то считал унижительной для себя. И понимал сердцем, что не прав на все сто процентов, но ничего поделать с собой не мог; потому что если и мечтал увидеть родителей, то – увы и ах! – конечно же, не в общаге. А тут уже сама собой мысль на ум падает, и вроде бы спасительная, и аккурат к месту:

«А что, если с Тумановым договориться? Он же говорил...»

И даже руками замахал в испуге, отгоняет её, как наваждение, но, как говорят: «ты её в двери, она в окно». Так и подзуживает назойливая, что, мол, да от тебя же не убудет; вон и апостолы, бывало, отходили от Христа – и что? Он же их простил? Того же Петра. А ты-то далеко-о не Пётр, поэтому тебя тем более простит.

Но неприятно и скверно становится на душе, и понимает Алексей, от кого эти лукавые мысли, а сил противостоять не находит: шибко уж заманчива идея. Не-ет, тут без совета не обойтись. Быстро черкнул родителям, что ему обещают отпуск, и тоже в марте, поэтому, мол, ждите дома, чтобы не разминуться. Надписал конверт, заклеил и отправился к Николаю. И только на полпути к нему вспомнил о странном увольнении Аллы. Вспомнил – и затормозил, встал, как вкопанный. Если, и правда, уволилась, – а какой резон Юрию обманывать, да и не тот он человек, чтобы врать, – то почему же не сообщила? Вполне возможно, что уйти с работы вынудили обстоятельства и даже что-то грозит ей, тогда тем более бы написала. Чтобы не надеяться ему. Что-то тут нечисто. Что? Подозревать, что Алла решила «кинуть», не хотелось, но на ум сразу же, обгоняя одна другую, так и заторопились всякие

версии, включая такие, которые прилюдно не озвучишь. В смятенных чувствах развернулся он и чуть ли не бегом заспешил назад: в этом его положении ни сам Шарий, ни его Людмила не советчики. Да и не станет он удручать их столь личностной обыденностью, касающейся только его.

То ли от спешной ходьбы, то ли от волнения бешено заколотилось сердце, застучало в висках, и вот уже знакомо заняло в затылке. Он остановился.

«Этого только не хватало, – прошептал, сжимая виски ладонями. – Спокойно, только спокойно. Не торопясь и только шагом. Вот так-то лучше будет. Надо любой ценой и как можно скорее попасть в Алма-Ату. – И будто оправдываясь перед самим собой: – Да, любой. Что с того, что говорил Туманову как раз другое? Обстоятельства изменились, поэтому не до горделивости. Придётся поступиться ею ради достижения цели. – И следом в слабой надежде: – А может, и не придётся? Может быть, как-то образуется, если попросить только об отпуске? Ну да. Зачем квартира, если увижусь с родителями и всё согласуем с Аллой. Полюбовно, так сказать, согласуем: жить – не жить. Я без претензий, мне чужого не надо, но и моё не тронь! Всё по-людски чтобы. Или по суду, если дойдёт до этого. Как уж там получится. А Туманов поймёт, должен понять, если обрисую ему всё, как есть».

Долго не мог заснуть он в эту ночь, прокручивая в уме предстоящий разговор с профоргом. Ах, как хотелось, чтобы и «волки были сыты и овцы целы!» То есть, и на поклон перед собранием не пойти, и результат ускорить. Удастся ли? И хоть свербило где-то в глубине души от этой погони за двумя зайцами, но даже и мысли не допускал, что напрямую отходит от Христова учения, при первом же испытании забыв о Его заповеди: «Не собирайте себе соковищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе соковища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не

подкапывают и не крадут, – ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–21).

В итоге нашёл оправдание, назвав своё поведение «временной тактикой», мало-помалу успокоился и махнул рукой: «А, будь что будет! Утро вечера мудренее!»

А ведь совсем недавно в споре с братьями он отстаивал ту точку зрения, что христианин, принявший в своё сердце Христа после Его воскресения, уже никогда не отречётся от Него. Мы же, мол, видим, в какого стойкого борца за веру превратился апостол Петр, трижды до этого отрёкшийся от Иисуса. То есть, верующий, признавший истинность воскресения, уже не отойдёт от Христа. Кто же отойдёт, когда есть гарантия жизни вечной!

Случилось это при разборе 26-й главы Евангелия от Матфея, и Алексей имел в виду, конечно, прежде всего себя. Он так прямо и сказал об этом: «Зная теперь, что Иисус есть Христос, я могу без колебаний повторить слова Петра, что «хотя бы надлежало мне и умереть с Тобой, не отрекусь от Тебя» (Мф. 26:35).

Надо сказать, что такое его самонадеянное заявление несколько смутило присутствующих, и Шарий, чтобы сгладить возникшую неловкость, предложил каждому подготовить своё собственное истолкование отречения Петра к следующему библейскому занятию. А после собрания спросил задержавшегося, как обычно, Алексея, сознаёт ли он, какую взваливает на себя ответственность перед Иисусом за такое, несомненно, похвальное, но трудно выполнимое обязательство. Ну и вряд ли стоит утверждать это вслух.

– Я, Коля, столько раз уже менял свои намерения, что стал противен самому себе, – с едва уловимой горечью в голосе ответил Алексей. – Поэтому теперь вот решил: всё, хватит! Жизнь, она только со Христом – жизнь. Прости за пафос, но для меня это истина. – И уже совсем решительно рубанул: – Только так, и нет хода назад.

Глава 27

Но на поверку-то оказалось, что есть такой ход. И как раз назад. И случился он на следующий день в обеденный перерыв, когда Алексей вышел из рабочей столовой и придирчиво осматривал машину.

– Лёшка, ёк-макарёк! – выскочил из подъехавших «Жигулей» и кинулся к нему какой-то долговязый парень с лучезарной улыбкой до ушей. – Блинов, блин!

Алексей не сдержал улыбки: это был шофёр оптовой базы, весельчак и балагур Антон, которого называли не иначе, как Тоник. Был он сама доброта, бесхитростен и простоват, и до того безобиден, что подтрунивали над ним все кому не лень. Но только беззлобно, по-дружески. Зло подшучивать язык ни у кого не поворачивался.

– Вот ты где окопался, – тряс тот ему руку в искренней радости. – Вот это да! Никто на базе толком не знает, куда тебя законопатили, а ты вона где!

– А разве кто-то ещё интересуется? – прищурился Алексей. – По-моему, давно уже забыли, что и был такой лапоть.

– Да ну, забыли! Ты не думай, наши мужики, шофера имею в виду, тебя как уважали, так и уважают. Не то, что эти твои подельники, которые тебя подставили.

– Да тебе-то как знать это, Тоник? Может, я по заслугам получил?

– Брось болтать, про это все знают. Только помалкивают, – посерьёзnel тот. – Так ведь только вякни попробуй. Ну, ты понимаешь?

– Конечно, Тоник. А сам-то как сюда попал? На «Жигулях», вижу, рассекаешь?

– В отпуск приехал. Тут рядом в охотхозяйстве брат егерем работает.

– О, в Бородулихе, что ли?

– Ага, – обрадовался Антон. – Что, был там? Может, махнём со мной. Охота – во!

– Не-е, браток, не могу, я ведь мужик подневольный.

– Ах, да, – огорчился Антон. – Непривычно как-то слышать это о тебе.

– Но я тебя так рад видеть, Тоник. Так вовремя ты погодился тут. Слушай, давай вечером заруливай ко мне. У меня тут квартира нормальная. – Тут Алексей не удержался и провёл рукой по горлу: – Ты мне вот так нужен.

– Не могу. Лёвка, братишка мой, на комбинате ждёт. Дела там у него по своему хозяйству. Шас же и обратно поедем, – ещё больше огорчился Антон. – Знаешь что: пойдём, посидим в столовой? Расскажешь, хоть коротко, как да что тут у тебя.

– Обед у меня уже заканчивается, Тоник. Да и рассказывать-то не о чём, всё в одной поре: работай да отсыпайся – и все дела. Лучше ты расскажи, что у вас нового.

– А-а, это... ты про что хочешь услышать?

И сердце забилося в тревожном предчувствии; по тому, как Антон замялся, стало ясно, что из жалости он вряд ли скажет правду. А когда ещё представится такой реальный шанс расставить все точки над «і»? Ну, что ж, тогда придётся его обхитрить; сделав вид, что задумался, Алексей спросил как можно равнодушнее:

– Ну, ты же знаешь, кто меня может интересовать. Алла-то после увольнения, – нажал он на слово, – поди, уехала уже?

– А-а, так ты всё знаешь? – с видимым облегчением вскинулся парень. – И про Абу тоже?

– Про обоих, – судорожно сглотнул Алексей.

– Значит, тот мужик всё же нашёл тебя? Ну, друг твой, что на базе Аллу искал.

– Юра Малов?

– Во-во, Малов. Нашёл, значит, тебя?

– Угу. Так что там они?

– Ну, тогда ладно. Раз уж знаешь, то чего и скрывать. А то я не хотел говорить, – признался Антон. – В общем, уезжают Абу с Аллой куда-то на Кавказ.

«На Кавказ, – машинально отметил про себя Алексей.

– Да, там у Абу есть много родственников. У Аллы тоже кто-то есть в Ереване».

– Она всё говорила, что дом тебе оставит, а сама продаёт его или уже продала, – продолжал Антон.

– Дом продала? – эхом повторил Алексей.

– Продавала, во всяком случае. Это девки из её отдела обо всём узнали, – пояснил Антон и махнул рукой: – А деньги вроде бы на тебя переведёт. Ну хоть так, и то ладно. Правда, толком-то никто ничего не знает. Скрытно у них всё. Да ну их, на что они тебе теперь сдались? – И вдруг расплылся в улыбке: – А Малов твой – мужик что надо. Он ведь турка там чуть насмерть не зашиб. Не рассказывал сам-то? Ну, такие мужики и не рисуются. Правда, Абу сам напросился: услышал, что он твой друг, подскочил и давай орать, что, мол, нечего посторонним по территории базы шляться, да ещё и шпионить. Убирайся, дескать, подобру-поздорову, пока цел. И ну цепляться за него, да чуть ли не выталкивать за ворота. А тот как раз про вашу аварию у Дмитриевки нам рассказывал. Про старого аксакала, про пацанов в джипе. Поморщился он эдак от турка, отвёл его руку и говорит: «Чё, мужики, не хотите до конца слушать?» – «Да как же, – говорим, – не хотим, когда хотим!» – «Ну, тогда – говорит, – он мне мешает, а я этого не люблю». – И как-то незаметно, то ли пальцем, то ли в руке что было... да нет, ничего там не было, мы же вокруг стояли, увидели бы... ага... ткнул, значит, турка куда-то в шею, тот сразу и съехал с катушек. Брякнулся на асфальт, глазки закатил и хрипит. Нам боязно за него

стало, а Малов этот: «Всё норм, мужики. Пять минут – и побежит прытче прежнего». – И оно так и стало. Только Абу после этого неделю на работе не показывался, а потом долго ходил, как мешком из-за угла пришибленный. Тише воды, ниже травы. Боялся, наверное, как бы этот Малов снова не пришёл. Но тот больше не появился. Да-а, а он, значит, отыскал тебя? Ну, так говорю же: мужик – что надо, – ещё раз утвердил Антон и тронул Алексея за плечо. Увлечённый рассказом, он не замечал, как переменялся тот в лице. – Давно он был у тебя?

– Что? – встrepенулcя Алексей и постарался изобразить прежнее равнодушие: – А, да, давно. А куда именно на Кавказе они направляются, не знаешь? Город какой?

– Без понятия, – пожал плечами Антон и только теперь обеспокоился душевным состоянием бывшего коллеги по работе: – Слушай, ты чего это скис?

– Ничё, ничё, Тоник, всё норм, как ты говоришь.

– Да нет, я же вижу. Ты что запереживал-то так, будто первый раз слышишь? – Тут он, похоже, понял свой промах, и голос его упал от догадки: – Во-он чё: Малов-то тебе ничего не рассказывал, а я дурак раскололся.

– Всё ты правильно сделал, Тоник. Спасибо, – твёрдо сказал Алексей. Он уже принял решение: завтра суббота, то есть, впереди два выходных и если выехать прямо сейчас... Дальше загадывать не стал, слегка приобнял друга и поспешно отстранился: – Не кори себя, Антоша, ты лишь подтвердил то, что я знал. А теперь мне пора на объект, уж извини. У нас с этим строго.

– Понимаю, дисциплина, – кивнул Антон. – Ну рад был увидеться. Мужикам рассказать, что видел тебя?

– Конечно! – Алексей открыл дверцу. – И большой им привет! Я всех помню.

Заехав вместо объекта домой, он достал из-под подушки кошелёк, пересчитал, что осталось от недавней

получки, приготовил несколько бутербродов с колбасой и, прихватив термос с чаем, на долю секунды приостановился. Словно удержал кто-то, прошептав в самое ухо: «Одумайся. Не руби с плеча. Как не приставишь отрезанный ломоть к хлебу, так и разбитую семью не склеишь. Вспомни, что написано: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдёшь его» (Еккл. 11:1). Так и ты найдёшь своё счастье. Всё вернётся на круги своя, может быть, и Риту с сыном вернёшь, только надейся и верь. Богу верь! Сбежав сейчас, погубишь не только себя; подведёшь всех, кто поручился за тебя. Как потом людям этим в глаза смотреть?»

И заколебался было Алексей, даже на стул присел. Но тут же и вскочил, как ошпаренный от чётко прозвучавшего в ушах хихиканья Хатифа и испуганного шёпота Аллы: «Фу-у, напугал. Я ж подумала, что ОБХССник». Только теперь Абу хихикал не подобострастно, а презрительно, ухмылка же Аллы была вовсе не от испуга. Он так отчётливо представил себе эту сцену, что чуть ли не с воплем вылетел из квартиры и через десять минут уже мчался по хорошо знакомой трассе, выжимая из двигателя всё возможное. Благо, ребята подшаманили «зилка» на совесть, как выразился Мухин.

Что двигало им, что было на уме, вряд ли объяснил бы даже он сам. Особенно в первые часы, когда не отдавал себе отчёта в происходящем. Навсегда запечатлелось в памяти только одно – страх встречи с ГАИ. И ещё уверенность, что если она случится, то это будет его последний рейс, потому что сам он не остановится. Именно этот страх, и никакой другой, довлел над ним все проведённые за рулём часы. Даже появившаяся в самом начале пути тупая боль в затылке не остановила от безрассудного шага, наоборот: с упорством, достойным лучшего применения, он вдруг стал... просить Бога о помощи. Что,

конечно же, характеризовало его душевное состояние, как «состояние аффекта» (доказанное потом судмедэкспертизой, оно сыграет роль в смягчении сурового приговора). В то же время он старательно отгонял мысли о неизбежности грядущего наказания за побег (а это был реальный побег) и в каком-то запредельном отчаянии надеялся, что успеет вернуться к понедельнику и уговорит Мухина не поднимать шума. Ведь на выходные тот иногда позволяет шоферам ставить машину вне гаража. Кому-то надо на охоту, кому-то на рыбалку, а кому домой чего привезти. Негласно, конечно, и за определённую мзду, но – позволяет. Что все шофера – люди вольные, а не как он – осуждённый, в голову как-то не приходило.

«Уговорю Степана, уговорю, – знай, одно твердит, не сводя глаз с дороги и усиленно убеждая себя, что всё сойдёт благополучно. И уже почти верит в это. – Он до денег охоч, а я не поскоплюсь на хороший бакшиш, дай только разобраться с Аллой. У них с этим чуреком денег немерено; с готовностью отдадут мою долю, чтобы только не заговорил про все их делишки. Знал бы, сразу так сделал. Мне, идиоту, теперь терять нечего, мне всё равно. Хватит, один раз прикрыл жёнушку, и вот она – благодарность. Ладно, мне не до жиру, соглашусь и на половину за дом, хотя её доли в нём нет; всё моими руками да Риты построено. Пусть пользуются моей добротой, раз уж я идиот. Ничё, ничё, получу бабки и начну новую жизнь. С Богом, как и мечтал. Ах, только бы какой гаишник не приبلудился в ночи, чтобы успеть вернуться».

Об одном лишь не задумывался: успеет ли что-то сделать за эти два выходных.

Глава 28

260 Ранним утром благополучно миновал пост ГАИ при въезде в Алма-Ату и тогда немного расслабился. Позади остались пятнадцать часов гонки без отдыха, с бешеной для этих дорог скоростью, с одной лишь заправкой в пути. Уже более спокойно и без помех проехал через весь город на другой его конец (в том числе по запрещённым для грузового транспорта улицам, так как не вышли ещё «на охоту» инспектора) и свернул в район богатых особняков, выросших на месте бывших садов и одноэтажных домиков вдоль речки Алма-Атинки. Вон уже и его особняк, аккурат на повороте, окружённый добротным высоким забором из профнастила и с массивными зелёными воротами – крепость! Разве что бойниц в заборе не хватает, а так-то, не подглядишь, не перелезешь без подсобного инвентаря. «Спрячь за высоким забором девчонку...» – совсем не к месту всплыл припев известной песенки и учащённей забилося сердце от предстоящей встречи с Аллой: лишь сейчас осознал вдруг, что не всё так просто, как рисовалось в дороге. Вот уже и злость исчезла, а с ней и уверенность в благополучном исходе плана по отъёму денег. И не к месту ворох сомнений, дескать, с чего это он взял, что они так просто расстанутся с ними, если деньги – единственная цель их жизни. Впрочем, как и его, до некоторых пор. Да что там, «до некоторых», а разве сейчас он не из-за них мчался, сломя голову? Так что уж тут и он, и Алла, как есть – два сапога пара. Да плюс турок сбоку припёка, у которого этих денег, как у дурака махорки. Только оказались они поумнее Алексея. Вот это-то и обидно, ах, как обидно.

Заныло в душе, засосало под ложечкой, слабость во всём теле и противная дрожь в коленях: не повернуть

ли назад, пока не поздно? И даже растерялся от такой мысли, прислушался к себе в недоумении: да уж не испугался ли? Отмахать больше тысячи км и развернуться, несолоно хлебавши? Прямо так, без попытки разобраться? Вот тогда-то он уж точно не простит себе. Ну уж нет, «если замахнулся – бей», как подзуживали пацаны друг друга в детстве. И с удовлетворением отметил, как возвращается воинственный дух и наливается силой угасающая плоть.

Не доехав до ворот метров пятьдесят, притулился к обочине, чтобы могла пройти другая машина, и решил подождать – не выйдет ли кто из них, а то уж больно ранний час для делового разговора. Затем сложил руки на руль, огляделся и, несмотря на гнездившуюся в душе тревогу, застыл, очарованный бело-розовой дымкой садов на другой стороне речки. Огромными вспенёнными волнами убежали они к подножию гор, потом взмывали по пологому склону до самой вершины и, соприкоснувшись с небом, сливались с его лазурью. И понял наконец, что за эти часы переместился из суровой ещё зимы в расчудесную благодать весны. Её тепло, хоть и подсознательно, он ощутил ещё в дороге, но только теперь она явилась ему во всей красе. В тихом безмолвии утра это поистине царское благоухание садов в сочетании с освежающим дыханием бурной, стремительной речки подействовало столь успокаивающе, что он не заметил, как уснул. Хотя назвать это сном можно было лишь с большой натяжкой, потому что слышал всё, что происходит рядом. Вот прошла одна машина, через некоторое время другая – и снова всё тихо. Потом то ли стук по капоту, то ли рядом кто-то дверьми хлопнул; взбросил он глаза – да так и напрягся весь: только-только от его дома отъехала машина, и какой-то мужик, закрыв ворота изнутри, тут же появился во встроеной в них калитке. Явно заинтересовавшись самосвалом, он

из-под ладони рассматривал его. Это был Абу, и в следующую секунду Алексей уже был на подножке.

– Абу! – хрипло прокричал и, помахав рукой, спрыгнул на землю. – погоди, не закрывай. Это я, Блинов.

Одна секунда, две – и вот уже турок стремглав, позаячы вобрав голову в плечи, скрылся во дворе, а герметически подогнанная калитка не оставила никаких шансов добежавшему врагу открыть её снаружи. Признал Хатиф своего бывшего коллегу и не стал искушать судьбу.

– Открой, Абу, – негромко постучал Алексей, но ответа не последовало, хотя было ясно, что Абу никуда не ушёл. – Да открой же, чего ты закрылся? Дело есть.

– Говори так, – глуховатым голосом отозвался тот. – И не стучи больше, а то настучишь на свою же голову. Мне с тобой не о чём говорить, а если уж так надо, иди и разбирайся со своей женой. – И уже совсем неразборчиво: – Нет её здесь.

– Я и приехал разбираться с ней, а не с тобой, – не расслышал последних слов Алексей. – К тебе претензий нет и не будет.

– Эй, ты что, глухой? – раздался нервный смешок Хатифа. – Я же сказал, что её здесь нет. Только что уехала.

– Ну и что? Ты-то здесь. Давай всё обмозгуем без неё, пока она вернётся.

– Она не вернётся. Что ж ты её не перехватил, раз уж с утра околачиваешься тут? Видел я, когда машина подъехала, да на тебя не подумал. Ты что, сбежал из лагеря? – Абу смолк в ожидании ответа и поскольку его не последовало, утвердил догадливо: – Сбежа-ал. Ха, и ещё хочет, чтобы я с ним говорил. Не впутывай меня в свою афёру.

– Никого и никуда я не впутываю, – Алексей начинал терять самообладание. – Заметь, я даже не спрашиваю, что ты делаешь в моём доме. Давай поговорим...

– Ты чё, Лёха, с дуба рухнул? – всё с тем же смешком перебил Абу. – С чего бы дом этот был твой? Может быть, попробуешь доказать? Тогда иди в суд, а не разводи тут базар, как базарная баба. И учти, будешь ломиться, спущу собаку. Загрызёт – не отвечаю! Правда, Рэкс?

Словно подтверждая его слова, пёс сначала зарычал, а следом разразился злобным лаем. Тут и замкнуло что-то в сознании Алексея: он и так-то по ходу излияний турка побагровел от ярости, а этот лай, похоже, переполнил чашу терпения. Медленно, едва сдерживая себя, чуть ли не по слогам произнёс:

– Это мой дом. Ты меня с кем-то путаешь, парень... Последний раз говорю: открой или я разнесу тут всё вместе с тобой и твоим псом.

– Разнесёшь, разнесёшь, – в голосе Абу уже неприкрытое презрение; оправился мужик после первоначального испуга. – Что, верхушек нахватался? Мало тебе вlepили, надо было за решётку. Но если что, позабочусь, чтобы исправили ошибку. – И крикнул куда-то в глубь двора: – Давай, звони ментам! – И снова Алексею: – Всё! Дёргай отсюда, если успеешь ноги унести. Хозяйка ментов вызвала. Допёк ты меня. Сразу надо было это сделать, да тебя, козла, жалел. Добром хотел уговорить...

И смолк, заслышав сначала тяжёлую поступь удаляющихся шагов, потом и заведённый мотор. Только тогда осторожно приоткрыл глазок в калитке и увидел, как машина развернулась в ближнем переулке и вроде бы потихоньку удаляется от дома туда, откуда и приехала.

– Вот так-то оно лучше, – высунулся осмелевший Хати́ф за калитку. – Как услышал про ментов, так и ноги в руки. Уноси их, пока не поздно. А то – разнесу-у. Рэмбо нашёлся. – И вдруг завопил тонко: – Стой, куда ты прёшь, скотина!

Прямо на ворота задом мчался самосвал, на подножке которого, держась за руль вполоборота стоял Алексей.

Едва успел заскочить Абу во двор, как туда же вломился на полном ходу и «зилек», со страшным скрежетом смяв ворота и вырвав все запоры. Отлетевший нижний штырь плашмя шарахнул по собачьей конуре и разнёс её в щепки, а кобель с визгом забился под навес для машин в дальнем углу двора. Сам же Абу, с истошным криком – «звони!» – за считанные секунды одолел около тридцати метров, расстояние от ворот до дома, показав незаурядные спринтерские качества, и взмыл на высокое крыльцо. Там приостановился было, но увидел бежавшего соперника (тот явно проиграл ему в забеге) и благоразумно исчез за дверьми. Алексей проиграл не только в забеге: не успел он приблизиться к крыльцу, как из тех же дверей высыпала ватага из пяти черноголовых детишек, – мал мала меньше, – предводимая замотанной с головы до ног во всё чёрное какой-то женщиной. Подбоченившись грозной буквой «ф», – ни дать ни взять, ночная фурия, – она молча уставилась на него единственно открытой частью лица, то бишь, глазами, а вся ватага вмиг сгруппировалась вокруг неё.

– Мама родная, – остолбенел Алексей. – Вы откуда это, команчи?

– Мы тут живём! – вразнобой запищали «команчи». – Уходи отсюда.

– Да поживее, – посоветовала фурия. И вдруг громко и без пауз залопотала резким, неприятным голосом на своём гортанном наречии, при этом энергично потрясая руками. То ли порчу наводила на неверного, то ли призывала на помощь своих богов. Но как ни был разгорячён Алексей, а каким-то шестым чувством уловил радостное возбуждение ватаги, загальдевшей на все лады, и резко отскочил в сторону. И очень даже вовремя, потому что успел увернуться от напавшего сзади мужика и, перехватив его руку, мгновенно уложил на дорожку. Столь же

аккуратно уронил подоспевшего на помощь к нему напарника и, мельком убедившись во временной нетрудоспособности обоих, нехорошо взглянул на переставшую верешать ораву.

– Ну-ка, брысь! – прохрипел пересохшим горлом и, знаком отодвинув их в сторонку, уже схватился за ручку двери, но услышал слабый стон и обернулся. Тот, второй, приподнявшись на колено, держался левой рукой за сердце, а правой пытался достать что-то из внутреннего кармана пиджака. По всей вероятности, таблетки.

«Сердечник! – промелькнуло в уме и в ту же секунду скатился с крыльца. – Только этого и не хватало. Да не дай, Боже!»

– Что, мотор прихватило? – поддержал мужика за локоть. В голосе искреннее участие и неприкрытый испуг. – Давай, помогу подняться. Вот так. Таблетки есть?

– Ага, есть, – криво улыбнулся тот, высвободил руку из пиджака и сунул под нос Алексею удостоверение. – Читай. Капитан Шеглов, участковый.

– Так я и знал, – чуть ли не взвыл от досады Блинов. – Приехал! Да откуда ж вы свалились на мою голову!

– Это уж скорее ты свалился на нашу, – не согласился капитан. – Кашин, живой?

Поднялся, охая, и тот. Поднялся сам и, проверив, на месте ли скула, достал из кармана наручники:

– Давай сюда грабли. Арестован.

Блинов покорно протянул руки.

– Мужики, вы же не предупредили, а сзади глаз нету, – сказал обречённо.

– Ну, уж извини, оплошали, – усмехнулся Шеглов и кивнул напарнику: – Так-нет, сержант? Оплошали, говорю.

– Шас исправимся, – понял тот вопрос не иначе, как намёк и, шмыгнув носом, с силой двинул арестованного под дых. Но Алексей успел прикрыться локтем, и Кашин,

потрясая рукой от боли в казанках, разразился в его адрес матерным монологом.

– Завязывай, Дима, – устало сказал капитан. – Расхрабрился, когда он уже в наручниках. Лучше вон запиши в протокол, что парень сдался добровольно.

– Да где ж ты, Боб, добрую волю увидел, когда он мне чуть скулу не свернул?

– Ну, не свернул же.

– И руку вывернул, гад, плечо вон саднит, спасу нет.

– До свадьбы заживёт, Дима. А парень – что надо. Мог бы ведь и убежать. Далеко – не далеко, а хотя бы на первое время смылся, и тогда нам пришлось бы уже совсем другое доказывать.

– Ты как хочешь, капитан, а я такой протокол не буду писать. И я не я буду, если не засажу его на всю катушку. Он у меня, тварь, надолго запомнит этот день.

– Ладно, уймись, потом разберёмся, – попросил Шеглов и позвал женщину: – Фаина Разаковна, может быть, пройдём в дом для составления протокола? Ущерб, опять же... – и, не закончив, изумлённо присвистнул: при слове «протокол» вся орава молниеносно скрылась за дверьми, оставив Фаину в гордом одиночестве.

«Вот что значит условный рефлекс», – усмехнулся про себя капитан. Он знал, что это семейство ещё не так давно проживало в так называемом «турчатнике», то есть, в районе города, где турки составляли большинство, а там, как известно, милиционер с протоколом наводил на них больший ужас, чем, скажем, вооружённый автоматом.

– Ну, так как, Фаина? – переглянувшись с Кашиным, повторил Шеглов.

Вместо ответа та обозначила в вытянутой руке фигуру из трёх пальцев.

– Нашёл дуру, – донеслось из-под платка. – Тут и составляйте. Или заходите, только без этого бандита. Но всё

равно ничего не подпишу: откуда мне знать, что вы там нарисуете, если по-русски не читаю. Вот если Абу поможет. Шас позову его.

– Чёрт бы вас всех побрал, – пробормотал капитан и махнул рукой: – Кашин, веди парня в опорный, но без меня не оформляй! Я минут через пятнадцать буду.

Но уйти не успел, так как в это время раздался визг тормозов, и из двух машин, круто развернувшись у поверженных ворот, выскочили трое омоновцев в камуфляже.

– Оперативненько, – зло сплюнул Шеглов. – Какой только идиот их вызвал! Будто без них дело не обойдётся. Вот и представь, Дима, от какого позора парень нас избавил. Один двоих уложил, а этим борзым только попади на язык! Так что больше молчи и не встревай. Арестованный сопротивления при аресте не оказал, понял?

Меж тем омоновцы уже окружили их и поглядывали на командира в ожидании приказа. Тот, наперво обследовав ворота и самосвал, неспешно подошёл, поздоровался с капитаном, как со старым знакомым, и вприсильно посмотрел на его напарника:

– Кашин?

– Так точно, – отрапортовал тот. – Сержант Кашин. Я у вас стажировку когда-то проходил.

– Ну, как же, помню, помню. А здесь почему?

– Он мне помог при задержании, – пояснил Шеглов.

– При задержании, это похвально, – иронично прищурился майор. – А кого? Нам было сообщение о целой банде, которая здесь погром устроила, а вижу только одного?

– Так он один и устроил, товарищ майор.

– Кто, Блинов? Один? – офицер повернулся к Алексею: – Чего ты тут натворил, Лёша? Зачем свои собственные ворота снёс?

– Виноват, Павел Семёнович, тормоза отказали, – двусмысленно изрёк Алексей. Он и рад был видеть давнего

приятеля, майора Кобзева, не однажды выручавшего его из мелких житейских передраг, и в то же время понимал, что на этот раз тот уже ничем ему не поможет. Ни-чем. Потому что через минуту-другую узнает о его побеге.

– Ну, что ж, с тормозами это бывает, – так же туманно выразился майор. – Вопрос лишь в том, какие отказали. – И снова к Шеглову: – Почему он в наручниках?

– Потому что это не его ворота, – развёл руками капитан.

– Да как же не его? – искренне удивился Кобзев. – Ты здесь, капитан, без году неделя, а я знаю его и Аллу уже сколько лет. Может быть, скажешь, что и дом не его?

– Скажу, товарищ майор. Сожалею, но и дом не его.

– Не понял. Лёша скажи же что-нибудь! – майор ожидал от Алексея поддержки, но тот лишь понуро разглядывал наручники, будто происходящее не касалось его.

– Вы очень давно к нам не заглядывали, товарищ майор, – встрял в разговор Кашин. – Алла недавно продала дом, поскольку развелась с этим гражданином и, кстати, в полном согласии с ним.

– Я никакого согласия не давал, – угрюмо возразил Алексей, до этого безучастно слушавший их. – Я только что узнал об этом и приехал разобраться...

– И свалил ворота чужого дома, – вынырнул из-за спин оперативников Абу и махнул рукой в сторону крыльца. – Вот его хозяйка. Всё верно говорит участковый.

– Так и есть, – не глядя на майора, скупно подтвердил Шеглов. – Теперь тут живут родственники Куциева, директора скотобазы. Всё оформлено через суд.

– В общем, понятно, что ничего непонятно, – пробормотал майор. – Капитан, снимите с парня наручники (услышав это, Абу тут же предусмотрительно ретировался на крыльцо) и поезжайте с моими хлопцами в управление. Протокол там составим, а арестованным я лично займусь.

Где ключи от «зилка», Лёша? Давай их сюда. – И, взяв ключи, отрывисто скомандовал: – Суров, отгони машину на стоянку, остальные – в управление. Да не забудьте капитана с его помощником.

Щеглов обернулся и махнул рукой Хатифу:

– Давай, с нами. Как свидетель... Или – потерпевший?

Абу, увидев, что майор взял арестованного под локоть, приободрился и громко выдал такое, что ошеломило и участкового и, уж тем более Алексея.

– Слышите чё: я ни разу не потерпевший и даже не свидетель. Ничего не видел, не слышал, да и не хочу слышать. Ничего моего тут нет. А свидетель вот, – показал на Фаину. – Их ворота, им и спрашивать, а мне с этим типом делить нечего. Сказать, что дом не его, сказал, но он не поверил. Вот теперь пусть выворачивается, как умеет. – И ухмыльнулся с ехидцей: – Только, майор, прежде чем отмазывать Лёху, не забудьте выяснить, как он оказался тут вместо того, чтобы куковать «на химии».

– Хм, выясним, не беспокойся, – так же неприязненно хмыкнул Кобзев. – Только время придёт, – а я надеюсь, придёт очень скоро, – и насчёт тебя выясним. Это даже не сомневайся. Ты ведь, кажется, с той же базы, что и Алексей?

– Был, товарищ майор. Был с той базы. Теперь у меня кооператив.

– Ну и что? Знаешь русскую поговорку: от сумы да от тюрьмы... А?

– Знаю. Только не угадали вы со мной: тюрьма для таких вон, как ваш друг. А я сяду в лодочку – и ари-видерчи! – Абу покачал ладонью, изображая волны. – Уплываю в тёплые края, камарады! А то ваши орлы мне уже поперёк горла встали.

– Уезжаешь? – удивился Щеглов. – И не жалко бросать такое место?

– Жалко. Но последнее время от вашего брата житья нет. Так что ловите и доите других лохов. Вон как Лёха. Они сами в руки лезут.

– А как же кооператив?

Абу не успел ответить: к двум милицейским машинам подъехала и посигналила чёрная «Волга».

– Это за мной, – пояснил гордо и быстро юркнул в машину. И уже из открытого окошка помахал с презрительной улыбкой: – Не поминай лихом, Лёха Блинов.

– Обнаглел, однако, – покачал головой Кобзев. – Прямо вершитель судеб.

– Так ведь он теперь не рвач с базы, а частный предприниматель, – иронически поддакнул Шеглов. – Самое обидное, что ничего ему сейчас не предъявишь.

– Ну, это ещё посмотрим, – не согласился майор. – Ещё, как говорится, не вечер. А вообще-то, конечно, раньше надо было таких, как он, сажать. Как можно раньше. Пошли, Блинов, в машину.

Алексей в подавленном состоянии проследовал за майором в «Жигули».

«Раньше таких надо было сажать» – надоедливый рефреном звучало в ушах. Это ведь хоть и не умышленно, но в том числе и про него сказано. Да что там «в том числе», если, как оказалось, только про него. То есть, лохом, по определению Абу, он вышел по всем статьям. Горечь, боль, отчаяние, безысходность заполонили всё его существо и, обхватив голову руками, он с жалобным мычанием уткнулся в спинку переднего сиденья. Гнетущая пустота в душе и в сердце, и ни-ка-ких мыслей, кроме пронзительно тоскливого: «Что теперь будет? Что наделал?»

– Ну, выкладывай, Лёша, – откуда-то издалека слышится голос Кобзева. – Только всё начистоту и до мельчайших подробностей, чтобы мне сориентироваться.

Но скажу честно, если ты и вправду в разводе с Аллой, то туговато нам придётся. Одно дело, когда она нам в помощь и совсем другое – идти против неё. Ну или против того, кто ею манипулирует. Да тебе лучше знать, кто там у них всем заправляет. Я-то, и правда, давно уже потерял вас из виду. Ты поясни-ка, что этот басурман имел в виду? Что молчишь? Вы развелись или нет?

Майор, сидевший впереди, повернулся к Алексею, тронул его за плечо и, когда тот выпрямился, невольно присвистнул.

– Что с тобой? Значит, правда? Неужели всё так плохо, Лёша?

– Я ничего не знал про развод, Павел Семёнович. Но это уже неважно для меня.

– А что тогда важно?

– То, что я действительно сбежал.

Признание далось нелегко, но в какой-то мере облегчило то состояние ступора, в котором он находился, и теперь, боясь, что майор не дослушает, заторопился с объяснением. Так провинившийся ученик находит кажущуюся ему уважительной причину своего проступка и спешит убедить в этом учителя.

– Понимаете, я думал, что успею вернуться к понедельнику. Разобраться с Аллой и вернуться. А тут – Абу. Забаррикадировался и не пускает меня в мой же дом.

– Представляю, – задумчиво качает головой Кобзев. – Дальше можно не рассказывать. Дальше: ты снёс ворота, но он успел скрыться в доме. А тут участковый со своим другом подоспел. Так?

Алексей согласно кивнул.

– Ну хотя бы им-то не оказал сопротивления? – с малой толикой надежды в голосе спросил майор. – Или? Впрочем, что я спрашиваю, когда и так ясно. Иначе бы не надели на тебя наручники. Ну, хотя бы не сильно помял их?

– Они же в гражданском были, – уклонился Алексей от ответа. – Да и напали сзади. Я же защищался, а, Павел Семёнович?

– Так я и подумал, – с досадой ударил в ладоши майор. – Знаю, как ты умеешь защищаться. Ах, ты, мать честная! Да-а, теперь ты, что называется – приехал. Напали – не напали, поди теперь, докажи. Тут важен один-единственный факт: они при исполнении, понял? И положение твоё – хуже некуда. – Он развернулся и как бы советуясь, стал размышлять вслух: – Та-ак, что мы имеем? С Шегловым ещё можно о чём-то договориться, но с этим сержантом вряд ли. Я его хорошо запомнил, потому что он уже тогда был у этого Куциева на побегушках. Да многие этим промышляли, негласно, конечно. К тому же, приложил-ся ты к нему основательно; недаром он всё время скулу проверял. А он злопамятен. Э-эх, и наломал же ты дров, Лёша. Ты хоть представляешь, что тебе светит за это? Я, конечно, попробую его уломать: как-никак стажёром у меня был. И вот ещё что: как бы плохо там у вас с Аллой ни было, а она нам нужна. Где теперь её искать, есть соображения?

– Есть.

– У Николая Сергеевича? У дяди?

– Нет, у Хатифа. – К Алексею понемногу возвращалась ясность мысли. – Абу не соврал, что уплывает отсюда, только не уточнил, что с ней.

– Чи-во-о? – в недоумении откинулся майор. – Ты в своём уме? Алла – и с Абу?!

– Алла с Абу, – хладнокровно подтвердил Алексей. – Я даже знаю, куда они наострились. На Кавказ. Она поэтому и с работы уже уволилась. Мне обо всём Антон, шофёр базы, рассказал, которого я случайно в Жезкенте встретил. Да вы знаете его. Вот я и рванул сюда, чтобы успеть насчёт дома разобраться. Но о разводе не знал.

Я вообще без понятия, как она умудрилась без меня повернуть это через суд. Как?

– Ты меня спрашиваешь? – огорошенный такой новостью, Кобзев не переставал удивленно покачивать головой: – А разве сам не знаешь, что нет ничего невозможного, если есть чем заплатить. Да-а, Лёша, охмурила она тебя по полной в благодарность за то, что ради неё пожертвовал свободой. Ты ведь, насколько теперь я понимаю, спас не только её, но и весь их клан. А вот захочет ли кто-то из них отмазать тебя – большой вопрос. Похорошему-то могли бы, конечно. Скажем, нанять стоящего адвоката. У тебя, как понимаю, сейчас в кармане лишь вошь на аркане. Или есть что?

– Ничего у меня нету, Павел Семёнович, – отрешённо пробубнил Алексей. – На дом только и была надежда. Остальное всё на её родственников записано.

– Знакомо. – Майор завёл мотор. – Типичная история, и не ты первый остаёшься в ней лопухом. Ладно, едем в управление: хочешь не хочешь, а надо сдавать тебя следствию, иначе, как бы мне самому не влетело по первое число. Адвокат, который многое может, у меня есть, но без денег и шагу не ступит: в твоём случае в качестве залога будет дом. Не возражаешь? Докажет, что он твой, то есть, выиграет дело – тогда и рассчитаешься. Процент обговорите при встрече. Только об освобождении можешь забыть: во-первых, за побег добавляют, а во-вторых, если Щеглов с Кашиным дадут показания, что применил к ним физическую силу (или даже один Кашин), то это будет вообще дохлый номер! Хотя срок, может быть, и удастся скостить. Это он попробует.

Как в воду смотрел майор. Адвокат добился выделения имущественного разбирательства в отдельное производство (на то и подобрал его Кобзев), и Блинов был

поставлен перед таким выбором: да, суд, мол, вынесет решение о взыскании с Аллы в его пользу пятидесяти процентов от продажи дома, но поскольку она и Абу исчезли в неизвестном направлении, то получить с них что-то, пусть даже и по суду, будет просто нереально. И тут в деле (совершенно неожиданно, как уверяет адвокат) появляется нынешний владелец дома Кушиев и предлагает компенсировать эту сумму Блинову, если тот не станет предъявлять претензий к состоявшемуся разводу с женой. То есть, не будет поднимать шум вокруг этого вопроса, а согласится келейно решить это дело. Больше того, в этом случае ещё и Кашин отзовёт своё заявление и готовую экспертизу о нанесённых ему побоях, что значительно повлияет на окончательный приговор. А по сведениям адвоката, прокурор запросит ни много ни мало – десять лет. Не будет в этом случае и никакого денежного иска на возмещение ущерба: как имущественного, так и морального. То есть, всё заработанное в зоне будет его, без всяких отчислений на волю.

Алексей хорошо понимал, что всю эту интригу адвокат и Кушиев затеяли по просьбе Аллы и Абу, но такой вариант устраивал буквально всех: от следователя и свидетелей до судьи. И, наверное, более всего устраивал самого подсудимого. Ожидавший огромного срока, напуганный и деморализованный, он с готовностью согласился. Впрочем, и деваться-то ему было некуда.

Итог: приняв во внимание состояние аффекта, в котором подсудимый совершил преступное деяние, суд постановил назначить ему три с половиной года строгого режима плюс неотбытый срок в полтора года «на химии». Выслушав приговор, Алексей отказался от последнего слова. Зачем? Ведь все участники судебного процесса давно знали финал этого спектакля и только делали вид, что вот сейчас решается, каким ему быть.

С того дня начнётся совершенно другой этап в его жизни. Начнётся по знакомой уже дороге в Семипалатинск и первый его лагерный этап. Потом ещё один, и ещё, и ещё. Пока, наконец, не осядет он надолго в лагере на бескрайних просторах Севера, в краю лесов, озёр и болот. Будет это после бунта в одной из колоний, в котором он хоть и не принимал активного участия, но и не стоял в стороне, и только неправдоподобно счастливая случайность уберёжет его от нового срока. Прибывший туда по каким-то официальным делам представитель колоний Коми отбирал для работы на лесоповале группу опытных шоферов большегрузов. В их числе окажется и Блинов.

«Вот я и потерял всё, что можно потерять, дорогой Роман, – вслушиваясь в монотонный, тоскливый перестук вагонных колёс, не раз вспоминал он свой последний разговор с Лакисом, и особенно то прощальное его пророчество. – И это считается, что ещё легко отделался, потому что вполне реально корячился мне червонец с довеском в полтора года. И кого же прикажешь за это благодарить: ушлого ли адвоката, сотворившего хоть и маленькое, но чудо; судью, который разделит с этим адвокатом вырученную сумму за дом; или Бога, Который, хотя я всё равно сбежал, берёт меня в дороге и остановил в тот самый момент, когда я готов был совершить непоправимое? Я ни на кого не перекладываю вину, кругом виноват сам. Сам усугубил и без того плачевное положение, погнавшись выручать принадлежавшее мне добро. Вернуть то, что есть тлен, чему нельзя быть рабом и о чём я прекрасно знал. Почему же забыл обо всём, что так искренне воспринимал в собраниях у Шариев? Почему так легко подставил своих друзей, поручившихся за меня? Простят ли они когда-нибудь такую подлость? Туманов – никогда. Его просто снимут с должности, которой он так дорожит. Если уже не сняли. За потерю бдительности! А как же иначе:

ходатайствовал-то, как оказалось, за преступника». (Вот уж парадокс: в суматохе тех дней он сначала помнил, что Люда с Николаем и Туманов ещё только должны были поручиться за предоставление ему отпуска, а уж потом вбил себе в голову, что поручительство было подано и даже рассмотрено. Но вот его необдуманый побег не только свёл на нет усилия друзей, но и сильно осложнил им жизнь! И это тяготило больше всего).

«Николай с Людмилой? – продолжал он размышлять. – Они – да, они простят, хотя Коля тоже лишится теперь своей должности, благодаря вот этой моей «помощи». Простят, потому что истинно веруют в Бога, а не так, как я – наскоком. А может быть, мне только казалось, что я верю в Бога? Ну, что ж, времени теперь больше, чем достаточно, чтобы во всём разобраться. Но одно мне кажется непреложным: вера имеет смысл только тогда, когда все люди поверят в Бога. Все до единого. Только тогда среди них не будет места обману. А иначе так и будет продолжаться: одни так и будут верить в Христову любовь и всепрощение, а другие, пользуясь их наивностью, – извлекать из их веры выгоду. Всё так же обманывать, обкрадывать да ещё и перекладывать на них свою вину. Не хочу теперь принадлежать ни к тем, ни к другим. Я прикоснулся к вере и потерпел крах. Библия говорит, – и правильно говорит, – что нельзя надеяться на человека, а я понадеялся. На Аллу. Результат налицо. Бога же я пытался обмануть сам, совсем забыв, что «Бог поругаем не бывает». А ведь это я хорошо запомнил с самых первых шагов. Стало быть, никогда я не стану Его вестником, как ты предсказал. Ни-ког-да. Тут ты ошибся, Роман. Я уже порушил все мосты. По Божьим правилам я не ужился, придётся жить теперь по тюремным, где надеяться можно только на себя. Где совсем другие заповеди: «Никого не бойся, никому не верь, никого не проси». И это тоже

правильно: с волками жить – по-волчьи выть. Да, может быть, придёт ещё время, и я обращусь к Богу с повинной, и Он наверняка простит, но это будет только после того, как я перестану казнить себя за несусветную свою глупость и, как ни прискорбно признаваться, за неуёмную свою жадность. А она, как известно, губит фрайера, и не только его. Кто знает, как теперь повернётся колесо фортуны и каким боком оно проедет лично по мне».

Надо сказать, что со временем размышлениям такого рода он предавался всё реже, а если когда и вспоминал Лакиса, то с неизменной печалью признавался, что, нет, мол, не понять мне, как можно в этих условиях говорить о Боге, если даже простое упоминание о Нём опасно. И опасность эта исходит не столько от надзорной власти, сколько от самих зэков: узнают, что ты верующий, – заключают!

В обстановке нетерпимости, вражды и ненависти друг к другу подобное предположение не было лишено оснований, постепенно переросло в уверенность и стало убеждением. На это и заточена вся тюремная система!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Ну-ка, братва, кто знает, что надо сказать? – с довольной улыбкой спросил Блинов, обращаясь к таким же, как и он сам, трём расконвойникам, занятым на МТС, и протянул руку к выключателю: – Ну! Да-а-а...

– Да будет свет! – дружно гаркнули те и весело рассмеялись, увидев вспыхнувшие лампочки.

– Ну ты настоящий спец, Лёха.

– Молоток, одно слово!

– Дело мастера боится.

Вышли из цеха. Парфёныч, самый старый зэк в зоне и по возрасту, и по сроку отсидки, пожал ему руку:

– Спасибо, что пришёл, не поленился. Другой на твоём месте и ухом бы не повёл. Думками-то, небось, уже дома, а Лёша?

– Я загадывать не люблю, Парфёныч, – нахмурился тот. – «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь» – это ведь как раз к месту. Я на всякий случай подумываю, как бы не добавили срок. В нашей-то шкуре всё может измениться в любую сторону, сам знаешь.

– Да уж это так, это ты прав, – подтвердил старик. – Но думаю, что Буба по-пустому бы не впрягся. Не-е, выгорит ваше дело, выгорит, как пить дать.

В это время во двор буквально влетел бензовоз и, лихо крутнувшись, затормозил прямо около них.

– Лёха, – приоткрыл дверцу шофёр, – кончай ночевать. Бубен велел сказать, чтобы ты ноги в руки – и к нему. Там, говорят, ваши бумаги пришли.

– Во, видал! – усмехнулся Парфёныч. – Лёгко на помине. Стало быть, угадал я.

– Так пришли или говорят? – пытаюсь скрыть волнение, как можно спокойнее осведомился Блинов.

– Там узнаешь. Если хочешь, я подброшу. Вот только Котова заберу. Не видели сержанта?

– Да тут всё мельтешил, а только что в отделение подался.

– Вот и хорошо. Я аккурат там технику заправлю – и назад. Жди, Лёха.

– Ну уж нет, пока ты всех заправишь, я уже два раза обернусь.

– Правильно, торопись, Лёша, – потрепал его по плечу Парфёныч. – И мы не будем тебя задерживать. Бывай здоров!

– И вам не кашлять, – улыбнулся Алексей и подхватил свой сундучок. – Пока.

Путь от ворот колонии до фермы лежит по объездной дороге через довольно большой посёлок, но если торопишься, то можно у его начала свернуть и пройти болотистым полем. Но тут как: пройти-то пройдёшь и время выиграешь, однако рискуешь при этом оступиться в зловонную жижу, и сильно навредить той обуви, что у тебя на ногах. Однако это, опять же, если не знаком с местностью, а бывалому тут каждая кочка в помощь. Именно этот путь исхожен Блиновым ни много ни мало за полгода после того, как сменил руль лесовоза на эту выгодную во всех отношениях должность электрика. Ну так уж повезло, и вот теперь, отбив в лагере три с половиной года, то есть, больше половины срока, со дня на день ждал решения по УДО. Ни для кого в лагере не было секретом, что его прошение на досрочку ушло «прицепом» с документами Васьки Бубнова по кличке «Буба» или «Бубен», от которого начальство вроде бы решило избавиться, пока он не окоchuрился прямо в зоне. По-хорошему-то, его, мол, давно надо было комиссовать, да кто ж в колонии об этом

хорошем может иметь понятие: ходит же зэк на своих двоих, вот и пусть ходит. Ну и что, что на ладан дышит? Да ты отпусти одного такого болезного, так от этих туберкулёзников – а их, считай, треть колонии! – и не отобьёшься. Но после визита врача из центра и его мудрёного (не выговорить) диагноза, больше похожего на приговор – вот-вот, мол, зэк «сыграет в ящик», – скоренько предложили Ваське подать на УДО, да ещё и с провожатым начальство подсуетилось. Очень кстати оказалось, что и корешу его, Блинову, время досрочного подоспело.

Конечно, в такие байки никто не верит, да и нужны-то они лишь на случай проверки. Вот проверяющие – да, те охотно верят. Особенно после подношения со стороны начальства. Такое уж настало время, которое позже будут называть не иначе, как «лихие девяностые». Дело в том, что если развал экономики в стране только начинался, то в системе лагерей развал этот уже шёл полным ходом. Нечем было платить ни надзирателям, ни другим сотрудникам, и они выживали теперь за счёт того, что за определённую мзду поставляли зэкам запрещённые к передачам товары: сигареты, водку, наркоту. Не отставали и начальнички, если не сказать, что, как им и положено, шли впереди. Да и задачи решали не чета рядовым вертухаям: глобальные, прямо скажем, задачи. Например, всюю при-торговывали условно-досрочным освобождением и даже – виданное ли дело! – предоставляли зэкам отпуска?! Все прекрасно знали, что как УДО, так и отпуск, и комиссация доступны лишь тем, у кого есть деньги. Большие деньги. Которые есть далеко не у каждого зэка. У Бубнова они были. И надо быть совсем уж наивным, чтобы поверить, что смертельный диагноз ему был поставлен без всякого «подогрева». Надо же: не было, не было туберкулёза – и сразу в опасной форме! Истины ради нужно сказать, что здоровье его действительно было подорвано, но не тяжё-

лыми условиями или работой, – как глубоко порядочный шулер он не работал, – а наркотой. Да ещё сказывались последствия «тёмной», которую ему устроили партнёры по картам: выяснили задним числом, что жульничал Васька, играя «коцаными стирами». Причём метил он даже новую колоду уже во время игры своими острыми ногтями, что говорило о высшей его квалификации шулера. Ну, а продал его цыган и тёзка Васька Бром, долгое время бывший его партнёром. За хорошие бабки продал. Сильно нуждался он в них, выходя на волю, а напарник денег не дал: пожалел напарник. Вот и купили цыгана. И однажды после отбоя заманили Бубу вроде как на очередную игру в промзону да там и подловили на шулерстве. Живым оттуда он вышел лишь благодаря Блинову, случайно оказавшемуся в промке (заканчивал менять проводку в столярке). Алексей и отбил его, сильно потрепав при этом четверых осатаневших урок из группировки Мозолевского (Мозоля), и едва живого доставил в санчасть. Собственно, там, после починки рёбер, пришла Бубнову идея комиссоваться и, несмотря на то, что вроде бы произошло примирение с Мозолём и его «бойцами», заторопился он на волю. То ли не сильно верил в мирные заверения бывших партнёров, то ли, и правда, вспомнил о матери-старушке, как признавался вслух и всем, но ещё будучи в санчасти запустил он процедуру освобождения: денег не жалел, «купил» кого надо (читай: от санитара до начальника) – и вот он, спасительный... пардон, смертельный диагноз. Не забыл и про Алексея, которого после своего спасения всячески старался отблагодарить, да только случая достойного не представлялось. Так что эта затея с комиссацией оказалась как нельзя кстати. В общем, когда Бубе вместо неё предложили досрочное освобождение (кому же хочется делиться с проверяющими и так-то не очень обильными доходами?), он, не будь дурак, тут же выставил условие:

дескать, знаю, с чего ваша доброта, и согласный я вас выручить, только ведь хочется мне до дома дотянуть, а я к дороге совсем негодный. Поэтому дайте, мол, провожатого, и не абы кого, а Блинова. С ним оно как-то надёжнее, да и вам без забот, поскольку срок-то у него аккурат подгадывает под УДО.

Тем самым убил Васька сразу двух зайцев: и спасителя своего смог достойно отблагодарить, и надёжного спутника в нём приобрёл, накрепко привязав к себе (во всяком случае так ему казалось). Ну, а с этим парнем ему никакая банда не страшна.

Чего же так боялся Бубнов в предстоящей дороге? Да того же, что и в зоне. Он ни минуты не сомневался, что за воротами колонии его будут поджидать отморозки Мозоля. Сам местный, из посёлка Железнодорожный, этот хлюст, схлопотавший три года за разбой, пользовался в колонии неограниченной свободой и даже не каждую ночь проводил в бараке. А уж днями-то – тем более. Бывало, с самого утра у ворот его поджидали двое-трое угрюмых «качков» на машинах, и он исчезал по меньшей мере до вечера. Официально эти крутые ребята числились рабочими в принадлежавшем Мозолю кооперативе по заготовке и отправке леса, но славу эти молодцы снискали совсем по другим делам. Недобрую, прямо скажем, славу.

Основав со товарищи первый в районе кооператив по заготовке леса и его последующей отправке в разные концы Союза, Ян Мозолевский первым делом занялся обыкновенным разбоем: по ночам, а то и средь бела дня его парни уводили из других районов оставленную без присмотра лесную технику и, сменив номера (и ничего больше!), ставили на учёт в своём районе. А то и вовсе не ставили: дескать, тайга большая, отыскать в ней машину – всё равно, что найти иголку в стогу сена. Да и не каждый осмелится сунуться на деляны Мозоля, учитывая

не только криминальный состав его кооператива, а ещё и тот факт, что орудуют они под крышей милиции. Но так уж устроен человек, что, не встречая должного сопротивления, теряет он берега, и приходит уверенность, что всё дозволено, всё сойдёт с рук. Так и Мозоль потерял ориентир, и однажды на спор сам (по пьяной лавочке, разумеется, голимым днём) попытался угнать КамАЗ прямо из гаража леспромхоза. На его беду и несмотря на воскресенье, случился там быть шофёр этой машины, Сергей Стоцкий, который аккурат был на проходной у своего отца-вахтёра. Он-то и выбежал, махая руками, и кинулся было затворить ворота, но не успел: вошедший в раж Ян даже не притормозил и сбил его, зацепив бампером. Однако и сам при этом не успел вывернуть, налетел на стоявшие уже за воротами бетонные блоки и, если до этого что-то соображал, то дальше – полный провал. Кроме ушиба грудной клетки, у него была сломана нога.

К счастью, Сергей после многочисленных операций всё-таки выжил, и ушёл работать в лесники. К счастью, в том числе и для Мозоля, ибо в противном случае он не отделался бы приговором в три года колонии. Но имей он и другую, более суровую статью и срок, проблем со свободой передвижения у него всё равно бы не возникло, потому что сильно помогал начальству колонии сбывать целыми вагонами неучтённый лес в южные республики Союза. Через его кооператив, разумеется. Он, конечно, не афишировал тесную связь с начальством, и хоть всем и так всё было ясно, но в зоне (да и вне её) безопаснее было не видеть этого: ну, «нема дураков» на этот счёт потому что. Понятно, что связываться ни с Яном, ни с его отморозками никто не горел желанием.

Оттого и был так осторожен Васька Бубнов. Оттого-то и стремился заручиться поддержкой Блинова, парня, которого явно побаивались и Мозоль, и его «бойцы».

Догадывался ли Алексей о предназначавшейся ему роли охранника шулера? Конечно. Да и сам Васька, уже достаточно изучив его, не скрыл, что риск будет, но если, мол, доставишь меня живым к матери-старушке, то и не пожалеешь. Буба-де умеет быть благодарным, и ты увидишь это и оценишь.

Он мог и не обещать, потому что жажда обрести свободу была превыше всякого другого желания; пронзительная, шемящая душу тоска по воле доводила Алексея до полного отчаяния и стала уже наваждением. Не раз и не два он готов был свести счёты с жизнью, однако не хватало решимости. Видимо, на этот счёт можно отнести и эту его стычку с кодлой Мозоля, и прежние, которых было в достатке, где в одиночку выяснял отношения с какой-нибудь группой экков: дескать, убьют, так всё не самому наложить на себя руки. Но какая-то неведомая сила отводила от него беду. Поэтому, едва заслышав от Бубнова вариант его свободы, согласился, не раздумывая. Шутка ли – нежданно-негаданно ухватить удачу за хвост! Только потом стали одолевать сомнения: нарушений-то режима у него воз и маленькая тележка! И вот это «а вдруг да не выйдет ничего из этой затеи» – тяжким бременем легло на сердце. Хотя Буба и уверял, что проблем не будет (дескать, местный судья уже «взял на лапу» через начальника), а закрадывалось сомнение и насчёт самого суда, что будет ли он вообще. Втайне даже завидовал Ваське, который не терял оптимизма и всячески ободрял его.

Вот и конец августа близко (а кажется, прошёл уже год), дни бегут за днями, а воз и ныне там. Нет как нет решения. Прошло, улеглось волнение, сопровождавшее Блинова постоянно, поэтому не сразу осознал сегодняшнее известие, а осознав, постарался не выдать ликующего чувства. Лишь покинув ферму, не удержался и вприпрыжку помчался по дороге, раздумав идти по болоту.

Какое болото, когда от радости не видишь, что у тебя под ногами! В таком возбуждении недолго и оступиться. И потом, может, действительно бензовоз догонит. Всё же топать-то около пяти км.

Но тот, видать, не слишком торопился, и вот уже за очередным поворотом вдали показался посёлок. Тут дорога нырнула в распадок, ложбинка которого вела к местной речке, и в самом его низу Алексей увидел старенький «жигулёнок» с поднятым капотом и стоявшего рядом на коленях водителя: тот будто высматривал что-то под машиной. Вот мужик встал и застыл в стандартной позе глубокого раздумья, то бишь, упокоив руку на макушке. По мере приближения стала видна и его виноватая улыбка; и в этом виноватом взгляде тайная надежда на помощь. Худошавый, среднего роста, на вид ему было лет за сорок, одет в ладно подогнанный, аккуратный чёрный костюм, с выпущенным поверх воротником белой рубашки.

«Водила-лапоть, – мгновенно оценил Алексей, и как ни торопился, а невольно замедлил шаги. – Рулить научился – и сразу в поход».

Расконвойнику запрещено вступать в беседу с гражданскими лицами, и, пройди он мимо, никто, в том числе и этот горе-водитель, не упрекнул бы его в бездушии или отсутствии совести. Но, во-первых, здесь и сейчас этот устав не действовал так строго, а во-вторых, – ах, уж эта беспомощная, виноватая улыбка. Что-то такое было в ней, что так и подталкивало к оказанию помощи. И Блинов, шофёр с огромным опытом, не прошёл мимо, поприветствовав его кивком головы.

– Что там у тебя? – спросил так обыденно, как спрашивают о здоровье, о делах.

– Да вот, заглох, – пожаловался мужик и махнул рукой в сторону речки. – Пацан мой захотел искупаться, я и остановился. И ведь вполне нормально мотор работал,

а теперь, как ни пытаюсь завести, – тишина. Да ладно хоть успел в этой колонии друга своего посетить, – продолжал словоохотливый водитель. – Нынче посвободнее со свиданиями стало, не то что в моё время.

– Сам, значит, сиживал?

– Было дело. Только тогда строго было с этим.

– Нынче за бабки всё можно, – не очень приветливо отозвался Блинов.

– Нет-нет, у нас это не за деньги, – поспешил оправдаться водитель, уловив холодок в его голосе, и быстро перевёл разговор: – А вы... это... на расконвойке или вольный?

– Пока что расконвойник, – тут же подобрел Алексей. – А завтра, может статься, и на волю. УДО мне подоспело; вот бегу, спешу, чтобы убедиться.

– Ну-у, поздравляю, – искренне порадовался мужчина.

– Тогда вам не до моих проблем. Или посмотрите?

– Попробую.

Алексей поставил балетку, скинул на неё куртку и закатал рукава рубашки.

– Что ж по заброшенной-то дороге поехал, когда рядом вон новую проложили? – спросил, склонившись вместе с водителем над движком. – Тут, считай, больше одной-двух машин в день и не бывает, а там – движение!

– Теперь-то и я это понял, но уж как получилось, так и получилось.

– Тоже верно. Что было, то по-другому уже не станет. Бензин-то ещё есть?

– Есть-есть, больше полбака. Километров сто только и проехал после заправки.

– А как давно заглох?

– Да с полчаса, пожалуй. Сынок уж с речки прибегал один раз, видит, что не заводится, и снова туда. Мёдом не корми пацана, только дай искупаться. В общем-то, ещё и из-за него

здесь поехал, и вот такая беда. Сам-то я слабоват по части техники, дуб дубом, можно сказать... – И дружески протянул руку: – Мартин. Мартин Зайлер.

– Алексей, – коротко представился и Блинов. – Извиняй, фамилии у нас не в чести, одни клички. Да тебе это и ни к чему. Так что просто – Лёша.

Внимательно обследовав мотор, он добродушно хмыкнул и выпрямился:

– Ну, кажется, понятно, где собака зарыта. Так говоришь, «дуб дубом»? Ничего-ничего, Мартин, не так-то и плохи твои дела, раз не теряешь чувства юмора. А техника, что? Ещё научишься, какие твои годы.

– Если рождён быть дубом, то машина – всё равно, что китайская грамота, – пессимистично объявил Мартин. – Впрочем, век живи – век учись.

– Так и я о том же! – Алексей опустил капот. – Ну что, давай, пробуй!

– Ты гляди-и, с полуоборота, – не скрывая восхищения, зацокал языком Зайлер, вылез из кабины и сунул руку в карман пиджака. – Могу я как-то отблагодарить?

– Об этом забыли, рад был помочь, – отмахнулся Блинов и указал на бежавшего нагишом от речки парнишку лет шести-семи с одежкой в руках. – А вон, стало быть, и есть твой пловец?

– Он самый. Глебушек-хлебушек, – широко улыбнулся Зайлер, не заметив, как вздрогнул при этом и застыл изваянием собеседник. Произнесённое имя мальчика будто молнией поразило его.

– Завелась! – радостно выкрикнул на бегу оголец и тут же замедлил шаги, обнаружив чужого человека. Потом и вовсе остановился и стал поспешно одеваться.

– Давай-давай, скорее, сынок, пока снова не заглохла, – подбодрил Мартин и, когда он подошёл, прижал его к себе. – Ух, да ты ж мокренький! Ну-ка переоденься

быстро в сухое, там в машине. Да не стесняйся, как раз этот человек и выручил нас. Так я говорю? – взглянул он на Алексея и поразился перемене, что произошла с ним. – С тобой что-то не так? Тебе плохо?

Только что радостный, даже восторженный, тот стоял теперь в состоянии полного ступора: бледный, с плотно сжатыми губами, судорожно сглатывая, он будто сдерживал рвущийся наружу крик. Над переносицей довольно резко обозначились две глубокие борозды. Оголец, как две капли воды, был похож на Риту. Это был его сын, тот, которого он пытался представить в своих бесконечных, бесплодных мечтах, надежду на встречу с которым лелеял в своём сердце. И вот он был... И – его не было. Он был сыном другого, вот этого человека, которому он помог завести машину.

Мартин осторожно тронул его за плечо:

– Слышь, Алексей!

– Что? – опомнился Блинов. – А, нет-нет, всё ладом, – сказал прерывающимся голосом и, постучав по левой стороне груди, попытался улыбнуться. Улыбка вышла очень жалкой. – Барахлит иногда, – пояснил тихо. – Ни с того ни с сего вдруг – р-раз! Но тут же и отпустит. – И, без всякой связи с предыдущим: – Так тебя Глебом зовут?

Мальчишка мелко-мелко закивал, взглянул на Мартина и зачем-то добавил:

– А маму мою зовут Маргаритой. Мы в Германии живём.

Если до этого ещё могли быть сомнения, то теперь растворились и они.

– Да, мы там живём, – между тем подтвердил словоохотливый Мартин. – Но сам я родом из этих краёв, вот и привёз их с бабушкой посмотреть, пока мать его в Турцию поехала. Бабушку под Омском у родни оставили погостить, а сами с Глебом на пару деньков сюда, в тайге понежиться. Для меня ведь милее этих краёв

не было и нету. Ну, а завтра к вечеру вернёмся за бабушкой, и уже на следующий день из Омска самолётом обратно в Германию. Так что весь отпуск получился на колёсах, но не жалею. Главное, навестил дорогих друзей да надышался родным воздухом. Глебу вон тоже здесь понравилось. Тут ему и лес, и речка, и...

– Дядя, а ты кто? – перебил мальчик. Всё это время он не сводил глаз с Блинова и слов Мартина, похоже, не слышал.

Алексей интуитивно потянулся рукой, словно хотел погладить его, но в последний момент опустил её.

– Тебе лучше не знать таких людей, Глеб, – произнёс глухо и через паузу добавил: – Ничего хорошего от знакомства с ними ждать не приходится. Ни-че-го.

– Ты не прав, Алексей, – мягко возразил Мартин. – Все люди – дети Божьи, и надо не только знать обо всех, но и любить их. Так завещал Христос. Правда, сынок?

Мальчик молча кивнул.

– Ты подойди, подойди к дяде. Поблагодари его за помощь, – легонько подтолкнул его Мартин. – Если бы не он, кто знает, сколько бы мы тут ещё куковали.

Глеб несмело шагнул к Алексею, но тот опередил его,

– Не за что, не за что благодарить, – будто защищаясь, поднял он руку и пробормотал скороговоркой: – Лучше прими-ка от меня подарок.

С этими словами он раскрыл балетку, и из бокового отсека извлёк красиво расписанную золотым по светло-коричневому свирель.

– Вот, это тебе на память. Здешний наш умелец сделал и мне подарил. Хобби у него такое. Нравится?

– Да! – так и подался вперёд мальчуган.

– Какая прелесть! – не удержался от восклицания и Мартин. – Глебушка, да ведь как раз такую ты так хотел найти.

– Попробуй, как она поёт, – предложил Алексей. – Бери, бери, она твоя.

Мальчик бережно принял дар. Глаза его блеснули от восторга... и от недоумения.

– Как ты... как вы узнали, что я умею на ней играть?

– Секрет фирмы, – грустно пошутил Блинов. – Да ты пробуй, пробуй.

Глеб приладил дудочку к губам и сначала извлёк из неё несколько отрывистых звуков по отдельности, а затем полилась вдруг переливами чистая, нежная мелодия. Чтобы скрыть непрошенные слёзы, Алексей поспешно склонился над балеткой и сделал вид, будто перебирает инструмент в поисках чего-то ещё. И во второй раз оцепенел, учув приторно-дурманящий запах. Осторожно приподнял лист наждачной бумаги, и мелкими мурашками пополз по спине страх, и липкий пот проступил по всему телу: под наждачкой лежал лоскут тёмнозелёной мешковины. Гадать, что в ней завернуто, не было нужды: в таких тряпицах обычно проносят анашу. Всё же чуть развернул и обнаружил ещё и два аккуратных белых пакетика. Крэк! Кто подбросил этот, как минимум трояк к его сроку? И молнией догадка: конвоир, который зачем-то крутился на ферме! Улучил миг, когда Алексей закончил работу и, сложив инструмент, пошёл к рубильнику. Недаром же слинял так быстро. Злость, горечь, ненависть, жажда мести – всё это вместе в одно мгновение вытеснило сентиментальный порыв души, как от мелодии, так и от столь желанной встречи, которой грезил все эти годы. Времени на раздумья не оставалось. Раз подбросили значит есть установка на шмон, и накрыть могут в любой момент. И вырвалось из груди невольным стоном:

– Как же так?

– Что? Что? – с участием воскликнул Мартин, а Глеб перестал играть.

– Забылся я с вами, Мартин, а за опоздание могу в ШИЗО угодить, – вымучил улыбку Алексей. – Жалко, недослушал

твою песню, Глебушка. А так хотелось. – И упредил: – Нет, подвозить меня не стоит, Мартин. Надеюсь, знаешь, почему?

– Понимаю, понимаю, – вздохнул тот. – Ладно, может быть, ещё свидимся.

Пожав ему руку, Алексей присел около мальчика:

– Ну, прощай, музыкант. И пусть в твоей жизни звучат только весёлые мелодии.

Он порывисто обнял Глеба, захлопнул балетку и зашагал по крутому подъёму, поминутно оглядываясь. И не только на них, как мы понимаем. Они же так и махали вслед, пока он не скрылся на верху распадка. Там он сразу свернул к болоту и, оглядевшись, спрятал опасную находку у первого же приметного ерника за зарослями осоки и камыша. Ещё раз огляделся, вернулся на дорогу и медленно побрёл по ней. От пережитого волнения знакомо ломило в затылке, но сам страх немного поутих; Алексей мало-помалу успокоился и обрёл способность размышлять.

Да, ещё от силы час – и всё станет на свои места. Шмон расковойника при возвращении в зону – дело не только обычное, но и обязательное. Однако для него это давно уже свелось к привычной схеме проверки: он раскрывал балетку, и охранники, даже не взглянув в неё, махали рукой: иди, мол. Тщательно – так, чтобы рыться в одежде там или в обуви – его никто не обыскивал. И если произойдёт сейчас – это будет означать только то, что «травку» ему подбросили не для того, чтобы он пронёс её в зону, а чтобы из зоны этой он уже не вышел. Во всяком случае в обозримом будущем. Тогда будет ясно, что это сделал сержант Котов. Но с этим конвоиром у него сложились нормальные отношения: Алексей даже бывал у него на квартире, менял старую проводку. Тогда кто? Зэки? Парфёныч? Но им-то какая выгода от того, что ему прибавят срок? Не-ет, им-то – если это они – как раз и нужно, чтобы он пронёс. Такой оковалок «дури», не

считая уже крэка, стоит огромных денег. Ну, а уж потом-то нашли бы способ как забрать её у него. Ну да, если бы только он пронёс. А если нет? Вновь перехватило дыхание, и он даже остановился от внезапно возникшей мысли.

«А ведь я не сунулся бы в балетку, если бы не встретил этого... как его... – ни имени, ни фамилии, как ни силился, не мог вспомнить. – Этого водили с моим Глебом. С моим сыночком. Вот тогда мне неважно было бы, кто подложил... – И содрогнулся всем телом: – О Господи! Что? Да, именно: Отец Небесный! Сколько лет бегу от Тебя, но Ты не бросаешь меня. Иначе, Кто же отвёл беду и на этот раз! Кто послал мне моего ребёнка? Да, Глеб не знает, что я его отец, но он уже спас меня, а значит, это угодно Тебе. Ведь не зря мне эта выстраданная, но до конца так и не договорённая встреча. Ах, как хочется, чтобы случилось невероятное! Чтобы у Глебушки не было другого отца. Только я. Никого, кроме меня. Помоги ещё раз встретить его и Риту. Помилуй, Господи!» Он не замечал, что невольные слёзы увлажнили глаза. Лёгким туманом застилая дорогу, они в то же время освобождали душу от тяготившего её груза вины, вкладывая взамен надежду, даже какую-то осязаемую уверенность, что так и будет.

Он так углубился в размышления, что услышал бензовоз, лишь когда тот, скрипнув тормозами, остановился и сидевший в кабине Котов приоткрыл дверцу.

– Ну, ты что-то совсем не торопишься, – окликнул вроде и приветливо, но с беспокойно бегающими глазками. Алексей не мог не заметить это, и волнение вновь охватило его. – Другой бы на твоём месте прытче шагал, – продолжал надзиратель. – Давай сюда твой ящик, а сам на подножку. Давай, давай, а то я спешу.

Стараясь не выдать волнения, Блинов подал балетку и, встав на подножку, с наигранным весельем выкрикнул: – Тогда жми, Сеня, с ветерком чтобы.

У открытых ворот колонии машина остановилась и среди столпившихся по ту сторону зэков он увидел Бубнова. Тот нетерпеливо помахав кепкой, что-то прокричал.

– Где ты там застрял? – всё, что смог разобрать Алексей и почувствовал себя немного увереннее. Васька здесь, значит, его при любом раскладе сразу не заметут. И махнул ему в ответ, что, мол, всё ладом.

На проходной, похоже, его ждали, потому что в дежурке, кроме солдата, были ещё сержант Клюев и начальник отряда (отрядник). Алексей, как всегда, приоткрыл балетку и бодро шагнул к выходу в зону, но Клюев загородил путь, с усмешкой расставив руки:

– Стой, Блин, не торопись. Мы решили напослед поглядеть, что там у тебя в сундуке. – И подтолкнул его в дежурку. – Выкладывай-ка всё, что есть.

– Да, пожалуйста, – с готовностью раскрыл Алексей балетку и спросил как можно радостнее: – А чё, Микола, и правда, напослед? Ну, если под чистую, то с меня причитается за хорошую весть.

– Причитается, причитается, а как же, – в тон ему бормотал Николай, осторожно выкладывая инструменты. Но по мере опустения чемоданчика лицо его вытягивалось и обретало всё более злое выражение.

– Где это? – впился он глазами в зэка, прибавив многоэтажный мат. – Куда дел?

Такое обращение всегда вызывало у Алексея насмешливую реакцию, тем более сейчас, когда его ни в чём нельзя было уличить. К тому же это была столь неприкрытая провокация, что поняли это все её участники.

– О чём ты? – усмехнулся он. – Подскажи.

– Тута должен быть... – Охранник запнулся. Понял, что выдаёт себя с головой.

– Ну-ну, рожай! Что там было?

Голос принадлежал незаметно вошедшему капитану Рогову, замначальника охраны колонии. Это был, пожалуй, единственный офицер, которого уважали все зэки. Чего нельзя сказать о его подчинённых. Вот и сейчас все трое как-то смешались, запереглядывались. А Алексей, увидев его, даже вздохнул свободнее.

– Я жду, – повторил капитан.

– Котов! – вместо ответа крикнул сержант. – Чё молчишь? Объясни, чё почём.

– Сигнал был, товарищ капитан, – красный от испуга кинулся тот к Алексею. – Нужно тщательно обыскать заключённого. Шас я...

И, не дожидаясь разрешения, принялся обшаривать насмешливо взиравшего на него зэка. Через мгновение к обыску присоединился и Клюев, и заставил его разуться и спустить штаны.

– Ничего, – растерянно констатировал наконец Котов. – Может быть, клизму ему и на решётку?

– Я тебе самому клизму вставлю, – зычно встрял в разборки молчавший до этого отрядник и, нарушая субординацию, то есть, не спрашивая капитана (явно спасал свою опростоволосившуюся команду), кивнул Алексею: – Дуй, давай, в канцелярию, сдавай дела. А вы оба, – обвёл суровым взглядом притихших сержантов, – сейчас же в штаб. – И, как бы извиняясь, к Рогову: – Не беспокойтесь, товарищ капитан, разберёмся.

– Да уж разберитесь, – насмешливо проворчал тот. – Это ведь, как я понял, был не обычный обыск, а по наводке? Выходит, сигнал был, а результата нет? Кто же вас так подставил? Кому сигнал был?

– Именно это и буду выяснять.

– Вот-вот. Выясните и доложите.

Глава 2

За проходной к Алексею тут же кинулся Бубнов, схватил за локоть и поташил к штабному бараку.

– Я как увидел, что тебя тормознули, так сразу Рогова подключил, – зачастил, сопровождая нарочито гнусавую речь расхлябанными движениями: – Дескать, беспредел творится в отношении почти что освобождённого зэка. Ну, он сразу понял, что тебя на что-то развести хотят, – и туда. Разберусь, мол. Мужик мазёвый, не то, что эти продажные твари. Так что там было?

– Да шмон обыкновенный, – отмахнулся Алексей. Открываться даже Бубнову не входило в его планы. «Если тайну знают двое – это уже не тайна». Этой поговорке он следовал неукоснительно все годы заключения. – Только вот в чём дело, братан: они что-то определённо должны были найти в балетке, чуешь? Клюев проболтался.

– А что, не сказал? – насторожился Васька.

– Не-а. Но видел бы ты его рожу, – усмехнулся Алексей, и изобразил растерявшегося охранника: – «Тута должен быть, тута...»

– Так я и думал, – зло сплюнул Васька. – Выходит, что-то у них не сработало, а, Лёха? То ли подбросить не успели, то ли... а-а, чёрт, чего гадать, сами расколются. Хотя нам теперь это и ни к чему. День-два, от силы три, и нас уже здесь не будет. Да не тарашь zenки, я уже всё обстряпал. Даже электрика тебе на замену подыскали, осталось сдать ему инструмент да посвятить в свои дела. Ну ещё в канцелярии расписаться за бабки, но это ты и сам осилишь. Кстати, у тебя там неплохо набежало за ударный труд на благо отчизны. Иди прямо сейчас, распишись, но бабки получишь при выходе из зоны – так оно надёжнее. В бараке будет тише тихого, а вот на воле придётся смотреть

в оба. – И упредил вопросы: – Да-да, сорока на хвосте принесла, что ждут не дождутся братки посчитаться со мной. Короче, маляву об этом перехватил один мой надёжный вертухай. Ты как, не передумал ещё насчёт нашего договора? – пылливо уставился на Алексея и тут же поднял руки кверху: – Молчу, молчу, Лёха. – И вдруг признался с какой-то необычной для него грустинкой в голосе: – Вот ведь и знаю, что не кинешь, а свербит что-то внутри. Как говорит твой друган-богомолец, «душа не на месте». Честно признаться, слушаю его с открытым ртом. Очень занятно лапшу вешает на уши, очень.

– Вайс? – от удивления Алексей даже приостановился. – Вот это огорошил ты меня, так огорошил! Ты это об Иване?!

– Да о ком же больше? Один он здесь такой бесшабашный: веру свою не прячет, как другие, а за это и уважить не грех. Да, слушаю другой раз для настроения. Но чуть что, сразу его на место ставлю. Недавно вот заливал, что деньги, да вообще богатство – это зло. Ну, я ему в ответку, что зло-то, мол, оно зло, но жизнь без них – сплошное дерьмо. Нету без них жизни. А он хитро так подначивает: дескать, как же ты можешь это знать, если хвалишься, что без них никогда не жил? Надо же, думаю, как подловил меня на брехне: я ведь, и правда, так хвалился. Да ладно, говорю, может быть, и не знаю, но ты покажи мне хоть одного человека, который бы отказался от богатства. Есть, мол, такой в твоей Библии? И он тут айда-пошёл плести кружева про какого-то чудика, который раздал за бесплатно половину своего состояния и только тогда, мол, обрёл истинное счастье в жизни. Короче, недослушал я. Сам, говорю, приврать люблю, но от такой брехни даже у меня уши завяли.

– Это он тебе про Закхея рассказал, – улыбнулся Алексей. – Про мытаря.

– Во, точно! – обрадовался Бубнов и тут же в мгновенно возникшем подозрении взглянул на друга: – Не, а чё, Лёха, правда, такой был, что ли?

– Кто знает, может, и был, – равнодушно пожал тот плечами. – Во всяком случае в Евангелии про него так написано.

– А, написано, – отмахнулся Васька. – На наших плакатах тоже много чего написано. Вон, читай на штабном бараче: «Наш народ – наше богатство». Уже выцвело всё, а висит. И что? Где тут правда?

– Вот и спросил бы Ивана.

– Да ну его, не до сказок нам сейчас. Кстати, часа два назад его в ШИЗО определили. Умора, слушай. Один начальник свиданку даёт, а другой сразу же после свидания арестовывает. То ли не договорились меж собой, то ли не поделили чего, а мужик отдувайся. И за что про что он схлопотал от отрядника, догадайся попробуй.

– А чего тут гадать? – грустно вздохнул Алексей. – Всё за то же.

– Ну? И за что?

– Чтобы не искал слушателей вроде тебя, да меньше им о Боге поминал. Они после этого о правде начинают много понимать. Сколько ни уговаривал его не лезть со своим уставом в чужой монастырь, а всё ему неймётся.

– Ну, это его воз, ему и везти. А ты, я вижу, хоть и откачнулся от Ивана, всё так же жалеешь его?

– Жалко, конечно, но что с того толку? Помочь ничем не могу. Здоровье-то у него уже далеко не железное.

– Да какое там железное? – согласился Васька. – Как у всех доходят тут.

– Видать, решили всё же замордовать его. Вот жестокие нелюди! – Алексей зло сплюнул: – То ли, и правда, рассчитывают, что он в итоге копыта откинёт. Слышал я о таком для него раскладе.

– Ну-у, распереживался. Ладно, так и быть, что-нибудь для него придумаю. Тут как раз кое-что на ум пало. Задумка одна хитрая. Но выполняемая. Только ты теперь больше о себе, то есть, о нас думай. И это... если после отбоя меня не будет, не переживай; всё в полном ажуре. – Буба поднял голову и артистично закатил глаза: – К высоко-окому человечку в гости пригласили.

– На небеси, что ли? – в первый раз за день от души рассмеялся Алексей.

– Не-е, уж куда-куда, а в те места мне дорога заказана, – отмахнулся Васька и хитро подмигнул: – Но начальнички будут такие, что другой раз попасть на небеси легче, чем к ним. Потом расскажу, зачем я им понадобился. Не поверишь! Ну, пошёл я.

– Ага. Давай, Вася.

На этот раз он с особым чувством торопил время к отбою, чтобы отключиться от суеты и в ночной тиши упорядочить мысли. Ну или хотя бы перестать травить душу так взбудоражившими её событиями и побыстрее забыться. Но отбой наступил, а не удалось ни то, ни другое. Сын, его родной сынишка, так и стоял перед глазами, и хоть видел его первый раз в жизни, но, кажется, именно таким всегда представлял. И нет-нет да и вскинется в радостном, но с оттенком горечи изумлении: ведь это надо же – вылитая Рита! Ни убавить, ни прибавить! И голос... Это был её голос, который он забыл за эти годы, но который прозвучал так до боли знакомо и отчётливо. Вот этот вскрик Глебки: «завелась!» – перевернул у него всё внутри! И звучал-то одно мгновение, а будто звонкий колокольчик синей птицей впорхнул в самое сердце и, отозвавшись в нём чудным нежным эхом, отлетел и смолк вдали. И подбрасывает зэка на шконке, ворочается он с боку на бок, накрывается подушкой и вцепляется в неё зубами, чтобы подавить стон: «Ах, если бы не эта под-

става с «травкой», быть может, я решился бы выяснить всё. Или не решился? – И сам себе признаётся, вынужден признаться: – Нет, не смог бы. Духу бы не хватило. Да и зачем? Зачем эта ясность мальчонке и вот этому его отцу: только затем, чтобы им всем стало так же больно, как и мне? Нет уж, – казнит он себя, – хотя бы здесь прояви себя, как мужчина: однажды предав Риту, предав подло и низко, не корчи из себя благородного рыцаря, обеспокоенного судьбой своего дитяти. Слишком запоздала твоя забота, Лёха Блинов, а потому не ломай ещё раз жизнь никому ненужным признанием. Никому: ни себе, ни им. У Глеба хороший, заботливый отец, и по всему видно, у них дружная семья. Вон и бабушку с собой привез, не посчитал за труд. А Риту как верную, любимую жену на отдых отправил. И что, вот так с бухты-баряхты явится неприкаянный зэк и объявит пацану, что это он... – Алексей аж приподнялся на шконке и обхватил руками голову: – Нет-нет, что было, то былём поросло. Некошеным былём. Нельзя его трогать – скашивать, ибо тут же увянет и засохнет. Как там говорит Иван: не перекладывай свои страдания на других...»

При мысли о Вайсе что-то ёкнуло внутри: Бог мой, да ведь он предсказал эту встречу ещё с год назад! Специально дожидался у барака и сообщил в такой ликующей радости (рот до ушей!), будто не Блинову – самому себе счастье пророчил.

– А ведь встретишь ты своего сына, Лёша, встретишь! И с Ритой увидишься! – выпалил восторженно и встряхнул за плечи насупившегося друга. – Да не хмурься ты. Сам Господь ответил мне на молитвы, а слово Бога никогда не бывает тщетным.

Алексей улыбнулся этому грустному воспоминанию.

«Добрый, честный, всегда искренний Вайс. Ах, как хотелось ему порадовать меня. И как бы я ни относился

к Богу, теперь понимаю, что спас я Ивана в том числе и для того, чтобы мне не оскотиниться тут совсем. Теперь – понимаю. А тогда? Тогда – нет. Тогда лишь гадал, как это могло произойти?»

И в памяти ярко, во всех деталях всплыл тот и в самом деле невероятный вечер.

* * *

Невероятный во всех отношениях. Начать хотя бы с того, что это был третий за смену рейс в первый день работы на хлыстовозе. До этого он больше года возил сортимент либо напрямую к вагонам, либо на строительство лежнёвки, и путь от верхнего склада до места назначения мог, как говорится, проделать с закрытыми глазами. Именно это и сыграло с ним в той последней ходке злую шутку: то есть, на развилке по инерции свернул с вывозки вправо, к лежнёвке, а не влево, к нижнему складу. Хватился, когда проехал уже метров триста. А для хлыстовоза больше и не надо, потому что задом не выедешь; тут и с сортиментом-то не сильно управишься, а с восемнадцатиметровыми хлыстами и думать не могли. Это означало, что придётся теперь гнать лишних двадцать км, так как малый радиус ближайших свороток на прежнюю дорогу не позволит «Уралу» вписаться в них. Да ещё и за такую задержку влетит по первое число. Вот ведь как бывает: два раза за день не сбился, а когда казалось, что обвык, – тут и подстерегла нелёгкая. Делать нечего, доехал до следующей развилки, где ещё раз вправо уходила дорога к лежнёвке, и хоть знакомы-перезнакомы эти места, а вылез из кабины, прошёл метров пятьдесят по лесу, как будто чудом объявится здесь какая-никакая площадка, чтобы развернуться. Да откуда ж ей взяться среди обступивших его исполинов – сосен да лиственниц. Сказочными великанами взмыли они ввысь так, что, кажется, кронами касаются неба, а понизу кустарник да

мохнатые ели частотой своей заслоняют солнце; едва-едва мельтешит оно сквозь их разлапистые ветви. И, раздосадованный, уже повернул к машине, как почувал вдруг каким-то шестым чувством, что не один он тут. То ли стон тихий послышался где-то рядом, то ли мох с тяжким вздохом под ногой просел, но невольно насторожился, заоглядывался. Вроде бы и нет никого и ничего, а не покидает чувство тревоги и, чуть помедлив, – не послышится ли вновь какой звук в этой мертвящей тишине, – шагнул к видневшемуся поодаль огромному муравейнику рядом с трухлявым пнём. Показалось, что именно оттуда донёлся повторный стон. В том, что это стон, уже не было сомнений, но пришло сомнение другого рода: «А мне это надо?»

Он ещё размышлял над возможными, прямо скажем, незавидными для него последствиями, а ноги уже сами несли на этот беспомощный зов. Вот он перешагнул через поваленный ствол и за него же придержался, потому что чуть не оступился в неприметный из-за довольно высокой сочной зелени неглубокий продольный буерак, на дне которого увидел хаотично наваленную горку из свежесломанных веток. И уже не сильно удивился, когда разглядел под ними чьи-то ноги. Всё так и есть: разборки зэков – не редкость для зоны, и не очень-то часто они заканчиваются миром. Если вообще когда им заканчиваются.

Легко спрыгнув в овражек, Алексей поспешно разбросал ветки и, увидев робу зэка, вздохнул с некоторым облегчением: во-первых, тот пошевелился, а во-вторых, обнаружить вольного или вертухая (а случается и такое!) было бы намного страшнее. Потом, попробуй докажи, что не ты сам его грохнул. Он сташил мешок с головы зэка, лежавшего вниз лицом со связанными на спине руками, и первое, что увидел, были слипшиеся от крови волосы на затылке. Засохшая кровь была и на одежде.

– Да, брат, здорово тебя отделали, – пришёлкнул Блинов языком, перевернул его и, закусив губу, невольно отшатнулся: с кляпом во рту на него смотрел бригадир лесорубов Иван Вайс, такой же, как и он, расконвойник. Человек, которого он особенно рад был бы спасти, но меньше всего хотел видеть в этой ситуации. Меньше всего, потому что старательно избегал более близкого знакомства с этим верующим ээком, хотя знал о нём, кажется, всё, что можно знать о человеке в неволе. Знал и уважал.

Судьба Вайса в чём-то была схожа с его, Блинова, судьбой. Старший прораб одной из ударных комсомольскихстроек Иван влип в историю с перерасходом стройматериалов, и его довольно быстро (и без всяких на то доказательств) осудили на восемь лет лишения свободы. То, что он стал «козлом отпущения» (как в своё время и Алексей), ни для кого не было секретом, но кого это волнует, если прораб тот – мало того, что верующий, так ещё и баптист. Членов суда больше интересовал вопрос, каким образом он вообще мог занимать такую должность? Ну так не иначе, как прикидывался овцой и обвёл вокруг пальца кристально честное, но непростительно доверчивое вышестоящее руководство. Да они, руководители эти, и сами признают: виноваты, мол, недоглядели. Как есть опростоволосились, пригрев оборотня на груди своей невинной. Так это опять же по простоте душевной. Тут и вывод сам собой напрашивается: если уж настолько пронирующий, что мудрую во всех отношениях партию смог провести, то чего уж говорить о каких-то хищениях. Пусть и в огромных размерах. Да это для него, что семечки шелкать! Хотели даже по телевизору показать процесс о лукавом верующем, но вовремя одумались. Ну потому что ни дворцов, ни дач загородных, ни вилл, – как пели тогда: «восемь комнат, не считая ванной», – не нашлось у осуждённого «нувориша». Ни даже мало-мальски стоящей сберкнижки.

Видимо, прав был дедушка Крылов, сказав однажды и на века, что ягнёнок был виноват лишь в том, что волку хотелось кушать. Вот в положении такого ягнёнка и представлялся Алексею Иван Вайс. Он и жалел его, и в то же время избегал общения, чтобы не бередить душу разговорами о Боге. Разве что мимоходом только перекинется иногда парой приветственных слов, а чтобы разговориться, так это не-ет. Не для того он на протяжении своего срока изо всех сил выкорчёвывал память о том коротком, но благословенном периоде, когда был с Господом, чтобы вновь вернуться к тому же источнику. Истоку, которым пренебрёг и к которому, как считал, возврата не может быть: раз уж сам себе простить не в состоянии, то что говорить о тех, кого предал в Жезкенте? Потому-то и сторонился Ивана. Да-а, а вот теперь волей-неволей придётся общаться. И не только сейчас, это уже точно. Потому что не оставит потерпевшего, пока не убедится в полной его безопасности.

Осторожно вынув кляп изо рта Вайса, спросил тихо:
– Соображать можешь?

Но тот, кажется, не разобрал, кто перед ним, и лишь чуть слышно прошелестел:

– Добить пришли? Ну-ну. Быстро же вы обернулись.

И не просто закрыл глаза, а потерял сознание, бесильно уронив голову набок.

Обернулись? Стало быть, убийцы должны вернуться? Надо спешить. Блинов зорко огляделся. Никого. Прислонив довольно грузного Ивана к стенке буерака, подсел под него и кулём вывалил на край. Следом и сам, прихватив мешковину, выпрыгнул пружиной, волоком доташил его до машины и тем же макарком погрузил в кабину. Уже зафиксировав ручку правой двери, стал укладывать Ивана поудобнее, но и так, чтобы не было видно. В итоге, подложив мешковину, приклонил его к дверце головой.

– Ничё, ничё, – бормотал вслух, будто успокаивал Вайса. – Довезу тебя живого до лазарета. Не может быть, чтобы не довёз. Там ведь Игорь Лях работает, кореш твой из верующих. А врач он классный. Только ты потерпи, не умри в дороге.

Словно услышав его, Вайс застонал и открыл глаза. На этот раз узнал Алексея и что-то похожее на улыбку тронуло его губы.

– Блинов... Я верил... Это Бог... – прошептал чуть слышно и силился ещё что-то сказать, но страдальческая гримаса исказила лицо и, выдохнув что-то невнятное, он вновь впал в беспамятство.

– ...Не оставил Своей милостью, – больше догадался, чем разобрал последние слова Алексей и криво усмехнулся.

– Хороша милость – получить ломом по тылке, – пробормотал не менее невнятно себе под нос. – Так что бабка ещё надвое сказала, милость это или, наоборот, наказание. Убережёт ли Бог тебя в дороге – вот вопрос. Да не одного тебя, а обоих нас теперь. Парни, чую, серьёзные занялись тобой, раз должны вернуться. И я, кажется, догадываюсь, для чего: лежнёвка-то рядом. Но всё равно, пусть Бог нам поможет.

Предположение о серьёзности их намерений подтвердилось буквально минут через десять после нового старта хлыстовоза. Лес здесь уже заметно поредел и впереди, по обеим сторонам глубокой натруженной колеи замаячила не меньше как на километр открытая всем ветрам пустошь с мелким кустарником и чахлыми деревьями на месте давнишних вырубок. У самой опушки с колеи на правую обочину метнулись шедшие навстречу две фигурки эков, да так и застыли там в ожидании. Тут же к ним из-за деревьев присоединился и третий.

– Ого! Бог любит троицу, – присвистнул Блинов. И уже погромче, будто Вайс может слышать: – Иван, кажись,

твои благодетели объявились и что-то заподозрили. Если слышишь меня, не поднимай головы. Вряд ли они обрадуются, если увидят тебя со мной. – И, вглядываясь в них, продолжил через паузу: – С батожками ребятки. Да, а батожки-то теперь к чему? Покойника, что ли, бить собрались? Та-ак, Шука, Камо... Всё верно: вон и Илюша Гром там, а как же без него?! Ну, что ж, либо они меня забывают, либо я их, если сунутся. Зови, Ваня, своего Бога, молись Ему, уж больно серьёзный момент для нас наступает. Вот теперь спасение точно в Его руках – это я понимаю! – Тут он грустно усмехнулся: – Ну, и в моих немножко.

Подъехав ближе, поднял руку над кабиной в знак приветствия и, приоткрыв дверцу, сделал вид, что хочет остановиться. Но эки, узнав его, лишь отсалютовали в ответ и тут же скрылись за деревьями в обратном от машины направлении.

– Спешат, – вытер он со лба проступивший пот. И, облизнув пересохшие губы, повторил облегчённо: – Спешат. А тебя там уже нетути. Нету тебя там, а, слышишь, Ваня? Объегорили мы их, славно объегорили. Представляю себе их рожи. – И, кажется, впервые за последние месяцы счастливо засмеялся. Свободно, раскованно, искренне.

На какой-то миг ему показалось, что улыбается и Иван, но, приглядевшись, понял, что эти опасные, полные тревоги мгновения не коснулись бедолаги. Похоже, он даже не дышал.

– Не-е, это ты брось, – сигнал Алексей улыбку с лица и притопил на всю катушку, благо машина вырвалась на простор и более пригодную для скорости вывозку. – Шас мы, Ваня, догоним время. Будешь ты жить теперь, будешь!

Спустя полчаса он передал Вайса погодившимся на нижнем складе верующим из его бригады. И лишь увидев их искреннюю заботу о нём, позволил себе расслабиться и погнал машину уже под разгрузку.

Весь следующий день он провёл в напряжённом ожидании вечера и как только оказался в зоне, поспешил в лазарет. Игорь Лях был в курсе его участия во вчерашнем событии и, коротко сообщив, что как раз об этом-то никто не должен знать, без всяких проволочек пропустил в палату. Предупредил только, чтобы долго не задерживался.

Иван с забинтованной головой лежал на ближней к двери кровати и, увидев вошедшего, попытался встать, но Блинов жестом остановил его: лежи, дескать. Ни один из восьми других пациентов палаты никак не отреагировал на его появление. Что вполне устраивало Алексея.

– Ну как ты? – спросил тихо и присел на краешек койки.

– Да гудит, будто все колокола церкви разом, – ошупывая голову, пробормотал Вайс. – Хотя башка вроде бы подживает, – добавил так, будто виноват был, что она ещё болит. – Они меня по затылку чем-то саданули.

– А почему не добили?

– Решили, что я уже готов. Слышал, как один из них так и сказал, что готов, мол, фриц, задохнулся в мешке. Ну и предложил утрамбовать под лежнёвку. С концами, чтобы, значит.

– Я так и понял. И пошли место присмотреть?

– Наверное. Дальше только тебя помню. – Иван вновь попытался привстать, но лицо его тут же исказила жалкая гримаса и безнадёжно махнул рукой: – Не-а, всё ещё кружится. А так-то вроде бы живой.

– Кого-нибудь из отоваривших тебя знаешь? Ну, или хотя бы предполагаешь?

Вайс неопределённо пожал плечами.

– Гром, например, мог быть среди них? – подсказал Алексей.

– Илья? Не могу сказать. Не уверен.

– А Шука? Камо?

– Вот Камо – это наверняка. Голос вроде его был. С акцентом. Так ты видел их, что ли?

– Видел. Гром был с теми двумя. Потому и уточняю, чтобы знать, откуда чего ждать. Дальше – моё дело.

– Может быть, не стоит тебе ввязываться? – просительно посмотрел на него Иван. – Зачем наживать врагов?

– Я не наживать – упредить хочу, если задумают почитаться. В открытую-то побоятся, знают, что себе дороже будет, а подкараулить и шарахнуть так же, как и тебя – из-за угла ли, из-за дерева, – это для них в самый раз. Не сейчас, конечно, а когда всё более или менее поутихнет.

– Вот и ты не торопись. Меня здесь долго держать не будут. Поможешь тогда мне встретиться с ними? С Ильёй, в первую очередь?

– Ты что, не рад, что выжил? Хочешь дать им исправить ошибку?

– Ну, что ты. Просто попробую всё уладить миром. Это надёжнее будет, Лёша.

– Миром?! Надёжнее? – не сдержался тот от восклицания, но тут же сбавил тон и уже потише, осуждающе покачав головой: – Ну, ты и нашёл надёжность. С кем хочешь примириться? Да ты им теперь поперёк горла. Думаешь, тот, кто подослал к тебе, по головке погладит их за такой прокол? Да он с них три шкуры спустит, если уже не спустил. Нет, это надо же: он попробует. Ну, пробуй, пробуй. Только могу заранее сказать, чем это кончится.

– Чем же?

– Тем, что сожрут тебя с потрохами и не поморщатся, – вот чем. Басню про повара и кота помнишь? «А Васька слушает да ест!» Такой, кажется, дедушка Крылов там подвёл итог?

– Хорошее сравнение, – Иван почему-то не сдержал улыбки. – Но я не повар, а тот же Гром – не есть кот Васька. То есть, мы оба – человеки. Гомо сапиенс. А значит, можем понять друг друга.

– Ага, считай, что они уже всё поняли, – улыбнулся и Алексей. – Ну хоть развеселил тебя и то ладно. Значит, не всё так страшно.

– Вот именно. Давай подождём, пока меня выпнут отсюда, и тогда решим, что делать. Думаю, ещё день-два, больше Игорю не позволят меня тут держать.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Алексей. – Подождём, так подождём, мне-то что. Будут ли они нас ждать, вот в чём вопрос.

– Будут, – заверил Иван, осторожно ошупывая затылок. – Во всяком случае я молюсь за них Богу. – И тут же перевёл разговор, увидев скисшую мину собеседника: – Ты лучше скажи, как у лежнёвки вчера оказался? Тебе же с хлыстами, как я понимаю, на нижний надо было?

– На нижний, – кивнул Алексей и озаботился: – Что, так и болит?

– Да ничего, терпимо. До свадьбы заживёт.

– А то я, пожалуй, пойду. Игорь сказал не перегружать тебя.

– Не-не, постой, – придержал его за руку Иван. – Ты же не ответил, Лёша: как, говорю, там оказался?

– Да как. Если честно, и сам до сих пор не пойму: два рейса хоть бы что, а на третий призадумался грамм – и свернул к лежнёвке. Привычка сказалась. Расстроился, конечно, это ведь какого кругалю себе схлопотал. А оказалось, что так и надо было. Будто предусмотрел кто.

– Я знаю, Лёша, Кто это предусмотрел. Знаю, потому что молился, чтобы Бог послал заступника. И Он послал тебя. Я теперь твой должник.

Алексей словно ждал этого признания.

– Никто никому и ничего не должен, Иван, – медленно произнёс, чеканя каждое слово. – Я рад, что успел помочь тебе и тоже думаю, что на это была Божья воля. Но в отличие от тебя знаю твёрдо, что я здесь ни при чём. Его воля была направлена на твоё спасение, и на моём месте мог оказаться любой другой зэк и точно так же спас бы тебя. Поэтому прошу сразу: если хочешь, чтобы мы стали приятелями, не заводи при мне разговора о Боге. Потом как-нибудь объясню, почему.

– Ну, объяснишь, так объяснишь. Воля твоя. Первым я не заведу разговор.

И оба замолчали, почувствовав какую-то неловкость в этой недоговорённости.

– Остаётся теперь ждать, чем ещё всё это может обернуться, – как бы извиняясь за поставленное условие, продолжил Алексей. – Игорь говорит, что оформил тебе производственную травму. А если начальство допытываться начнёт?

– Не начнёт. Это устраивает всех. Я уверен, что жиганы с ведома начальства и устроили мне «тёмную». Но какой резон жаловаться на стрелочников? Ну, посадят в карцер одного-двух, даже, может быть, срок накинута. А кто рулил ими, так и продолжит рулить.

– Не сомневаюсь, что так оно и будет. Слышал я о твоих спорах с Мозолём и вполне допускаю, что это он натравил свою шпану на тебя. Но останется в стороне, а в бороне будут его шавки. Кто Толяна крышует, и гадать не надо. Вся верхушка за счёт его махинаций с лесом кормится. Что, удивлён моей осведомлённостью?

– В общем-то, да.

– А ты не удивляйся. Мозоль первое время со мной шибко откровенным был, всё агитировал к нему в бригаду податься. Даже, мол, «над бойцами» поставлю. Вот как

раз вместо этого Грома, значит. Это ещё когда Миронов начальником лагеря был и таким, как Толян, не сильно-то давал развернуться.

– Да, при Мироне порядок был.

– Был. За что его так рано и «ушли» на пенсию. А ему бы ещё пахать и пахать. Кстати, это ведь он предложил тебе пойти в бригады? Это правда?

– Правда.

– Как же ты согласился? Знал ведь, чем может всё обернуться.

– Ну, ты даёшь, – усмехнулся Иван. – Будет кто-то тут спрашивать согласие зэка. Конечно, я знал, но пошёл по своей воле; ведь тогда всё, или почти всё было по-другому. Совсем по-другому.

– То-то и оно, что было, – с сожалением вздохнул Алексей и продолжил, не обращаясь прямо к Ивану, а просто рассуждая вслух: – Да, а теперь того, другого, уже нет и в помине, а ты так и продолжаешь с какими-то правильными нормами носиться. Какие нормы?! Что велит рисовать, то и рисуй. Кто тут что может учесть? Тайга большая, лесу не убудет. И от тебя бы не ubyло, если бы приписывал урканам лишний кубик-другой, не злил их. Глядишь, и самому бы перепало на хвост пушистый. Да что там – перепало: жил бы, как кум королю. Вон как Мозоль. – Тут он повернулся и испытующе посмотрел на больного. – А что, по-моему, я правильно мыслю?

– Лёша, ты это сейчас всерьёз мне предлагаешь?

– Не предлагаю, а предполагаю, – недовольно поморщился Алексей, услышав в его голосе едва уловимую иронию. – Пожить по-нормальному, почему бы и нет?

– Потому что сам-то так не считаешь, – прищурился Иван в доброй усмешке. То ли боль отступила, то ли просто по привычке к ней, но на лице его уже не было недавнего страдальческого выражения. Только руку всё

ещё прижимал к затылку. – Я про эту самую жизнь: «как кум королю».

– А-а... с чего это ты взял, что я так не считаю? – несколько смешался Блинов от такой его прозорливости.

– Но ты же почему-то не пошёл к Мозолю в «бойцы», хотя у них житуха, тоже что надо. В их понимании, конечно.

– Ну, ты и сравнил, – покровительственно усмехнулся Алексей. – Бойцы, они ведь те же «шестёрки». Ну, разве что мастью покрупнее, но на том же подхвате: что хозяин прикажет, то и тупо исполняй. А ты бы сам по себе... – И смолк на полуслове.

– Ну-ну, договаривай, – ободрил Вайс и, видя его растерянность, предложил: – Ну, хорошо, давай я за тебя доскажу. Сам по себе здесь никто не может быть. Никогда. Потому что система круговой поруки не предполагает самостоятельности и выпасть из неё невозможно. Все зависят друг от друга. И ты прекрасно знаешь, Лёша, что стоит согласиться на подлог один раз – и всё! Ты – на крючке у сатаны и уже никуда больше не денешься. А он, сатана, то бишь, – прости, хоть ты и предупредил меня, но не могу не привести пример из Библии – «всех их таскает удой, захватывает в сеть свою, и забирает в неводы свои, и от того радуется и торжествует» (Авв.1:15). И уж каких бы я нравов ни был, пришлось бы барахтаться в этой «сети», а потом презирать себя за вылизывание чужих сапог. Не обманывайся, ты ведь именно поэтому отказался от предлагаемой подобной чести?

– Может быть, и поэтому. Но одно дело – отказаться от заведомо проигрышной роли, и совсем другое – от реальной перспективы жить припеваючи, никому при этом не причиняя вреда. Впрочем, какое это теперь имеет значение? – отмахнулся Алексей и приподнялся с койки: – Ладно, заболтался я. Буду заходить, пока ты здесь.

– Пока здесь? А потом что, так и продолжишь сторониться меня? То есть, нас, верующих?

И опять смешался Блинов. Значит, догадывался Вайс, что он намеренно избегал встреч с ними? И давно понимал, коли уж так говорит. Поэтому не стал отпираться.

– Это ты правильно подметил, что сторонился. И на то есть причина. Но когда случается, хотя бы один раз, разделить с кем-то беду ли, испытание, я уже не оставляю этого человека, чего бы это мне ни стоило. Это моё правило.

– Хорошее правило. А причина, ну, та, о которой ты уже упомянул? Это – Бог?

– Я ещё успею ответить на этот вопрос, – уклонился Алексей. – Сколько тебе ещё тянуть лямку, Ваня?

– Считаю, два года осталось.

– Почти как и мне. На всё успею ответить. Выздоровивай. И сильно-то не бери в голову, что я тут наговорил.

На выходе из палаты он столкнулся с Ляхом, и тот, приставив палец к губам, провёл его в свой «кабинет»: маленькую клетушку со столиком, кроватью и шкафом с лекарствами.

– Только что тут Громов был, – сообщил тихо. – Хотел к Ивану. Я, конечно, не пустил, а когда стал наглеть, сказал, что ты у Вайса. Он сразу притих и попросил передать, что будет ждать тебя на выходе. Не в обиде, что я тебя засветил?

– Нет-нет, Игорь, это то, что надо. Я тоже хотел с ним встретиться.

– Мне с тобой пойти?

– Ни в коем случае. Раз Илья предупредил, значит, хочет поторговаться. А это лучше, чем разборки из-за угла. Всё в ажуре, Игорь. Пока.

– Если увидишь, что всё нормально, пусть приходит завтра. Сегодня Ивана нельзя больше нагрывать.

– Я понял.

Илья Громов, объёмный «шкаф» с широченными плечами и оттого кажущейся несоразмерно маленькой на них головой, подождал, когда Алексей сойдёт с крыльца и, покрутив перед собой пустыми руками в знак того, что настроен мирно, шагнул навстречу.

– Ну чё, Лёха, выживет твой богомолец? – спросил без всяких предисловий.

– А ты как хочешь? – Алексей пристально следил за каждым его движением.

– Пусть бы выжил, – глядя себе под ноги, угрюмо буркнул Илья. – Поверь, Блин, это не я замочил его. Я с самого начала был против этого. За что и попал в немилость... ну, сам знаешь, к кому. Если бы я приложился, от него бы только мокрое место осталось. Меня позвали, чтобы перетащить его к лежнёвке. Тогда ты нас и увидел, а мы лишь потом поняли, что он у тебя в кабине был. Но я его не трогал, поверь на слово.

– А кто ж тогда его грохнул?

– Да какая теперь разница. Крайним-то меня назначат, если что.

– А если что?

– Да чё ты придуриваешься, будто не в курсах?

– В общих чертах – в курсе, но, может быть, ты уже что-то определённо знаешь?

– Хм, определённо... – скривил губы в усмешке Громов. – Если в ящик сыграет, то мне определённая труба. Всех «без вести пропавших» повесят – и не отвертишься. Знаешь же, сколько случаев по зоне за последнее время было. Вот всех и повесят. И срок наматывают, и награды получают за раскрытие. А выживет Вайс, тогда, может быть, и ШИЗОм обойдётся. Ну ты сам сколько раз его обживал, знаешь, что почём.

– По-моему, и ты в эти места не раз хаживал, и ничего – живой.

– Живой. Но изолятор – это в лучшем случае. Это ведь, опять же, смотря что из Ивана вытянут. Вмянет про лежнёвку – и тот же срок. М-м-м, – тоскливо промычал Громов и понизил голос: – А мне полгода всего до воли осталось.

– Ну ладно, разжалобил. Но я-то здесь причём?

– Притом, что ты спас его и можешь уговорить не болтать лишнего обо мне. Если он, конечно, не очокурится.

– Не волнуйся, Иван ещё нас с тобой переживёт. А главное, мне не придётся впрягаться за тебя. И знаешь, почему?

– Не хочешь мараться? – помрачнел Илья.

– Не угадал. Не удивляйся, но Иван только что сказал, что хочет с тобой примириться. Ну и с теми твоими подельниками. Так что, делай выводы.

– Гонишь? – вытянув физиономию, выдохнул Громов и с недоверчивой улыбкой чуть ли не завис над Алексеем: – Не, ты чё, неужели так и сказал? Ну что примириться.

– Как есть. Это его слова, а он их на ветер не бросает. А уж «вытянуть» что-то из него, как ты, наверное, знаешь, ни у кого ещё не получалось.

– Это да, это так, – не скрывая радости, потирает руки Илья. – Кремень-мужик.

– Ему оформили производственную травму. Всё чин по чину. И теперь и в его, и в твоих интересах держать язык за зубами. Между прочим, он за вас, идиотов, молится.

– Так это пусть молится, это ж меняет дело, – разрешил повеселевший зэк. – Ну, Лёха, я твой должник: первая приятная весть за два дня.

– Что-то многовато должников появилось за один вечер, – снисходительно улыбнулся Алексей. – Смотри, как бы не забыл потом.

– Не забуду, слово даю, – потряс кулаком Илья и вновь понизил голос: – Одному тебе скажу, Лёха: я жду перевода

в колонию-поселение. Рогов, зам. по охране, сообщил по секрету, что уже есть решение. Готовься, мол, неделя, от силы другая – и на этап. Между прочим, это он мне помог прошение написать. И отправил сам, по-тихому, без шума чтобы. Я потому и отказывался «проучить» Вайса, чтобы не навредить себе, но этот гнус – ну сам знаешь, кто – вишь, как повернул. Я уж совсем было упал духом, но раз ты говоришь, что ... – Он не договорил, выпрямился во весь рост, расправил плечи и погрозил кому-то: – Ваши не пляшут, шакалы! Так-то вот.

– Впечатляет, – одобрительно кивнул Алексей. – А не боишься, что могу слить Мозолю твой секрет? Ты ведь его имеешь в виду?

– Его, кого же больше? Нет, за тебя я спокоен: если уж ты не позарился, когда он предлагал тебе заменить меня, то чего же опасаться теперь?

– Вот те раз! Так ты и это знаешь? У тебя что, своя про-
слушка есть?

Прозвучало как похвала, и Громов довольно просиял:

– Ну, это только он считает, что один такой умный. Но с той поры я зарок дал, что не трону тебя ни при каких обстоятельствах. А они были, поверь.

– Понял. И вспомнил, да. Значит, это была твоя записка про лесопилку. Никогда бы не подумал, слушай. Сколько ни ломал голову, не мог понять, кому обязан.

– А я никогда бы не подумал, что ты всё равно один туда пойдёшь. У тебя же есть крутые хлопцы, почему ты никому из них ничего не сказал?

– Зачем мне было кого-то ещё втягивать в это дело. Предупреждён – значит вооружён. Я хорошо подготовился.

– Поэтому Мозоль и не заподозрил подвоха. И, по моему, зарёкся против тебя что-то затевать. Урон-то ты ему нанёс знатный: такую шоблу раскидал.

– Ну что ж, благодарю. Тогда и я хочу предупредить, что в колонии-поселении, куда ты рвёшься, режим пострашнее будет, чем в лагере. Там сейчас такой беспредел творят начальнички, особенно в нашей области, что зэки просятся обратно в зону, где хоть какой-то порядок есть. Сведения верные.

– Я слышал об этом, но стерплю всё, чтобы только не видеть эту довольную рожу и не замараться ни в чём, хотя бы это последнее время. – Илья медленно качнул головой и неожиданно тоскливо произнёс: – Хочу выйти на свободу чистым и реально завязать пересчитывать лагерь. Ведь меня ждут мать и отец-инвалид. А может быть, и жена, кто знает. Сыну-то уже седьмой пошёл, а я его только в два года видел, да и то мельком. В перерыве между отсидками. – Тут он как бы в оправдание поднял руку: – Не-не, я и не думаю давить на жалость, просто другой раз хочется душу высвободить от хлама. Уговори фельдшера, чтобы пустил меня к Вайсу. На пять минут, а?

– Я скажу Игорю, что Иван хочет тебя видеть. Но сегодня он ещё тяжёлый. А завтра приходи, поговоришь.

– Ну, на нет и суда нет. Приду завтра. Тогда, бывай, Лёха.

– Бывай.

То, что Алексей увидел, войдя в палату на следующий день, шокировало его и надолго запечатлелось в изумлённой памяти: у кровати Вайса, стоя на коленях и уткнувшись лицом в ладони, приглушённо рыдал Громов, а Иван, словно маленького ребёнка гладил его по голове и чуть слышно творил молитву. Два других пациента – вконец обессиленные доходяги – стояли на коленях в своих койках и также что-то бормотали. Остальные семеро безучастно взирали на происходящее. Этим, кажется, было всё равно. Они не понимали таинства покаяния. Они уже ничего не понимали.

«Ну и дела-а. Гром – и... Да нет, не может того быть!» – всё, что только мог допустить Алексей. Ошеломлённый, с раскрытым ртом, он так и не успел озвучить приветствие и с минуту стоял, не в силах осмыслить увиденное. Наконец осмыслил, и вот уже хорошо знакомое чувство благоговения поднимается в душе, а в памяти тотчас возникает момент его собственного покаяния. Это пугает больше всего, и, закусив губу, он мотает головой, пытаясь стряхнуть это наваждение. Даже зажмурился, чтобы избавиться и от памяти, и от сентиментального чувства. Не помогло: открыв глаза, увидел тех же молящихся. Они оставались на своих местах и так же, как те семеро, не обращали на него никакого внимания.

Он попятился в коридор, не оглядываясь, бросился бежать мимо удивлённого Ляха и лишь отрешённо махнул рукой в ответ на его немой вопрос. Странно, но спустя каких-то несколько минут Алексей уже с насмешкой оценивал эту так разжалобившую его сцену покаяния вора-рецидивиста, предрекая её участникам – всем! – неминуемое разочарование. И самое скорое, конечно, Громову, а уже по касательной ответка и Ивану. Ясно же, что поддался Илья минутной слабости, как это когда-то было с самим Алексеем. Но вот как рискнёт он объяснить корешам причину предательства их идеалов? А они у них есть! Воровская честь и проповедь Евангелия несовместимы, хотя и тут, и там речь о свободе, братстве. Но речь-то одна, а понятия – о-о-о! – понятия такие разные. Уж что-что, а эту разницу Алексей познал и ощутил сполна.

«Интересно будет увидеть, как поведёт себя Гром, случись ему встретить со своими братками Вайса, да ещё и в прилюдном месте? – С долей злорадства улыбается он, предвидя замешательство новоиспечённого верующего в данной ситуации. – Те ведь не пройдут мимо,

не отправив похабщины по адресу Ивана. – И вроде как ставит себя на его место: – Проще всего, конечно, сделать вид, что не заметил, – и в сторонку. Ничего другого братки не поймут. Да и какой идиот станет оказывать уважение или даже любовь к ближнему, как это велит Евангелие. А то, дескать, и Христос тебя не заметит. Это на словах всё так красиво, а в жизни примени, попробуй. Как же в том стихе написано, – напрягает он память, но тщетно. И в раздражении: – Нет, не вспомню. Да оно мне надо? Пусть теперь сами разбираются».

318 Через два дня совсем небольшую колонну зэков выстроили на этап в колонию-поселение. Был среди них и Илья: стоявший во втором ряду, он возвышался над всеми и был замечен тем, что в явном беспокойстве крутил головой, выглядывая кого-то. И вот, словно отвечая на сомнения Блинова, раздвинул впереди стоявших этапников и, не обращая внимания на окрики конвоиров, шагнул навстречу появившемуся среди провожающих Ивану Вайсу. Тот так и был ещё с повязкой на голове. С минуту они стояли, склонившись в молитве, потом обнялись, и Илья вернулся в свой ряд. Трудно сказать, чего больше было в реакции остальных зэков и конвоиров на этот поступок: восхищения или осуждения. Но что равнодушных не было – это точно.

Видел это и Алексей, и шемяшей тоской отозвался в душе тот мужественный шаг двух теперь уже близких ему людей. И где-то в глубине её шевельнулось слабое признание, что он завидует им обоим.

* * *

Да, много воды утекло с той поры. Не сказать, чтобы сильно он сдружился с Вайсом и, хотя встречались часто, в отношениях между ними сохранялась некая дистанция. Алексей всячески старался держать её, а Иван не досаждал ему никакими расспросами: уверенный в силе Божьего

Духа, он ни разу не нарушил своего обещания не упоминать о Христе первым и при каждой встрече терпеливо выжидал, когда его новый друг сам обратится с такой просьбой. Или вопросом. Что обязательно и происходило в итоге. Правда, пока лишь для того, чтобы, выслушав объяснение того или иного вопроса, Алексей отметился парой-другой «разоблачительных» реплик, которые явно готовил заранее. Это прекрасно понимал Вайс и не торопился «ставить на место» новоявленного критика Библии, а подталкивал его к размышлению.

Так и налаживались их отношения, и наладились бы, если бы не эта радостная весть, которую принёс Иван. Весть, которую ему открыл Сам Господь Иисус.

Алексей тогда обсмеял его. И не покровительственно, не снисходительно, как всегда это делал, когда Вайс говорил ему о Боге, а досадливо, даже злобно; настолько неуклюжей показалась попытка верующего расположить его к себе. Вообще реакция Алексея на упоминание о Боге во многом зависела от его настроения: мог сочувственно вздыхать (но не более того), а мог и принять в штыки. На этот раз, будучи в скверном расположении духа, расценил предсказание Вайса ни больше ни меньше, как издевательство над здравым смыслом. Но и виноватил в этом себя: зачем, дескать, открывался Ивану о самом потаённом своём. Как-то так уж случилось, что в ниоткуда нахлынувшем порыве взял да и рассказал другу о своей неизбывной печали. Обо всём поведал: и как Риту с сыном потерял из-за другой женщины, и чем в итоге обернулась измена. То есть, не скрыл обстоятельств, при каких потом пришлось расстаться и с новой женой. И о ненадолго вспыхнувшем своём покаянии поведал, и столь же быстро угасшей вере. Правда, тут же пожалел об этом, потому что Иван, выказав искреннее участие, пообещал непрестанно за него молиться. Пообещал, несмотря ни на протест, ни на запрет,

ни даже на угрозу прервать дружбу. Больше того: спустя какое-то время принёс Алексею искусно оформленную, расписанную красивой позолотой ... свирель! Дескать, вот выйдешь, отыщешь сына – это и будет подарок ему. А я ещё усерднее буду молиться за вашу встречу. Это, мол, всё, чем могу тебе отплатить за то, что ты не оставил меня в том буераке.

Ну, а где взял, у кого, не стал говорить. Мало ли в лагере умельцев. Это потом узнал Алексей, что сам Вайс и был этим умельцем.

И вот – нате вам! – домолился. Именно так отреагировал Алексей.

– Домолился-таки, ты, Ваня, до маразма, – выдавил мрачно. – Твоё стремление выдать желаемое за действительное с каждым разом становится всё глупее. Какой ответ от Бога? Что за бред? Я ведь читал Библию и помню ещё, что никто и никогда Его не видел! Да ты и сам всё время толмишь об этом. Ну и как же это получается, что видеть, значит, не видел, а разговаривал? Ответы слышал. Понимаю, что хочешь угодить мне за ту помощь, что я тебе оказал, но я в таких услугах не нуждаюсь. Помог да и помог, и остаюсь твоим другом. И готов защищать тебя от всяких ублюдков. Только не надо пользоваться этим и вешать мне лапшу на уши. А то: ответ он получил от Бога! Ты ведь хорошо знаешь, какую шутку Господь сыграл со мной. Вот это был ответ так ответ. Настоящий! И поделом! На всю оставшуюся жизнь! А всё в ней, в оставшейся, – уже так себе, мелочи.

Выговорился и только тогда повернулся к Вайсу. И увидел на его лице что-то похожее на растерянность. Иван явно не ожидал такой реакции в ответ на добрую весть. По сути это прозвучало обвинением в лицемерии.

– Почему ты решил, что я делаю это из желания угодить тебе? – спросил в недоумении. – Помочь тебе обрести

в душе покой – да, хочу. И если это означает «угодить» – хорошо, я согласен. Апостол Павел так и писал: «Каждый из нас должен угождать ближнему во благо, к назиданию» (Рим. 15:2). Во благо, понимаешь? Не как лесть или подхалимство, а к назиданию. А что до подхалимства, то на это в Библии есть чёткий посыл: «Не угождай лицу великому; по правде суди ближнего твоего» (Лев. 19:15). Что я и пытаюсь делать по силам моим. Потому что Господь для того и вверил благовестие верующим в Него, чтобы мы «угождали не людям, но Богу, испытующему сердца наши» (1 Фес. 2:4).

– Я остаюсь благодарен тебе и сейчас, – продолжал Иван. – И за то, что ты спас меня от расправы, не перестаю благодарить Бога, потому что это Он послал тебя и в тот момент ты исполнил Его волю. С чем, кстати сказать, ты тогда соглашался. Помнишь?

Он ещё что-то говорил, но Алексей уже не слушал. С каждым словом Вайса в нём росло беспричинное озлобление, которое, конечно же, крылось в подспудном понимании его правоты, а оттого и раздражало ещё больше.

– Я всё помню, Ваня, – сказал, едва сдерживаясь, чтобы не заругаться. – Но я и тогда сразу сказал, что это было спасением для тебя. Заботой Бога о тебе. А я – только погодившийся инструмент в Его руках. На моём месте мог быть кто угодно другой, но я был на тот момент ближе к месту события, поэтому Он мной и воспользовался. Но я же и предупредил тебя тогда, что для меня обратной дороги к Богу нет. Не до Бога мне. А теперь и не до тебя, уж извини. Точно уже от твоих нравоучений. Поэтому прошу: откачнись от меня, сделай милость. – И, чуть поколебавшись, жёстко добавил: – И вот тебе мой совет: не лезь в душу никому со своим Богом, не морочь зэкам голову. Это будет лучше для тебя же. – Потом, вроде как смилостивившись, закончил более дружелюбно: – Но если нужен буду, зови – и приду.

Закончил и тут же осознал, что вряд ли когда тот обратится к нему за помощью после таких слов. Тем более удивился, когда услышал спокойное:

– Позову, Лёша, если придётся. Только сдаётся мне, что первым позовёшь ты меня. Как хочешь расценивай, но и это тоже открылось мне в молитве к Господу.

С этими словами Иван повернулся и ушёл в свой барак.

– Ну-ну, поживём-увидим, – пробормотал вслед Алексей. Он испытывал одновременно и неловкость от своей грубости, и чувство облегчения, что не придётся больше беречь душу рассказами о Боге. Ни к чему ему напоминания эти. Вот если бы только...

И не домыслил фразу, ставшую для него чуть ли не истиной, махнул рукой в невесть откуда взявшейся беспросветной тоске: «И-эх, ты, судьба-злодейка, жизнь-копейка! Если бы, если бы...»

Ах, сколько раз именно этим упрёком он старался оправдать всё, что с ним случилось. Это ведь намного легче, чем признать собственную вину и корить самого себя. После этого разговора он старательно избегал встречи с Вайсом; так оно было проще не вспоминать ни о Рите, ни о существовании сына, что выходило само собой при общении с верующим другом. Даже обязательно выходило! Да и о Боге слышать не хотелось, чего уж там. Всем существом своим он чувствовал, как с каждым днём становится всё более враждебным к одному лишь упоминанию Христа. И когда всё же случилось очутиться рядом с Иваном в очереди на прививку в санчасти у Ляха, не нашёл ничего лучшего, как сыронизировать, что, мол, не сбывается что-то Божье предсказание. Знать, не торопится Бог исполнять обещанное, если прошёл уже месяц, а ничего подобного не произошло и не предвидится.

– Всяко бывает, Лёша, – улыбнулся Вайс в ответ, будто и не заметил того тона, с каким был задан вопрос. – Нам

не дано знать сроков, предусмотренных Богом. Это известно только Ему. Ну не будем же мы устанавливать их для Него. Главное, ждать и надеяться. А в том, что это случится, не должно быть никакого сомнения.

– Вот-вот, – усмехнулся Алексей, – это, конечно, главное, да. А что дождётся или нет, так это неважно. Ну, брат, у тебя всё в одной поре. Без перемен. В любом случае, Бог у тебя в выигрыше. Получится что-то – Бог усмотрел, не получится ничего – опять же, так Ему угодно было. Чтобы потом, мол, усмотреть и, может быть, к добру привести. В общем, и так – хорошо, и эдак – неплохо. Так время и пройдёт. А уж там, как говорил мудрый Насреддин: либо ишак сдохнет, либо шах умрёт. Так-нет? – спросил насмешливо и сам же ответил, лишив Вайса этой возможности: – Именно так.

Тут его очень даже вовремя позвали в кабинет фельдшера и за прошедшие с тех пор месяцы они больше не разговаривали, а чрезвычайные события в стране и тяжёлое положение в системе лагерей мало помалу и во все отдалили друг от друга. В борьбе за выживание эти события вытравливали из людей (отнюдь не только зэков) и так-то имевшиеся в малых дозах нормальные человеческие чувства: доброту, отзывчивость, любовь к ближнему. Взамен же всё большую ценность приобретали качества характера, ранее считавшиеся постыдными: наглость, изворотливость, подлость. Это отразилось и в моментально появившихся поговорках: «наглость – второе счастье»; «обдурь ближнего и не забудь о дальнем, чтобы он не приблизился и не надул тебя». Вот и Алексею уже стало совсем не до забот о бывшем друге; забылось всё само собой, и лишь мечта о свободе как-то поддерживала его стремление выжить. Но в той мечте уже не было места ни для Риты, ни для сынишки. Ни даже для родителей. Ни для кого не было. Сгорел Алексей, выхолостился напрочь,

обнишал душой без духовной поддержки друга. Только признаться в этом не мог.

И вот эта встреча с сыном! Почти через полгода после того, как озвучил её Вайс. И не так, чтобы сразу, чтобы ещё там, в распадке, вспомнил Алексей об этом его предсказании, а лишь сейчас, терзаясь от бессилия что-то изменить. Тут же следом и другая мысль торкнулась вспомнившейся вдруг фамилией нынешнего отца Глеба.

«Мартин Зайлер! Он сказал, что был на свидании с другом... А кто это может быть, как не Вайс! Немцев в лагере больше нет, и к тому же он Христа упоминал... значит, баптист. И Васька сказал, что начальник дал ему свидание. Да-да, Иван всё может прояснить!»

Это открытие так ошеломило, что он едва не спрыгнул со шконки на пол.

324 «Да он же в ШИЗО, – вспомнил в последнюю секунду и, закусив губу, застонал от досады. Заработать изолятор можно в любой момент, стоит лишь попасть под «горячую руку» начальника. – Ах, да как же не вовремя ты, Ваня, схлопотал себе эту забаву. Ничего-ничего, завтра заставлю Ваську вытащить тебя. И он выташит, чего бы это ему ни стоило. Шибко я ему нужен сейчас. – Алексей грустно улыбнулся: – А мне сейчас нужен Вайс. Вот и выходит, что первым позову его я. Прав он оказался: не он имеет нужду во мне, а я в нём. А уж какую истину он мне откроет на этот раз, такую и приму. Вдруг да этот Мартин вовсе и не муж Риты. Боже, да как же хорошо бы это было. Впрочем, что это мне даст? Нет-нет, не буду загадывать. Только бы дождаться утра. Только бы с Бубой ничего не случилось. Только бы, только бы...

С таким желанием и уснул.

Глава 3

Бубнов объявился за час до подъёма и, с трудом растолкав компаньона (так они в шутку называли друг друга с некоторых пор), склонился к самому его лицу.

– Ну, ты и дрыхнешь, братан, – укорил вполголоса и поторопил, оглядываясь по сторонам: – Вставай быстро и бегом из барака. Я там подожду.

В следующий миг Алексей был на ногах и придержал его за руку:

– погоди, Вася. У меня к тебе дело, – шепнул так же тихо. – Вайса надо вытащить. Во, как нужен! Позарез!

– Уже, – осклабился Буба и, присвистнув, повертел пальцами в воздухе.

– Постой, чего «уже»? – не понял Алексей.

– Уже выташил. Да ты шевелись, шевелись. Торопись проститься, пока его на работу не выгнали. Да тут он, тут, у барака ждёт.

– Ва-ся! – просиял Блинов. – Чего ж ты резину тянул. Шас я, мигом.

– Неблагодарный всё же народ пошёл, – снисходительно ухмыльнулся Бубнов. – Ему друга на блюдечке, считай, преподнёс, а я же и резину тяну. Ты, главное, не забудь, что к обеду нас здесь не должно быть. И это, слышь...

Но Алексея уже как ветром сдуло. Он стремглав выскочил из барака, крутнулся на месте и поспешил к ожидавшему его Вайсу. Но в последний момент замедлился: вопрос, готовый сорваться с языка, буквально застрял в глотке. Жгучим стыдом высветилась в памяти та его отповедь Ивану в ответ на радостное известие о сыне: «Домолился-таки, ты, Ваня, до маразма».

– Лёша, ты как? В порядке? – увидев его замешательство, участливо, будто и не было между ними никакой

размолвки, спросил Иван и шагнул навстречу: – Видишь, хоть напоследок удалось встретиться. И это славно. Благодарю: Бубнов ведь хлопотал за меня по твоей просьбе, как он сказал. Вы уже сегодня оба будете на воле, и надеюсь, расстанемся с тобой если не братьями во Христе, то хорошими друзьями. Но у тебя что-то случилось? Говори.

И Алексей отошёл душой. Оттаял. Понял, что не держит Иван на него обиды:

– Случилось, Ваня.

– Я чем-то могу помочь?

– Ещё не знаю. Но случилось как раз то, о чём ты предупреждал, и что тогда так взбесило меня.

– Ты... – мгновенно ухватил посыл Иван и даже затаил дыхание. – Неужели? Ты встретил сыночка?

– Да.

– Значит, это он был с Мартином у меня на свидании! – приложив руки к груди, прошептал Иван и голос его задрожал от умиления: – Сбылось! Господи, слава Тебе! Как же я сразу не догадался? Но за отведённые нам жалкие минутки мы так спешили обменяться новостями духовной жизни, что на расспросы о мальчике просто не было времени. Мартин только и сказал, что он с ним. Ну, с ним да и с ним. Подумал, может быть, внук. А это он! Ах, ты, Господи! Где ж ты увидел его? Как узнал?

– Глеб – копия своей матери. – Алексей пытался справиться с ещё большим, чем у Вайса, волнением, поэтому говорил отрывистыми фразами. – Даже голос её. Я их встретил в распадке у посёлка. У них заглохла машина. Помог завести. Ваня, скажи... – Судорожно сглотнув, он на миг перевёл дух и будто в ожидании приговора подался вперёд всем корпусом: – Этот Мартин... Он ему за отца? Он – муж Риты?

– А-а, вот ты о чём, – улыбнулся Вайс и покачал головой: – Успокойся, Лёша. Христиане многожёнство не

исповедают, а Мартин – Божий служитель, миссионер. У него большая дружная семья в девять душ, то есть, жена и восемь детей. Это не считая внуков. А уж сколько их...

Алексей не дал договорить, сделал неловкое движение, чтобы обнять Ивана, но тот же прежний укор остановил его. Он отстранился и, явно преодолевая себя, своё собственное сопротивление, прошептал почти беззвучно:

– Слава Богу! – И следом увереннее и громче: – Слава Господу Иисусу!

– Воистину слава! – коротко откликнулся Вайс.

– Ваня, ты снял с моей души камень. Благодарю тебя за всё: главное, за твоё ангельское терпение ко мне, идиоту.

– Ну-у, не возводи на себя напраслину, – улыбнулся Вайс.

– Это самооценка, Ваня. А ты этой вестью только что вернул меня к жизни.

– Не я, Лёша, а Господь по любви Своей ворачивает тебя на путь истины. Или всё ещё сомневаешься в Его благодати?

– Нет. Уже нет. Но пока трудно даже в мыслях допустить, что можно меня помиловать. Это после всех-то моих высказываний; после всего, что я натворил?

– И тем не менее, это так. Как видишь, Он и прощает, и милует. Об этом говорит и апостол Павел: «Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которой возлюбил нас, и нас, мёртвых по преступлениям, оживотворил со Христом – благодатью вы спасены» (Еф. 2:4–5). Ты уже спасён, Лёша, и подумай: повстречав сына, нужно ли ждать ещё каких-то доказательств, чтобы поверить в это?

– Нет, – твёрдо сказал Алексей. – Всё уже доказано. И более чем наглядно.

– Тогда торопись с ответом на Его благодать.

– Я понял, Ваня, но мне нужно время, чтобы всё переосмыслить. Только бы не потеряться снова. Теперь, что бы

ни произошло, буду просить Бога о встрече с ними. Этот Мартин сказал, что приехал с бабушкой Глеба и оставил её где-то под Омском.

– Точно, именно там, – подтвердил Иван. – И это упрощает дело. Тебе нужно будет поехать в Азово (это в большинстве своём немецкое село находится недалеко от Омска), найти церковь с баптистами, а они уже по фамилии определённо подскажут, где искать мать твоей Риты.

– Да, но я не успеваю, – не сильно зарядился оптимизмом Алексей. – Они уже завтра вместе с бабушкой вернутся в Германию. Самолётом. Что делать?

– Не падать духом! Если не захватишь их, всё равно получишь адрес Риты. А там уже как сердце подскажет: что написать и как написать. Слушай сюда, Лёша. Бог ничего не делает наполовину, и если уж Он явил тебе Глеба, значит, недалёк тот час, когда встретишься с Ритой. Одно могу сказать с уверенностью: будешь просить Бога, найдёшь их. Вот запасной вариант на тот случай, если не сможешь заехать в Азово: у меня есть адрес Мартина в Германии, и если сейчас не сильно меня задержишь, пойду, быстро черкну ему пару строк. А если не встретимся до вашего отбытия, то оставляю письмо у Игоря. Возьмёшь его там, допишешь на конверте свой адрес и с воли отправишь по назначению. Останется ждать ответа, а он не замедлит прийти. Я верю, что придёт. А ты?

– Я теперь всему верю, что утверждаешь ты, – улыбнулся Алексей. – Это тоже Бог открыл?

– Можно и так сказать. Кстати, не забудь подарить сыну ту свирель. Надеюсь, ты её не потерял?

– Уже подарил, – счастливо заулыбался тот. – Сразу как увидел его, так и вспомнил о ней. – Голос его дрогнул: – Это спасло меня, Ваня: если бы не полез за ней в балетку, не увидел бы подброшенную мне «травку».

Чуешь, что могло произойти? Тогда бы точно уже не разговаривал сейчас с тобой.

– Вот оно как! Стало быть, ещё и в этом смысле не зря я над ней трудился! – покачал головой Вайс. И тут же упредил вопрос: – Ничего не поделаешь, сотворить свирель – это моя слабость. Или хобби, как теперь модно говорить. А сразу не сказал, потому что ты ведь мог и не принять. Не всегда можно было угадать твоё настроение.

– Ты столько раз говорил, что ты мой должник, Ваня. В каком же долгу тогда я перед тобой! – взволнованно прошептал Алексей. – Пусть Господь воздаст тебе за всё.

– Аминь! – заключил Вайс. – Ты ещё что-то хотел сказать?

– Только один вопрос ещё, Ваня? Что-нибудь об Илье Громе слышал?

– Слышал. Он уже с воли письмо прислал. Дождались его и мать с отцом, и жена с сыном. Все вместе ходят в церковь к баптистам. Кстати, тебе большой привет.

– Благодарю. Если честно, переживал я за него. А верующие, значит, приняли, не побоялись прошлых «заслуг» Ильи?

– Он примирился с Богом, вот Христос его и принял. Потому что Он печётся о заблудших душах. Мы же только что говорили с тобой о Его благодати.

– Ну в моём случае всё намного сложнее, – грустно покачал головой Алексей. – Мне-то придётся возвращаться туда, куда Илья пришёл впервые. Туда, где я столько наворотил, что... Да я уже рассказывал, что не с одним тобой, как с верующим, подло обошёлся. Пусть не нарочно, но так уж вышло. Ну, ладно, ты. Ты – свой человек, и тут я хоть вижу, что ты простил тот жлобский мой выпад. Но они-то! Неужели и они не станут держать зла? Ведь я попросту подставил их, и это давит на меня. И не отпускает. И как ни пытаюсь, не могу найти себе даже мало-мальски вменяемого оправдания.

– В этом и есть твоя беда, Лёша. Подчёркиваю: не вина, а беда. Потому что пытаешься оправдаться своими силами, а не предоставишь сделать это Богу. И это при том, что только Он может оправдать примирившегося с Ним. Смотри: как будто нас имел в виду апостол, когда говорил: «Ни воры, ни лихоимцы... ни грабители – Царства Божьего не наследуют. И такими были некоторые из вас, но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1 Кор. 6:10–11). – И в другой раз о том же: – «Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками. Поэтому... будучи оправданы кровью Его, спасёмся Им от гнева. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасёмся жизнью Его» (Рим. 5:8–10).

330

Если Бог любовью Своей оправдывает таких людей, не это ли же самое остаётся делать и верующим в Него? Это к слову о твоём сомнении насчёт друзей, которые были тебе братьями во Христе, и, кстати, я считаю, что таковыми и остались. Судя по твоему рассказу, эти люди – настоящие христиане и уродовать себя низким чувством злобы или мести не будут. Они не подсобное орудие лукавого, чтобы злом умножать тьму в мире. Они знают, сколько обид, насмешек и мук претерпел Тот, Кто всем прощал и на зло отвечал любовью. Той жертвенной любовью на кресте Он спас всех, в том числе и их самих. А в том числе и нас с тобой, Лёша. Вот и делай выводы, а я пошёл. Вон, уже зашевелился лагерь!

– Да, это подъём. Благодарю, Ваня. Теперь всё. Прощевай.

– Всех благ вам с Бубновым. И не забудь о письме, если не успею вернуться.

– Не забуду. И тебе всего доброго.

Сразу после развода, получив справку об освобождении и заработанные деньги, свободный теперь уже гражданин Блинов присоединился, наконец-то, к ожидавшему в бараке Бубнову. Там оба переоделись в припасённые для воли джинсовые костюмы, а за воротами их ждал Фёдор Сутягин, бывший зэк, после освобождения оставшийся работать в хлебопекарне местного посёлка. Некуда было ему податься, да и незачем. Как он сам пояснял: «Ни кола у меня, ни двора, ни души близкой. Один, как перст! Да и всё равно посодют не за одно, так за другое, так хоть сразу, без всяких этапов – на знакомую шконку». В такой для него перспективе мало кто сомневался: ни для кого – ни для зэков, ни для администрации – не было секретом, что он был доверенным лицом Бубнова на воле и через него – ну и, конечно, через прикормленных вертухаев, в основном «хачей» с Кавказа, – в зону шел «подогрев» для Васьки. И не только для него, разумеется. Понятно и то, что он был по-своему предан Бубе, называл не иначе, как «шеф», и в случае ареста ни за какие коврижки не засветил бы его. Почему? Да потому что вышло бы себе дороже: в доле ведь, как ни крути, были не только рядовые вертухаи. И потом, лишь благодаря Бубе вёл Федька более или менее сносный и даже завидный для контингента посёлка (менты со всего района и их семьи, а также зэки ближайшей колонии-поселения) образ жизни: то есть, имел вполне ещё пригодные «Жигули» и выходные дни чаще проводил не в посёлке, а в Сыктывкаре, до которого было около двухсот км. Случались такие дни и среди недели, когда ввиду «производственной необходимости» (читай: прибытие «подогрева» – В.П.) Сутягин спешно покидал работу и мчался на «жигулёнке» либо в другой посёлок, либо в Сыктывкар. (Галочка в рабочем табеле проставлялась в обмен на доставленную поллитру, сами знаете чего – В.П.)

Вот этот самый Фёдор с сияющей улыбкой и встретил счастливцев, и радушно, с явно выраженным подобострастием пригласил их в натёртые палитурой до блеска и оттого сверкающие на солнце «Жигули», показушно поставленные им (скорее всего, с подачи самого Бубы) перед штабом администрации: двухэтажным зданием, фасадом обращённым на волю, а тыльной стороной созерцающим мрачную территорию зоны. Пограничный пост, так сказать, шлагбаум, разделяющий жизнь ээков на «до» и «после». Васька, перед тем, как сесть в машину, не менее демонстративно повернулся к зданию и небрежно помахал в прощальном приветствии всем сотрудникам штаба, следившим за его отбытием. Что они в тот момент прилипли к окнам, он не сомневался, а потому и рисовался на прощание чуть дольше, чем надо бы. Любил Буба эффектные сцены, что уж тут говорить. Уже взявшись за дверцу, он указал Фёдору на заднее сиденье.

– Садись здесь со мной.

– Дак это... – заикнулся было Федыка.

– Машину Лёха поведёт. А ты расскажешь мне, что почём.

– А-а. Ну Лёха, так Лёха, мне-то что, – с готовностью кивнул Сутягин и юркнул в машину. – Куда сначала, шеф?

– А то ты не знаешь. Поехали, где бабки.

– Понял. Давай, парень, рули прямо. И это... посматривай в зеркало, не пристроится ли кто сзади.

– Бу сделано, – дурашливо вскинул руку Алексей и, едва сдерживая рвущееся наружу радостное волнение, «зарулил». Хотелось петь, кричать, плясать, рассказывать хоть тому же Сутягину о столь долгожданной свободе. Но вместо этого пришлось невыносимо долго, медленно и нудно для души петлять (опять же для конспирации!) по напрочь разбитым дорогам посёлка на другой его конец, пока не остановились у одного частного дома за хлебопекарней.

– Тута мои апартаменты. Пра-ашу! – гордо вытянул руку Фёдор и чуть суетливо: – А-а, это... Алексей с нами?

– Нет. Побудь здесь, Лёша, – коротко бросил Васька в заметном волнении. – Надо будет, позову. Ну, и посма-тривай, если что, да? – И поспешил в дом за Фёдором.

В эти хоть и долгие, но пока ещё считанные минуты ожидания Алексей прямо-таки дрожал от нетерпения. Прошло, пожалуй, чуть больше полчаса, а ему казалось что оба пропали насовсем. Ах, как хотелось побыстрее покинуть этот опостылевший край. Опостылевший до того, что в душе наряду с ликованием росло недовольство на Ваську за кажущуюся столь длительной задержку. Чтобы хоть как-то скоротать время, вышел из машины, открыл багажник и, приподняв коврик, убедился в наличии за-паски. Там же обнаружил укрытый чистыми тряпками небольшой чёрный дипломат с отливающим золотом ко-довым замком посередине и, почувствовав неловкость, быстро вернул всё на место. Ещё раз обошёл машину, под-нял капот и облегчённо выдохнул, увидев наконец Бубу в дверях дома. Сразу стало понятным столь длительное их отсутствие: с широкой улыбкой на лице он энергично потряс оттопыренным большим пальцем и шагнул к ма-шине точно с таким же модным чёрным дипломатом, что и в багажнике, и сумкой через плечо. Фёдор семенил по-зади с двумя большими канистрами бензина и казался не менее довольным, чем «шеф».

«Похоже, всё срослось с бабками, – теперь уже удовлет-ворённо хмыкнул про себя Блинов. – В чём, в чём, а в фи-нансах Васька – дока. Всё до мелочи на учёте. Но на кой ляд Федыка ташит эти канистры?»

– Бензин, что ли? – вышел, чтобы помочь. – Зачем? Нам же бака за глаза хватит?

– Запас карман не тянет, – отмахнулся тот. – Ты в го-род не ездишь, вот и не знаешь, какая там напряжёнка

с бензином. На трассе нигде не заправишься, а ждать у бензоколонок с моря погоды я не хочу. Увидишь, какие там очереди, тогда и поймёшь.

– Ну, смотри сам, – пожал плечами Алексей и вернулся за руль. – Твоя машина, мне-то что.

– Да всё пучком, – плюхнулся Буба рядом с ним. – Федя дело туго знает. – И указал напарнику на заднее сиденье. – Теперь, Федя, будешь один «на Камчатке». Хочешь – спи, а хочешь – пой. – И развернулся к нему, будто вспомнил что-то. – Ну-ка, скажи вот прямо при Лёхе: доволен расчётом? Не обидел тебя Буба?

– Ше-еф, – укоризненно протянул улыбающийся Сутягин. – О чём ты! Да я...

– Лады, лады. Слышал, Блинов? И ты в накладе не останешься. Будь уверен.

– Да кто бы сомневался, – подыграл Алексей Федыкиному укору. Душевное состояние Бубнова соответствовало его собственному, и он не слишком осуждал его за столь покровительственный тон. Ну, ни дать ни взять, кормилец и благодетель.

– Значит, полный ажур? – оглядел обоих Буба. – Тогда давай, Федя, по пять грамм на каждый зуб. Доставай там в сумке огненную воду и всё сопутствующее!

– Может, тебе лучше децала, – показал на сумку Фёдор. – Тут всё наготове.

– Не-не, пока терпимо, только легонько подрумянимся. Лёше нельзя, знаю. Зато ты со мной отметишь наше полное и безоговорочное освобождение. – И предупредил: – Ты мне только на донышко плесни... для запаха, а дури у меня и без этого пойла хватит на семерых.

«Дури! – торкнулось в голову Алексея. – А ведь я успел уже и забыть о «своей травке». Вот что значит – радость бытия! Зато вчера чуть не умер от страха. Дела-а».

Между тем Сутягин налил в гранёный стакан какой-то мутной жидкости и подал Бубе вместе с корочкой хлеба и солёным огурчиком.

– Ну, прощай, зона, да здравствует свобода! – с пафосом выкликнул тот и, осмотрев содержимое стакана на свет, выпил и долго тряс головой, морщился и отдувался: – Ну и гадость! И как только коммунисты её, проклятую, пьют?

– Они не пьют, – хихикнул Фёдор. – Они за воротник закладывают. А если бы увидели, как ты морщишься, тут же и завязали бы.

– А чё, на «травку» бы перешли? – хитро прищурился Васька.

– Про них не знаю, а мне ты охотку отбил, это точно.

– У-у, да ты прямо неженка. На, вот, держи посуду и покажи, как надо пить! Смотри, Лёха, такое священнодействие не часто увидишь.

Сутягин не заставил долго себя уговаривать; налил чуть ли не полный стакан и, перекрестив его шепотью правой руки, пробормотал: «Выйди нечистый дух, останься чистый спирт». Затем, коротко выдохнув, залпом осушил его, с невозмутимым видом перевернул стакан и поцеловал доньшко. И только потом понюхал корочку.

– Да ты просто профи, – изумился Алексей, проследив за ним, и расхохотался: – Однако не заметно, что тебе так-то уж и отбило охотку. Вон как смачно причастился?

Фёдор с довольной улыбкой развёл руками, дескать, для вас же старался.

– Крестил-то зачем? – ухмыляется Васька. – Верующим, что ли, заделался?

– А, все мы верующие, когда приспичит, – отмахнулся Сутягин. – Это я один раз ещё в детстве увидел, что мужики так делали, и больно уж понравилось. Потом в привычку вошло.

– Да верующий, верующий, не оправдывайся, – весело продолжал подначивать его Буба. – И заметь: ничего в этом плохого нет, только хорошее. Вообще человек должен во что-то верить, ведь это никогда не мешало ему. Наоборот! Вот я верил, что освобожусь, да? И освободился. Вот те и результат веры! – Тут он вспомнил что-то и зорко огляделся: – Федь, а Федь! А Мозоль-то струхнул, не подослал своих казачков!

– Вроде нет, шеф, – откликнулся тот. – Но лучше сплюнь, чтоб не сглазить.

– Да нам что сглаз, что Мозоль; плевали мы на всё, – громко рассмеялся Буба, и гнусаво пропел: – Нам не страшен серый волк, серый волк... А вот с этим, – любовно огладил дипломат, – не страшна никакая милиция. Фартовая житуха только начинается, други мои сердешные. Э-эх, как вспомню, так вздрогну. – И затянул вполголоса: «Быва-али дни весёлые: по сорок дней не ел! Не то, что было нечего, а просто не хотел!» Нет, лучше вот эту нашу, родимую... На все века.

И замурлыкал «Мурку», столь чудовишно перевирая незамысловатый блатной мотивчик, что Алексей еле удержался, чтобы не рассмеяться, но не смог не удивиться: «Знатно, однако, медведь потрудился в детстве над твоими ушами, хоть ты и шулер».

Несмотря на это, его бодрое настроение передалось и спутникам. Фёдор то голосом, то веселым свистом тшетно пытался подладиться в такт солисту; Алексей же, слушая обоих, благодушно улыбался.

– Ну, всё, – не допев, оборвал арию певец. – Теперь давай, Лёша, аллюр три креста: гони во весь опор. Дорогуюто, думаю, изучил уже вдоль и поперёк, а?

– Не заблудимся, – заверил Алексей.

– Ты гони по старой, – не удержался от совета Сутягин. – Мимо фермы. Пусть тряско, но короче и быстрее.

– Тоже так думаю, – согласился Алексей. Ему захотелось ещё раз постоять на том месте, где вчера повстречался с сыном. Ну и только что мелькнувшая мысль уже не оставляла: дескать, чего той «травке» пропадать, если вон тому же Фёдке сгодится. Это ж какие деньги выручит мужик! Поэтому, чуть не доезжая до распадка и углядев за камышом и осокой знакомый ерник, съехал на обочину и заглушил мотор.

– Чё, приспичило? – ухмыльнулся Васька. – Ну, дуй, вон, в камыши. Как раз для тебя погодились. Давай, только быстрее. Что-то не спешим мы расстаться с зоной.

– Я вас дольше ждал, – шутливо огрызнулся Блинов. – Я мигом.

Узелок был на месте. Карликовая берёзка (ерник), расстелившаяся по болоту своими тоненькими бурыми веточками, надёжно сохранила то, что могло обернуться Алексею, как минимум, новым сроком. Во всяком случае, аннулированием решения об УДО, это уж точно. Сунув узелок в карман куртки, он тут же вернулся в машину.

– Ты вроде что-то там припрятал, а, Лёша? – полюбопытствовал Буба. – Для кого, если не секрет? Не-е, если что-то личное, можешь не говорить.

– Не спрятал, а забрал припрятанное, – уточнил Алексей и упредил дальнейшее любопытство: – Шас, спустимся в распадок, там и покажу, и расскажу. Это чтобы лучше дошло до вас, почему там, а не здесь. – И тронул машину с места.

– Ну, давай, кажи, что имеешь, – нетерпеливо побарабанил по панели Васька, когда съехали вниз. – Поглядим, стоит ли оно того, чтобы терять на это время.

– Неужели клад, слушай? – просунул голову Сутягин и подмигнул: – Чур, делить поровну.

– Делите, – положил Алексей узелок на панель. – Разворачивай, Вася. Да смелее, не взорвётся.

Но и Васька, и Фёдор уже застыли от изумления: у них, что называется, отвисла челюсть. Буба, кажется, даже потерял дар речи. Да и немудрено, если учесть, какой дурманящий аромат заполонил кабину.

– Дурь! – выдохнул, наконец, Васька и переглянулся с Фёдором. – Высшая!

– Она. Целый оковалок! – подтвердил тот, жадно сглотив. – Я ж говорил, клад.

И оба опять воззрились на Алексея.

– Это то, что Котов с Ключевым вчера искали у меня в балетке, – пояснил он, отвечая на их немой вопрос, и достал из-под низу два пакетика: – Чуете?

– Вот это номер! Это же тебе, считай, труба бы полная была! Как же ты обнаружил? Кто подбросил? – наперебой вопрошали Буба с Фёдором.

– Кто подбросил? Скорее всего Котов. Он всё около меня там ошивался. Но утверждать не могу. Не знаю. Зато знаю точно, кто не дал захлопнуться капкану. Кто уберёт от нового срока.

– Кто? – разом выдохнули оба.

И Алексей, как ни готовился к краткому пересказу, а не мог сладить с внезапно возникшим волнением. Вновь, как и вчера при обнаружении наркотика, его охватил тот липкий страх, и вновь, как и тогда, ощутил ужас уготованной ему судьбы. И роль, спасительная роль сына в этом эпизоде. Ведь если бы не свирель, не её поиски... Он потёр руками грудь и просительно взглянул на Бубнова.

– Уберите эту гадость долой с глаз моих, если хотите, чтобы рассказал, как всё было, – произнёс глухо и после того, как узелок исчез в сумке Федора (пакетики Васька прибрал в свой карман), продолжил: – Вчера я здесь, вот на этом самом месте встретил своего сыночка. Если бы не он, я не заглянул бы в балетку, где уже лежала «травка». Не было нужды, да и не подозревал, что кому-то

придёт в голову меня так подставить. Ну вроде бы, кому я нужен! Это... давайте выйдем на минутку, а то тут такой духман, что голова кругом пошла.

– Дак это, конечно, какой вопрос? – засуетился Буба и, прихватив дипломат, первым выскочил из машины. С другой стороны хлопнул дверцей Сутягин.

По-видимому, Алексей смог передать ту яркую картину встречи с сыном и столь к месту возникшую потребность в подарке, потому что и Бубнов, и Сутягин слушали, затаив дыхание, и только покачивали головами. Причём Буба всё ниже опускал свою, глаза его увлажнились, но наворачнувшись на них слёз он не замечал. Лишь когда рассказчик смолк, спохватился и утёр их рукавом.

– Такие вот дела, – грустно подытожил Алексей. – Поэтому не боюсь показаться смешным и сказать, что это Бог послал мне сыночка для моего спасения. Что будет дальше, не знаю. Буду искать их. – И сам же заторопился: – Дальше рассусоливать не будем. Поехали, а то до обеда дальше фермы не выберемся.

В молчаливом согласии все трое сели в машину и долго ещё в дороге не проронили ни слова. Кажется, история Алексея навела каждого на грустные размышления о собственной судьбе.

– Бог-то, конечно, Бог, но и сам не будь плох. Так, кажется говорят, – тяжело вздохнув, вслух начал размышлять Бубнов, когда уже и ферма осталась далеко позади. – Про подставу промолчу: слава Богу, пронесло. Но как же ты теперь найдёшь своих? Ни здешнего их адреса у тебя, ни заграничного... Как? К сожалению, тут и я тебе ничем помочь не могу.

– В том-то и дело, Вася, что ты уже помог.

– Я? Издеваешься, что ли?

– Нет, вполне серьёзно.

– Ну, и каким же это боком?

– Таким, что ты выташил Вайса. А знаешь, кто вчера у Ивана на свиданке был? Подожди, не перебивай. Вот тот самый горе-шофёр, который был с моим сыном. И у меня есть адрес, где этот Зайлер оставил бабушку Глеба. Вайс дал мне этот адрес. И знаешь, где это?

– Ну-ну, не тяни, – нетерпеливо попросил Васька.

– Под Омском! Смекаешь, к чему это я?

– Так-так-так, – оживился Буба. – Теперь он поехал туда за ней. Не оставлять же её в России. Хочешь сказать, что если они не успеют уехать, то ты вполне можешь застать их там?

– Да, клёво бы было. Только застать я их уже не застаю, но адрес Риты в Германии узнаю, а это, как говорится, полдела.

– Ну, тогда я, и правда, помог тебе и заранее рад за нас обоих. Нет, ты смотри-ка, нам же теперь и совсем по пути: от Омска-то до Татарска – рукой подать! Короче, так: сначала обтяпаем твои делишки в Омске, а потом к моей матери, как и обговаривали.

– Ну, это замётано! Теперь давай-ка, расскажи про своё ночное похождение. Уж больно мне интересно, как ты додумался насчёт Ивана? Или кто-то уже там надоумил?

– Да кто же, как не ты, – искренне удивился Васька. – Я от одного твоего вида вчера разжалобился. Вижу, для тебя это серьёзней некуда, ну и провернул по ходу дела.

– Но как-то же надо было ухитриться его вытащить?

– Ловкость рук и никакого мошенничества, – расплылся в улыбке Буба. Видно было, какое удовольствие доставил ему этот эпизод. – Я же говорил, что иду к начальничкам?

– Было дело.

– Так вот я им мастер-класс этой ночью давал; один против пятерых играл.

– Один против пятерых! – восхищённо зацокал языком Сутягин.

– Да. Причём в одной майке и ихними новыми сти-рами. Поначалу-то, конечно, как показательное выступление было, без бабла, то есть, а потом при полном, всеобщем согласии пошла игра «под интерес». Но чтобы без обиды, на равных: я – не зэк, они – не вертухаи. За всех их стал играть отрядник, тот, который Вайса упёк. Я этого лоха сразу накнокал, и несколько раз сдавал ему партию за партией в «буру»; ну, спецом, сами понимаете. Это, чтобы именно его выбрали. А уж когда так и вышло, то дальше дело-то совсем плёвое: опять же, для начала пару раз через раз поддайся, вдохнови лоха, дескать, он реально что-то может – и отрывайся по полной. С одним-двумя перерывами на поддавки. Короче, ободрал его до трусов. Потом предложил отыграться, а на кону вместо бабок – твой Иван. Намекнул, что если и выиграю, то верну всё, если тут же отпустит Вайса. Вот и всё. Он сам выпроводил Ивана в санчасть под предлогом обострения травмы, а я вернул честно заработанное.

– Вася, ты – непревзойдённый талант! – качая головой, восхитился Алексей, не спуская, однако, глаз с дороги. – Да что там талант: гений шулерского искусства!

Лицо Бубнова вдруг стало серьёзным:

– Нет, Лёха. С сегодняшнего дня я ни тот, ни другой. Перевернулось что-то во мне, когда понял, что сделал доброе дело для совсем мне не нужного человечка. А вот теперь ещё ты своей историей разбередил душу, добавил путаницы в мозгах. Вспомнил я то, о чём не забыл, но не хотел вспоминать. Расскажу как-нибудь. А с твоим Вайсом совсем расчувствовался. Веришь, никогда в жизни не испытывал такого. И ведь сделал-то не потому, чтобы очень того хотел, так откуда эта радость? И хоть ни пощупать её, ни посчитать, ни в карман положить, а будто богатство привалило несметное. Потом увидел вдруг как бы со стороны себя и всех этих начальничков, и знаешь,

что пришло в голову? – Бубнов криво усмехнулся: – Я понял, что если поменять местами нас, зэков, и их... то есть, одним вместо лопаты, пилы, кирки дать ружьё, а другим, наоборот, всё это вместо ружья, то в итоге ничего не изменится. Этой подмены никто даже и не заметит. Ну, разве что родные. Так и они лишь поменяются местами. Во, насколько мы здесь срослись. И кто из нас злее и подлее – ещё вопрос. На который не хочется знать ответ. Во всяком случае я не хочу знать. Пока не хочу.

Голос Васьки осип, он даже выпустил драгоценный дипломат из рук, и теперь они, прижатые к губам, мелко-мелко дрожали. Это походило и на привычную «таску» наркомана, но ещё и выдавало крайнюю его взволнованность. То есть, явно усугубляло её. Мельком взглянув на него, уловил это и Алексей, и замялся, не зная, как расценить такое неординарное признание.

342 – О, да ты ещё и философ, – обронил полушутливо. – Не ожидал услышать от тебя что-то подобное.

– А я ожидал? Да я обсмеял бы любого, кто сказал бы мне это ещё вчера. Лю-бо-го. А теперь – всё! Это был мой последний сеанс.

– Не зарекайся, Вася, – не поверил Алексей. – Последняя у попа жена.

– А я говорю, последний, – упрямо повторил тот. – Потому что кончился шулер и мошенник Васька-Буба. И если уж когда ворачиваться в зону, то желательно бы в качестве... ну, хотя бы средненького такого начальника. Чтобы стричь таких, как я.

– Ну-у, шеф, это у тебя отходняк начался, раз начал буровить чё попало, – подал голос Фёдор. – Может, примешь децала? А то к добру такие дурные думки не приведут.

Буба на мгновение вострепнулся (принять – не принять?), но тут же куражливо замотал головой:

– Не-е, никаких! Сказал – завязал. Кончился, значит, кончился. – Немного помолчал и уже не столь категорично: – Вернее, сегодня кончится.

– И кто же тогда начнётся? – без всякой иронии спросил Блинов. Он никак не мог ухватить, говорит ли Васька серьёзно или просто «плетёт кружева». Представиться больным, незаслуженно обиженным властью или, наоборот, её пламенным защитником для него не составляло никакого труда. Актёром он был высшего класса. – С чего начнёшь жизнь новую?

– Новую? – мечтательно закатил глаза Бубнов и повторил, вроде как пробуя слово на вкус. – Хм, новую... Ну, если выживу... Нет, не так, – он даже приосанился: – Если живым доеду до матери, то первым делом пойду в церковь. Прямо с порога беру её – и туда. Так нам обоим будет лучше: мне не придётся много врать, а ей – расспрашивать. Да и простить меня ей будет легче. Как думаешь, Лёша, простит?

– Простит, конечно. Матери, они ж нам всё прощают.

– Вот и я сильно на это надеюсь. Я об этом в первый раз задумался, когда Вайс про блудного сына из Библии рассказал. Тому, правда, всё отец простил, а мой пахан в лагере умер, когда мне только десять было. Ну мать простит, это ж одинаково. Она и так-то была набожная, а после его смерти и вовсе верующей стала. – Васька засуетился, будто только что вспомнил про отца и принялся загибать пальцы. – Так, батьке свечку за упокой не забыть поставить. Чтобы, значит, облегчение грехов его душе вышло. О, это обязательно! Это чтобы ему там... – И смолк в натужном поиске должной перспективы для умершего. Но поскольку ничего определённого не вырисовывалось, грустно вздохнул: – Правда, если верить Вайсу, списать грехи можно только при жизни и только в покаянии перед Богом. А всё, что потом, то – уже ни Богу свечка, ни

чёрту кочерга. То есть, свечка покойнику нужна, как ему же и припарка. Да, всю малину спутал мне Вайс своими рассказами о спасении души. А как хорошо мечталось.

– Вот и надо было предметнее поговорить с ним, раз уж у тебя такой настрой был, – пожалел его Алексей. – Глядишь, и все сомнения снял бы.

– Может, и снял бы, – отрицательно качнул головой Бубнов, – но не идти же мне в их церковь! А именно это он мне и советовал. Я об этом с ним уже наговорился, и кое-что знаю об их вере. Не православные они, вот в чём беда. У нас проще: отстегнул попу да дьякону на хвост пушистый, так они за тебя и на иконку помолются, и грехи спишут. Бывал ещё мальцом с матерью, знаю. А что: и дёшево, и сердито. – Тут он сделал многозначительную паузу, взмахнул воображаемым кадиллом и нарочито гнусавым, заунывным голосом сымитировал: – «Прощаются грехи рабу Божьему...» – И вздохнул невесело. – Ах, да пусть бы и дорого, мне лишь бы матери теперь угодить.

– Так и в других церквах, я слышал, списывают грехи, – решил блеснуть знаниями религиозного вопроса молчавший всё это время Фёдор. – У тех же баптистов, к примеру, как твой Вайс.

– Ну ты сказанул тоже! – Васька будто ждал этой реплики и, повернувшись к Фёдору, стал поучительно, как неразумному дитяти, втолковывать: – В ихней церкви – не то и не так. Благодичности нету такой, торжественности, как у нас. Заташил как-то меня один друган к ним (по малолетке это ещё было), так я с тоски да жалости чуть не помер. Голые стены, слушай, да ряды ободранных скамеек – вот и вся церковь! А в нашей-то всё нарядно, в бархате да позолоте, да образа, да ангелы кругом; на что уж отец безбожник из безбожников был, а и тот признавался, что, мол, как в церковь зайдёшь, так и притихнешь от чувства чего-то значимого, таинственного. У баптистов

же и таинства исповеди не соблюдают: каяться принято прилюдно. Прикинь: ползают все на коленях, ревут, а ни кадила, ни алтаря, ни икон нету. По Ивану выходит, что икона – это тот же истукан, а Бог, мол, в сердце человека и слышит каждого, где бы тот ни находился. То есть, исповедоваться надо Ему, а не попу. Но, извиняюсь, где же Он, если Его нигде нету? Получается, пустому месту кланяйся, а не предметно Богу или кто там ещё на иконе бывает: Христос? Богородица? Сам точно не помню, уж больно давно последний раз в церкви был. Но ничё-ничё, осмотрюсь, освоюсь на воле, пойму, что к чему, тогда и решу, где и кому кланяться. Тем более, что каяться, как говорит сам Иван, никогда не поздно.

– Никогда не поздно, – эхом откликнулся Алексей. – Знакомые слова.

– Ты чего это? – тронул его за плечо Бубнов. – Чё осмурел-то так, Лёха?

– Нагнал ты на меня тоску, вот что я тебе скажу. Всё это уже было у меня. И рассуждал вот так же: дескать, ещё успеется. И думками точно такими же ублажал себя. Но поверь, однажды вдруг окажется, что всё совсем не так. Что уже поздно.

– Э, братан, – предупредительно поднял руки Буба, – избавь нас от этой своей хандры. Тебе ли тосковать после такого-то форта! Шутка ли: судьба на волоске висела!

– Я не тоскую, наоборот: я понял, что это Бог послал мне в тот момент сыночка и не перестаю славить Его за своё спасение. Но раз уж ты задумался о Христе, то и сказал к тому, что не хочу, чтобы кто-то повторял мои ошибки.

– Правильно, Лёха, ошибки надо исправлять, – Васька уже высвободился от наплыва душевных чувств и, хитро усмехнувшись, хлопнул по дипломату: – И мы их исправим! Вот тут есть безотказное средство для устранения разных проблем.

– Это как ты только что обрисовал? Попу – денежку, дьякону – денежку?

– Именно! Вот как прибудем в Сыктывкар, так прямо и навестим храм Божий. Или нет, лучше в Омске; отсюда надо мотать как можно быстрее.

– Зачем на одно и то же мероприятие тратить время, которого и так в обрез?

– У тебя есть вариант?

– Есть. Не проще ли будет пойти вместе с твоей матерью в вашу церковь? Тем более, что ты так красочно расписал её.

– О, вот это умная мысль! Вот за это хвалю, Лёша. Так и сделаем. Сходим ещё и специально для того, чтобы ты убедился, как всё там чинно, благородно и в то же время просто: зайдёшь – грешник грешником, а выйдешь – сама невинность! Этаким ангел с крылышками: чистенький, розовенький, безгрешный барашек. И всё это благодаря вот этому универсальному чудо-средству от грехов. Пиастры, брат, великая помощь в отпущении грехов!

– Нет, Вася, если честно, то это средство как раз и отдаляет от Бога.

– Ну, не скажи, не скажи, – самодовольно улыбнулся Буба. – Это почему же отдаляет?

– Потому что не может человек служить одновременно двум господам...

– Знаю, знаю, наслышан, – замахал руками Васька. – Богу и богатству, да? Но я на этот счёт тоже много думал и согласен с тобой лишь отчасти.

– Отчасти, это как? – не сдержал усмешки Алексей.

– А вот так! Если у тебя денег – «кот заплакал», то и ежу понятно, что служить двум господам не выйдет. Тут и одному-то не угодишь. Но если у тебя их – «куры не клюют», то ты уже сам – господин, и можешь позволить себе служить кому захочешь.

– Можешь, – подтвердил Алексей. – Но захочет ли Бог, чтобы ты Ему служил, вот в чём вопрос?

– А почему бы и нет? – пожал плечами Буба. – Лишь бы я этого хотел.

– Нет, Вася, не нужен Богу такой служитель. Страсть иметь эти пиастры и приводит к греху, а грех – это единственное, что ненавидит Господь.

– Ну, ты прямо, как Вайс, заговорил. Что-то раньше я от тебя таких рассуждений не слышал. Ты вроде как не бедствовал на воле-то, а?

– Не бедствовал. Что, в общем-то, и привело к беде. Поверь, я знаю, что говорю. Уж больно замылен был глаз мой любовью к деньгам да к красивой жизни.

– Был? А теперь что: вот так сразу и «прошла любовь, завяли помидоры»?

– Пока не берусь утверждать, но снова надрываться, как надрывался, чтобы иметь их, остерегусь. Есть – ладно, нет – тоже переживу. Так-то оно жить спокойнее. Вспомни библейскую историю о богаче Закхее, которую ты недавно слышал от Ивана?

– Это который своё богатство нищим раздал? – ухмыльнулся Васька. – Помню, конечно, а как же. Помню, и даже нашёл объяснение этому глупому поступку.

– Нашёл-таки? Ну-ка, поделись.

– В общем-то, если такое даже и было, то это сказка в пользу бедных. Да, допускаю, что он раздал какую-то часть, но как я подозреваю, только в качестве либо показухи, либо подхалимажа. Ну как же: ведь перед ним был Сам Иисус! Вот Закхей и подсуетился. Да и не отдал бы сам, так толпа – вон их сколько следовало за Христом! – силой бы забрала, чего им стоило? А скорей всего распихал он бабки между своими же родственниками, только для того, чтобы или от налогов уйти, или не все доходы в декларации указать. Это же и сейчас чиновники всюю

практикуют. Рассказать, на кого записаны все дома и бабки наших начальничков? Или сам в курсе?

– В курсе, Вася, в курсе, – сказал Алексей и покачал головой. – Да-а, ловко ты научился любую ситуацию подвёрстывать под нужный тебе расклад. Но тут к месту хорошая пословица: «Слышал звон, да не знает, где он». Уж извини, брат, но это про тебя. Одно ведь дело нахвататься вершков, и совсем другое – попробовать разобраться. В ситуацию вникнуть. А ты не то, что не вникал, ты поставил всё с ног на голову. Но задуматься, Вася, нам обоим всё равно когда-то придётся. Жизнь заставит.

– Не заставит, – нисколько не обиделся Буба, наоборот, ещё шире расплылся в улыбке: – А если заставит, то ты и задумывайся; мне это дело противопоказано с детства. Пусть лошадь думает, у неё голова большая. Во, ещё что я тут вспомнил! Вайс что-то о сроках говорил, дескать, всему своё время: что пахать, что гулять! А это уже прямо про нас с тобой. Мы своё отпахали, то есть, отмотали срок, теперь не грех и разгуляться. Откуда сегодня отчалили, не забыл? Так давай порадуемся хоть первое время! А Бог что: Бог пождёт, не грусти. У меня вон кумар на излёте и то не ною.

– А я о чём? – обрадовался Сутягин. – Давай, шеф, мал-мал ещё поддурянимся? Уж гулять так гулять, а то как-то ни в одном глазу после первой, а? – Он вдруг подался вперёд всем телом, просунув голову между спинками сидений и сдавленно вскрикнул: – Оба! Атас, Лёха, смотри!

Алексей уже и сам рассмотрел, что навстречу им, на прямой, как стрела, хорошо утрамбованной, но узкой дороге, с подступившими к ней с обеих сторон кустарником и мелколесьем показался «КрАЗ». Уже можно было видеть, что двигался он посередине, не прижимаясь к обочине.

«Отморозки Мозоля, – мгновенно мелькнула догадка, и заколотилось в дурном предчувствии сердце. – Удачно подстерегли, не увильнуть! Но откуда у них «КрАЗ»?

Он притормозил, однако внешне не выказал беспокойства.

– Вижу. Ничего страшного, потихоньку разъедемся.

– Ты что, Лёха? Не видишь, что он задумал, раз по середине прёт? Это же Конь-голова, первый кент Мозоля, – взвизгнул Федька, подтверждая его догадку. – Ему нас стоптать, так это одно удовольствие! Назад надо! – И тут же захрипел от вцепившихся в глотку пальцев Бубы: – Ты чё, шеф?

– Продал, тварюга!

– Пусти его! – неожиданно властно приказал Алексей. – Ни при чём он.

– Да откуда бы тогда... – скрипнул Буба зубами, но разжал пальцы и в каком-то покорном опустошении пробормотал: – Выжидали, гады, когда бабки заберу. И ведь чувствовал, что обложат, а радовался. Кто же просемафорил, как не он?

– Потом разберёмся. Может, и не они это. Откуда бы у них «КрАЗ», а, Федя?

Федька, с выпученными от страха и боли глазами откинулся на спинку сиденья и, обхватив руками горло, еле переводил дыхание.

– Недавно у азербатов где-то на Ижме угнали, – просипел чуть слышно. – Совсем ты съехал с катушек, шеф. Зачем бы тогда я поехал с вами? Ведь знал бы, что на гибель: я-то им при любом раскладе не нужен. Что бы ни случилось, а меня они в первую очередь грохнут. – И просительно тронул Алексея за плечо: – Назад бы надо, Лёха, к пустоши. Успеем развернуться?

– Не успеем, – так же тихо, будто размышляя про себя, ответил тот. – Аккурат стопчут они нас в лепёшку, а в лоб есть шанс уйти. Там впереди небольшая полянка должна быть. Съехать можно. А не успею, посмотрим, такой ли уж смелый, этот твой Конь-голова. Короче, держитесь зубами

за воздух. Будет тебе, Вася, как ты и просил: аллюр три креста. – И ещё раз властно: – Держитесь, говорю!

Вырулив так же, как и «КрАЗ», на середину дороги, «Жигули» сразу же рванули ему навстречу.

Васька, бледный, как полотно, весь скукожился и, прижимая дипломат к груди, обречённо смотрел вперёд. В лице его читался не просто страх, но ужас.

– Ты чего удумал, Лёша? – только и спросил бесцветно, без всякой надежды.

– Проверю мужика на вшивость, – не повернув головы, тихо бормотнул тот. – Или пан, или пропал!

А в памяти уже чётко высветилась другая, асфальтированная дорога и мчавшийся навстречу «Ниссан-Патрол». И стопкадром запечатлевшаяся навсегда трагическая картина, от случая к случаю возникающая в воображении: мелко семенящий ослик, бричка, синий чапан и тубейка аксакала.

«Господи, не дай повториться подобному! – взмолился в отчаянном порыве памяти. – Прости, что обращаюсь к Тебе только в критические минуты, прости. Но раз уж Ты нашёл мне сыночка – спаси и помилуй!»

И следом мысль отвлечённая: «Только бы Васька за руль не схватился!»

Пальцы, стискивающие оплётку руля, побелели от напряжения; не отрывая взгляда от приближающегося «КрАЗа» и уже не скрывая волнения, он прокричал срывающимся голосом:

– Молись, Вася! Ты же хотел к Богу? Вот он – момент истины! Помилуй, Боже!

Расстояние между машинами быстро сокращалось, он сбросил скорость и с каким-то злорадством отметил, что замедлился и «КрАЗ», и хоть и совсем немного, но прижимается к обочине. (Это, кстати сказать, и спасло обе машины).

«Вот, вот где-то тут должна быть полянка у обочины, – лихорадочно проносится в уме. – Сколько раз съезжал на неё. Где же, где же... Вон она! – И как бездна отчаянья: – Бог мой, не успеваю!»

И тут произошло что-то невероятное: за несколько секунд до неминуемого, уже казалось, столкновения, тишину леса прорезали два, один за другим, оглушительных выстрела. «КрАЗ» взвизгнул тормозами и воздухом пробитых шин, чуть накренился и пошёл юзом, но Алексей уже успел съехать на крохотное полукружье придорожной полянки. Грузовик же, миновав их, через несколько метров вылетел с дороги вправо. Но не перевернулся, а, подпрыгивая на кочках и подминая под себя кустарник и жиденькую поросль деревьев (они погасили скорость), ударился пару раз поочерёдно одним и другим бортом о более объёмные деревья, и упокоился, ткнувшись радиатором в одну из лиственниц. Похоже, упокоились и обитатели кабины: никто не показывался из неё. Зато впереди на дороге появились какие-то мужики и направились к «КрАЗу».

«Ну, вот и всё. Последний аккорд в разборке с Яном. В который раз Ты спасаешь меня, Господи!» – прошептал Алексей, с трудом оторвался от руля и повернулся к Бубе: дескать, всё ли в порядке? И увидел вдруг, что тот, закрыв глаза, тоже что-то шепчет, а лицо его, в отличие от перепуганного насмерть Фёдора, стало теперь спокойно-торжественным, и даже... блаженным, что ли. Во всяком случае, прежнего, явного страха в нём не было.

«Молится, что ли? – замер Алексей от неожиданного открытия и, несмотря на только что пережитое волнение, а может быть, как раз благодаря ему, почувствовал неодолимое желание последовать примеру Бубы. Чуть помедлив, он со смешанным чувством изумления и тихой радости легонько тронул его за плечо. И тут же понял, что ошибся: Васька был в самом обыкновенном шоке.

Вздвогнув от прикосновения, сжался он будто в ожидании удара, втянул голову в плечи и медленно открыл глаза. Тут уже Алексей испугался: он увидел в них полную отрешённость.

– Вася, ты чё? Мы же ушли, – затормошил он друга. – Слышишь?

Буба какое-то мгновение бессмысленно смотрел на него, не переставая при этом покачивать головой. Скорей всего он ещё не понял, что произошло, и не мог выйти из состояния оцепенения.

– Лёха, веришь... вся жизнь тут, – пробормотал бесвязно и заозирался по сторонам: – Я уже простился...

– Бывает, Вася, – грустно усмехнулся Алексей. – Бывает и хуже, но – реже. Ты встряхнись, оно всё и пройдёт. А прощаться нам ещё рано. Вон, бери пример с Фёдора. Федя, поздравь шефа с возвращением на грешную землю.

Упоминание о Сутягине произвело магическое воздействие: Буба мгновенно ожил, пожал протянутую руку Фёдора и тихо засмеялся. Видимо, лишь теперь поверил в своё спасение. Тут он перехватил участливый взгляд Алексея и виновато улыбнулся:

– Я... эт самое... вишь, Лёха... нервы. Не-не, не подумай, что я так уж сдрейфил, как ты выражаешься. Но пойми, мы же первый день на воле... Кому охота на тот свет? Нервы это, нервы.

Прозвучало как оправдание человека, застигнутого врасплох за неприличным занятием; он это понял, сконфузилась ещё больше и, как бы ища поддержки, оглянулся на Фёдора. И совсем кстати увидел раскуроченный «КрАЗ».

– Так вам и надо, козлы, – содрогнулся и пробормотал сквозь зубы: – Кто это их?

– Да какая нам теперь разница, – отмахнулся Алексей, немного разочарованный ответом Бубы, и указал на мужиков, окруживших «КрАЗ»: – Вон, смотри. Разборки

местных бизнесменов. Видать, те самые азербуты, конкуренты Мозоля. А, Федя, они?

– Они, – дрожащим голосом подтвердил Сутягин. – Вон того в зелёной панаме недавно в посёлке видел. Значит, вычислили всё-таки пропажу.

– Вон ещё двое бегут, – показал Алексей. – Но главаря что-то так и не видно?

– Какого главаря? – недоумённо вскинулся Буба. Он уже успел перебороть тот свой мимолётный конфуз души.

– Ты что, знаешь их?

– Да с чего бы. Но кто-то же стрелял из карабина. А вот и охотник. Я ж говорил.

И действительно, из леса, чуть поодаль, аккуратно с того места, откуда стреляли, не спеша вышел высокий парень в штормовке, с карабином в руке и встал посередине дороги, вглядываясь в суетящихся вокруг машины мужиков. Те пока что безуспешно пытались открыть то ли заклинившие, то ли просто запертые изнутри дверцы «КрАЗа». Наконец справились с одной – со стороны шофёра и стали вытаскивать его из кабины. Он был весь в ссадинах и, похоже, без сознания. Не намного лучше выглядели и двое других его компаньонов, когда им, предварительно отобрав пару обрезов, помогли покинуть кабину. Только разглядев последнего, охотник повернулся, пристально посмотрел в сторону «Жигулей» и то ли пригласил жестом подъехать к нему, то ли вообще разрешил проезжать. Потом, наверное, передумал, опять же жестом остановил их и сам двинулся к машине. При ходьбе стало заметно, что он слегка припадает на правую ногу.

– Мать честная, – еле слышно прошепел Фёдор. – Серёжка Стоцкий! Лесник.

– Лесник? – откликнулся Алексей. – Ты ничего не путаешь? Что общего может быть у лесника с этими дельцами. Ведь это он лайбу «подстрелил».

– Он. Но ничего странного: у него с Мозолём тоже давние счёты. Да ещё какие! А стреляет он – ого! – дай Бог каждому.

– Тогда понятно.

– Иди, Лёша, вон он зовёт. Это парень – что надо! Потом расскажу про него.

Алексей открыл дверцу и вышел навстречу.

– У тебя всё нормально? – вместо приветствия спросил парень и, подав руку, уверенно добавил: – Лёха Блинов?

– Он самый, – немного опешил Алексей.

– А я – Сергей. Не удивляйся. Мне Илья Гром о тебе рассказывал. Он свой срок на поселении в наших краях заканчивал. Да я и сам догадался, кто за рулём, когда увидел, какой вираж ты зложил. И, кажется, понял, что ты задумал. Не поторопился я?

– Нет-нет, всё путём, – поспешил заверить его Алексей. – Без твоей помощи я вряд ли ушёл бы. Я тебе искренне благодарен.

– Ну, тогда и ладно. Тем более, что и у меня выхода не было: упустить я его не мог. – Он кивнул в сторону «КрАЗа»: – Вон те орлы не простили бы такой оплошности. Эх, было бы время, рассказал бы подробней, но где ж его взять? – Сергей с сожалением развёл руками, дескать, уж не обессудь, и склонился к сидящим в «Жигулях»: – А там с тобой, как я понимаю, Буба? Привет, паря! О, и Федя здесь? Привет, привет, дружище! Ну, что ж, благодаря вашему «дембелю» мне удалось хоть как-то посчитаться с Мозолём. – И упредил расспросы. – Всё просто: Ян со своими кентами следил за вами, а я – за ними. Это после одной давней информации от Ильи. – И, кивнув в сторону своих подельников, пояснил с усмешкой: – Ну, и помог конкурентам Яна, чем мог.

– Как же ты место-то вычислил? – удивился Алексей.

– Как вычислил? – переспросил лесник. И тут, словно ответом на вопрос под штормовкой у него защёлкала, за-трещала на все лады рация. – Подожди-ка, – достал он её и, коротко бросив: «Всё в полном ажуре! Пусть подъезжают!» – отключил звук и не без гордости показал на аппарат: – Видел! Вот так и вычислил. У нас ведь тоже есть свои координаторы. А это мой незаменимый помощник. Без неё, как без рук. Ну, а где Мозоль решил вас «обуть», голову не надо было ломать: места, лучше этого перелеска, не придумать. Здесь ведь ни разойтись, ни разехаться. При желании, конечно. Главное было – знать время, а уж как вы ферму проехали, то и сомнений не осталось, где. Жаль, его самого не оказалось. Ну, да не последний день живём. Ты погоди здесь, я шас.

Отойдя на несколько шагов, Сергей свистом подзвал к себе одного из подельников, о чём-то переговорил с ним, показывая на рацию, и вернулся к Алексею. В это же время вдали появился крытый брезентом ГАЗ-66.

– А вон и «хозяйка» с шинами, – сказал Сергей. – Сейчас мужики «переобуют» трофей, и тогда их иши-свиши, господин Мозоль.

– А как там шофёр? – спросил Алексей. – Ну и остальные? Что с ними будет?

– Ты что, переживаешь за них? – искренне удивился лесник.

– Да так, спрашиваю. Всё же живые люди.

– Ага, живые. Вот только вас чуть жизни не лишили. Или забыл уже?

– Ну, не лишили же. А им, похоже, и так досталось по полной. Бог им судья.

Стоцкий, приветственно махнув шофёру проехавшей «хозяйки», пристально посмотрел на него и как-то странно, не то с одобрением, не то с осуждением хмыкнул:

– Ты, видать, и правда, жалостливый. А я ведь не поверил Илье, когда он так о тебе сказал. Откуда, говорю, в лагере взялись бы такие милосердные? С волками жить – по-волчьи выть, – произнёс он тихо. И Алексей уловил в его голосе шемящую тоску. Она была настолько зримой, что почувствовал это и сам Стоцкий, и уже с наигранным равнодушием успокоил: – Да ладно, всё обойдётся, не переживай. Был бы Ян, был бы другой разговор, а с этих что взять. Малость помяло их, но уж не без этого. Хотя и не мешало бы немного поучить уму-разуму.

Тут, после совещания с Фёдором, из машины высунулся Бубнов:

– Сергей, как ты смотришь на то, чтобы отметить это дело? Приглашаю в кабак гостиницы «Сыктывкар». Покалякаем на предмет, почему деньги не ведутся. Там уже и столик заказан. Вот Фёдор, корешок твой, ещё вчера подсуетился. Ты как, не против?

Стоцкий, лишь мельком взглянув в его сторону, кивнул Алексею:

– А ты? Приглашаешь?

– Само собой. Если, конечно, ты сможешь.

– Может быть, и смогу. Шибко хочется расспросить тебя кое о чём. – И опять во вздохе что-то тоскливое.

– Тогда давай сразу с нами?

– Нет, это нет. У меня тут мотоцикл неподалеку. Но если надумаю – найду вас. А сейчас надо линять отсюда. Пора бы, как говорится, и честь знать.

Пожав Алексею руку, он подошёл и попрощался с Бубной и Сутягиным.

– Ну, бывайте, соколики! Теперь езжайте без опаски до самого Сыктывкара.

– Бывай и ты, Серёга, – ответил за всех Алексей. – Ещё раз благодарим за помощь. Если не увидимся, не поминай лихом. А встретимся – в долгу не останемся. Так ведь, братва?

Лесник улыбнулся, отсалютовал, подняв сжатый кулак, и так же быстро, как появился, исчез в лесу на другой от «КрАЗа» стороне дороги; как бы показывая, что не имеет ничего общего ни с этим разбоем, ни с его последствиями.

Последовал его примеру и Алексей; он тут же рванул с места и, выжимая из «Жигулей» все его лошадиные силёнки, долгое время гнал машину так, будто кто-то преследовал их по пятам. Лишь отъехав уже на более чем порядочное расстояние от места разыгравшейся драмы, сбросил скорость, потом и вовсе остановился.

– Перекур, – бросил односложно, отвечая на немой вопрос друзей и, бессильно свесив руки, откинулся на спинку сиденья.

Буба, не скрывая облегчения, громко выдохнул и откашлялся, прочищая горло.

– Ну, ты и нагнал страху, – не переставая отдуваться, с укором покачал головой и шутливо перекрестился. – Я уже, было, повторно за сегодня с жизнью простился. Куда ты, думаю, несёшься, как угорелый, словно за нами гонятся.

– Так и я уже думал каюк, – сипло проскрипел сзади Сутягин. – А уж там, когда на «КрАЗ» попёрли, вообще чуть не окочился. До сих пор отойти не могу. Это ж надо: на полном ходу и – бэмс! – на полянку. Как будто она специально там погодилась.

– Да, это был высший пилотаж! – видя, что Алексей не реагирует, решил Буба подбодрить его. – В любом случае «КрАЗ» уже проскочил бы мимо, а пока остановился, мы бы (Васька присвистнул) – фьюить! – И только они нас и видели. Может, и без лесника бы обошлись. Скажи, Федя?

– Вполне, – опять поддержал Сутягин, но и усомнился на всякий случай: – А может быть, и нет.

– Не может быть, а точно не обошлись бы, – отозвался наконец Алексей. – Если бы не лесник, вряд ли бы сейчас

мы тут сидели и рассуждали. Проскочили бы они мимо, не проскочили, не играет роли; долго ли было им пару раз шарахнуть вдогонку, то есть, сделать с нами то же, что сделал с ними этот парень? У них ведь стволы были, сами видели. Так что в любом случае, не подоспей он вовремя, нам бы не сдобровать. Я хоть и надеялся на эту полянку, но успел свернуть на неё только благодаря тому, что «КрАЗ» резко затормозил от выстрелов. Не-е, Вася, это хорошо, что ты его пригласил. Дельно.

– Ну, а я о чём? – быстро сориентировался Фёдор. – Сказал же: мужик – что надо! А уж приедет, не приедет – не наша забота.

– Пригласил я, но идея Федыкина, – признался Бубнов, стараясь придать голосу прежнюю беззаботность. – Кстати, ты так и не просветил нас, что он за фрукт? Какие такие счёты у него с Мозолём?

– А то ты сам не знаешь?

– Ни ухом, ни рылом.

– Дак Ян же Серёгу чуть на тот свет не отправил. За что срок-то и схлопотал.

– Постой, постой, там же вроде шофёр какой-то был? – засомневался Алексей.

– Ну да. Сергей и был тем шофёром. Это уже после того, как в результате той свары с Яном здоровья лишился, вынужден был податься в лесники. Да и вообще чудом выжил! Столько операций перенёс, ужас!

– Мозоль говорил, что тот, мол, сам виноват. Вроде бы, мешал угнать «КамАЗ».

– Ну да, мешал. Только Ян забыл упомянуть, что это была машина Стоцкого.

И Фёдор подробно описал уже известные нам события, которые произошли в гараже леспромхоза. Чувствовалось, что сам он полностью на стороне Сергея. Вот и рассказ свой закончил с явной к нему симпатией:

– Если бы Ян, при его-то бабках, помог семье Стоцкого (у того же трое детей-дошколят) или хотя бы повинился перед ним, то не было бы и этой мести. Ну, а раз нет, то и мира нет. В итоге Сергей поклялся изувечить Яна точно так же, как тот изувечил его.

– Во, это по-нашему! – одобрил Буба. – Как говорится: «зуб за зуб»!

– Всё так, всё так, – ни к кому не обращаясь, покачал головой Алексей и грустно вздохнул: – «Око за око и зуб за зуб». Жалко.

– Кого жалко? – удивлённо взглянул на него Васька. – Уж не Мозоля ли?

– Теперь обоих. Мы же наглядно убедились, чем закончится эта вражда.

– Ничего не поделаешь, Лёша, в этом правда жизни, – философски заключил Буба и легонько похлопал его по плечу: – Вот ты вздыхаешь, да? Разжа-алился. Жалко тебе. А доведись такое с тобой случиться, что, не порвал бы жлоба на мелкие части? – И сам же ответил: – Порвал бы, да ещё как. Знаю я тебя.

– А я не знаю, Вася, я сейчас ничего не знаю. Я когда говорил с Сергеем, понял, что не сильно-то он горит желанием мстить. Тоска зелёная у парня в глазах и никакой радости от этого погрома. И вдруг дошёл до меня смысл одного призыва из Библии, которого сам раньше не принимал; а смысл тот, что месть – в том числе и за себя – дело неразумное и никогда не приводит к добру. И надо, дескать, не отвечать злом на зло, а доверить всё Богу, потому что Он лучше знает, как развести людишек по разным углам. Развести и примирить, чтобы перестали видеть они врага друг в друге. Ну что-то в этом роде. Так ведь и правда: сколько же приятнее загасить вражду, чем разжигать её! Я это понял, когда замирился с Громом, а ещё больше убедился, когда повинился перед

Вайсом за то, что унижал его. Это ж сразу другие чувства. Вроде как освободился от чего-то давнего и стрёмного. Да что там, чуть ли не праздник души! И вот он, Сергей. Очень похоже, что устал парень следить, караулить, выжидать удобный случай, чтобы свести счёты. Устал, но приходится. И ведь будет продолжать мстить! Будет, лишь потому, что обещал это сделать. Да ещё, пожалуй, из боязни прослыть болтуном.

– Ну, так понятно, кому же охота, чтобы от тебя отвернулись, – поддакнул Фёдор. – В глаза-то не скажут, а за спиной пойдёт стукоток среди своих же кентов: дескать, ляпнуть-то ляпнул, а сам в кусты. Трусоват, мол, слово не держит, то да сё...

– Во, и Федя, туда же, – жёстко перебил Бубнов. – «Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй!» Ты-то чего подпеваешь? Парень, по твоему же рассказу – кремень, а значит, и слово своё сдержит. Во всяком случае я хочу, чтобы сдержал. Пусть Мозоль помается в той же шкуре, что и он, – это и будет справедливость. И не надо его подталкивать к какому-то замирению.

– Да ты чё, шеф? – оторопел Фёдор. – Я же рассуждаю нито...

– Так прежде чем рассуждать, надо бы думать, а не выдумывать что попало. Ну, а ты, Лёша? Что скажешь на это?

– Что скажу? – переспросил Алексей. – Скажу, что подталкивать к миру – не самое плохое занятие. Может быть, и странно тебе это слышать от меня, но худой мир лучше доброй ссоры, и мудрая эта пословица придумана мудрыми людьми. Всегда должен оставаться шанс на мир.

– Какой может быть шанс для этого козла? – зло скрипнул зубами Васька. – По мне, так лучше грохнуть бы его сразу, безо всяких там предисловий. Му-удрые. Все мы мудрые, пока зло самого не коснётся. Всё одно, не Сергей,

так кто-то другой отправит его на тот свет, что, кстати, и для Яна не есть плохо. Как говорят в Одессе: «лучше раньше умереть, чем позже – сдохнуть». Кому станет хуже, если мир избавится от этого жлоба, скажи на милость? – Буба сделал паузу и, не дожидаясь возражений, сам же ответил: – Никому. Кругом-бегом будет только польза. А ты о каком-то замирении. Хм, Бог у тебя, видите ли, знает, чего нам лучше надо. Чего ж Он допустил, если знал? Ну да, Мозоль с радостью пойдёт на мир, стоит лишь Сергею об этом намекнуть. Но ты не забыл, чем закончилось наше примирение с ним? А, вот то-то и оно. И я же, выходит, должен с ним мириться? Да если бы не твоя реакция и не тот же Сергей (тут Васька закатил глаза и смиренно сложил ладони домиком у груди), то были бы мы на приёме у Всевышнего. Вот это самое и проделает Мозоль с лесником. Нет, Лёша, с Богом и Его примирением ты явно лишка двинул; это заведомый проигрыш, и по-нашему он называется – «дать слабину». А на это лесник никогда не пойдёт. Слабаки не в почёте не только среди нашего брата-зэка. Почёт и уважение – там, где победа. А уж как её одерживают – силой ли, понтами ли, хитростью – неважно. Но уж никак не миром. Кто сильнее, тот и пан. Собственно, чего я тут агитирую, когда ты знаешь это не хуже меня!

– И правда что, – усмехнулся Алексей. – Ну, хоть поздно дошло, и то ладно. Да, давно ты так не зажигал. Тебе бы побольше ушей свободных, а то на одного меня весь запал потратил. Да ещё вон на Фёдора зачем-то ополчился. После таких пламенных речей тебе путь напрямиком в лекторы атеизма.

– Точно, – с готовностью поддержал Сутягин. Ему явно хотелось сменить тему, и он попробовал шутить: – И ещё бы тебе вот эту... ну, за которой стоят.

– Кафедру, – одобрительно подмигнул ему Алексей. – И стакан с водой.

– Во-во, – осмелел Фёдор. – А, шеф? Представь: ты стоишь за кафедрой, а в церкви полно народу. И ты им – проповедь. Как думаешь, смог бы? Во всяком случае начальничкам ты другой раз заливал такого Лазаря, что они только рты раскрывали. О, это я хорошо помню.

– Что, издеваетесь оба? – уже более миролюбиво проворчал и Буба. Он был явно польщён. – Не знаю, как в церкви, а вот на партсобраниях я, про между прочим, не раз выступал. И ничего – слушали. И хлопали. И не подумайте, что в зоне; однажды даже в самом настоящем институте коммунистам вешал лапшу на уши.

– Ну, это у тебя не отнять: что лапшу повесить, что воду в ступе потолочь – это ты мастак. Сам не раз убеждался в этом, – с улыбкой подтвердил Алексей. – Ты ведь и сейчас говорил, говорил, а в итоге-то закончил тем, с чего я начал. Стоило ли тогда огород городить?

– Это в каком смысле?

– Всё в том же. Сначала обрушился на нас с Фёдором, а потом сам же повторил мои слова, что Сергей будет продолжать мстить. И не потому, что он – кремень, а что побоится «дать слабину». Так вот то же самое может произойти с Мозолём. Почему ты не допускаешь, что и ему осточертела эта затянувшаяся свара? А вдруг? Он ведь такой же человек – не лучше и не хуже. Он – просто другой. Кстати, не такой уж и смелый.

– А тебя не переубедишь, – отмахнулся Буба с едва заметной досадой. – Не, я понимаю твоё состояние; эта встреча с сыном и всё такое. Это же любому доведись, да? Понимаю, что сейчас ты хочешь видеть только хорошее и готов всё и всем прощать. Но и ты понимай, что всепрощенские эти штучки-дрючки тут не к месту. Через них людям ещё большее зло. Глаза-то у всех завидушие: попробуй одному простить, а другому нет – и тут же наживёшь такого врага, что... Не, лучше послушай-ка, что я решил.

– Ну, слушаю.

– Если ещё увидимся с лесником, подогрею его бабками для пользы дела. Для стимула, так сказать, раз уж ты говоришь, что он устал мстить. Это и будет мой вклад в доброе дело?! – И упредил возражения: – Не надо ля-ля; доброе – в моём понятии. А ты оставайся при своём. Федька, вон, тоже при своём. Да, Федя? В общем, каждый будь при своём мнению. И давай, оставим этот разговор на опосля.

– Именно это я и хотел предложить, – согласно кивнул Алексей. – Что толку переливать из пустого в порожнее. Федя, садись за руль. Мне что-то поплохело.

– Ага, Лёша, давай подменяю, – с готовностью открыл дверцу Фёдор. – Я и сам хотел тебе сказать, да думаю, как уж ты решишь. До города-то рукой подать, а там я лучше справлюсь. – И, уже сев за руль, спросил громко: – Ну, шеф, маршрут?

– На вокзал, за билетами, – коротко скомандовал Буба. – Потом в гостиницу.

– Понял. Там всё это рядом.

* * *

К гостинице подъехали уже в приподнятом настроении и налегке: то есть, с билетами в купированный вагон до Омска и без дипломата, который Бубнов оставил в ячейке автоматической камеры хранения вокзала. Перед этим он ещё в машине выдал Алексею совсем неплохой «расчёт», несмотря на то, что тот было запротестовал.

– Не парься, Лёха, – сказал серьезно. – Это не за красивые глаза, а за то, что мы остались живы, и бабки эти не уплыли к Мозолю. Тогда добираться бы нам в родные края в общем вагоне. Это в лучшем случае. А что в худшем, то я и сейчас ещё вздрагиваю. Да и кто знает, что нам предстоит в дороге. В общем, «дружба дружбой, а служба службой!» Нет, мы, конечно, друзья, но так-то оно и тебе

спокойнее: деньги, они любому душу греют! И мне больше уверенности, что доберёмся до дому, до хаты.

На удивление гладко, без проволочек обошлось и оформление двух отдельных номеров в гостинице, но тут уж блеснул своими деловыми связями Сутягин. К чести его надо сказать, что никакого оформления и не было: едва они втроём появились в фойе, как тут же перед ними вырос внушительного вида молодой брюнет:

– Али, служба охраны. Что-то вы подзадержались? – учтиво улыбнулся и жестом пригласил следовать за ним. И уже непосредственно к Сутягину вроде как с рапортом об исполнении: – Всё готово, Федя, как и было обговорено. Оба номера на твой паспорт. Пока на сутки, а там уточнишь, если что.

Минуя стойку администрации, он провёл их на второй этаж, открыл два номера, расположенных один за другим по коридору и, дежурно откланявшись, отдал ключи Фёдорову. И, обращаясь опять же только к нему, взмахнул рукой, вроде как честь отдал:

– Если что, я там внизу.

– Постой, Али, – сияющий от самодовольства Сутягин полез в карман, но Бубнов опередил его, протянув служивому крупную ассигнацию:

– Держи, братан, на чай. Это за оперативность.

– Хм, рад услужить хорошим людям, – вскинул брови охранник, принимая чаевые. Ожидаемого подобострастия, однако, не выказал, а как бы ясно дал понять, что подношениями такого рода его не удивить: – Вы что-то ещё хотели?

– Конечно, – Буба поочерёдно взглянул на обоих. – Как насчёт столика в кабаке?

Расчёт был на то, чтобы не только брюнет понял, кто здесь главный, а уловил это и больно уж возомнивший о себе Сутягин. Буба этого не любил.

Фёдор уловил. И вовремя сдержал вспыхнувшее было раздражение.

– Я же говорил, что всё в ажуре, – начал недовольно, но тут же повторил уже совсем в другой интонации: – Да всё в ажуре, шеф! Всё, как надо. Так ведь, Али?

И переглянулся с охранником.

– Фирма веников не вяжет, – с улыбкой развёл тот руками.

Оба посмотрели на просветлевшего «шефа» и облегчённо выдохнули.

Вот теперь действительно «всё было, как надо».

– Так, Лёша, в эту, – толкнул Васька одну дверь, – а мы вон в тую. Ты отдохни чуток, а через ... – он вопросительно посмотрел на Фёдора: – Когда кабак открывается?

– Через полчасака откроют, – постучал тот по часам.

– Во, слышал? Через полчаса будь готов. Расслабимся по полной, а то много мы друг другу чего наговорили, так надо бы сгладить. Смотри, только не усни, – шутливо погрозил пальцем и, поторопив Сутягина, сам скрылся вслед за ним в соседнем номере.

Алексей чуть задержался, пробуя ключ в замке, и успел расслышать:

– Давай, Федь, готовь «машину» побыстрей. Едва дождался, шут бы их всех побрал.

Тон Бубы на этот раз был уже не таким командным.

– Шесть секунд, шеф, шесть секунд, – пробормотал Фёдор и захлопнул дверь.

Алексей грустно усмехнулся, прошёл в оказавшийся довольно уютным номер и подсел к телевизору в надежде узнать новости. Однако, сколько ни крутил, ни стучал по «ящику», рассказывать, а тем более показывать что-либо тот упрямо отказывался, чем окончательно расстроил постояльца.

– Негодная бандура, – в сердцах обругал он гордость советской электроники и, хорошенько шарахнув его в последний раз, устало повалился на кровать.

– Да-а, Вася, – продолжил размышлять вслух. – Вот тебе и «завязал»! Да это бы и ладно; не отвыкнуть за один раз от того, к чему привыкал годами. Не нравится другое: что-то очень уж знатным ты себя возомнил, дорогой подельничек – прямо индийский набоб, не меньше. Чего ждать от тебя теперь, гадать не буду и наш договор выполню до конца. Первая его часть удалась, осталось сопроводить тебя до дому, а уж там банкуй, как совесть подскажет. Только сдаётся мне, что разойдёмся мы, как в море два окурка ещё до встречи с твоей матерью. Если так, то сделаю всё, чтобы не было в том моей вины. Э-эх, побыстрей бы уж утро наступило.

* * *

366 Именно такое пожелание высказал и Буба за приготовленным для них столиком. Выглядел он бодрым, энергичным, жизнерадостным, и то и дело сыпал прибаутками. Получасовая пауза благотворно подействовала на него, да так зримо, что не увидеть эту перемену было просто невозможно.

«Славный кайф словил братан, – отметил Алексей при первом же взгляде. – Можно даже сказать, чересчур славный».

Окинув хозяйским глазом стол, на котором были пока что только холодные закуски и графинчик с водкой, Васька удовлетворённо потёр руки:

– Лепота-а! Как в мои лучшие былые годы. Молодец, Федя, угодил. Э-эх, и всё равно: быстрее бы утро – и в путь. А там – встречай матушка своего сына непутёвого! Или как там по Библии, Лёша?

– Блудного, – буркнул Алексей. Его настроение не было столь бодрым.

– Верно, блудного, – не замечал или делал вид, что не замечает его угрюмости, Буба. – Уж что поблудил я, то поблудил по белу свету. Теперь – всё! Осяду в родном

краю, что называется, на всю оставшуюся жизнь. Как говорил один известный пират: «Куплю домик на берегу моря и буду разводить тюльпаны!»

– Толковый пират. Знал, на чём денежку лучше всего ковать, – подал голос Фёдор. В отличие от «шефа» он выглядел, как и прежде, уставшим, поскольку «подрумяниться» ему ещё только предстояло. – С цветочками-то оно и проще, и безопаснее, чем, рискуя жизнью, грабить по морям-окиянам. Да и прибыльнее, чего уж там. – И с общего молчаливого одобрения потянулся к графину: – Ну что, начнём, благословясь?

– Мне, как всегда, на донышко, – предупредил Буба. – Для приличия.

– Я тоже пас, – отказался и Алексей. – Настроение не то.

– Ну и ладно, – не обиделся Сутягин. – Мне больше достанется.

– Сегодня можешь пить, пока не упадёшь, – разрешил Буба. – Лишь бы завтра проводить нас смог. Ну-ка, поясни, какую-такую денежку имел в виду пират?

– Какую? – переспросил Фёдор. – Подожди, шас скажу. – Опорожнив полный бокал, он долго нюхал кулак, потом подцепил вилкой салат и, отдуваясь, указал кивком головы за спину Бубнова. – А ты обернись: видишь тех двоих азербутов с девицами?

– Ну? – быстро оглянулся Буба.

– Это друзья Али.

– Удивил! Ты тоже, как я понял, его кент, и что из этого? Что в них особенного?

– Особенность их в том, что они доставляют сюда цветы. Причём самолётами – прикинь! И не только сюда, а по всему Северу. Поэтому валюту мешками ворочают. А такие, как Али, у них в прислуге.

– Хочешь сказать, «в шестёрках»? – насмешливо уточнил Васька.

– Называй, как хочешь, но попасть к ним в услужение считают за удачу даже некоторые местные ментовские шишки. И выполняют любое их поручение, будь уверен. Лю-бо-е! Заметь, не просьбу! Потому что они на бабки не скупятся. А что вы хотите, если даже их земляки, те, что гоняют кругляк вагонами, в сравнении с этими «жетьельменами» – мелкие торгаши. Вон тот, постарше, Аббас, даже женился здесь. – Федька хохотнул: – Это на всякий случай. Там-то, в Баку, у него семеро по лавкам.

– Вон чё! – присвистнул Буба, всем видом уже излучая неподдельный интерес и, полуобернувшись, подольше и повнимательнее оглядел «жетьельменов». Он явно изучал их. – Валюту мешками, говоришь? И менты на подсосе? А ты не гонишь случаем?

– Голову наотрез! Да любого официанта спроси и убедись. Кстати, если кто хочет быстро определиться в такой путёвый номер, как твой, то лучше всего делать это через Аббаса. Ну, то есть, через Али, он у них доверенный.

– Так ты что, с ними лично вась-вась? – совсем оживился Буба.

– Ну, не так, чтобы уж совсем, – уплетая принесённый бифштекс, прошамкал Фёдор. – Да мне оно и ни к чему. Я с Али давно скорешился, а этого достаточно.

– А как они насчёт картишек? – понизив голос, склонился к нему Васька.

– Не спрашивал. На что мне? Слышал, что Аббас иногда балуется, но так ли это, точно не могу сказать.

– Так взял бы да поинтересовался.

– С какой стати, шеф? Да и кому это понравится, они же коммерсанты, а не...

– Понравится, не сомневайся, – перебил Буба. – Я эту ненасытную породу изучил вдоль и поперёк, и знаю, что говорю. – Он важно откинулся на спинку стула, явно собираясь прочесть лекцию на любимую тему, но, перехватив ироничный взгляд

Алексея, вспомнил, видимо, свои недавние заверения и сразу как-то сник и махнул рукой: – А, не хмурься, Лёша, и не придавай значения. Это я так: свободное ухо нашёл, ну и погнался по привычке. – И вздохнул печально: – Память, понимаешь ты, сеанс подогнала – как сейчас вижу то время золотое...

И замолчал, примеряясь ножом и вилкой к бифштексу в огромной тарелке.

– Ну-ну, и дальше, – поторопил Фёдор, словно радуясь, что не придётся выяснять интерес коммерсантов к картам. – Что за время? Где?

– В Казахстане. В Казахстане дело было.

– Так расскажи, раз уж начал, а мы послушаем. Послушаем, Лёха?

– Да я с удовольствием, – с готовностью подхватил и Алексей, также в надежде, что рассказ отвлечёт Бубу от картёжного соблазна. – Я же сам из тех краёв.

– А-а, да, ты же казах, – рассмеялся Васька и дружески похлопал его по плечу: – Мы с тобой всё про Омск да про Омск, так я и забыл, откуда ты. Ну тогда, и правда, надо рассказать. Хромтау... Знаешь, где это? Ну или слышал хотя бы?

– Как не знать? Под Актюбинском. Я ведь по всему Казахстану мотался.

– Вот видишь, ты мотался, и я там мотался. Только ты километры наматывал, а я срок в колонии. И лучшим корешем был тогда у меня парень из казахов, Берик. Сидел он за разбой. Парень – что надо, скажу я вам: боксёр, даже бывший чемпион! Только не помню чего: города или области. Да это неважно. Важно, что я обучил его своему ремеслу... ну, так, в общих чертах. Играл-то всегда я, но иногда брал и его, чтобы «на одну руку» ловчее было сыграть. Но это совсем редко. Мне главное, чтобы он рядом был, если вдруг хипиш какой, заваруха,

да? Короче, я играл, а он, если что – махался, что очень редко, но случалось. У него это получалось так же здорово, как у меня в игре. На равных, в общем, были мы с ним. Потом откинулись в один день, в середине августа, и поехали (это уже заранее обговорили) на юг Казахстана. Как он выражался: «доить байпаков». То есть, облегчать кошельки работавших на сборе урожая лука казахов и нанимавших их корейцев. О-о, корейцы, они уже тогда были предпринимателями и такие бабки делали на этом луке, что только ай да ну!

– И что, вот так прямо и соглашались играть с вами? – не поверил Фёдор. – При таких-то бабках, как ты говоришь?

– А мы и не предлагали, – хохотнул Буба. – В этом-то и прикол. Дело в том, что играли они и без нас (другой раз прямо на поле возле мешков с луком), и Берик каким-то образом – или чутьём, как хотите! – заранее узнавал об этом. Ну, и подъезжали на каком-нибудь «Москвиче», вроде ищем, где купить лук подешевле. Торговались, цену сбивали, дескать, на поле же: и нам, мол, удобно, да и вам без лишних хлопот. Вот так для виду поторгуешься, потрясёшь полным кошелём перед глазами, они сами и предложат в картишки перебраться. Ну, а если «не клюют» на бабки, то возьмёшь да невзначай эдак и выронишь из кошелька какую-нибудь безделушку из жёлтого металла: кольцо там, брошь или серёжки. Да вот такие, как твои, – Васька ловким движением руки коснулся уха Фёдора, и на его раскрытой ладони заискрились, переливаясь радужным отсветом люстр инкрустированные бриллиантами золотые серьги-гвоздики, так называемые пусеты. И нельзя было понять: они ли, призывно маня, заморозили бедного Сутягина, или ошарашен он фокусом. Во всяком случае глаз он от них не отрывал и, невольно ощупывая свои уши, лишь восхищённо покачивал головой. Вот и пойми, чего тут было больше!

– Что и требовалось доказать, – с довольной ухмылкой заключил Буба, мельком взглянув на Алексея. – Вот так окажешь лохам такую безделушку – и всё! Они – твои. И корейцы, и казахи-работяги. А у тебя, Лёша, вижу, цапки не шибко на первом месте.

– Да мне они, что есть, что нету, – отмахнулся тот. Его действительно не впечатлил манящий блеск серёжек, цену которым он знал (целая коллекция была у Аллы), зато впечатлил своей безупречностью фокус, продемонстрированный Бубой. И не замедлил польстить новоявленному магу:

– Но вот как ты это проделал, не врублюсь! Знал, что ты любитель фокусов, но чтобы такой профессионал! Я же рядом сижу и ничего не заметил.

– Сейчас ещё не то увидите, – пообещал Буба. – Федя, возьми цапки и делай вид, что приценяешься. Бери, бери, они не кусаются. Да повыше подними и на свет, на свет посверкай, чтобы азерам видно было. Вот так. Ну, а рожу у тебя как раз соответствует моменту. Блаженство просто неподдельное! Теперь давай их сюда. Давай, давай. Что, жалко расставаться? Ну-ка, скажи, что там с твоими друзьями. Заметили?

– Не то, что заметили, а глаз не сводили. Мадамы и сейчас всё ещё шушукуются.

– Во, видишь, полдела сделано. Интерес есть, подождем предложений.

– Ну, шеф, ты и голова-а, – изумленно протянул Фёдор. – Но учти: тут тебе не там. С этими дельцами такие номера вряд ли пройдут.

– Ну, это мы будем посмотреть. И это не твоего ума дело, братан. Всё обтяпаю по высшему разряду. Вахлаки везде одинаковые.

– М-да-а, – не удержался от похвалы и Алексей. – Теперь представляю, как вы нагревали сельских лопухов.

– М-м-м, – промычал Васька, закатив глаза, – какое это было время! Бывало, за вечер до двух штук снимали! А это были ха-арошие бабки в те годы. Но с выигрыша всегда чотор оставляли, это как закон. Вот так и кочевали от одного участка к другому по всему югу: от Джамбула и до самого Ташкента. Там, в Ташкенте, и расстались с Бериком. Я – на самолёт и в Омск, а он – в Чимкент к жене, на автобусе. Говорил, что завяжет, если она примет. Завязали, нет ли, не знаю. Наверное, завязал. Ни на одной зоне я больше его не встретил. И не слышал. А он фигура заметная, что-нибудь да известно бы было.

Буба нетерпеливо заёрзал на стуле:

– Что-то не торопятся наши джигиты.

– А к ним ещё два каких-то мужика подсели, – сообщил Фёдор. – По-моему, это менты. Да, точно. Но это так, шушера мелкая.

– Это меняет дело. – Буба, не скрывая досады, повернулся к Алексею: – Ну, не вышло – не надо, я и не хотел. И гори оно всё огнём, синим пламенем! Вся эта погоня за сокровищами на небесах... То есть, наоборот, на земле. Сколько их прошло, сокровищ этих, через эти вот руки – и всё мало, мало. И теперь вот показалось, мало, как только про барыг услышал. Но нет, на этом всё. Наш с тобой уговор сходить в церковь, подать милостыню нищим, свечи усопшим поставить – это да, это в силе: и сходим, и поставим, и подадим. Короче, всё для души и от души. – Васька смолк, о чём-то поразмыслил и через паузу изрёк уже прямо противоположное; выпалил так, будто и не зарекался только что. – А с другой стороны, сам читал, что Бог велит делиться: если, мол, у тебя две рубашки – отдай одну бедному. Накорми, говорит, нищего, раз ты богатый, и даже в дом свой его введи. Но почему-то ни один богатый не поделится даже полушкой, не говоря уже, чтобы в дом пустить. Стало быть, – он хи-

тро прищурился, – кто-то должен помочь ему встать на правильный путь? Ведь это для его же блага получается, потому что деньги – зло! Разве это нелогично?

– Извини, Вася, но мне сейчас не до шуток, – укорил Алексей. – Скажу только, что логика твоя сильно хромает. А если кто-то захочет помочь и тебе избавиться от зла, которого у тебя целый дипломат? Понравится это тебе?

– Не-не, я – совсем другое дело, – смеясь, запротестовал Бубнов. – Я не барыга и не эксплуатирую чужой труд, а эти прыщи только этим и наживают свои капиталы. Ладно, Лёша, тебе, и правда, не до шуток. Ты погрусти, а мы... – Он переключился на Сутягина: – Наливай себе, Федя, а то ты тоже осмурел. Ну и что там наши партнёры?

– Менты ушли. Да их и не стоит опасаться. Видать, на похмелье сшибали.

– Ага, значит, подкармливают даже мелкоту? Верный признак, что не совсем доверяют тем, кто их крышует вверху. Значит, и там конкуренция: кто-то защищает, а кто-то не прочь и тупо кинуть. Так почему бы нам не сделать это цивилизованным путём, а Федя? Чем они лучше корейцев? Там купил, тут продал втридорога, а страдает кто? Всё тот же народ: охмуряют его так же, если не поболее. Кровопивцы, одно слово! Ну уж нет, не успокоюсь, пока не растрясу их мошну. Аллергия у меня на всех этих спекулянтов-предпринимателей. Надо помочь народу.

– Так ты – Робин Гуд, ли чё ли? – хихикнул Федор. Он не успевал следить за быстрой сменой намерений шефа.

– Был, Федя, был, – охотно подтвердил Буба. – Ну, пусть не Робин, и не совсем Гуд: грабить по лесам я не грабил, на дорогах не разбойничал, не убивал, но помочь простому люду выжить, это – да, это помогал.

Как и ожидалось, он пустился в пространные воспоминания о своих добрых делах, которые были образцом

милосердия, если, конечно, принимать на веру его слова. Ах, кто бы знал, как он сорил деньгами! И какими деньгами!

Алексей в разговор не вступал, делая вид, что сосредоточился на еде. Однако слушал внимательно и не мог отделаться от мысли, что слушает и видит свою копию: та же ностальгия по прошлому, те же метания из одной крайности в другую, что происходили когда-то и с ним ещё там, в Жезкенте. Слушал и жалел Бубнова, слишком хорошо понимая, на каком тот сейчас перепутье: понимал и даже видел, как совсем ещё дилетантским, робким порывам его души к вере – церковь, милостыня, свечи усопшим – вмиг противостояла мощная, очнувшаяся от летаргического сна сила дьявольская, коей доселе не было нужды в бодрствовании. А противостав, спешит заглушить ростки зарождающегося интереса к вере.

И произошло странное смещение времён: нет прошлого – всё в настоящем. В ушах будто наяву звучат слова Лакиса, обращённые к нему, прежнему: «Сатана никого не потревожит и будет спокойно спать, пока человека не интересует весть о Боге. Но стоит задуматься, как он тут же просыпается и творит с ним то, что ты уже испытал. Всё сделает хитрец, лишь бы удержать у себя своего раба...»

«Да, да, я помню, Роман, – шепчет про себя Алексей. – И я, как был рабом, так им и остался».

А перед глазами уже со всеми подробностями стоит его безрассудный побег из колонии: он бежал, чтобы отстоять свой дом и деньги – свои земные сокровища, – а попал в ещё большую кабалу! И понятно – к кому.

«Ибо кто кем побеждён, тот тому и раб».

Теперь он вырвался из этих цепких лап. Надеется, что вырвался. И произошло это благодаря Иисусу, любовь Которого никогда не перестаёт; Он любит и ждёт. Ждёт даже того, кто по скудости ума отвернулся от Него.

Мало того, ведь это Он послал к нему Глебку, подарив надежду на счастье. Так напутствовал его Иван. Ах, как же хочется, чтобы это же чувство Христовой любви обрёл и его сумасбродный друг Буба. Хитрый, неглупый, но сумасброд.

Алексей оторвался от размышлений, взглянул на друга и понял, что ничего не получится: тот сидел теперь вполоборота всё к тому же столику и, рассказывая о своих похождениях, исподтишка разглядывал вальяжных азербайджанцев. Прожжённый шулер-психолог, он уже изучал их и выстраивал план знакомства, а нервно бегающие по столу пальцы обеих рук выдавали его предвкушение игры. Вот он как бы невзначай встретился взглядом, приподнял бокал и с доброжелательной улыбкой поприветствовал «жетельменов». Ему ответили тем же. Особенно благосклонно улыбались их спутницы.

Что будет дальше, Алексей знал наверняка, и ему вдруг захотелось исчезнуть. Просто потому, что ничего уже не изменить: ничто не заставит Бубу отказаться от овладевшей пагубной страсти. Но ничто не может заставить и Алексея присутствовать в этой игре. Свою игру он отыграл сполна. Всё же сделал последнюю попытку отговорить друга:

– Вася, может, закруглимся? После дневной встряски башка кругом идёт.

– Это потому что ты не хочешь взбодриться, – опять хихикнул Федыка.

– Во, слышал? – одобрительно поднял палец Буба и придвинул стул к Алексею: – Пойми, Лёха, если упустим этих фофанов, я потом век себе не прощу. – И огорчённо вздохнул: – А, вижу, не поймёшь. Тут бабки сами в руки плывут, а ты... Я же не просто так, я удачу за версту чую. Более глупых, самодовольных рож я не встречал; обчищу их за час-полтора – и тогда уже точно завяжу.

– Нет, Вася, не завяжешь, – грустно мотнул головой Алексей.

– Завяжу! Железно! И поедем с «зелёными». Федька говорит, у них доллары из карманов сыплются. А это уже не наш деревянный. Ну, Лёша?

Ответить Алексею не успел.

– Вам привет из солнечного Азербайджана, – сказала подошедшая официантка и сняла с подноса бутылку шампанского. – Принимаете?

Реакция Бубы была мгновенной. Она не успела ещё поставить бутылку на стол, а на подносе уже лежала крупная купюра.

– Мадам, – широко распахнул руки Васька. – Поблагодари джигитов и передай им от нас коньяк. Азербайджанский, если найдётся.

– Найдётся, найдётся, – торопливо заверила «мадам» и взяла ассигнацию. – А-а?

– Без сдачи, – улыбнулся Буба.

– Спасибо, – зарделась она, ловко сунув деньги в кармашек. Грациозно склонила головку, крутнулась на месте и уже через плечо: – Всё сделаю, как надо.

– Действуй, родная! – одобрил Васька и победно оглядел друзей: – Ну?

Имел в виду, конечно, Алексея; немного осоловелый от выпитого Сутягин не в счёт. Не имея слов, чтобы выразить восхищение, тот лишь в блаженной улыбке потряс поднятым большим пальцем.

– Я – пас, – сказал Алексей. – Надеюсь, не осудишь?

– Дело твоё, – как можно равнодушнее ответил Буба, но не без лёгкой досады. – Только тогда с этого кона ты ничего не получишь.

– Мне не надо. Да и тебе не сильно-то надо, Вася. Подумай ещё.

– Пусть лошадь думает...

Тут к столику быстрым шагом подошёл Али.

– Стоцкий, – с трудом прочитал, глядя в какую-то записку. – Там Стоцкий Блинова спрашивает. Сюда не зайдёт. Сказал, что будет ждать в фойе.

И так же стремительно отошёл.

Прозвучало, как приказ, и, переглянувшись с Бубой, Алексей встал из-за стола:

– Я схожу, Вася.

– Да, и попробуй привести его сюда, – без большого энтузиазма сказал тот. И добавил уже вслед: – Но если откажется, то и не надо. Да долго-то не задерживайся.

– Там посмотрим, – неопределённо буркнул про себя Алексей.

* * *

Сергей в экипировке мотоциклиста и с выдавшей виды полевой сумкой в руке стоял у окошка администрации и о чём-то оживлённо беседовал с дежурной. Увидев Блинова, попросался с ней так, как прощаются с близким или хорошо знакомым человеком.

– Так если не уедешь, мы ждём? – слышался вслед ему голос дежурной.

– Это уж как получится, – на ходу помахал он рукой и, поздоровавшись с Алексеем, пояснил: – Моя сестра двоюродная. Останавливаюсь иногда у них. Муж у неё отличный парень, даром что следовательно по каким-то особо важным делам. Они-то почаще ко мне заглядывают, чем я к ним. То на охоту, то на рыбалку, а то и просто так с Ниной приедут. Ну, а мы с женой всегда им рады.

– А я рад, что ты пришёл, – успел вставить Блинов, прервав словоохотливого лесника. – Признаться, не очень-то на это надеялся. – И взял его под локоть: – Ну, что, пройдем за наш столик? Фёдор с Василием ждут тебя. Всё, как договорились.

– Погоди, Алексей, – слегка отстранился Стоцкий. – Ты же видишь, я не для ресторана одет. Хотя и не в этом дело. Извини, конечно, но с тобой бы пошёл, а вот с твоим Бубой сидеть за одним столом не хочется. Наслышан. Это тот же Мозоль, только вид сбоку. Даже жалко, что ты с ним.

– Не понял, – вскинулся Алексей. Такого оборота он не ожидал и почувствовал себя несколько уязвлённым: – Почему жалко? И если жалко... – И запнулся.

– То зачем пришёл? – договорил за него Сергей. – Просто хотел бы кое о чём расспросить. Мне это очень нужно. И важно. Пусть твои мужики подождут, я задержу тебя на полчаса, не больше. Прогуляемся? Вечером в городе красиво. По-своему, конечно. Не так, как в тайге, но тоже ничего.

– Я на сегодня нагулялся досыта. Лучше уж посидеть где-то.

– Понимаю. Ну, давай здесь присядем. Правда, тут очень людно для разговора.

– Тогда лучше ко мне. В мои, так сказать, апартаменты.

– Тоже вариант, – согласился Стоцкий. – Я даже узнал, в каком ты номере.

– Тогда – прошу! – шутливо склонился Алексей. – Мой номер к вашим услугам.

– Лады. Я только на всякий случай проинформирую сестрёнку, что буду здесь.

Сергей быстро вернулся к стойке, что-то сказал, и было видно, как радостно просияла его сестра. Она даже приветственно поиграла пальчиками Алексею.

«Любит, однако, своего брата», – помахал он в ответ, и вопросительно взглянул на лесника: дескать, всё или ещё есть какие проблемы.

– Всё, всё, – понял его Стоцкий. И вроде как пожаловался: – Теперь это значит, что ночевать мне-таки придётся у них. Идём.

И оба направились наверх.

– А ничего апартаменты, нормальные, – оценил Сергей, присаживаясь на стул. – Ну, резину тянуть не буду, раз ты спешишь. Я уже говорил, что слышал о тебе от Ильи?

– Говорил. Он вроде бы где-то неподалёку от тебя был на поселении.

– Вот-вот. Это рядом с моей заимкой. Но я и до того встречался с ним, когда он ещё в лагере сидел. Ну, в лагере-то в лагере, а разгуливали они по району с Мозолём только так, сам знаешь. Их почитали за друзей, но как на самом деле Илья относится к «другу», знал лишь я один. Больно уж помыкал Ян своими «бойцами», любил показывать, где их место. Вот и боялся Гром, что однажды не выдержит и свернёт ему башку, а значит, и «век свободы не видать»! Короче, у нас оказалась общая «любовь» к этому мизгирию. И вдруг уже тут, на поселении, при первой же – кстати, единственной! – нашей встрече он рассказывает ещё об одном человеке, твоём друге... как его... Немец, но фамилии или клички вот так сразу и не вспомню. Зовут-то Ваней, да мало ли в зоне Иванов.

– Иван Вайс, – подсказал Алексей.

– Точно! Вайс. Так вот, не буду гадать, как и чем он Илью к себе расположил, но что тот стал совсем другим человеком – это факт. Мало того, что сам ударился в веру (так с ходу и заявил: в Бога, мол, верую), так стал агитировать и меня: поторопись, мол, покаяться в грехах, пока не поздно. И это при первой же встрече, прикинь! Да это бы ещё ладно, это я понимаю. Сам Бога вспоминал да клятвы давал, когда жизнь висела на волоске. А что ты хочешь, если операция за операцией и, кроме как на Бога, никакой надежды нет. Поневоле тут взмолишься. Но потом Илья такое сморозил, что я просто опешил. Поскольку, говорит, Бог есть любовь, то и велел верующим в Него любить не только близких своих, но и врагов! Ну, как тут

не опешить! Я так за голову и схватился (лесник картинно продемонстрировал, как именно он за неё хватался): дескать, люди, от кого я слышу это?! Кто бы заикался о любви, только не Гром! Ты, Алексей, не меньше моего в курсе их походов, так что поймёшь. Короче, еле оправился я от шока. Ага, пришёл, значит, в себя и спрашиваю, что, мол, а как же насчёт Яна? Тоже прикажешь любить? А он: «Любить, может быть, и необязательно, но молиться за него надо». Вот как он это сказал, так я и откатнулся от него. Виду не подал, конечно, но с той поры мы не виделись. Шибко я осерчал на такую его глупость. Именно глупость; трусом-то Илью никак не назовёшь. Хм, бывает же такое, – в каком-то раздумчивом удивлении покачал головой Сергей и некоторое время сидел молча, словно забыл о собеседнике. Затем продолжил: – Я тот разговор постарался забыть, а вот когда ты Бога сегодня упомянул при прощании, что-то снова пришли на ум те его слова и захотелось узнать про... ну, про того немца (опять забыл фамилию, будь она неладна). Зачем, почему – не знаю, но вот желание прямо какое-то неодолимое. Вроде как... вот нужно мне это – и всё тут! Поэтому и решил приехать. Вопросов-то куча, а словом перекинуться не с кем.

– И что ты хотел узнать о Вайсе? Ну так, конкретно.

– Скажи, это правда, что он сам, по собственной воле простил Илью, как тот мне рассказал, или блатата его просто зашугала? Они же его чуть не убили!

– А сам-то как думаешь?

– Да сомневаюсь, чего там. А с другой стороны, как подумаю: Илье-то какой резон был врать? Я ведь ему не сват, не брат.

– Он не врал, Серёжа. Вайс действительно отвёл от него беду. И на подельников его не показал, хотя этих-то поганцев я бы сам удушил. А он простил и им, несмотря на то, что самому это могло дорого обойтись. Да ещё как дорого.

– Значит, не соврал Илья, – с каким-то облегчением констатировал Стоцкий. – А то ведь я как думал: мало ли случаев, когда зэк прикинется верующим, таким тихоней-растихоней, а на самом деле лишь для того, чтобы усыпить бдительность начальства. А как расконвойку получит, так в зоне его только и видели. То есть, «сделает ноги». А?

– Бывает и так. Но Илья не прикидывался. Я тоже сначала думал, что темнит, но когда он прилюдно, на виду у всех не побоялся помолиться с Вайсом, то...

– Илья молился?! – даже привстал Сергей. – Прямо в бараке, что ли?

– Почище, чем в бараке. Перед строем! Вот как раз когда был этап на поселение.

– Ничё себе, – только и произнёс ошарашенный Стоцкий. – Он что, с глузду съехал? За это от своих же воров такое схлопотать можно, что ой-ой-ой! Ничё себе!

– Да, так рисковать может только зэк, убеждённый в том, что делает, – не подал Алексей виду, что заметил растерянность лесника, – который не боится, что ему могут «дать по ушам», если выяснится, что блефовал. Илья не боялся. Он молился – и Бог дал ему эту убеждённость. Кстати, Вайс от него уже с воли письмо получил. Пишет, что с женой в церковь ходит. Можешь себе представить? – Алексей грустно улыбнулся и добавил: – Стало быть, Бог простил ему грехи, и это уже результат Его спасения.

– Вот оно как, – недоверчиво качает головой Сергей. Похоже, новость эта разрешила какой-то важный для него вопрос, и он продолжил в прежней задумчивости: – Выходит, если помолиться, то Бог простит, если даже знает тебя, как облупленного? Всю твою подноготную? Постой! Если прощается такому, как Илья, то почему бы... – И осёкся. Спыхватился, что выдаёт, наверное, своё самое потаённое. И попробовал догадаться: – Слушай, ну это он

наверняка как-то готовился? Не может же человек вот так, с бухты-барухты, молиться, да ещё прилюдно?

– К сожалению, я не тот человек, кто может ответить на этот вопрос, – вздохнул Алексей. – Не настолько мы были близки. Но одно скажу точно: сильно я позавидовал Илье. Просто очень сильно. Я бы так, наверное, не смог. Во всяком случае тогда.

– Что, не хватило бы решимости? – в какой-то тайной надежде спросил Стоцкий. – Я угадал?

– Почти.

– Но ты же веришь в Бога? Иначе тот немец не был бы твоим другом?

– Верю, – твёрдо сказал Алексей, глядя прямо в глаза Сергею. – И это во многом благодаря Вайсу я у Бога... – Он хотел сказать «снова у Бога», но не сказал.

– И ты не обозлился на него? Ты ведь рисковал, чтобы спасти его, а он возьми да и прости тех охламонов, которые вполне могли заодно и тебя замочить.

– Я не то, чтобы обозлился. Я так же, как и ты, недоумевал и – что греха таить! – досадовал, когда он стал оправдывать это Божьим прощением. Дескать, не отвечайте злом на зло, а побеждайте зло добром. Так в Библии написано. А досадовал я оттого, что с умным видом когда-то сам повторял эти слова, даже много чего знал наизусть, но вот последовать им, применить их в жизни – эге-е! – оказалось не так-то просто. Не по силам оказалось. Далека теория от того, что случается на практике.

– Вот-вот! – оживился Сергей. – Говорить-то всё можно, а как приспичит на деле? А нет, даже и не пытайся. Вот ты, значит, знал, и всё равно, да? А оно и понятно! Как же! Тут только вспомнишь, так уже в одних мыслях разорвёшь подлеца! Имею в виду Мозоля, конечно.

– У тебя с ним такая вражда? – осторожно поинтересовался Алексей.

– Вражда – не то слово.

– Что, мир исключается?

– Мир? – Сергей встал, рывком задрал рубашку, оголив спину и грудь в многочисленных шрамах. – Видишь? Это операции, которые я перенёс, и все по милости того, кто однажды изувечил меня. Из-за кого я чуть не лишился жизни. Не передать, как я ждал, особенно первое время, когда подвернётся случай посчитаться с ним! Наконец дождался. И знаешь, что? В последний момент вдруг понял, что не хочу, чтобы Ян был в той машине. До того не хочу, что чуть ли не взмолился об этом. Но отказаться уже не мог, потому что сам организовал эту западню, и азеры не поняли бы меня. Думаю, представляешь, чем обернулся бы для меня их упущенный шанс. О, это было бы почище, чем с Яном. Парни они крутые. И вот – нате вам! – Яна там не оказалось. И я вздохнул с облегчением, что не пришлось увечить его. Ну, а его мужики отделались лёгким испугом. Все живы. Они у нас тут двужильные и мрут только с перепоя если. В основном с перепоя. Только ты пойми, что это я перед собой, не перед тобой оправдываюсь.

– Да мне-то что... Не боишься, что менты за тебя возьмутся? Могут ведь догадаться, что почём и кто?

– Это Ян пусть боится. КрАЗ-то ворованный. А если в области докопаются ещё и на какой разбой они шли в этот раз, то, действительно, возникнут большие проблемы. Но опять же у него, а не у меня. Но это вряд ли произойдёт. Никто туда не сообщит, потому что не принято как-то у нас стучать; себе дорожке выходит. А своим, местным, ментам и вовсе до фени его разборки с кем бы то ни было.

– Правильно ли я понял, что ты не хочешь больше мстить? – как можно мягче и доверительнее спросил Алексей. – Или, вернее сказать, устал?

– Не знаю. Не могу определиться. То рисую себе, как расправляюсь с ним, аж зубы сводит, а следом такая

жалость нахлынет – и к себе, и к нему, – что спасу нет. Вот как сегодня было. – Стоцкий откинулся на спинку стула и неожиданно тоскливо закончил: – Жена говорит, к невропатологу надо, а что это даст? Я и сам это вижу, но мне, скорее, психиатр нужен.

– Или Бог, – тихо сказал Алексей и тут же поправился: – Нет, не «или», а «только». Только Бог, Серёжа.

– Может быть. Но ты говоришь так, будто и с тобой случалось что-то похожее?

– А с кем не случалось? Мечь, она ведь возникает не на пустом месте и знакома всем. На неё легко поддаться, но не так-то просто от неё избавиться. Найти утешение, успокоиться можно только в Боге. Так написано в Библии.

– Ты уже в какой раз упоминаешь Библию. А читать-то её читал?

– Не только читал. – Блинов даже просветлел лицом. – Было время, когда часами над ней просиживал. Да вот душу всю не вкладывал, а с Библией иначе нельзя: её ведь не умом – сердцем постигают. – И вздохнул с сожалением: – А потом старательно пытался забыть всё, что она мне дала. Эх, будь она сейчас у меня, я бы более предметно показал тебе твою проблему.

– Тогда я, кажется, не ошибся, прихватив с собой вот это, – в первый раз широко улыбнулся Сергей и достал из сумки довольно потрёпанную книгу: – Оцени, специально для тебя вёз.

– Библия? – не сказал, шёпотом выдохнул Алексей и во внезапно нахлынувшем благоговении нерешительно протянулся к ней: – Библия!

– Да. Мне её Лёня, Нинкин муж, привёз, когда я после очередной операции чуть было не свёл счёты с жизнью. Сказал, что это, мол, одного верующего, с которым... – Сергей пытливо взглянул на собеседника, словно спрашивая, стоит ли продолжать.

– Говори, говори, – взволнованно оглаживая основательно истертую мягкую обложку книги, подбодрил Алексей. К объяввшей его неизъяснимой радости примешивалась уверенность, что вот прямо сейчас он услышит что-то важное для себя.

– Да это ведь целая история, а времени у тебя, как я понимаю, в обрез?

– Не-не, ты расскажи. Давай, я слушаю.

– Ну, хорошо. Тогда, значит, так: лет эдак двадцать назад в колонии, где работал мой зять, отбывал срок один, как бы сказать, не совсем обычный тип. Образованный, юридически подкованный, он сидел за валютные махинации и пользовался авторитетом не только среди зэков. Например, Леонид, учившийся заочно на юрфаке (он тогда ещё в надзирателях был), ходил к нему за консультациями! И вот этот авторитет, отсидев уже полсрока, ударился вдруг в религию. – Сергей смолк, увидев, как вскинулся при этих словах его собеседник и истолковал это по-своему. – Что, всё-таки пора идти?

– Не-не, продолжай, – с нетерпением заёрзал на стуле Алексей. – Это я так... вспомнил кое-что. – И чуть ли не взмолился: – Ну, ты дальше, дальше.

– Ага. Ударился, говорю, в религию. Да не абы какую, а в баптистскую. Да так она, видать, его захватила, что стал подбивать и других по-ихнему верить в Бога. Ну, ты в курсе: это значит, чтобы без попов, без икон и без кадил, да? И безуспешно! Опять же, не только зэки слушали его, а когда и охранники. В том числе и мой зять. Всяко-разно там с ним бывало: и угрозы, и уговоры от бывших кентов были, да и начальство лагеря не сказать, чтобы просто так, мимо ушей его превращение пропустило. Но от веры он так и не отошёл. Больше того: в итоге ему даже срок скостили. Вот тогда-то, перед самым выходом на волю, он оставил свою Библию Леониду с просьбой

отдать её зэку, который, по его мнению, полностью утратил надежду на жизнь. Дескать, коли уж она ему, отпетому мошеннику, вернула эту цель, так вернёт и другому. На том и расстались. Но зятя вскоре со службы турнули (правда, без огласки, что потакал верующим), и он благополучно забыл о книге. То ли не очень-то и помнил об этой просьбе, то ли подходящего человечка так быстро не нашлось. Ага. Закончил институт. Ушёл в следователи. В гору по службе стал карабкаться. Сколько уж лет прошло, ему как-то и без ума эта книга. А как услышал о моей попытке свести счёты с белым светом, вспомнил и привёз её мне. Дескать, почитай, может так случиться, что и отвлечёт от дурных мыслей. И знаешь, на какое-то время отвлекла... в каком-то смысле. Такие вот дела, – подытожил Сергей и озабоченно взглянул на своего слушателя: – Да что это ты так забеспокоился?

Алексей, и правда, был бледен от волнения.

– А что-нибудь такое личное про этого зэка он говорил? – спросил, пытаясь унять возбуждение. – Ну, звать как, кличка там или фамилия?

– Говорил. Да разве ж мне упомнить. Я, бывает, на одном кругу забуду, о чём только что речь была. Говорил, вроде, нерусский какой-то: латыш или литовец.

– Лакис? – сглотнул Алексей. – Его фамилия Лакис, нет? Ремигиус Лакис.

– Похоже, что так. Говорю же, не вспомню. Да ты полистай, полистай, там все страницы его каракулями помечены, может, и найдёшь чего.

Алексей нашёл. Сразу же. В верхнем углу внутренней стороны обложки мелким каллиграфическим почерком было выведено: R. Lakis. И память тотчас выхватила из своих запасников последнюю минуту их прощания и то напутствие Романа, приведшее его тогда в смятение, но оказавшееся пророческим: «Христос примет тебя, и ты

ещё станешь Его вестником!» Пророческим, потому что вот только что, аккуратно в этот момент памяти, исполнилось оно силы! Такой силы, что Алексей отчётливо слышал в самом себе тихий призыв: «Вот теперь время благоприятное, вот теперь день спасения» (2 Кор. 6:2). Он знал эти слова, слышал их не раз, но откуда они пришли к нему именно сейчас, из какого стиха, ни объяснить, ни вспомнить не мог. А они звучали всё отчётливей и громче. И заполнили душу настойчивым рефреном: «Вот теперь день спасения! Вот теперь!» И следом, как приказ: «Молись! Молись и свидетельствуй прямо сейчас! Свидетельствуй такой же, как когда-то и ты, заблудшей овце, чтобы ей спастись... Ибо настал и для него день спасения!»

– Сергей, ты даже не представляешь, что значит для меня этот подарок, – в трепетном благоговении прижал он книгу к груди, больше всего страшась, что этот зов может утихнуть или вовсе исчезнуть. Голос его дрожит: – Не представляешь.

Лесник, не с любопытством, но с удивлением и даже тревогой наблюдавший за ним, догадался о причине его переживаний. И, непонятно отчего, тоже разволновался.

– Ты... ты знал того зэка? – произнёс отдельно, чуть ли не шёпотом.

Алексей согласно кивнул.

– Вот это номер! – восхищённо, но и не совсем доверчиво качает головой Стоцкий. – Прямо чудо какое-то!

– Чудо, – эхом откликнулся Алексей.

– Но ведь столько лет... как, как это?

– Сейчас расскажу. Постой. Я постараюсь... – путается в словах Алексей. – Мне просто необходимо, чтобы ты услышал то, что и я когда-то слышал от этого человека. Однажды он рассказал мне, как и где его нашёл Христос. И если тебе интересно...

– А то! – так и подался Сергей вперёд, а голос его как-то подсел: – Я ведь сказал, что для меня это очень важно. Да, видать, за этим и пришёл к тебе.

И этот мгновенный отклик, эта готовность выслушать слово о Боге и полные мольбы и надежды глаза сказали больше о его исстрадавшейся душе, чем если бы он часами рассказывал о себе. Он был весь внимание, и Алексей понял, что грядёт их общий миг спасения. Иисус Господь ждёт и примет обоих.

– Мне надо помолиться, Серёжа, – сказал тихо и, не сдерживая себя более, ни на мгновение не озабочась, что подумает и как воспримет этот жест покаяния суровый таёжник, сполз со стула на колени. Благодатный, искренний порыв души! Искренний и неповторимый. И неподготовленная, но благословенная, годами томившаяся в ней молитва нашла, наконец, выход, полилась прочувствованными, идущими от полноты сердца словами благодарности Богу. Он будто вспоминал и в то же время рассказывал себе и Христу о своих скитаниях по ложным, сулившим выгоду тропинкам жизни, а на поверку приведшим его в топкое болото греха, к ещё большим страданиям. Признавая вину, молил о прощении:

«Ведь Ты силён опять привить меня! – с надеждой повторял услышанное совсем недавно от Вайса. – Помилуй же и прими меня ради Господа моего Иисуса Христа!»

Никогда ещё так вот сразу, без посторонней помощи, без опоры на заботливую поддержку братьев во Христе (впервые никого из них не было рядом) не получалось у него излить душу. Увлечённый молитвой, он не видел, как после недолгих колебаний опустился на колени и Стоцкий и, лишь услышав его прерывистый, горячечный шёпот, застыл в немом благоговении: лесник слово в слово повторял его молитву! Он каялся пред Господом и освобождался от гнёта грехов, о чём подтвердили последовавшие

тут же слёзы раскаяния. Вначале горькие и безутешные, с причётом «Господи, Господи, прости», идущие из самой глубины души, сменились они безудержным рыданием от осознания, что Иисус услышал и простил. И переполнились сердца обоих ликующим восторгом – свершилось таинство покаяния! Ещё одна заблудшая душа нашла приют у подножия креста Христова, а другая, ещё более заблудшая, вернулась в Его обители. Для Алексея это было ещё и первым шагом к благовестию. Пришло время, и он-таки встал на этот путь. Путь вестника Христова.

Они уже закончили молиться, но продолжали стоять на коленях и, вслушиваясь в звучащую в сердцах небесную музыку, счастливо, сквозь слёзы улыбались друг другу. Оба слышали её, она доносилась к ним из Его небесного дома, из тех миров, что за пределами видимого Божественного света; это оттуда, сопровождаемая ангельским пением, однажды через всё мироздание дивной мелодией пронеслась Благая весть: «Вот, иду исполнить волю Твою, Боже».

Как же это чудесно: слышать дивную музыку и созерцать не глазами – душой! – Его небесные обители, ощущать себя в Его присутствии. Но даётся это только тем, кто принял в своё сердце Иисуса, проникся любовью к Тому, Кто пошёл за грехи мира на крестную смерть. Пошёл в том числе и за тебя, и за меня. За всех нас. И наши герои, ставшие только что братьями во Христе, прониклись этой любовью и в благоговейном молчании славили своего Спасителя.

– Что это? – в радостном недоумении бормочет Сергей. Он явно пытается, но ещё не может осознать, что с ним произошло. – Не знаю, как объяснить, но чувство такое, будто с плеч груз какой-то снял.

– Или камень с души свалился, – вторит ему Алексей.

– Верно. Такая лёгкость на душе, просто не верится. – Стоцкий даже ошупывает себя и, чуть помедлив, добавляет: – Я уже не помню, когда так радовался чему-то.

И, кажется, я понял, что имел в виду Гром, когда говорил о Божьей любви. Чувствую, что и я смог бы теперь объявить о ней... Перед любым строем почту за честь объявить. Веришь, Лёша?

– Верю.

И вновь замолкают, забыв каждый о своём тяжком бремени. И – да, о времени! О том, что кто-то может кого-то ждать за пределами этого гостиничного номера. Это молчание не в тягость обоим: оно им нужно, они им наслаждаются. Ах, пусть бы оно продлилось как можно дольше! Потому что не подобрать вот так сразу слов, способных рассказать об этом состоянии души; потому что молчание красноречивее, чем всякие словоизлияния, ибо отражает искренность и глубину в одночасье пережитого покаяния. И неотъемлемым звеном в этом порыве души вся прежняя жизнь перед глазами. Не столь уже и короткая (обоим за тридцать), она укладывается в одно мгновение. Всё сохранила память, все высветила, преподнесла на блюде: любуйся, твои это, не другого, деяния. Но почему-то не покорило, как это всегда случалось при воспоминании прегрешений, не заставило скорбно хвататься за голову, – что же я наделал, – а наполнило умиротворением и уверенностью: «Бог услышал и простил!» Будто Благая эта весть мелодией в самое сердце. «Говорю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7).

– Расскажи, Алексей, об этом человеке, – просит наконец Стоцкий. – Где видел, откуда знаешь его. Настоящий, видать, мужик. Большой силы воли, раз не забоялся против течения идти. Это ведь в то время намного опаснее было, чем нынче. Слышал от Леонида, знаю. – Сергей улыбнулся, показав на Библию: – Выходит ведь, что он ещё и о нас с тобой успел позаботиться.

– Именно так, – согласился Алексей. – Кстати, и первая моя Библия была подарком от него. И вот теперь ещё одна. Невероятно! Значит, такова Божья воля.

И вновь склонились оба в благодарной молитве. Неизвестно, как долго ещё продлилось бы это таинство, если бы тишину комнаты не нарушил резкий и долгий телефонный звонок. Никто – ни Буба, ни тем более Сутягин – не знал номер телефона. Как не знал его и сам Алексей. Тогда кто бы это мог быть? В недоумении переглянувшись с лесником, он снял трубку.

– Сергей у вас? – коротко спросил женский голос.

– Да, сейчас, – передал он трубку Стоцкому. – Наверное, сестра.

С первых же слов Сергей так весь и подобрался.

– Вот те ра-аз! Ещё не лучше пряжи... Нет. Не выходили. Всё время здесь. Да, в номере, – односложно отвечал на какие-то её вопросы и всё больше мрачнел. – Понял. Сейчас приду. Да-да, он здесь останется, пока я разберусь. – И, нажав на рычажок, не положил трубку, а прижал её к груди и повернулся к Алексею.

– Что там стряслось? – спросил тот.

– Буба... – несколько растерянно смотрел на него Сергей. – Это... Васька твой крикнул. Нина говорит, прямо за столом в отдельном зале кондрашкахватила. Есть тут такой зал для шишек и только для своих. Что там произошло, пока неясно; вроде бы и «скорую» сразу вызвали, но она приехала уже к трупку. Менты задержали всю компанию, которая там была, и ищут ещё кого-то. Вот это пока и всё, – подытожил и встревожился, увидев вставшего со стула друга: – Ты куда? Его уже увезли в морг.

– Я никуда, – чуть слышно обронил Алексей. – Мне это как обухом по лысой башке. Хотя... Да что теперь охать: чувствовал я, чувствовал, что так будет. И ведь предупреждал. Эх, Васька! Не послушал. Не захотел. А кого ищут, не сказала?

– Лёша, я постараюсь всё разузнать и быстро вернусь, – заторопился Сергей. – А ты спокойно жди меня. Только не выходи из номера. Бережёного Бог бережёт. Лады?

– Хорошо, – безучастно кивнул Алексей.

– Нина сказала, чтобы ты никому не открывал. Если будут менты, посылай к ней. Она уже сообщила Леониду, и если что, говорить будешь только с ним. А уж он сам во всём разберётся. Короче, я погнал. Жди!

Дверь за ним захлопнулась, и Алексей пересел на кровать, потом и вовсе лёг, уставившись в потолок недвижным взглядом. Столь резко сменился ход событий, что он не успел ещё в должной мере осознать этот трагический финал. Мысли, обгоняя одна другую, произвели в голове полный сумбур, и единственная, на которой он смог сосредоточиться: Васки больше нет. И – всё. Дальше только назойливым рефреном лезла на ум глупая песенка про эскадрон мыслей-скакунов, которую крутили в зоне последнее время и которую любил напевать Буба. Особенно залихватски, чуточку взвизгивая, выводил он «и-ех, залётные мысли мои, вы, как годы уносите прочь...»

«Вот и унесли твои годы, Вася, – жалостливо прошептал Алексей. – Вот и кончились залётные. И ты так же, как когда-то Жорж, заверял, что всё ещё успеется, всё срастётся. Не срослось. Не успелось. А у меня не хватило ни сил, ни мудрости убедить тебя остановиться. Да, наверное, и особого желания не было. Жалко. Но что правда, то правда: после всех передрыг я стал тебе не нужен. Ты уже был себе на уме, и от меня ничего не зависело. Только мы оба забыли, что всё случается по воле Бога».

Алексей почему-то задержался на этой мысли, и его вдруг так и подбросило на кровати: «По воле Бога! Всё по воле Бога!»

Только тут на ум приходит, что останься он там, то есть, не отзови Стоцкий его в тот уже решающий мо-

мент, – и неизвестно, что было бы с ним самим. В любом ведь случае его бы задержали, как и ту компанию. А там недалеко и повесить всех собак на только что откинувшегося зэка, и тогда вряд ли он смог бы уехать утром. Впрочем, сможет ли уехать и при таком раскладе, ещё вопрос. Наверняка ведь начнётся обычная тягомотина со следствием, и возникает вопрос: в каком качестве его могут задержать? Свидетеля или подельника? Но для этого надо знать, что там произошло? Пойти самому туда или послушать совета Сергея? Уже второй раз за день Господь посылает лесника, чтобы отвести от него опасность. Да, стало быть, надо подождать: пусть будет как будет. На всё воля Божья!

Словно ответом на это решение в коридоре послышались гулкие шаги, и, забыв все предостережения, Алексей буквально вылетел за дверь. Он почему-то не сомневался, что это Сергей, и, увидев его, застыл в нетерпеливом ожидании.

– Ну? – только и вымолвил, когда вернулся с ним в номер.

– В общем, Лёша, дело ясное, что дело тёмное, – покачал головой Стоцкий. – Ясно пока лишь одно: Буба приказал долго жить, причём умер собственной смертью. Это уже выяснили медики. А вот помогли ему отправиться на тот свет или нет, будут выяснять менты. В смысле, в какой ситуации дело дошло до инфаркта. И нам повезло, что этим делом занялся Леонид. Во всяком случае я уже в курсе кое-каких странных деталей. А может быть, как раз и не странных, если учесть, кто у нас в ментах ходит. Но сначала о Бубе.

И Сергей так живо обрисовал, что Леониду удалось выяснить у всей компании, включая крепко поддатого Сутягина, что Алексею ничего не стоило додумать, как произошла трагедия. Хорошо зная повадки Бубы, он без труда представил себе, как всё случилось.

А произошло следующее. Понятно, что поводом для игры стали золотые серьги с бриллиантом, на которые поставил Буба. Вернее, та сумма, что он получил за них от уже упомянутого нами Аббаса. И это было первой ошибкой Василия. Ошибкой, потому что поставь он их на кон, никому бы не взбрело в голову примерять их. А так... раз уж он продал их, то местная жена азербута тут же нацепила эти бирюльки, красуясь перед зеркалом на зависть подруге. А зависть, как известно, изобретательна и способна на любое коварство. К тому же Аббас, со слашавой улыбкой сообщив, как лестно ему играть против «самого Бубы», о котором он слышал «много и только хорошее», попросил не жену, а как раз вот эту обойдѐнную вниманием её подругу принести как минимум три нераспечатанные колоды карт. К чести Васьки сказать, отнёсся он к этому с полным пониманием и даже одобрительно улыбнулся. Чего не скажешь про даму: просьбу она хоть и исполнила, но без всякого энтузиазма и, видать, не столь оперативно, так как удостоилась раздражѐнного взгляда Аббаса, который выразительно постучал по часам. И неважно, что отлучилась она вроде бы совсем ненадолго, всего-то минут на двадцать.

«Ну, что ж: умеют люди ценить время», – рассудил ничего не заподозривший Буба, садясь за стол. И с первой же партии понял, что попал на не менее прожжѐнного шулера, чем он сам. В общем, игра пошла с переменным успехом и сменой одной колоды карт другой после каждого кона (что делало неэффективной их метку). Это затягивало игру, а окружившие стол зрители «новые русские» (далеко не с пустыми карманами) стали изъявлять желание поучаствовать в игре. Ну, не в преферанс, конечно, и даже не в покер. Буба понимающе переглянулся с Аббасом (рыбак рыбака видит издалека), и оба согласились на доступную любым мозгам простонародную «трыньку». Это

был и молчаливый сговор двух шулеров сыграть «на одну руку», и вторая ошибка Бубы, отставшего за многие годы заключения от новой морали нетюремного общества. (Оно хоть и на свободе, но назвать его свободным язык как-то не поворачивается). Короче говоря, Ваську кинули; причём кинули на его же сдаче карт. Подобрал себе три короля (после двух туров игры одной колодой это уже не составляло для него труда), он прозорливо сдал другим игрокам (а их было уже ни много ни мало девять человек) не менее фартовый набор: кому-то два туза, кому-то три картинки, а одному даже такую же «трыньку», но послабее чином. И начался ажиотаж, какого не упомнил бы даже он сам! Имея в карманах хорошие бабки, ни один из игроков не сбрасывал карты, а только «равнял» и ставил «сверху». Азарт захватил всех без исключения, и банк рос сумасшедшими темпами. Буба, повышая на последней руке очередную взятку, неотрывно следил лишь за двумя игроками, у которых было по два туза. А именно, за Аббасом и сидевшим напротив его рыжим татаринном, которого все называли в шутку «Ржавым». Дело приняло неожиданный оборот, когда один из «новых русских» – огромный детина, с болтающимися золотыми цепочками на шее со смешной то ли кличкой, то ли фамилией Пень (и обладатель «трыньки» из трёх дам, выделенных ему Бубой) взвинтил игру, бросив на кон тугую пачку новеньких сторублёвок. То есть, воспользовался тем, что размер ставок не был оговорен.

– Надоела мне вся эта тягомотина, – заносчиво и небрежно махнул рукой: – Или равняйте, или поставлю ещё больше.

На этот раз все, в том числе и Аббас, поочерёдно сбросили карты и «заровняли» только Ржавый. Оставался ещё Буба. И компания, затаив дыхание, ждала его слова.

– Меряй и ты, Василий, да начнём по новой, – слышались голоса.

У Васьки теперь не было и половины этой суммы, но он сохранял спокойствие и, уверенный в выигрыше, для начала спровоцировал оставшихся соперников.

– Делим на троих, не вскрываясь? – предложил робким голосом.

То есть, дал им повод подумать, что он – лузер. Что, поднимая ставки, он блефовал в расчёте на то, что они скинут карты.

Конечно же, оба отказались. И, конечно, теперь будут снисходительнее к временному отсутствию у него денег.

– Ну, было бы предложено, – вскинул брови Буба. – Тогда ещё вот что: вы знаете, откуда я, и, конечно, догадываетесь, что не ношу с собой таких денег. Но, надеюсь, верите, что они есть у меня. Я даже вам скажу, что они лежат в ячейке на вокзале. Но код вам знать совсем необязательно, потому что его не знает даже мой лучший корефан Фёдор. Но он знает, что деньги лежат там в дипломате. В чёрном дипломате. Я правильно рассуждаю, Федя? Вот видите, он подтверждает. Итак, вы верите – и мы вскрываемся, или нет – и мне идти за бабками, а вы будете ждать?

– Вскрываетесь, чего там, – не предложил, а вроде как приказал Аббас и обвёл рукой играющих. – Я войду за него, если что.

– Благодарю, Аббас, – кивнул Васька. – Итак, я меряю. Ну у кого что?

– Три дамы, – первым, к вящему удовлетворению Бубы, выкинул карты Пень и потянулся к кону: – Вот так надо уметь играть!

– Не скажи, – остановил его Буба и вскрыл свои: – Ваши не пляшут.

Пень, убрав руку, несколько секунд тупо смотрел на карты, потом с силой шарахнул обоими кулаками по столу, матерно выругался и заоглядывался по сторонам, будто ища поддержки.

– Всех устраивает? – спокойно сказал Василий, никак не отреагировав на этот бурный демарш. Вопрос был адресован в том числе и Ржавому, хотя Васька даже не смотрел в его сторону. Зачем смотреть, если знаешь, что тот проиграл.

И застыл в оцепенении, когда услышал, как ахнули все присутствующие. Только тогда взглянул на карты Ржавого – и не поверил глазам своим. Три туза! Бомба! Это была бомба. Ясно, что Аббас спулил ему своего туза, но когда и как?! Все, игроки и зрители, бросились поздравлять татарина, а Буба встретился глазами с Аббасом, и понял, что крупно проиграл. Наверное, первый раз в жизни так крупно. Но... поздно пить боржоми, как он сам всегда говорил в таких случаях. Не пойман – не вор! Тем не менее он, не говоря ни слова, резко схватил и перевернул карты Аббаса: один туз и две десятки.

– Было вот так, – тихо процедил, передвинув десятку к картам Ржавого, а туза возвратив на своё место к Аббасу. И совсем тихо добавил: – Признаюсь, не ожидал от тебя такой подлянки. Вроде бы договорились...

За столом никто, кроме их троих, ничего из сказанного не понял.

– Да ладно тебе, Василий, – склонился к нему Аббас. Теперь в глазах его да и в голосе было неподдельное восхищение. – Я уже говорил, что слышал о тебе только хорошее, а ты – великий. Думаю, мы ещё сыграемся, или как там у вас говорят: свои люди – сочтёмся, да? Ты можешь не бежать за бабками на вокзал. Ржавый дарит тебе то, что ты замерил. – И уже громко, через стол: – Даришь ведь, Азат?

– Это можно, – вальяжно ответил тот, аккуратно, не спеша укладывая деньги с кона в портфель. – Только если хочет дальше играть, пусть тащит бабки. А то говорить-то всяко-разно можно, а на поверку, глядишь, там пусто – ноль.

Это было унижение, и такого Буба простить не мог.

– А, так ты – благодетель, значит? – медленно приподнялся, бурявя оппонента колючим взглядом: – Оставишь подарок себе, дорогой. Через пять минут бабки будут тута, получишь своё, и играем один на один. Или слабо тебе без Аббаса?

– Федька! – зло бросает Буба. – Быстро найди Лёху и сюда с ним! Поедем за бабками.

– Не кипятись, дорогой, – пытается уговорить его Аббас. – Ну, ты что, шуток не понимаешь, да? Шас всё миром уладим, все будут довольны. Я же сказал: сочтёмся.

И именно в этот момент, когда Буба вроде бы заколебался, к столу прорвалась жена Аббаса и в страшном гневе швыряет ему серьги: дескать, забери, гад, свою подделку. Ей, подогревая страсти, вторит и подруга: опозорил, мол, такой-сякой, перед людьми, подсунул туфту, а Лера и вырядилась, дура душой. Нет бы подумать, как я и говорила, что откуда такая драгоценность у уголовника возьмётся. Хорошо, что ювелир здесь погодился (указывает на пришедшего с ними седого благовидного еврея, поиском которого, видимо, и объяснялась та её задержка с картами), так сразу оценил. Скажите, Борис Яковлевич, ваше мнение. Повторите, что нам в зале сказали.

И тот виновато так руками разводит: дескать, моё дело маленькое, меня попросили – я оценил: – К сожалению, это искусно огранённый фианит, а не бриллиант. Да и напыление обыкновенное.

Тут и без того взведённый Бубнов и вовсе побагровел, набычился, и стиснув пальцами спинку стула, прошипел, глядя на Аббаса:

– Убери этих шалав с глаз моих подобру-поздорову.

А рука уже привычно тянется к карману за «лисичкой».

– Ты кого пугаешь? – привстал Аббас и процедил грозно: – За шалаву ответишь. Это моя жена.

– Да мне по барабану, кто она тебе, если тебя же и подставляет, – уже не слышит его Буба. – Я тебе ручаюсь за свои цапки, а вот эти – не мои! Разуй глаза, не видишь, что ли? И этого жиды я шас... – И недоговорил. Как-то нелепо дёрнулся, плюхнулся на стул и ткнулся лицом в стол. Состукала о пол нераскрытая «лисичка», и следом, хватая воздух руками, туда же опрокинулся он сам.

– Не гони, парень, – не сильно впечатлённый его падением, презрительно хмыкнул Аббас. – Не пройдёт твой номер. А я ещё хотел с тобой по-хорошему. Теперь и бабки вернёшь, и ответишь. Вставай, дорогой, вставай, тут тебе не больница. Ну!

Первым всё понял Сутягин, увидев, как моментально посинели губы Бубнова.

– «Скорою!» – завопил тонко и бросился в главный зал. – Телефон, где телефон?

И даже с ним самим так плохо стало, что пришлось вывести его из зала.

Услышав, в чём дело, один из посетителей, по видимому, врач, без лишних слов поспешил к пострадавшему и попытался привести его в чувство. Тщетно. Никакие манипуляции уже не предотвратили фатального исхода, и через несколько минут он был вынужден констатировать остановку сердца пациента. Врачам прибывшей «скорой» осталось только подтвердить заключение, а подоспевшие два опера задержали участников игры для дачи показаний. Правда, вся задержка выразилась в том, что просто приступили к их опросу на месте. И тут начались такие разборки, что не будь там этой самой милиции, не избежать бы других жертв.

Пень был первым, кто обвинил Бубу (как будто тот не умер?!) и Аббаса в договорном шулерстве (дошёл наконец смысл их диалога с подменой карт) и потребовал вернуть ему деньги. А Азат, мол, у них для отвода глаз.

Хотя потом все трое и разыграли комедию с прощением долга, но на самом деле играли заодно. Аббас, конечно, всё отрицал, выставляя себя таким же пострадавшим от Василия, поскольку тот вместо бриллианта всучил ему подделку. При этом он стал демонстрировать операм серьги, как доказательство, и тут их увидел Федька, вновь появившийся в зале после некоторого отсутствия. Увидел и с ходу заявил, что это совсем не те, что были у Бубы. Аббас к жёнушке: те серёжки? Те, говорит, а какие же ещё? Вон хоть подругу спроси. Хватились: где подруга? А нет её! Ни ювелира, ни подруги нет и в помине. И, поскольку Федька стоит на своём, они (и Пень, и Аббас) уже вместе с операми его «за жабры»: где, мол, ячейка с дипломатом и какой её номер? Давай-ка проедем.

А Федя и без этого трясётся, как лист осиновый.

400 | – Не-е, – говорит, – номер-то я скажу, но вы уж как-то сами поезжайте, без меня. Шифра я всё равно не знаю, так что взламывайте или что там делайте, а мне кентам Бубы подставляться нет никакой охоты. Узнают – а узнают обязательно! – и отправят вслед за ним. А мне это пока ещё не надо. Не поеду и вам не советую.

«Ну, это ты себе советуй, – с ухмылкой переглянулись опера. И даже вроде как пожалели его: – А тебе ехать, и правда, резона нет».

И один из них поспешил с «потерпевшей» троицей на вокзал. С обыском, так сказать.

Другой остался ждать следователя, которым оказался зять Стоцкого.

* * *

– Вот так-то оно, Лёша, – закончил Сергей рассказ и коротко взглянул на Алексея: – Я догадываюсь, что как раз на случай таких вот разборок ты и нужен был Бубе. Ведь не зря он приказывал Фёдору привести тебя. Или нет?

– Наверное, – кивнул Алексей. – Во всяком случае так произошло однажды в лагере, когда я случайно оказался поблизости и не дал его же кентам забить его за шулерство. Но обязательств на будущее я никаких не давал. А сегодня даже пробовал отговорить от игры, но куда там! Фёдор тоже что-то предчувствовал; предупреждал, что азеры не те деревенские лохи, которых можно обвести вокруг пальца. С этими, мол, ухо надо держать востро. Кстати, что с ним? Тоже ждёт результата обыска?

– Нет. Леонид отпустил его. Допросил и отпустил. Побоялся, как бы и его удар не хватил. Врачи «скорой» предупредили, что у него наметился нервный срыв. Больно уж перепугался мужик. Да и что с него взять: в игре не участвовал, сидел тихо. Заверил, чуть ли не клятвенно, что явится сразу, как понадобится. Потом Леонид с опером в отделение поехали, а я Фёдора до фойе проводил. Вижу, что на взводе он какой-то весь. Плетёт мужик что попало. Всё бормотал, чтобы Буба не обижался на него. Что не хотел, чтобы так-то вот.

– Отойдёт помаленьку, – сказал Алексей. – Шутка ли, весь день на нервах. И то ладно, что не впутал его твой зять в эту историю.

– Он и тебя не стал впутывать, хотя в протоколе указано, что за столиком вы сидели втроем. Это хоть и до игры, но вопросы-то есть, типа: почему ушёл, когда и т.д. Я ему обсказал, что всё последующее время находился с тобой. Про Библию рассказал. Ты бы видел, как он обрадовался: дескать, нашла она того, кому предназначалась тем литовцем. Даже пожалел, что нет времени с тобой переговорить. Не по протоколу, конечно. Но посоветовал всё же здесь не задерживаться. Если, говорит, нет никаких обязательств перед покойным, то это не то место, где можно ждать чего-то хорошего.

– Обязательств нет, – грустно улыбнулся Алексей. – Планы были. Хорошие планы. Васька к матери хотел вернуться, в церковь пойти. Жизнь начать новую. Меня уговорил ехать с ним, вернее, я сам «уговорился» проводить его к этой жизни. Много схожего у нас было с ним, оттого и жалко так его. И знаешь, о чём я сейчас думаю?

– Скажи.

– Если бы ты не отозвал меня в фойе, мне пришлось бы быть там с ним.

– Я тоже об этом думал. Ты ведь не остался бы в стороне, факт! И кто знает, чем бы тогда это обернулось? Или... Или Бог знал, и поэтому...

– Бог всё знает. Страшно подумать, сколько раз уже Он спасал меня. И вот в очередной раз, зная наперёд, чему должно случиться, отвёл от меня беду.

– А может быть, не только от тебя, – задумчиво пророчил лесник. – Мне ведь, признаться, сильно хотелось побыть в компании. Просто поговорить по душам, думками о жизни поделиться, да и выпить, чего уж там. Не помню уже когда последний раз сидел в ресторане. Костюм даже новый надел, туфли начистил. А как Библию-то взял в руки, так вдруг будто голос какой во мне: дескать, ты на гулянье вырядился или хочешь узнать, откуда у Грома вера взялась? И, веришь-нет, вот тут внутри всё прямо так и встало комом, и всю охотку отшибло. Тут же и костюм скинул, и туфли. Обскажу, думаю, тебе про Библию, а там видно будет. А оно ведь, и правда, видно стало, а?

– Стало, Серёжа, стало. Свет мы увидели. Шас я... – Алексей торопливо открыл Библию, но такой открытой её и отложил: «Земля Завулонова и земля Неффалимова на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, – процитировал дрожащим голосом и, как бы проверяя себя, лишь на мгновение заглянул в книгу, и продолжил уже более уверенно: – Народ, сидящий во тьме, увидел

свет великий, и сидящим в стране и тени смертной
воссиял свет». – И счастливо заулыбался: – Вспомнил!
Я вспомнил, Серёжа.

– А что... Что это было? – столь же возбуждённо вос-
кликнул тот.

– Евангелие от Матфея! Вот, вот, читай! – показывает
Алексей текст. – Слово в слово вспомнил. Думал, что всё
забыл, ан нет. Это же про нас с тобой!

Сергей внимательно читает указанные стихи раз, дру-
гой. Напрягаясь, морщит лоб, пытаюсь постигнуть их глу-
бокий смысл. Ещё мгновение, ещё... и вскинулся в каком-
то неожиданном просветлении.

– В тени смертной... – повторяет заворожённо. – Хо-
чешь сказать... Ты хочешь сказать, это мы с тобой сидели
во тьме? И это нам воссиял свет? Так, Лёша?

– Именно так, Серёжа, – кивает тот и, перелистав, чи-
тает. – Потому что «Бог есть свет, и нет в Нём никакой
тьмы» (1 Ин. 1:5). А ещё вот, смотри: «Я – свет миру: кто
последует за Мною, тот не будет ходит во тьме; но будет
иметь свет жизни».

– Не будет во тьме, – новым эхом откликается Сергей,
и на этот раз первым в тихой радости опускается на ко-
лени. – Хочу благодарить Его за наше с тобой спасение.

Алексей немедля присоединяется к молитве и слышит
его шёпот.

«Господи! Мне страшно подумать, что было бы, если
бы я не приехал сегодня сюда. Ведь я так и остался бы во
тьме и тени смертной. Но Ты послал меня на эту встречу
с... (замедлился)... с моим братом. Братом, потому что Ты
породнил нас в Своём имени, и я благодарю Тебя всем
сердцем и душой».

– Аминь! – сказал Алексей и, встав с колен, обнял Сер-
гея, теперь уже как брата во Христе Иисусе. И радовались
оба, как радуются дети неожиданно вернувшемуся к ним

после долгого отсутствия отцу. Разница лишь в том, что это они вернулись к Отцу Небесному и неожиданностью для Него это не было.

Как и в первый раз, общение их прервал телефонный звонок. Звонила Нина сказать, что её смена закончилась и Леонид послал за ними машину. Пообещав не задерживаться, он положил трубку и улыбнулся:

– Торопит сестрёнка. Пора, говорит, и честь знать, а то просидите до утра и проспите твой друг на поезд. Ну что, тоже резонно. Опаздывать тебе никак не...

И оборвал на полуслове, услышав новый звонок.

– Леонид. Сам, – тихо шепнул Алексею. И в трубку: – Что? Да ладно, работай. Раз уж машину прислал, то и без тебя доберёмся. Мы с Ниной дома подождём. Ей это не впервой. Нет, не уеду. Хочу утром проводить друга. Не-не, никакой обиды, что ты! – разулыбался он и вдруг вскочил со стула как ужаленный: – Ну-ка, ну-ка, не понял? Обана! А подробнее? Потом? Лады. Всё, иду за Ниной.

– Ну, и денёк, – положив трубку, покачал головой и пояснил насторожившемуся Алексею: – В дипломате Бубнова вместо денег оказалась «кукла» из нарезанной бумаги. Ай, да Буба! Вот это развёл, так развёл всю гопкомпанию! Представляешь их рожи?

– Этого не может быть, – уверенно и на удивление спокойно сказал Алексей.

– То есть? Ты так уверен?

– Были там бабки; много, очень много. Тут явно что-то не так.

– А что? Думаешь, подменили дипломат?

– Однозначно. Васька за всю дорогу ни разу его из рук не выпустил, а над «куклой» так не трясутся. Вопрос только, кто это сделал и когда? Можно, конечно, валить на него: мёртвые ведь сраму не имут. Не хотел говорить, но и серьги у него были стоящие, не фианит. Впрочем, для

Васи какая теперь от этого разница? Только одно знаю твёрдо: кто бы их ни казначул, ничего доброго они ему не принесут. Как не принесли и Бубе. Но он их, пусть и несправедливым трудом, но хоть как-то заслужил; а тот, кто украл у него, вообще не трудился. Поэтому и у него всё пойдёт прахом. – Алексей взял Библию и, как и прежде, не глядя в неё, процитировал: «Не собирайте себе сокровищ на земле... где воры подкапывают и крадут».

– Говоришь так, будто собирал эти самые сокровища, – внимательно посмотрел на него Сергей.

– Собирал, Серёжа. Так собирал, что в итоге потерял всё, что имел. А нашёл годы и годы колонии. Но сейчас не время вспоминать.

– Согласен. И, как говорят, замнём для ясности. Так поезд, говоришь, в семь? Я прибегу утром. Новости сообщу, какие будут. До завтра. А то Нина там заждалась уже.

* * *

Ах, какая же эта ночь выдалась: в смятенных чувствах Алексей то вскакивал с постели и начинал бегать из угла в угол, пытаясь отвлечься от навязчивых подозрений, то снова ложился, зарываясь лицом в подушку. Успокоение не приходило. Как-то странно и непривычно теснило грудь. Впечатление, будто над ним посмеялись. Федька! Федька не выходил из головы. В том, что «кукла» в дипломате Бубнова – дело его рук, сомнений нет. Ни менты, ни кто-либо другой не могли так быстро заменить купюры нарезанной бумагой. А вот Сутягин – мог. Сутягин, верный, как считалось, лакей Бубы, клявшийся ему в «верности до гроба»; зэк с одной извилиной – и не факт, что в мозгах – этот Сутягин обобрал хозяина?! Алексей даже руками развёл: перед глазами так и стоял дипломат в багажнике «Жигулей» – зеркальное отражение другого, с деньгами! Фёдор задумал и подготовил эту

406

операцию, и – держите меня семеро! – успешно её провёл. Пусть и после смерти шефа, но ведь она же, смерть-то, не могла планироваться им. Выходит, не так-то уж и боится он последствий, которые неминуемо наступили бы, когда Буба обнаружил бы подмену. А вот когда бы обнаружил? Правильно, хватился бы не раньше, чем завтра (а по сути уже сегодня) в пути, в вагоне, и ничего уже поделать бы не смог. Возвратился бы? Телеграфировал кому-то из своих оставшихся? А толку-то! Как оказалось, далеко не глупый Фёдор не будет ждать, когда его «обуют» кенты Бубы, и уволится уже утром, если ему вообще это надо. Ищи тогда его, свиши. Имея машину, быстро растворится в никому не известном направлении. Он, конечно, думает, что с такими деньгами не страшны никакие бескрайние просторы Союза. Но не знает, что это только так кажется. Ни оказать, ни употребить эти бабки в мало-мальски годном направлении у него просто не хватит тям, и его либо ограбят где-нибудь свои же собутыльники (это при хорошем раскладе), либо расплодившиеся, как тараканы, рэкетеры подведут под статью, если сунется в какой-нибудь бизнес. А снова попадать в тюрьму, ни даже в самую заштатную, Федьке теперь никак нельзя: меченый, он теперь «крысадла». Опустят, а потом и убьют.

Но всё же когда он ухитрился подменить дипломат, который так бережно охранял Буба? В дороге? Исключено: он всегда был на коленях Бубы. Стоп! Сергей сказал, что Фёдор отсутствовал какое-то время после того, как вызвал «скорую».

«А что? – ухватился Алексей за мелькнувшую мысль. – Вокзал в двух шагах, вполне можно обернуться за каких-нибудь полчаса, а может, и того меньше. И если предположить, что Буба всё же сообщил Сутягину код ячейки, то подменить дипломат тому не составило труда. Ну да, вполне возможно, что Васька велел ему задействовать

этот вариант, но только в ситуации «форс мажор», как он любил выражаться. Например, в случае полного проигрыша. Да, маловероятно, но этот случай как раз и произошёл! И продумать этот вариант они могли заранее. Скажем, когда я уже ушёл к Стоцкому. Ох-ох-ох, – вздыхает Алексей, – что-то уж больно много я тут притянул за уши. – И ловит себя на том, что подспудно пытается найти хоть какое-то оправдание Фёдору. – Дался мне этот Сутягин. Васька никогда, даже в мыслях, не допускал проигрыша. Скорее всего Сутягин провернул это дело, когда они пошли на вокзал, а я возился с движком, проверял масло. Ведь зачем-то Федька возвращался, в багажник лазил. Причём бегом (что к машине, что назад), всё бегом. Тогда я даже не обратил на это внимания, но кто знает...»

Тут Алексей, наконец, понимает, что его так гложет: пытаюсь хоть как-то оправдать Фёдора, он всё время примеряет его поступок на себя. То есть, смог бы он устоять от соблазна завладеть деньгами, случись ему быть на месте Фёдора, или точно так же увёл бы их... при всех тех возможностях, которые предоставились? Ведь Буба всё равно мёртв, и та огромная сумма уже по существу ничья!

И, прислушавшись к себе, ничуть не кривя душой, с удовлетворением констатирует: смог бы. Не соблазнился. Потому что у него теперь есть то, что даёт Бог и что не купишь ни за какие деньги – любовь Христа. И уж теперь-то он не променяет её ни на какие сокровища мира; слишком дорогую цену пришлось заплатить за однажды допущенное отступление от обрётённой с таким трудом Божьей милости. Да, он оставил Бога, но Господь не оставил его. Не оставил, но дал прочувствовать цену лёгкой наживы; долиной смертной тени провёл через страдания и, когда он в отчаянье возопил к Господу, снова призвал к Себе. «Но и те, если не пребудут в неверии, привыются, потому что Бог силен опять привить их» (Рим. 11:23).

В раскаянии, а следом и покаянии возродилась, окрепла сила веры, и он вновь под крылом у Бога.

И уже под утро, сидя над открытой Библией, шепчет: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится»... под сенью Всемогущего... под сенью.

С тем и заснул прямо за столом.

* * *

Буба будто только и ждал этой минуты, тут же объявился и глядит молча. А в глазах грусть-печаль безысходная, какой у него никогда не было при жизни. И не говорит, а вроде как жалобным дуновением от него доносится:

– Не успел я, Лёша, к матери. Ни к кому не успел. Не судьба. Хоть и не фрайер, а жадность сгубила. – И заторопился с оправданием: – Но ты не подумай чего, это только потому, что не успел отыгаться. Ну, ты ж меня знаешь. Эх, мне бы ещё хоть часок времени. – И ещё раз горестно: – Эх, если бы... – и, махнув рукой в знак прощания, стал удаляться. – Ты уж не поминай лихом-то.

– Федьке-то, Федьке что сказать? – хочет крикнуть Алексей, но только мычит что-то нечленораздельное и просыпается от лёгкого стука в дверь.

– А ведь ты, и правда, проспал бы, – входя, улыбнулся Стоцкий и снял с плеча рюкзак: – Вот тут тебе Нина на дорогу харчей наготовила. И никаких «но»! – упредил возражения. – Попробуешь её стряпню, так за уши не оттянешь. Это тебе от всей души. – Тут он взял со стола раскрытую Библию: – Что, не до сна было? Я так и думал: это ж, как обухом по голове. Но есть новость покруче. Поэтому давай пошустрее одевайся, надо успеть кое-что рассказать. Я жду внизу. Рюкзак сам прихватишь.

Новость, и правда, оказалась ошеломляющей: они спешили к вокзалу, и Сергей, вышагивая рядом, кратко излагал потрясающую новость. Фёдор Сутягин спустя час после

того, как его отпустили, был обнаружен у своей сгоревшей машины и сейчас находится под наблюдением врачей. Но уже ясно, что позже будет определён в психиатрическое отделение больницы. Со слов Леонида, «вальтанулся» он после того, как его стоявшие на обочине «Жигули» на полном ходу протаранил какой-то вдрызг пьяный водитель на самосвале. В результате удара машина воспламенилась, и к приезду пожарников от неё остался лишь искорёженный остов. Всё произошло недалеко от города. Похоже, что он доливал бензин, так как в стороне валялась уцелевшая пустая канистра. Сам Федька не пострадал, потому что за минуту до аварии отошёл в придорожные кусты по нужде. Да ещё, если бы не остановился. О, тогда результат был бы намного плачевнее, ведь алкаш нёсся, вихляя из стороны в сторону и вряд ли что-то видел перед собой: столкновение, по всем замерам ГАИ, было неизбежным. И вот вместо того, чтобы благодарить судьбу за спасение, бедолага до того расстроился, что лишился рассудка.

– Жалко, конечно, машину, кто спорит, но не до такой же степени, – как бы подвёл итог Сергей. – Как ты считаешь?

– Жалко, – рассеянно повторил за ним Алексей, подавленный этой новостью. – Федьку жалко. Планы у него были на нормальную жизнь. Впрочем, как и у Бубы. – И добавил со вздохом: – Вот тебе, Федя, и «запас карман не тянет».

– Что ты сказал? – не понял Стоцкий.

– В багажнике, говорю, была ещё одна канистра с бензином. Вот она, видать, и взорвалась. Не будь взрыва, «Жигули» восстановить можно было бы, хоть какой он там помятый. Сам знаешь, какие у нас есть умельцы. А ведь я... – Алексей не договорил и обречённо махнул рукой. – А! Я – не я, что теперь вспоминать. Что было, то сплыло. Не вернёшь. А как это всё выяснилось? Кто его обнаружил?

– Первыми приехали пожарные, но тушить было нечего, – продолжал уже более подробно Сергей. – Зато картину они увидели незабываемую: вокруг остова машины с хохотом бегает и выплясывает с батожком в руке целый и невредимый Сутягин. Ну, ни дать ни взять индеец, только без перьев. А чуть подальше самосвал перевернувшийся с мертвецки пьяным, но таким же невредимым, без единой царапины шофёром. Чудеса просто! Фёдор ещё и кидаться давай на них с этим самым батожком: дескать, не подходите, всё равно ничего не отдам. Васька помер, значит, всё это моё. Но когда «скорая» приехала, притих сразу и стал плакать и жаловаться, что это Буба, мол, нечистую силу натравил на него из-за своего миллиона. Ну, его тут же вместе с невменяемым алкашом и увезли. Какие из обоих могут быть свидетели? Морочка одна.

Сергей замолчал, не торопился комментировать его рассказ и Алексей. Ни тот, ни другой почему-то не хотел обсуждать ситуацию с деньгами. В таком молчании они и вышли на перрон. У вагонов толпились пассажиры, но посадка ещё не объявлялась.

– Та-ак, вот и твой поезд, – кивнул Стоцкий. – На первом пути, как и положено.

– Нам к третьему, – сказал Алексей и сверил на всякий случай номер вагона на обоих билетах. – Да, туда, к голове. – И грустно усмехнулся: – Не пригодился билет Бубе. Хорошо бы отдать кому-нибудь. Что ж добру пропадать.

– А ты побереги, может, в пути пригодится, – посоветовал Сергей и посмотрел на часы: – Впрочем, у нас ещё чуть ли не полчаса. Успеем сдать в кассу, если что. А?

– Не надо в кассу. Что-то подсказывает мне, что не надо его сдавать.

– Вот-вот, я как раз насчёт подсказки, – оживился Стоцкий. – Или уж не стоит грузить тебя напоследок своими соображениями? Тебе, наверное, и без этого тошно.

– Стоит-стоит. Тем более, что я догадываюсь, о чём речь. Говори.

– Ну, ладно, раз догадываешься. Не в обиду тебе, конечно: я ведь поначалу-то не поверил про деньги в дипломате. Думал, хочешь выгородить бывшего ко-реша.

– А теперь веришь, что они там были? – испытующе посмотрел на него Алексей.

– Теперь верю. И всё думаю о том, что ты вчера ска-зал. Ну, что не принесут они добра. И ведь не принесли...

– То есть, принял всерьёз бред свихнувшегося бедо-лаги?

– Именно так. Видишь ли, сначала его бред про милли-он все пропустили мимо ушей, да и потом гаишники толь-ко так, ради смеха рассказали об этом Леониду. А вот он не стал смеяться, и хоть им ничего не сказал, но поверил сразу. И знаешь, почему?

– Скажешь, узнаю.

– Потому что серьги... те... как их... пусеты, да? Ну, на которые Бубнов играл в карты. Так вот, ты прав на их счёт, они действительно оказались с бриллиантом. Люди Аббаса действовали куда расторопнее оперов и в момент вычислили, и раскололи ювелира. Старик подменил их по просьбе той бабы. Короче, теперь впо-ру другое дело заводить. Но это уж как Аббас захочет: спрос-то будет с подруги его жены. Скорей всего сам с ней и будет разбираться. А то ведь неизвестно ещё, как всё дело обернётся. М-да-а, выходит, зря на Бубу наезжали. Вышло-то по поговорке: «Вор у вора дубинку украл». Но мне больше всего хочется знать, как ты это всё предугадал? Исход этот... Он такой был бы незави-симо от того, кто у кого украл? Ты это так предположил, просто угадал или что-то тебе подсказало? Ну, не ясно-видящий же ты, в самом-то деле!

– Не-ет, Серёжа, всё гораздо проще. Просто в Библии есть заповедь, которую я очень хорошо усвоил. Её сизмальства знает всякий, но мало кто задумывается над ней.

– Ну, это и я знаю. «Не укради», так?

– Точно. И эта заповедь, как сказала бы моя мама: «проходит красной чертой через всю книгу». Она у меня преподаватель литературы, но ещё до моей первой ходки стала читать Библию. Так вот, по Библии воровство, каким бы оно ни было, – грех! И ни один такой несправедный поступок не проходит бесследно. Как сказал апостол Павел: «А кто несправедно поступит, тот получит по своей несправедности...» (Кол. 3:25). То есть, «сколько верёвочке ни виться, а конец будет!» Так это звучит по-нашему, по-простому.

– Интересно, – приостановился Стоцкий. – Но как-то не укладывается у меня.

– Что, удивлён? Не успел, мол, освободиться и сразу – в праведники?

– Нет-нет, я не про тебя. Я это к тому, что апостолы же безгрешные люди. Ну раз они ученики Христа. Откуда им понять того же вора?

– Ну, Павел-то как раз был далеко не паинькой. Он гнал последователей Иисуса и даже называл сам себя извергом. А встретил Христа – и покаялся. Стал совсем другим. Стал христианином. Верным и послушным Богу, как и Иисус до самой крестной смерти. Поэтому у меня нет причины не верить ему. Да и мой личный опыт доказывает верность его слов. В общем, сомнений на этот счёт не было, вот только не подозревал, что произойдёт это так быстро. Но повторяю: Федьку жалко. Ведь удержаться от такого соблазна трудно было бы любому.

– Почему же тогда Бог допустил, чтобы он сделал это себе на погибель?

– Никому не дано постигнуть Божий замысел, Серёжа. Одно хорошо известно: всё, что делает Бог, служит для

блага человека. Даже страдания, которые Он допускает, на поверку оказываются благом. Зная, а главное, веря в это, могу предположить, что Господь допустил это, чтобы удержать Фёдора от более трагичного исхода. Думаю, не надо объяснять тебе, что ждало бы его, попади он снова в тюрьму после кражи у друга?

– Наслышан. Но Бубнов же умер? Разве это не меняет дела?

– Меняет. Но Федька не мог знать это, когда готовился обчистить своего «шефа». А он готовился. Значит, готов был стать «крысой». Так вот, не случись авария, деньги эти были бы у него до первой попойки. Я немного разбираюсь в людях такого рода, и о том, что он оказал бы их и его тут же «обули», гадать не надо. Потом, рано или поздно, но на нарах он оказался бы – эта участь редко минует даже «честного» вора! – и тогда уже никто бы ему не позавидовал. У меня, например, нет гарантии, что об этих бабках знали только мы трое. У Бубы в воровском мире связей не счесть, и он наверняка кому-то похвастался ими. А теперь совсем другой оборот. Теперь, как говорят, концы в воду: Буба – мёртв, Фёдор – погорелец. И что произошло с деньгами, догадывается только твой зять, ты да я. Стало быть, Сутягину повезло в этом смысле: ты же сам сказал, что Леонид не стал распространяться на этот счёт. Ну, а нам с тобой тем более это не надо. А Федька что? Он непременно и очень быстро оклемается после этой встряски, в чём я даже и не сомневаюсь. Бывало, встряхивало его и не так! Отойдёт, поймёт, что это было ему во спасение (поймёт-поймёт, не совсем дурак-то), да там, глядишь, ещё и прославит Бога.

– Я понял, – согласно кивнул Сергей. – Я тогда навешу его сегодня. И потом, пока не выпишут, буду наезжать. Молиться за него буду.

– Вот видишь, как оно бывает, – невольно расплылся в улыбке Алексей. – Вот, оказывается, кто из нас ясновидящий: просьбу-то эту ты снял у меня с языка. Да это же

для меня настоящее благословение! – Затем огляделся и нерешительно предложил: – Давай тогда вместе за него на прощание помолимся? Прямо здесь, а? Не против?

Реакция Стоцкого к вящей его радости была мгновенной: не раздумывая, Сергей тут же зарылся лицом в ладони и первым обратился к Богу в молитве за Фёдора. Склонил голову и Алексей, и так, увлечённые молитвой, и стояли оба посреди перрона, не замечая, как их сторонились снующие взад-вперёд немногочисленные пассажиры. Как некоторые, особо любопытные, приостанавливались, но, разобрав долетавшие слова, в поспешном недоумении ускорялись в движении. Вдруг Алексей почувствовал, как кто-то затеребил его сзади за локоть и, обернувшись, увидел перед собой пацана лет шести. В глазах и просьба, и какой-то неожиданный, непонятный восторг.

– Дяденька, вы же это молились? – то ли спросил, то ли подтвердил он свою же догадку. И следом уже более определённо: – Если вы Боженьке молились, то это я как раз просил Его, чтобы Он помог нам. Значит, это вы можете нам?

В голосе мальчонки слышалась такая уверенность, что Алексей в мгновенно охватившем волнении нагнулся к нему. Сердце учащённо забилося в предвкушении какой-то важной для него вести.

– Что у тебя случилось?

– У мамы деньги на билет украли, – шмыгнул он носом. – Вместе с сумочкой.

Друзья, не сговариваясь, так и присели на корточки перед пацаном.

– А куда вам ехать? – голос у Стоцкого выдаёт ровно такое же волнение.

– В Омск. Там нас бабушка моя ждёт.

Алексей, ожидавший именно такой ответ, хлопнул руками и, победно взглянув на Сергея, резко выпрямился.

– А? Что я говорил? – пробормотал, едва сдерживая эмоции.

– Так ведь и я о том же, – не меньше обрадовался и Стоцкий, и легонько взял мальчика за руку: – Ну, показывай, где твоя мама?

– Так вы поможете? – уточнил тот и, получив подтверждение, махнул рукой в сторону вокзала. – Там она. Милиционер велел ей ждать какого-то начальника. Только не говорите, что это я вас просил, а то она меня ругать будет.

– Ну, вот и здрастье, – рассмеялся Алексей. – А как же... Тебя зовут-то как? Вовка? А как бы мы тогда узнали, Вова, про вашу беду, а?

– Н-не знаю, – растерялся парнишка.

– Ну-ну, не переживай, договоримся мы с твоей мамой. Как её зовут?

– Юлия Ивановна. Она учительница.

– О, учительница! Тогда и нам пора представиться: я – Алексей, а это – дядя Серёжа. Запомнил? Вот и пошли к ней. Ну, что стоишь? Идём или нет?

– Ладно, пойдём, – прикинув что-то в уме, согласился Вовка.

Едва они показались в дверях вокзала, как навстречу им из зала ожидания с криком: «вот ты где!» – поспешила женщина и, подбежав, схватила Вовку в беремья.

– Ну, где же тебя носит, сынок? – зачастила, прижав его к груди и вопросительно поглядывая на сопровождавших его мужиков. Что это её сын, можно было определить с первого взгляда. Того же взгляда было достаточно, чтобы увидеть, какого труда стоила ей даже такая незначительная пробежка: женщина была «в интересном положении». – Я весь вокзал уже обегала. Горе ты моё! – причитала она и уже к ним с виноватым видом: – Просила ведь никуда не убегать. Мне

и от чемодана боязно отойти (вон на первой лавке поставила, чтобы видеть), и его нигде нету. Не успела вернуться, как исчез.

– Я не исчез, – возразил Вовка. – Я увидел, что дяденьки молятся и...

– Кто молится? Ну что ты выдумываешь? – в явном смущении перебила она и пояснила: – Это всё плоды бабушкиного воспитания. Не обращайтесь внимания.

– Это хорошие плоды, – успокоил её Стоцкий. – А мы с ним за вами пришли.

– Он что-то такого сделал? – насторожилась она.

– Нет-нет. Всё ладом. Хотели вернуть его вам.

– Спасибо. Ну, пойдём, сынок, а то и последний чемодан утащут.

– Пойдите, Юлия Ивановна, – придержал её за руку Блинов и, не давая ей опомниться, добавил тоном, не допускающим возражений: – И как зовут вас знаем, и о беде вашей знаем. Но надо торопиться. А ну, Вовка, давай с дядей Сергеем бегом за чемоданом. Поедете со мной, Юлия Ивановна. Вот билеты до Омска.

– Я никуда не поеду, – в мгновенно вспыхнувшем недоумении отказалась она. – Вова, стой!

Но мальчик, увлекая за собой Сергея, лишь обернулся на бегу:

– Мы быстро, мама. Пока ещё и чемодан не украли! Сама же сказала.

– Что всё это значит? – растерянно обратилась она к Алексею.

– Это значит, что у вас есть один билет. Вот этот. А насчёт Вовки договоримся с проводником, так как не успеем взять другой в кассе. Ему он уже нужен?

– Да, за полцены. Ему почти семь, – сбитая с толку, Юлия обмякла, но не так, чтобы беспокойство совсем оставило её. – Но как же мы с незнакомыми...

– Не переживайте, – не дал он ей договорить. – И не бойтесь. Мы с Сергеем – верующие, если вам это о чём-то говорит. А я надеюсь, что говорит, раз Вовка о бабушке упомянул. Он, и правда, застал нас в молитве, и мы благодарим Бога, что билет не пропал, пригодился. Ваш сын уверен, что это ответ на его молитву, а мы – что ответ на нашу.

– Так, а ваш друг, он что, не едет с вами? – чуть помедлив, спросила она.

– Нет, он провожает меня. Это – местный лесник. А билет был другого человека. Тоже моего друга, но он не поехал. – Алексей грустно улыбнулся: – К сожалению, он уже никуда отсюда не поедет, но это к делу не относится. А вот и ваш чемодан. Остальное: кто я, зачем я и всё прочее – расскажу в дороге. – Алексей взял чемодан у Сергея и кивнул Вовке: – Бери мамку за руку и бегом за нами. Серёжа, помоги им. – И, не оглядываясь, поспешил к вагону.

Волей-неволей, заботливо поддерживаемая с одной стороны Стоцким, с другой – сыном, потянулась за ним и Юлия. В глазах её стояли слёзы.

– Как же быть? – бормотала растерянно: – У нас и расплатиться-то будет нечем? Все же деньги украли. Ни еды у нас, ни денег.

– За это не волнуйтесь, – расцвёл в улыбке Стоцкий. – У Алексея вон полный рюкзак запасён. Будто знала моя сестра, наготовила на всю дорогу.

– Не бойся, мама, – утешил её и Вовка. – Боженька нас не оставит. Бабушка же говорит, что Бог всё видит, значит, и видит. Я помолился – Он и увидел. Мы и тебя научим молиться, а то бабушка тебя никак не уговорит. Теперь-то сама видишь, что бабуля права. – И забежал вперед, заглядывая ей в глаза: – Видишь же? Видишь?

– Вижу, – улыбнулась она. – Вижу, что ты у меня умница. И слава Богу!

А ещё было видно, что не отговаривается мать, чтобы убажить сына, а что-то прочувствовала она за эти короткие мгновения. Даже взгляд её потеплел, исчезли слёзы и то первоначальное недоверие. К вагону она подошла уже совсем спокойной.

Проводник, приземистый, жгучий брюнет, выслушав Алексея, мгновенно оценил и его, и предложенные деньги.

– Базара нет, братан, – ловко схлопнул купюры в раскрытой для них аккуратной папке для билетов и приветливо блеснул улыбкой из драгоценного металла: – До Данилова можете ехать спокойно: там у вас пересадка и время за глаза хватит, чтобы купить пацану билет. Ну, всё, вон и отправление. Давайте, давайте пошустрее.

– Добро, – поблагодарил его Алексей и сердечно попрощался с Сергеем, который уже помог его новым спутникам подняться в вагон.

* * *

Дружеские, доверительные отношения между взрослыми быстро установились благодаря Вовке. В меру любознательный, непосредственный, как и большинство детей в его возрасте, он прежде всего поинтересовался, знает ли Алексей что-нибудь о Библии, пояснив на всякий случай, что это такая книга про Боженьку. И надо было видеть его восторг, когда тот выложил её на столик.

– Би-блия! – нараспев протянул он и просиял от счастья. – Самая настоящая! – И, раскрыв, довольно бегло прочитал. – «Книги Священного Писания»!

– О-о, ты уже умеешь читать? – в свою очередь восхитился Блинов.

– Умею, – не без гордости подтвердил Вовка. – Меня мама научила.

– Вот-вот, – грустно улыбнулась Юлия. – Я думала, ты детские книжки будешь читать, а вы с бабушкой сразу за Библию. Рано тебе ещё в такие книги заглядывать.

– Не, не рано, – не согласился он. – Сам Иисус сказал, чтобы взрослые не мешали детям приходить к Нему.

– Ну, прямо так и не мешали, – усомнилась мать. – Это тебе бабушка сказала?

– Не бабушка, – заупрямился Вовка. – Я сам в Библии читал. Только у нас она совсем маленькая и называется Евангелие. А эта вон какая большая, я в ней не найду.

– Пожалуй, я смогу тебе помочь, – предложил Алексей и принялся листать книгу. Потом спохватился: – Вы как, не против, Юлия Ивановна?

– Нет-нет, читайте, – торопливо разрешила она. – И это... называйте меня просто Юлей, так будет проще.

– А вот это нет, – улыбнулся он. – Вы меня зовите как хотите, а я с детства преклоняюсь перед учителями, особенно женщинами. Может быть, потому что моя мама – педагог, а Вовка сказал, что вы – тоже учительница. У вас какой предмет?

– Иностранные языки. Только теперь я больше репетитор или даже гувернантка у «новых русских», чем преподаватель. На зарплату учителя сейчас не проживёшь, и профессия наша не столь престижна, как, может быть, всё ещё кажется вам... – она вопросительно посмотрела на него.

– Алексей, – сказал он. – Для вас я просто Алексей, или Лёша, какие бы времена ни наступили.

– Хорошо, Алексей. Пусть будет так.

– Мы же хотели стих из Библии, – обиженно напомнил Вовка.

– Да-да, сынок, извини, я заболталась. Читайте... То есть, читай, Алексей. Я тоже послушаю. – И как-то тяжело вздохнула: – Может быть, другого времени и не будет.

– Будет-будет, – убеждённо сказал Вовка. – Ты только первый раз послушай, а потом сама захочешь читать. Так всегда бывает. – Подумал и добавил: – Со всеми.

– Ну-у, раз ты говоришь, – с лёгкой иронией улыбнулась мать, – тогда я слушаю.

– Да, а кто читать будет? – взглянул Алексей на Вовку. – Я? Ну, я так я. Вот этот стих: «Приносили к Нему и младенцев, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же, видя то, препятствовали им. Но Иисус, подозвав их, сказал: „Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царство Божие“» (Лк. 18:15–16).

– Видишь, мама, видишь, – ещё больше просиял мальчик и без запинки повторил следующий стих. – Там дальше ещё написано, что «кто не примет Царства Божьего, как дитя, тот не войдёт в него». Правда, дядь Алексей?

– Точно, – не скрывая изумления, пробормотал тот и взглянул на Юлию, как бы предлагая разделить своё восхищение. – Слово в слово. Ай, да Вовка! Вот так память!

И зарделась мамаша. И от смущения, и от гордости зарделась, но в то же время мимолётной искоркой блеснул в глазах какой-то безотчётный страх. Словно увидела она вдруг в своём сынишке совсем не того, кого воспитывала. И проронила столь же невнятно, что, мол, так то оно так, но вот память бы эту да на что-то другое.

– Нет-нет, Юлия Ивановна, – с жаром возразил Алексей. – Именно Слову Божьему почётное место в нашей памяти. Почёт и слава! Всё остальное приложится. Помнишь, Вова, где так написано?

– Да, – с готовностью выпалил тот, будто только и ждал этого вопроса. – «Ищите же прежде Царства Божьего и правды Его, и это всё приложится вам». – И, приклонившись к матери, доверительно пояснил: – Это, мама, Христос в Нагорной проповеди говорил, чтобы верующие не

искали того, что ищут язычники. Ну, это те, которые верят не в живого Бога, а в неправдашных – истуканов.

– Да когда же это вы с бабушкой успели? – только и вымолвила Юлия, любовно поглаживая сына. – Ума не приложу. Хотя с этой вечной беготнёй, занятостью я...

Но продолжать не стала, лишь устало махнула рукой.

– Не заметили, как он вырос, – закончил за неё Алексей. – Ладно, Вова, давай-ка позавтракаем под стук колёс, чем Бог послал. А то ведь ни я, ни вы с мамой, как я понимаю, с утра ничего не ели. Я проспал, а вам не до еды было. Но война войной, а обед по расписанию. Потом можешь читать Библию. Думаю, что мама тебе разрешит.

Так состоялся их первый обстоятельный разговор, после которого Алексей стал для Вовки непререкаемым авторитетом, и он буквально засыпал его вопросами. Их у мальчика был неиссякаемый источник и на каждый, имеющий отношение к Библии, он ждал ответа, обязательно подкреплённого библейским же стихом.

Ближе к вечеру он уgomонился и мирно заснул на верхней полке (на верхней – тоже его прихоть). Проводник, как и обещал, никого в купе не подселил, и они смогли наконец поговорить откровенно, потому как весь день оба старательно избегали говорить о себе, обходясь общими фразами. Теперь же Алексей не стал таиться и рассказал, откуда он возвращается и куда. В итоге то, что на первый взгляд должно было насторожить Юлию, наоборот, обрадовало её, и хоть и не сразу, но побудило столь же честно поведать о себе. Оказалось, что и она возвращалась из тех же мест, с личного свидания с мужем Егором Логовым, отцом Вовки. Это было первое за полгода его отсидки свидание. Случившаяся с ним история была хоть и громкой, но рядовой до банальности, каковым несть числа в период разгулявшегося безвременья. Если в двух словах, то «кинули» его за то, что выступил против рейдерского захвата

предприятия, где он работал ведущим специалистом. Сделали это свои же коллеги, вернее, та их часть, что готовила захват в сговоре с бандитами, тогда как он поддержал тех, кто не захотел «по-хорошему» отступить от своих прав. Таким же обычным был и сценарий рейдерского захвата: то есть, в один не очень прекрасный день законного директора просто не пустили дальше проходной. Завязался настоящий бой его сторонников с новой охраной, и Егор, обладающий недюжинной физической силой, всё же прорвался в здание, буквально вышвырнул новоиспечённого директора из кабинета и картинно пригласил в кресло прежнего. На этом бы и закончилось противостояние, но во время стычки (тут уместнее, наверное, сказать «в пылу сражения») один из её участников получил ножевое ранение. Такое незначительное, что сам пострадавший не пожелал заявлять об этом в милицию. И вот, вроде бы совсем не опасное для жизни, оно через пару дней привело его на больничную койку, где он вскоре и скончался от заражения крови. Что стало причиной его смерти: ранение или что-то другое, – никто не выяснял, но следствие, а за ним и вставший на сторону проигравшей группировки суд неожиданно нашли главного виновника трагедии. Ну да, того, кто был самой активной фигурой и своими действиями унижил претендента на директорское кресло. Этого Логову не простили и, несмотря на то, что покойник был из числа его друзей, а сам он не имел никакого холодного оружия (установленный факт), осудили его на пять лет, как зачинщика. Потом, правда, скостили до трёх, но это уже благодаря Лизе, его дочери от первого брака. Известный журналист, она провела своё расследование и до сих пор продолжает бороться за отца. Кстати, вот это свидание, тоже результат её усилий, и говорит о том, что дело сдвинулось с места. Свою роль в этом относительном успехе сыграло и близкое знакомство, даже дружба Юлии с детьми «новых русских». Кто-то из них

внёс свою лепту в расследование, но вовсе не факт, что из желания восстановить справедливость. Просто среди них, как и везде по стране, идёт борьба за «тёплые места», а где борьба, там хороши любые средства. Тем более, что, как поёт Окуджава: «И пряников, кстати, всегда не хватает на всех!»

В общем, ничего особенного, если не считать, что явно предвзятое отношение к мужу в колонии (по словам Юлии, от него уже осталась половина того, что было) вроде бы начало меняться.

– Понимаешь, Алексей, – печалится она, – всё, что задумывалось здесь, на воле, добрыми людьми для освобождения Логова, оборачивалось ещё большим озлоблением против него местного начальства. Елизавета уже и правозащитников привлекла, и те приезжали в колонию. Ну, и что: приехали, походили, порасспрашивали и вынесли вердикт, что всё, мол, нормально, никаких нарушений со стороны администрации не выявлено. Что уж им там показывали, не знаю, но, как только уехали, Егору намекнули тут же, что он подвергнется ещё большим издевательствам, если дочь не перестанет «воду мутить». Он прямо сказал мне, чтобы Лиза перестала «бороться с ветряными мельницами». В противном случае, говорит, эти жернова перемелют его самого. – Юлия смолкла, прислушалась к перестуку колёс, потом грустно обронила в пустоту вагона: – Вот и думаю, как он там после нашего отъезда. Доберётся ли когда-нибудь правда до этих мест?

– Уж чего-чего, а правды здесь, и правда, не найдёшь, – согласился Блинов. – Может быть, потому что она здесь у каждого своя: у зэка – одна, у вертухая – другая, у «кума» – третья. Вот кого расспрашивали правозащитники, того правду и слышали. А может, хотели услышать, есть ведь и такие правозащитнички, что приезжают в зону «ради галочки»

в отчёте. Я их называю «форточниками», потому что видят ситуацию через окно кабинета начальника колонии. И ещё есть зэки, которые за определённую подачку нарисуют вам такую жизнь, какую и сам «кум» не догадался бы наплести. Но бесследно эти встречи всё равно не проходят: хоть на какое-то время дают зэкам послабление. Другое дело – ваш муж. Как я понял, его прицельно гнобят. Однако огласки всё одно боятся. Это знаю точно.

– Да, ты бы видел, Алексей, как они нас с сыном обыскивали, когда свидание закончилось. Не прихватили ли мы чего запрещённого.

– Ну это и понятно: вдруг какую плёнку с компроматом припрятали. Думаю, тут есть прямая связь между начальством колонии и теми, кто засадил туда вашего мужа. Его хотят сломать, чтобы он уговорил дочь перестать искать истинных виновников трагедии. И, похоже, им удалось это, раз он вам так сказал.

– О жерновах он говорил при надзирателях. Уже как бы на прощание. Может, это он для них? За сутки, что мы были с ним, не обмолвился об этом ни словом.

– Вот как! Видать, сыграл на нужное ухо, чтобы вертухай передал кому надо. Для успокоения. И правильно сделал. Скорей всего, его дочь близка к цели, но ни она сама, ни ваш муж не хотят посвящать вас в игру. Учитывая ваше состояние. Так-то оно спокойнее: меньше знаешь, лучше спишь. И хотя это присловье не для вашей ситуации, всё же посоветовал бы и я вам поменьше переживать.

– Сказать-то легко, – вздохнула Юлия, – да вот как исполнить. Что бы ни делала, чем бы ни занималась, а думы-то все об одном. Куда их денешь, на кого переложить?

– На Бога, – не задумываясь, как-то очень просто отреагировал Алексей и, чуть помедлив, добавил: – На Бога, Юлия Ивановна. Потому что Ему всегда есть дело до каждого из нас. И, поверьте, лучшего заступника не бывает.

– Заступника? – В её голосе нотки удивления, но не сарказма. Они сидели за столиком, друг против друга, и она смотрела на него в каком-то затаённом ожидании: – И это говорит человек, отсидевший в неволе немалый срок? Где же ты видишь Его заступничество?

– Вот в этой беседе с вами, – сказал он. – Во встрече с вашим Вовкой. Ещё пару месяцев назад я не мог и помыслить о чём-то подобном, потому что освобождение казалось где-то в безнадёжно дальнем далеке. Да и было там, если честно. И вдруг вот это всё, да? Вот он я, перед вами в вагоне за столиком, а не на шконке в затхлом бараке с одной-единственной мыслью: кончится ли это когда-нибудь. А оно – р-раз! – и кончилось. И вне сомнений, что по воле Божьей! Так как же Он не заступник?

– Ты признался, что пару месяцев назад не мог помыслить, – тихо сказала она. – А я ещё вчера и слушать не стала бы о Боге. Ни тебя, ни кого другого.

– А сегодня? Сегодня что-то изменилось?

– Да. Вы со своим другом заставили меня задуматься. Вы и ещё в большей мере мой сыночек. Я вдруг поняла: с ним произошло то, что должно было, но не случилось со мной. Он перенял любовь своей бабушки к Богу, чего старательно избегала я. Да не просто избегала, а с боем пыталась перековать маму. Это уже когда я вышла из-под её опеки и страшно боялась, что о её вере узнают мои друзья. Сначала сокурсники, потом коллеги по работе, потом Логов. Когда родился Вова, мы взяли маму к себе, но я запретила ей упоминать о Боге в моём доме. Хотя Егор-то как раз отнёсся к этому... ну, если не с пониманием, то с полным равнодушием. Верит, мол, да и пусть себе. Я же, говорит, верю, что есть какой-то высший разум, который уговорил тебя выйти за меня замуж. Шутил, конечно. Он вообще любил подшучивать над собой, имея в виду большую разницу в годах между нами. Овдовел он, когда дочке было всего

три года. Жена умерла от рака, и Лиза зовёт меня мамой, хоть и не сразу приняла меня. – Тут Юлия будто опомнилась: – Ой, да что же это я! Вы же, поди, всеми мыслями сейчас у себя дома, а я в свои семейные дебри ударилась...

– Ах, одно другому не мешает. Тем более, что в вашем рассказе прослеживается знакомая мне ситуация. Примерно то же происходило и с моей женой. По молодости она по тому же поводу «воевала» со своей матерью. Продолжайте.

– Нет-нет, обо мне потом. Сначала расскажи, что случилось в те два месяца? Я же чувствую, что ты многого не договариваешь. Но я не в претензии. Почему-то хочется верить тебе. Итак, что? Или это большой секрет?

– Как раз наоборот: я дал Господу обет по возможности свидетельствовать об этом везде и всюду, чтобы кто-нибудь не повторил той же ошибки, что и я.

– Это о колонии? Но ведь у нас в стране самая популярная пословица как раз и допускает это: «От сумы да от тюрьмы...» Что, разве не так?

– Я не столько о тюремном сроке, сколько о том, что я вернулся ко Христу после долгого бегства от Него же. О том, как, опустошённый, разбитый, потерянный, вновь обратился к Нему. И Он принял меня. Простил и принял! Вернул из мрачного небытия.

– Из мрачного небытия, – задумчиво повторила Юлия. – У тебя это прозвучало действительно довольно мрачно. Что имеется в виду под небытием?

– Жизнь без Христа. Однажды я уже получил спасение из Его рук, наслаждался общением с верующими друзьями, делился с ними Его любовью. Верил и говорил себе: всё, я – Христов! И вдруг, услышав, что могу лишиться своего имущества: дома, машины, денег... всего, – бросился спасать всё это. Не раздумывая. Показалось, что из моих рук уплывает сама жизнь: настолько я оказался

привязан к нажитому, что в одночасье забыл и о Христе, и о Его заповедях. А ведь Он предупреждает каждого. – Алексей чуть откачнулся от столика и тихо продекламировал: «Не собирайте себе сокровиш на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе... Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Моль, ржа, воры... Тут уж не до них, когда все мысли о деньгах! Они так и маячили перед глазами, словно подзуживал кто-то: дескать, что же это за жизнь будет без денег! Да пусть только попробуют! И я решил любой ценой отвоевать своё. Что означало только одно: в них, в деньгах, а не в заповеди Христа оказался для меня весь смысл жизни. Я только делал вид, что следую Христу, а веры – настоящей, а не показушной, – не имел. «Вера же без дел мертва», – говорит апостол Иаков. А я «играл на публику», на поверку же погнался за призрачным, ускользающим из рук земным богатством и заплатил несусветную цену. То есть, снова оказался в той, манящей внешней мишурой вотчине сатаны, которая на самом деле – коварная трясины. Она и есть небытие, где вместо любви – зависть, ненависть друг к другу, жажда мести и всё, им сопутствующее.

– А где Христос, там что, нет всего этого?

– Всё есть: и разлука, и страдания, беды и муки, обида и горе. Особенно много этого в наших «не столь отдалённых местах». Именно это я и «вкушал» последние годы, и до того ожесточился, что виновными в своих бедах назначал всех, кроме себя. Даже в какой-то мере родителей, что не выработали, мол, во мне жёсткий характер. По этой причине и писать никому не стал, чтобы прослыть среди зэков этаким «железным парнем», презирающим людские слабости. И, надо сказать, немало преуспел в этом: со мной считались и вертухаи, и воры в законе, даже начальство, не говоря уже о простых зэках. Пока

не встретил истинного христианина, человека, силой которого оказалась преданность идеалам Христа. И если раньше я только читал о магическом свойстве прощения (но мало верил в это), то на его примере увидел, как оно действует на самых отпетых зэков. Однажды он простил подонков, едва не убивших его. Просто скрыл от начальства лагеря сам факт нападения и, как его ни уговаривали, ни выпытывали, не показал на них. А ведь спасся и выжил, можно сказать, чудом. И чудом этим был Божий промысел. Потом один из них покаялся перед Христом, и если бы это было не при мне, ни за что бы не поверил такой метаморфозе. Да что я: покаялся тот, на кого вообще никто и никогда бы не подумал. Никто, кроме этого верующего. Он не думал, а верил, что так оно и будет. И так оно и стало, я тому свидетель. Да, все свои беды он возлагает на Христа и преодолевает их Его же любовью. Потому что, как он сам любит повторять... – Алексей на мгновение смолк, напрягая память. Вспомнил и улыбнулся: – Да, говорит, только у Иисуса глаголы вечной жизни.

– Красиво сказано, – кивнула головой Юлия. – Однажды я уже слышала эту фразу от мамы, и она запомнилась тем, что сильно удивила меня. Дело в том, что моя мама – малограмотная, а изречение несёт в себе явно философский смысл и понять его под силу разве что богословам.

– Вот тут вы ошибаетесь, – улыбнулся Алексей. – Библия тем и доступна людям, что постигают её больше сердцем, чем умом. Поэтому среди верующих не так-то много учёного люда.

– Да, видимо, так и есть, – легко согласилась Юлия. – Помню, как она принялась объяснять мне, что имела в виду, но я на это уже не обратила внимания. Мне важно было моё удивление, а не её рассуждения. А ведь это, и правда, удивительно, если знать, что она к тому же с трудом читает по-русски. Её родители – мои бабушка

с дедушкой – немцы с Поволжья, которых в самом начале войны выселили в Омскую область. А через два года уже её, семнадцатилетнюю, забрали в трудармию. Слышал когда-нибудь о такой армии?

– Доводилось, – помрачнел Алексей. – У меня ощущение, что вы рассказываете биографию моей тёщи. Она тоже была в той армии.

– У их поколения схожие судьбы, – погрустнела и Юлия. – Если не сказать – одна. А армия та не что иное, как концлагерь. Страшный, жестокий концлагерь.

– Тёща так её и называла, – добавил Алексей. – С оглядкой, вполголоса, но называла. Только рассказывать об этом – ни-ни. А станем просить да настаивать с женой – замкнётся и слёзы на глазах тут же.

– А где она сейчас?

– В Германии. Вместе с дочерью и внуком, моим сыном.

– А-а... так к кому же ты едешь тогда? – смешалась Юлия.

– К родителям в Казахстан. Думал сначала заехать в Азово, но, видать, не судьба.

– В Азово! – вскинулась Юлия.

– Да, это где-то недалеко от Омска.

– Сорок километров с гаком, если поточнее. И зачем, если опять же не секрет?

– Там недавно гостила тёща, и наверняка оставила свой адрес. Но теперь вряд ли что выйдет. Задумка-то была проводить друга своего, он из этих мест, да заодно и с адресом подсуетиться. Но Вася не поехал... – Тут Алексей заметил, как оживилась его попутчица: – А почему вас это так заинтересовало?

– Потому что мама как раз оттуда, из Азово.

– Да вы что? – так и привстал Алексей. – Правда?

– Правда. А ты знаешь фамилию того, у кого она оставалась?

– Да, она записана у меня.

– Тогда проблемы с поиском не будет. Мама знает, наверное, всех жителей наперечёт. Во всяком случае верующих – точно всех. Тёща ведь верующая?

Юлия сказала это так уверенно, что он не сдержал улыбки и с благодарностью дотронулся до её руки:

– Да, конечно.

– Ну, по-другому и быть не могло, – продолжила она и засмеялась: – Между прочим, в детстве я ставила знак равенства между словами «немец» и «верующий». Я искренне думала, что верующий в Бога – неважно, католик или протестант – это наша национальность. Да и теперь вижу, что немцы составляют большую часть прихожан церкви. Особенно это заметно как раз в Азово. Правда, сейчас там полно приезжих: наши немцы со всей страны устремились туда, потому что Германия обещала выделить средства для создания там национального округа. Но мама найдёт, кого спросить. – И развела руками: – Так что придётся заехать к нам в гости. Мы так или иначе поможем узнать адрес ваших родных... да по тому же телефону. Мама нет-нет да и созванивается со своими подругами. Это будет нашей благодарностью за вашу заботу и поддержку. Главное, обязательно ехать туда, терять время: представляю, как вы его сейчас подгоняете. Подгоняете ведь, Алексей?

– Юлия Ивановна, вы ещё спрашиваете, – расцвёл он в улыбке. – Да это же как гора с плеч! Я ведь уже совсем было отчаялся, на запасной вариант с письмом в Германию переключился. А это уйма времени.

– Никаких вариантов, всё сделаем сами, – решительно попытожила она. – Я так рада, просто счастлива, что хоть чем-то буду тебе полезна. Ах, ты, Господи, как же чудно, как славно всё получилось. Слава Богу!

Она произнесла это не задумываясь, так, как проговаривают все многие, не обременённые верой люди, но,

перехватив взгляд мгновенно просветлевшего от её слов Алексея, непроизвольно прикрыла рот ладошкой и чуть слышно ойкнула.

– Воистину, слава Ему, – повторил он за ней, сделав вид, что не замечает её замешательства. – Это то, о чём я только что говорил: Господь предопределяет пути человека и наперёд знает, что для него будет лучше. Разве я мог знать, что принесёт наша прилюдная молитва на вокзале? Что она привлечёт к нам вашего Вову и чем обернётся наше знакомство? Нет. Это всё Божий промысел, Юлия Ивановна.

– Кажется, я соглашусь с тобой, – прошептала она. – У меня такое чувство, будто я вновь слушаю мамины слова о Боге. Слышу, но не хочу восставать против них, как делала это всегда. Впервые они ложатся так близко к сердцу.

– Это Христос стучится к вам, – Алексей взволнованно приклонился к столику с раскрытой Библией: – И это для вас час истины – принять или отвергнуть спасение Христа. Вот, слушайте: «Се, стою у двери и стучу; если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мной». Вы сказали, слова близки сердцу, а Библия как раз и подсказывает, что надо делать в этом случае: «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко».

– И это – мамины слова. Сколько раз она повторяла их мне, – вполголоса бормочет Юлия, стараясь унять дрожь в голосе, но это ей не удаётся. Больше того, на её глазах появляются слёзы: – Не обращай внимания, – с виноватой улыбкой вытерла она их платочком и совсем смутилась: – Мне так неловко перед тобой.

– Вам нельзя волноваться, – просит он, хотя и сам волнуется не меньше, и принимает, как ему кажется, единственно правильное в этой ситуации решение: – Я... это... выйду на

время, а вы постарайтесь успокоиться. Побудьте наедине с Христом. Прислушайтесь к Его зову... и своему сердцу, – сказал проникновенно и вышел, сдвинув за собой дверь.

В коридоре пусто, и радостное гулкое биение сердца как бы подлаживается под отчётливый постук колёс, доносящийся через приоткрытые окна. Пройдясь взад-вперёд по вагону, он встал у одного из них, с благостной улыбкой подставив лицо лёгкому ветерку. Встал, да так и замер в ещё большем непреходящем умилении: поезд мчался в молочных сумерках белой ночи, и отсвет лучей давно упавшего за горизонт солнца не разрисовал, а будто накинул на небеса невысказанно яркий разноцветный пододеяльник. От широкой, цвета белого золота, полосы у самого края горизонта следовала лимонная, которая в свою очередь переходила в более узкую фиолетовую, а затем волнистыми холмами чередовались тёмно-розовая с багряной, нежно-сиреневая с фиолетовой, и снова розовая полосы. И так полахал весь доступный взгляду окоём. Поезд как раз шёл под уклон, и казалось, что и низкорослый кустарник, и сменявшие его поодаль кроны высоких деревьев, подпирающих небо, горят и не сгорают, подобно терновому кусту у горы Хорив. И это его пламя мельтешит сквозь их листву в сумасшедшем беге поезда, буйством красок слепит наблюдателю глаза до боли; но хочется и ему, как когда-то Моисею, прикоснуться к этому великому явлению. И потерялся он во времени и пространстве: мысленно-то уже там, у Хорива, и протягивает к костру молящие ладони...

– Так вот ты какая, неопалимая купина, – шепчет с замиранием сердца и ждёт, когда в пламени огня появится ангел и раздастся глас Господний: «Я Бог Отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова». И, кажется, появившись ангел, не удивился бы Алексей, настолько желанно, а главное, правомерно было бы его появление.

Словом, белая ночь во всей своей красе. Красе, к которой он ни разу не прикоснулся, будучи в лагере. Потому и не может отвести заворожённого взгляда от этого, воистину неземного, чарующего видения: дескать, да как же можно было не замечать такого волшебства?!

Ощущение сопричастности великому чуду так захватывает, что продолжает он шептать в ликующем восторге: «Горы и холмы будут петь пред вами песню, и все деревья в поле – рукоплескать вам».

Только очередное торможение и дробный перестук колёс на безымянном разъезде отвлекли его от созерцания чудной идиллии. По-видимому, пребывал он в этом состоянии довольно долго, поскольку, вернувшись в купе, нашёл Юлию Ивановну крепко спящей. Её шумное ровное дыхание говорило о том, что это не притворство. Осторожно подправив одеяло у разметавшегося во сне Вовы, Алексей устроился на нижней полке головой к двери и, подложив повыше подушку, бросил прощальный взгляд на поплёкшее, теперь уже догорающее зарево.

«Темнеет, – промелькнуло в голове. – Да и пора бы. Уже за полночь, поди».

Мысли, вначале сумбурные, – от восторженных о текущем моменте до грустных о недавнем прошлом – постепенно упорядочились, а их образы под монотонный постук колёс ожили, приняли осязаемые очертания. Лица родных, друзей, просто знакомых, неясные, угадываемые лишь по наитию, то приближаются, то удаляются в каком-то многозначительном безмолвии: всё чинно, размеренно. И вдруг – чей-то плач и причёты, и вот уже кто-то с протянутыми к нему в мольбе руками. Да это никак Буба? Ну да, вон и Фёдор рядом суетится. Что это у него? Канистра с бензином? Да! И тут же вновь полыхнуло огнём, а в языках пламени – деньги. Много денег. Жар коробит не тронутые ещё огнём купюры, и они свёртываются трубочкой.

– Лёха, Лёха, пособи! – кричит Федыка и пытается достать их кочергой. – Не видишь, горят! Тут мильён, Лёха, ну! Заживё-ём!

Не удержался Алексей, шагнул было на призыв, но яркая вспышка – и огонь поглотил всё! И ни Бубы, ни Федыки, ни пламени. Ничего. Только плач и всхлипы, да откуда-то с небес нежные звуки свирели переливами в самое сердце. Сынок!

– Глеб, Глебушка, – кричит он, а голоса не слышно, будто и нету его. И огня нет, но есть его обжигающий жар и отдалённые раскаты грома, которые не глушат, однако, мелодии свирели. Инстинктивно подняв голову, он видит, как всколыхнулось вдруг, пришло в движение разноцветье небес и медленно поглощает ставший теперь уже сплошь лимонным край горизонта, растекаясь по нему огненной чёрно-красной лавой. Шипя и переворачиваясь, огромные её потоки грозно ускоряются и вот-вот низвергнутся на землю. Но ведь где-то там его сын. Да вон он, на вокзале, у вагона.

– Глебушка, спасайся! – машет Алексей. – Беги ко мне.

– Мы с мамой и так к тебе едем, – слышит в ответ. – Она говорит, это тебя спасти надо.

– Да как же это – с мамой? – удивляется он. – Она же не знает про меня. И ты меня не признал там, у машины. – И догадывается: – А-а, это Вова. А кто же плачет?

– Так вон же, вон, смотри! – указывает Вова куда-то вдаль, но как ни силится Алексей, не может ничего разглядеть. А плач всё слышней, и причёты всё жалобней да отчётливей. Настолько отчётливей, что кажется, будто плакальщик обнял тебя и на ухо жалуется. Только слов не разобрать – одни всхлипы да причёты.

– Ах, да это же сон, – понимает Алексей, – надо как-то проснуться.

И, действительно, проснулся. Но сон ушёл, а наваждение осталось. Ночь, вступившая наконец в свои права, не

оставила и следа от прежнего зарева, и в её непроглядности чуть слышен всё тот же тихий, жалобный причёт. Секунду-другую он ещё вглядывается в недоумении: что, мол, откуда мне такое наваждение, но в следующий миг уже вскочил с полки.

– Юлия Ивановна, вам плохо? – не включая свет, спросил участливо и затаился в полной уверенности, что знает её ответ. И не ошибся.

Плач тут же стих, но ответ последовал не сразу. Видимо, не ожидала Юлия, что разбудит своего попутчика, и пыталась совладать с чувствами.

– Нет, Лёша, – в первый раз назвала она его так. – Мне так хорошо, как не было никогда в жизни. Прости, что разбудила. Я... мне... понимаешь, – путалась она в словах, и хоть вышло жалобно, но в этой жалостливости прорывались нотки радости. И, понимая, что теперь уже нет нужды таиться, выдохнула: – Мне открылся Христос!

За окном вагона неожиданно замелькали станционные фонари, освещая купе; и в этих мимолётных бликах он увидел Юлию: облокотившись на столик, она зарылась лицом в ладони, плечи её вздрагивали в приглушённом рыдании.

«Христос! Ей открылся Христос!» В немом благоговении Алексей опускается на колени в проходе у двери.

– Господи, Ты услышал нашу мольбу и даришь нам Своё спасение! – возвал в мгновенно обуявшем восторге. – Ты видишь нас, возрождённых Тобою. Спасённых к жизни вечной! Да будет имя Твоё благословенно в веках!

Юлия слышит его молитву. Ещё миг, и она скользнула на колени рядом с ним.

– Господи, прости и помилуй меня грешную, – вторит ему сквозь слёзы. – О, сколько же я потеряла, не желая слышать о Тебе! Запрещала маме упоминать имя Твоё, а какая же это радость быть с Тобой, Боже! Сколько

невосполнимых лет прожито так бездарно. Благодарю Тебя, что Ты послал мне этого человека! – И снова рефреном: – Прости и помилуй! Прости и помилуй!..

– Прости и прими, Господи, – тихо просит за неё Алексей.

Постепенно Юлия затихла и с его помощью поднялась на лавку. Сам он сел напротив, с удивлением обнаружив, что уже светает. Как же быстротечны белые ночи! В молитве покаяния оба не заметили, как пролетело время. Пролетело ровно так же, как летят и пролетают за окном в молочном тумане забрезжившего рассвета подступающие к насыпи редкие перелески. Вот только что были, приближались – и нет их! Не уследить взгляду. Права Юлия: невосполнимо время, невозвратно. Оттого-то нет-нет да и всхлипнет она по-детски, взмахнув и печально качнёт головой: жалко, ах, как жалко прожитых лет без Бога в душе...

* * *

Так до самого утра, пока не проснулся Вова, и просидели они в беседе. Ну, как в беседе: рассказывала-то больше Юлия, а Алексей, как мы знаем, всегда любил слушать, не говорить. Тем более, что рассказчицей она оказалась великолепной, и многое из того, о чём вспоминала, буквально оживало перед его глазами. Он уже хорошо представлял себе её мать, ставшую теперь главным действующим лицом её повествования, и не мог отделаться от мысли, что слушает историю жизни своей тёщи. Удивительная схожесть и судеб, и характеров просто поражали, а иные эпизоды были словно срисованы один с другого. Особо значимым и в чём-то символичным оказался эпизод с комсомольским значком, который он хорошо помнил со слов Риты, а теперь ровно такой же всплыл в признании Юлии, которым она делилась с грустной улыбкой:

– Ты бы видел, что творилось со мной, когда меня приняли в комсомол. С какой гордостью я поправляла значок на груди, стараясь обратить на него внимание прохожих. Меня прямо распирало от гордости. И люди замечали, улыбались. Так во всяком случае мне казалось. Поэтому и дома не преминула похвастаться им, зная, что мама в сутолоке дня вряд ли заметит его. И не обрадовалась: мама, моя кроткая мама, вдруг скривилась, отвернулась, будто на неё пахнуло чем-то дурным, и руки перед собой вытянула, вроде защищается от чего-то. И не то, чтобы просит, а прямо умоляет: дескать, отцепи, доченька, эту лысую башку! Ой, отцепи супостата, не гневи Бога. (Заметь: не сними, а – отцепи, вроде как это не я, а он меня чем-то к себе пристегнул). Ну, я, понятно, чуть не плачу от обиды: «Да как ты можешь такое говорить на нашего вождя? – кричу. – Он последний кусок хлеба отдавал голодным детям, а ты... Ты, – говорю, – пережиток старого, отжившего мира. А Ленин – он всегда живой!» – Вот так выпалила и сама испугалась: раньше-то не перечила маме; так, иногда не послушаюсь, но вслух чтобы, так это в первый раз. Как сейчас помню, чуть не задохнулась я тогда от гнева праведного. Ну, что тут скажешь, четырнадцать лет, всё в розовом цвете. Да и как не поверишь, если неслось из каждого утюга: «Самый человечный человек»... «И Ленин – такой молодой» и всё такое прочее. А тут – «лысая башка»! Как же не возмутишься. Но присмирела на всякий случай, сижу в ожидании упрёков. А мама вдруг горько-горько так вздохнула: «Не мог он, – говорит, – доченька, делиться с детьми, потому что разделить хлеб с голодным – есть заповедь Божья, и дана верующим людям, чтобы выполнять её. Вот они – да, они стараются по ней жить. Или ты хочешь сказать, что он верил в Бога? – И, видя моё замешательство, сама же ответила: – Ну-ну, не пугайся, знаю, что и в мыслях не

438 держишь. Но в том-то и дело, что он во всём противился Богу, а это преподносится, как какая-то его заслуга. Поэтому и сказала, что делиться хлебом он не мог. Он его отбирал у тружеников и отдавал тем, кто не работал, но горой стоял за него. Чтобы им сытнее было воевать со своим же народом. А что люди гибли от голода, так ему было не до них. Я ведь тебе сказывала, что из всей отцовской семьи – а было их двенадцать душ – выжили только папа да его младший брат, а у мамы в городе вымерли вообще все родные. – Мама вытерла слёзы платочком и завершила: – Ну, да ладно. Носи идола, если хочешь, а когда поймёшь, что он натворил, сама отцепишь и выбросишь. И не пожалеешь. И к Богу обратишься! Много вас таких обратится, поверь мне. Придёт такое время!» – Она и раньше мне рассказывала о голоде, постигшем её родных во времена продразвёрстки, но я как-то не соотносила это с Лениным. Но так или иначе, а слова её сбылись: значок я выкинула, а вместе с ним и комсомольский билет. Ещё до перестройки. И не я одна.

Юлия взглянула на пробегающие, уже различимые за окном низенькие деревенские постройки:

– Ах, как хочется побыстрее увидеть маму и рассказать обо всём. А поезд как назло по часу стоит у каждого столба или тащится, как черепаха. Так бы и выскочила, чтобы подтолкнуть. – Немного помолчав, она всё так же грустно продолжила: – Да, значок-то выкинула, а Бога не приняла. Но это, подозреваю, уже больше самой себе наперекор: стыдно же, что такая вся из себя образованная да умная – и вдруг признать, что почти неграмотный человек, хоть и мама, указывает тебе путь истины. Где-то в глубине души понимала её правоту, но жизнь-то диктовала совсем другое.

– А, может быть, это диктовала не жизнь, а тот самый ложный стыд оказать себя верующим перед коллегами? –

вслух предположил Алексей. – Говорю так, потому что именно это долгое время удерживало меня от покаяния.

– Наверное. Да скорей всего так, – согласилась она и в уже совсем прозревшем утре внимательно всмотрелась в него: – Странно, но если бы я не знала, откуда, из каких Богом забытых мест ты освободился, то приняла бы тебя за миссионера. Или ты им был раньше?

– Пока нет, – улыбнулся он. – Но точно буду. Так на-пророчествовал мне на прощание один мой верующий друг. – Подумал и добавил: – И, похоже, всё сбывается.

Как-то разом после этих слов оба смолкли и углубились каждый в свои воспоминания. Он вдруг признался себе, что разделяет жгучее желание Юлии как можно скорее увидеться с матерью. Понял, что подспудно и он в таком же нетерпении ждёт встречи не только с Ритой и Глебом, но и с тёшей. Она всегда служила им обоим хоть и незаметной, но надёжной опорой. То есть, случись у него какой конфликт с Ритой (редко, но бывало и такое, чего греха таить), она неизменно примет его сторону и по-доброму, ненавязчиво уговорит их примириться.

По-видимому, вид у них был довольно счастливый, так как проснувшийся Вовка сразу же «вычислил», что у мамы большая радость, и с детским восторгом воспринял известие о том, что она теперь будет молиться с ним и бабушкой. Весь короткий остаток пути прошёл за утренней суетой, а уже за скорым завтраком Юлия подтвердила обещание, данное сыну, и не только разрешила ему помолиться, но и вслед за ним возблагодарила Бога за пищу и грядущий день. Ну и, конечно, за Алексея. А потом, чуть помедлив, попросила Иисуса помочь им в предстоящей пересадке, при этом в голосе её чувствовалась уверенность, что молитва будет услышана. Так, выздоравливая после долгой болезни, пациент верит лечащему его врачу. «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф. 9:12).

И пересадка вышла более чем удачной: в немногочисленном в этот ранний час здании вокзала было несколько касс со скучающим за стеклом персоналом. То есть, очереди никакой, что позволило быстро договориться насчёт билета для Вовы в то же купе, что и у взрослых. Их билеты были закомпостированы ещё в пути, и вскоре вся троица под стук колёс либо с усердием читала Библию, либо отыскивала по инициативе мальчонки тот или иной стих из неё. Благодаря ему же у всех было чувство, что они добрые давние знакомые, с которыми можно без опаски делиться мнением, потому и время летело незаметно, хотя не сказать, чтобы поезд так уж торопился. Нет, он полз по бескрайним российским просторам всё с теми же остановками «у каждого столба», но их это мало заботило. Ещё и потому, что по счастливой случайности место четвёртого пассажира в купе пустовало, как, впрочем, полупустым был и весь вагон. Как-то не располагали народ к путешествиям «лихие девяностые», да и районы по большей части были безлюдные. Положение изменилось на следующий день: ближе к Свердловску вагон уже был полон, а в Тюмени появился попутчик и у наших знакомых. Вошёл он в купе, когда поезд уже оставил позади вокзал и набрал скорость. В лёгкой штормовке поверх футболки, джинсах и кроссовках, невысокий, коренастый мужчина под сорок с шегольскими, в ниточку усиками и такой же модной, коротким «ёжиком», причёской, оказался не столь обшительным, как можно было ожидать, судя по множеству наклеек на его овальном чемодане. Цепким взглядом окинув обитателей купе, он сунул его на багажную полку, снял с плеча и повесил на крючок аккуратную борсетку на ремешке и лишь затем кивком головы поприветствовал их.

– До Новосибирска? – спросил дежурно.

– До Омска, – ответил за всех Алексей. – Присаживайся!

– Благодарю, – присел он на лавку, но, увидев на столике Библию, быстро вскочил и чуть ли не отпрянул к двери. Неразборчиво пробормотав что-то, достал из борсетки дорогую пачку сигарет. – Покурить забыл, – пояснил и поспешно вышел.

– Бизнесмен, – определила Юлия. – Видели, какой у него перстень? Но ещё не огрёб миллиона, поэтому пока без охраны и такой недовольный.

– Скорее геолог, – предположил Алексей, от которого не ускользнула реакция мужика на Библию. Он это хорошо заметил. – Или курьер. Но что несомненно – атеист воинствующий. Это же он так от Библии шарахнулся. Знал я таких оголтелых.

На какую-то минуту, не больше, его вторжение нарушило отлаженный ритм их общения, но тут же и забыли о нём, тем паче, что он долго не появлялся. Лишь выйдя к проводнику, чтобы заказать чай, Алексей обнаружил «геолога» сидящим на откидном стульчике в коридоре. Он был явно чем-то озабочен и настолько погружён в свои думы, что даже не отреагировал на остановившегося подле попутчика. Алексей встал рядом и опустил окно.

– Не помешаю? – спросил так, будто высмотрел там кого-то.

Мужчина вздрогнул и, вскинув глаза, с плохо скрываемым раздражением развёл руками, указывая на пустой коридор: дескать, места хватает, чего ты ко мне пристал?

– Не торопись злиться, брат, – продолжил Алексей, всё так же не обращаясь прямо к нему. – Я вижу, что у тебя проблемы, и откуда тебе знать, что они не могут стать моими?

– А с чего ты взял, что они есть у меня? – насмешливо прищурился тот, но взгляд был уже не столь недовольным.

– Ну зачем-то ты же сидишь здесь, а не в купе, на своём месте. Чтобы что-то не пропустить? Или увидеть кого-то вовремя?

– А, ни то ни другое, – как-то вяло возразил мужик. – Просто устал.

– Тогда прилёт бы, чего себя изводить. Мы – люди не шумные, мешать не будем.

– Да не в шуме дело, – отмахнулся «геолог», и тоже встал к окну: – Мне пока и здесь хорошо. Здесь думается легче.

– Считай, что поверил. Ладно, не хочешь – не говори. Я – к проводнику за чаем. Заказать на тебя?

– Нет-нет, – снова отказался мужик, но тут же передумал. – Впрочем...

– Да?

– Кажется, нам стоит поговорить.

– Мне это показалось сразу. Поговорим за чаем?

– Да нет базара. Но сначала здесь. Ну если не возражаешь.

– Здесь так здесь. Базара, и правда, нет, – пошутил и Алексей. – С чего начнём?

– Сэм Фишман, – протянул руку мужик. – Можно Самуил, Семён или Сёма, как хочешь. А тебя? Алексей? Слушай, жена с сыном не хватятся, куда ты запропал, если мы шас в ресторан вместо чая свалим. Бабки мои!

– За чемодан не боишься?

– Страшно нету, – осклабился Сэм. – Попутчики надёжные. Так идём?

– Ресторан подождёт, Сэм. Давай, ближе к делу.

– Дела у прокурора, – криво усмехнулся Фишман.

– Ну да, а у нас – работа?

– Именно так. В принципе, значит, не против кабака?

– Вообще-то я к тебе не за этим подошёл. Мыслишкой одной поделиться.

– Там и поделимся. Столик у окна в вагоне-ресторане – самое место для мыслей. Особенно после рюмашки-другой. Или нужна санкция жены?

– Это попутчица со своим сынишкой, а вовсе не моя семья.

– Вон как! Значит, я ошибся, что бывает очень редко. Но вы так мило, по-свойски беседовали, что немудрено было ошибиться. Я принял вас за семью.

– Бывает. И на старуху проруха бывает.

– Да, но я видел Библию у мальчика.

– Я видел, что ты увидел, – скаламбурил Алексей. – За этим и подошёл.

– Кто же тогда из вас верующий?

– Все трое. Так уж получилось. А ты не хотел бы присоединиться?

– Нет. Хотя я знаком с Библией и, смею думать, не поверхностно. Правда, мы называем её Торой. Что ты так разулыбался?

– Выходит, я тоже ошибся. Принял тебя за оголтелого атеиста, а ты вон что.

– Не обижайся, но по мне так лучше быть атеистом, чем верить неизвестно кому.

– Не понял? – искренне удивился Алексей. – Неизвестно кому – это Кому?

– Имею в виду вашего Христа. Я мог бы указать вам, христианам, на кое-какие, как бы помягче выразиться... неточности. Которые, по-вашему, чудеса. Что, не веришь?

– Наоборот! Даже не сомневаюсь, что мог бы. Но вот это «бы» означает, что не можешь? Почему?

– Если одним словом, то не время. Не то время вообще и на данный момент в частности. Кому сейчас есть

дело до Бога? Никому. Разве что старушкам да двум-трём таким, как твоя попутчица. Во всяком случае, тебе Он необязателен.

– С чего ты взял?

– Ты не производишь впечатление затюканного верующего.

– Почему же обязательно затюканного?

– Потому что христианская вера, в отличие от других – для слабых, немощных людей. А твоими руками не креститься – подковы гнуть. Или скажешь, я не прав?

– Скажу. Дело в том, что мы не крестимся.

– Неужели баптисты? – вскинулся Сэм и, уловив кивок Алексея, похоже, сильно удивился: – Н-ну, тогда совсем непонятно насчёт тебя. У вас же там одни ограничения: то – нельзя, это – грех. А по твоему виду не скажешь, что ты такой уж богобоязненный.

– Ну, во-первых, грех – он во всякой религии грех; а во-вторых, тебе ли не знать, что внешность обманчива. Это ещё в Ветхом Завете, который, как я понял, ты чтить...

– Тора, – чуть сморщился Сэм. – Я чту Тору. В ней нет ничего ветхого.

– Само собой. Так вот там Бог сказал Своему пророку, кстати, твоему тёзке...

– Самуилу, – быстро вставил Фишман. – Когда тот пришёл помазать Давида на царство. – И, прикрыв глаза, процитировал: – «Не смотри на вид его и высоту роста его; Я отринул его; Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце» (1 Цар. 16:7). Слово в слово, можешь проверить. Здесь речь о старшем сыне Иессея, Елиаве, который показался пророку самым достойным на помазание. Всё правильно ты подметил. И хотя у нас ситуация немножко другая, но я приятно удивлён, что баптист апеллирует не только к Новому Завету. Это радует.

– А я снимаю шляпу перед твоими знаниями, – улыбнулся Алексей. – Ты даже не представляешь, Сэм, как я рад, что разговорился с тобой.

– Рад? Ты это искренне?

– А почему нет? Вполне. Но теперь посуди сам: можно ли, встретив такого знатока Библии, упустить шанс узнать от него о неточностях учения Христа?! Сколь это было бы непростительно. Ну, если только это не его капитуляция?

– Хм, хитё-ёр! – впервые улыбнулся и Фишман, покачал головой и притворно вздохнул: – Вот что бывает, когда не слушаешь родителей. Моя бедная мама любила так повторять: «Никогда не связывайся с баптистами, наживёшь проблему! Дискуссия с ними о Боге бесполезна и требует больших временных затрат». А мы как раз в этом смысле и ограничены, потому что до Омска осталось каких-нибудь четыре часа. От силы. А за это время ни я тебя, ни ты меня переубедить в чём-то не успеем. Поэтому давай обойдёмся без поисков истины, типа: «Ваша вера неправильно трактует то-то и то-то, а вот наша...» Да? Всё равно останемся каждый при своём мнении. Я это вижу.

– Это обнадеживает, – кивнул Алексей. – Значит, не так-то уж и далеки мы друг от друга и, может, попробуем всё же поговорить за чаем? Уж что успеем, то и успеем. Вот, кстати, и наша хозяйка вагона, – остановил он проводницу, попросил принести чай и снова повернулся к Семёну: – Ну как, согласен?

– Стало быть, компанию в кабак мне не составишь, – вместо ответа вздохнул тот с сожалением. И уже чуть насмешливо: – Ну-ну, блюди свои традиции – не курить, не пить, не гулять. Хоть в чём-то я оказался прав. Небось, в проповедники пробиваешься?

– Нет, Сэм. Сегодня три дня, как я освободился из лагеря.

– Вот так раз! – присвистнул тот и даже отшатнулся от окна. – Прости. Нет, правда, прости. Это меняет дело. Ах ты, незадача какая. А я тебя за дилетанта... Тьфу, ты! Выходит, уже дважды попал впросак, даром что физиономистом привык считать себя. – Он был явно обескуражен: – Да, а как же твои... – протянул руку в сторону купе.

– Их я вижу тоже третий день. Женшину обобрали на вокзале Сыктывкара; ни денег, ни билетов. И так уж получилось, что я буду заботиться о них, пока не прибудем на место. Поэтому и подошёл к тебе, чтобы выяснить, кто ещё едет с нами.

– Вот оно как, – бормочет Сэм. – «Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его» (Ис. 58:7). Теория добрых дел: обездоленный, оказавший помощь попавшим в беду, вдвойне благословен: «Тогда откроется, как заря, свет твой, исцеление твоё скоро возрастёт...» Это ведь Божья заповедь. Ну да, это ладно. Но как же ты выжил в лагере? Вид-то у тебя – ого! Как говорится, дай Бог каждому. А у меня достоверная информация, что верующих там раньше просто гробили. Или уже что-то изменилось?

– Всякое случается, Сэм. Но могу засвидетельствовать, – и не столько на своём примере, – что Бог не оставляет в беде верных Ему. Тех, кто уповает на Него.

– Да-да, и это славно, – с воодушевлением подхватил Фишман. – Ах, как хочется верить, что так оно и есть. Ведь Давид так и утверждает: «Господь хранит верных и поступающим надменно воздаёт с избытком» (Пс. 30:24).

– Воздаёт с избытком? – переспросил Алексей. – А что? Представь, что и этих примеров достаточно на моей памяти. Так бывало – и не раз! – с теми, кто мнил себя выше других. Кто считал себя непотопляемым.

– То есть, ты прошёл то, о чём я лишь слышал, – задумчиво теребит бороду Семён. – М-да-а. Когда-то меня

не хватило на служение Всевышнему. А ведь ходил в школу при синагоге, учился канторскому пению, подавал надежды. Всё в прошлом. Нет, я не стал атеистом, продолжаю верить, но как бы со стороны. Надо жертвовать – жертвую. По праздникам иду в синагогу. Так, как это делает большинство. Иногда, вот как при случае с тобой, разглагольствую на религиозные темы, пользуясь старым багажом памяти, хотя пою совсем другие песни. Да-да, такая вот метаморфоза, брат. И, знаешь, как-то не жалел. Сначала – институт, потом работа по душе, удачная женитьба, дети. Словом, никакого повода для сомнений. И даже сейчас, в эту смутную пору, довольно удачно встроился в бизнес. Но что-то тоскует душа последнее время: то ли она о Боге, то ли Бог о ней, но я это чувствую всем своим существом. Чувствую и то, что не случайно встретил тебя; сильно задел ты меня, и хоть активно не приемлю доктрину христианства, хотел бы послушать, как им удаётся в таких условиях не отойти от веры...

– Мужчины, ваш чай, – вмешалась подошедшая проводница.

– Да-да, – Алексей поспешно положил деньги на поднос, отодвинул дверь и крикнул: – Юлия Ивановна, Вова, принимайте чай. Мы сейчас присоединимся. – И снова повернулся к Семёну: – Ну что, идём? Постараюсь не разочаровать тебя.

– Нет-нет. Говорить при них о том, что творится в лагерях, мы не будем. Я хочу, чтобы ты рассказал мне всё, как есть, а такие страсти пока не для их ушей. Сделаем так, – Сэм взглянул на часы: – Пейте свой чай, а я пойду быстро подкреплюсь в ресторане. Голод – не тётка, а у меня с самого утра во рту маковой росинки не было. Да и кое с кем переговорить надо бы. Потом здесь же, у этого уютного окна, и продолжим. Ну, давай пять! Я быстро обернусь.

И, ударив в знак договорённости по протянутой ладони Алексея, пошёл к тамбуру, цитируя что-то на ходу.

«Верующий в Него не постыдится», – всё, что слышал Блинов.

* * *

Быстро он не обернулся. Не быстро – тоже. И Алексей, прождав около часа, решил пойти на поиски. Очень хотелось продолжить разговор с этим незаурядным собеседником, и понятно, почему: впервые он услышал человека другой религии да ещё с такими знаниями Библии. И явственно ощутил недостаток своих. Одно дело – беседа с верующим братом, когда легко вспоминается тот или иной стих, и ты приводишь его в пример; совсем другое – подыскать нужный стих, чтобы убедить атеиста в его заблуждении или опровергнуть в измышлении. Когда это удаётся, ощущаешь себя счастливым.

Но атеист – всегда твой противник, человек, отрицающий существование Бога. Он не знает даже, о чём говорит Библия. Тут же – Семён, который с лёту цитирует Ветхий Завет и, похоже, знает его наизусть. И не только знает, но и следует заповедям Божьим. Тогда чем же ему не угодили христиане и Сам Христос?

С такими мыслями он добрался до вагона-ресторана и, открыв дверь, сразу же увидел Сэма, сидевшего в полупустом зале за столиком с двумя мужиками, примерно того же возраста. Они о чём-то оживлённо спорили, перебивая друг друга.

– Да за такие бабки вы должны были в два раза быстрее поставить, – донёсся до Алексея его голос. – Так что будьте там порасторопнее или... – Он замолчал и между спорщиками зависла нехорошая пауза.

Чуть поколебавшись, Блинов шагнул было ближе, но на пути вырос официант.

– Вот туда, пожалуйста, – указал на свободное место за столиком поодаль. – Здесь больше не обслуживается.

Один из споривших благосклонно кивнул официанту: дескать, молодец, всё правильно. Второй в это время вызывающе нагнулся к Фишману через столик:

– Или что? Найдёте другого поставщика?

– Да ты пойми, надо успеть всё повернуть, пока спрос на горячее зашкаливает. «Куй железо, пока горячо!» – горячился Сэм. Тут он взбросил глаза и, увидев своего попутчика, как-то уж очень просто, будто и не сомневался, что он придёт, указал на свободный стул. – А, это ты, Лёша. Садись. Что тебе заказать?

– У меня нет времени, – покачал головой тот. – Я подожду тебя в купе.

– Ага, ладно. Я быстро. Сейчас мы тут разберёмся и...

Дальше Алексей слушать не стал; молча отсалютовал всем, включая официанта, повернулся и ушёл. На душе враз стало тоскливо и пасмурно: «Я ещё гадал, чем ему не угодил Христос. Вот чем: бабки! «Куй железо!» То же, что двигало и мной столько лет. А Христос ничего, кроме любви, не завещал. Никаких сокровищ. И пока гонишься за ними, разве другое что увидишь? Э-эх, жалко мужика!»

В таком размышлении и занял прежнее место у окна вагона. Вскоре поезд замедлил ход, долго плыл мимо какого-то бетонного забора, вкривь и вкось расписанного цветными ругательствами, потом потащился вдоль перрона станции.

«Называевск», – прочитал Алексей на здании вокзала и прошёл к расписанию, что висело напротив купе проводницы.

– Ждёте не дождётесь, когда приедете? – не замедлила возникнуть она за его спиной. – Около двух часов ещё до Омска, если ничего не произойдёт. Чаю принести?

– Уже не стоит, – отказался он. – Будем потихоньку собираться.

Юлия сразу заметила его поскучившее настроение:

– Что, не нашёл бизнесмена?

– Найти-то нашёл, но у него тут дело поважнее оказалось. Ну, а на нет и суда нет, обойдёмся без него. Лучше почитаем вот Библию с Вовчиком.

– Правильно, дядь Лёша, – быстро сориентировался тот, – а то я уже заждался.

– Так и я заждался, – в мгновение вернувшись настроении не сдержал улыбки Алексей. – Давай-ка, выкладывай, что там у тебя теперь за вопрос? Новый стих заучил? Ну, что ж, проверим, проверим.

– Я всю вторую главу Евангелия от Луки, – предупредил Вовка.

– Ну главу, так главу, – уже не сильно удивился Алексей, открыл Библию и, где подсказывая, где поправляя вдохновенно читавшего Вовку, с головой и сам ушёл в мир Евангелия. Перед глазами вставал загадочный и в то же время такой знакомый мир древней Иудеи. Вот по дорогам Израиля бредут толпы народа, направляясь каждый в свой родной город. И среди этого множества нетрудно узнать Марию с Иосифом. Они идут в Вифлеем, чтобы внести свои имена в опросные листы. Так выполнялся указ императора о проведении переписи населения. Необыкновенная, фантастически живая картина явления миру Спасителя. Она рисует ясли, кормушку для скота, и... вот она, Рождественская звезда, зависшая над святым семейством. Вова, и Юлия, и сам Алексей на минуту замолкают: кажется, Господня слава осияла и их; сейчас и здесь, в этом уютном купе, разыгравшееся воображение захватывает их целиком, и так сливается с духовным, небесным, что не хочется возвращаться в земные будни.

И вдруг резкое торможение, да так, что всех кинуло наперёд; скрип, сипение вагонных колёс о рельсы, потом повторяющиеся частые толчки, и наконец поезд совсем

остановился. За окном пустошь с редкими островками крохотных перелесков, а то и разбежавшихся по ней отдельных берёзок.

– Стоп-кран кто-то сорвал, – поясняла проводница, спешно обходя пассажиров. – И успокаивала: – Ничего страшного. Скоро поедем.

Поехали, однако, не так уж и скоро. Перед Омском заглянула проводница. Вид у неё был озабоченный, даже испуганный, да и вела она себя не столь приветливо, как прежде; молча вернула им билеты и, пробормотав что-то невнятное, тут же вышла.

Алексей удержал дверь открытой и, высунув голову, увидел около «своего» окна в коридоре двух рослых, вроде бы мирно беседующих мужчин. Вот только делились они впечатлениями, глядя не в окно, а на двери купе и спешно отвернулись, когда взгляды их встретились.

Столь же быстро сдвинул дверь и Алексей.

«Менты, – определил однозначно и не то, чтобы тревожно, но как-то неуютно стало на душе. – И явно кого-то выслеживают. Ну мало ли кого».

Предчувствия, что этим «кем-то» может быть он, пока не было. Оно, чувство это, появилось по прибытии в Омск, когда впереди Юлии и Вовки пошёл на выход и, прощаясь с проводницей, краем глаза заметил, что один из них уже вышел из купе с чемоданом Семёна, а другой стоит за спиной Юлии. Вот теперь стало не по себе.

«Сэм! Что-то случилось с Сэмом, – мелькнула тревожная мысль. – Проводница на них не реагирует, значит, в курсе. Возможно, не такой уж и легальный у него бизнес, раз кинулись к его чемодану. Ну да, он же там с партнёрами про какое-то «горючее» толковал, а под этим понятием сейчас чего только не подразумевают. Но тогда причём здесь я? Чего испугался-то? – И признался с усмешкой: –

А при том, что пуганая ворона куста боится! Да, долго же мне придётся привыкать к жизни на свободе».

И даже повеселел от такого признания.

– Вовчик, не отставай, – позвал бодрым голосом и, подхватив чемодан Юлии, зашагал рядом с ней по перрону. – Ловим такси, Юлия Ивановна.

Машин (как с «шашечками», так и без) на стоянке при вокзальной площади было явно больше, чем пассажиров, но едва он оставил чемодан, чтобы подойти к приветливо улыбающемуся шофёру такси, как тут же его с обеих сторон, словно в клещи, взяли те самые два мужика. Третий, такой же рослый в бейсболке козырьком назад, с улыбкой шагнул спереди и, раскинув руки, как бы обнял друга при встрече.

– Спокойно, паря, – шепнул, ловко обшаривая его. – Не трепыхайся. Сделай вид, что рад встрече, тогда и мы запишем это в твою пользу. Только не вздумай шуметь. – И уже своим: – Так, всё чисто. Быстро в машину, там объяснимся.

Только теперь, когда его повели к распахнутой задней двери подкатившего милицейского «бобика», до Юлии дошло, что это вовсе не друзья, как ей показалось. Да и сам Алексей не успел толком сообразить, как оказался в машине. Захват был произведён настолько профессионально, что он не удержался от похвалы:

– Супер, мужики. Уважаю. Только одна просьба: разрешите передать моей попутчице деньги? У неё с сыном ни копейки на дорогу. Или вот, сами передайте.

– Довезут без тебя, – буркнул оставшийся с ним оперативник. – Вон смотри.

Юлия в сопровождении двух других его коллег быстро подошла к машине.

– Лёша, это какое-то недоразумение. Наша проводница что-то там напутала. Но меня заверили, что только дашь

показания, и тебя отпустят. Сразу же позвонишь мне, и мы, приедем. За нас не переживай, сюда едет Лиза. Ну, держись. А вас предупреждаю, – повернулась к обоим. – Если он или вы сами не позвоните мне, я утром подниму всю прессу на ноги. И не только нашу Омскую. Так и знайте, не обрадуютесь.

– Да ладно, ладно, чё огород-то городить будем, – примирительно сказал тот, что в бейсболке. – Протокол подпишет – и домой.

– Само собой, – поддакнул третий оперативник. – Невиновных не держим, но удостовериться в невиновности надо. Ну, всё, поехали!

В последний момент Алексей увидел подбежавшего к Юлии Вовку и помахал им в ответ.

«Вот сорванец, опять вещи без присмотра оставил, – грустно улыбнулся, но грусти, как таковой, почему-то не испытывал. Ни грусти, ни злости, ни даже обиды на оперативников за этот необоснованный арест. Ничего. Только твёрдая уверенность, что очень скоро всё встанет на свои места и его отпустят. Ведь он теперь под защитой Бога и не перестанет молиться Ему, что бы судьба ни уготовила. – И ты молись, Вова, – безмолвно шепчет он, – чтобы дядька твой Лёшка не пошёл вразнос, если будут в чём-то обвинять несправедно... Неправедно? – И напрягает память: – Как же там написано? – Вспомнил и в очередной раз растворился в неземном умилении и за слово, и за то, что не беспамятен. Будто встало перед глазами слово Петра: «Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо». – Всё, всё стерплю, чтобы только вернуться к Тебе, – мысленно продолжает твердить, убеждая себя и, как ему кажется, Бога. – Понял я, что прежде всего это нужно мне. И Христос увидит и вызволит из беды».

– Ты чё это развеселился? – подозрительно покосился оперативник.

– Да это я так. Вам неинтересно.

– Нам, браток, всё про тебя интересно. А вот ты даже не интересуешься своей судьбой. Чего ж не спросишь, за что да почему?

– Знает, потому и молчит, – хмыкнул другой.

– Нет, пока не знаю. Но неохота из пустого в порожнее переливать, вот и не спрашиваю. Приберегу свои показания для протокола.

– Дело твоё. Береги.

Весь остальной путь до управления никто больше не проронил ни слова.

* * *

454 – Лейтенант Виктор Жердев, – представился хозяин кабинета, высокий парень, с длинными руками и тошей, как у цыплёнка шей, с острым кадыком («желторотый сосунок», как определил его Алексей). – Документы есть с собой?

Алексей протянул справку об освобождении.

– Глянь-ка, Зубов, что за птицу ты задержал, – радостно показал её Жердев оперативнику. Тому самому, в бейсболке. – Та-ак, где сидел?

– Там всё написано, – угрюмо бросил Алексей. По виду лейтенантика он уже знал, что будет дальше. Придётся доказывать, что ты не верблюд.

– О, и правда, написано, – вытянув шею, с издёвкой хмыкнул следователь и оттого ещё больше стал похож на цыплёнка. – Макар, покажи вещи Фишмана.

Зубов вышел и вернулся с чемоданом Семёна.

– Узнаёшь, гражданин Блинов? – взял его Жердев и сунул под стол.

– Да. Это чемодан нашего попутчика.

– А почему ты его не прихватил, когда прибыл в Омск? Ты ведь из-за него сбросил Фишмана с поезда? Ну, не один, не один. С дружками своими, а?

Какие только обвинения не предполагал Алексей, как только ни настраивал себя не реагировать на них, но такого бреда не ожидал и, приподняв развернутые ладони, уставился почему-то на оперативника, а не на следователя.

– Ч-чѐ, чѐ он гонит? – выдохнул в изумлении. На большее его не хватило.

Недоумение было настолько искренним, неподдельным, что Зубов как-то неловко пожал плечами и отвернулся. Жердев же побагровел от ярости.

– Что ты мне тут кривляешься? – угрожающе шагнул к арестанту. – Спросили, будь добр отвечать. Или ещё не понял, что влип по полной? – прошипел, при этом дохнув таким перегаром, что Алексей невольно сморщился и отгородился рукой.

– Дай чего-нить закусить, лейтенант, – фыркнул, брезгливо отдуваясь.

– Ах, ты, падаль, – отвёл мент его руку. – Шас дам. Держи!

Ударил скрытно, без замаха, метя в лицо. Но провалился и в следующий миг, сбрыкав длинными ногами, растянулся на полу. По всему телу прошла судорога, он дёрнулся и затих. Обездвиженный.

– Ты чѐ наделал, паря? – шёпотом вскричал Зубов и склонился к лейтенанту, нащупывая пульс. – Соображаешь?

– Всё! – простонал побледневший Алексей и обхватил голову руками. – Я ж нечаянно. Автоматом. Ты же видел?

Теперь всё зависело от этого оперативника, и оба понимали это.

– Он, видите ли, нечаянно, – проворчал Макар, но злобы в голосе не было. – Автома-атом. А если он лапти отбросит?

– Не-не, не отбросит, – пробубнил Алексей, продолжая стоять истуканом. – Если бы не с похмельюги, очухался через пять минут. А так, не знаю, может, на полчаса. Да он и без этого уже хороший был, ты же видел?

– Быстро помоги его за стол! – скомандовал Зубов. – Да за ноги, за ноги берись.

– Ага, – засуетился Блинов, но не успел нагнуться, как за спиной раздался удивлённый возглас вошедшего второго оперативника.

– Шо це таке? Шо с ним, Макар?

– Обморок, Жека, – не моргнув глазом, ответил Зубов. – Обморок. Веришь, как стоял, так и грохнулся.

– Допился, – констатировал парень. – И врач ведь предупреждал. Давно.

– Ещё как давно, – согласился Макар. – Ты это, Жека, постоял бы в коридоре, а? Вдруг кто сюда сунуться захочет, так ты ... того... никого, ладно?

– Зробим, – кивнул Жека. – Там это... – поманил пальцами Зубова и прошептал что-то на ухо. Потом уже вслух: – Только что сообщили.

– Йес, – радостно рубанул Макар рукой воздух. – То, что надо. Скажи Серёге, пусть мчит туда на всех парусах и не отходит, пока тот не заговорит. Выполняй!

– Понял. Пошёл я.

– Ага, давай, – поднял руку Макар, потом указал Алексею на Жердева: дескать, грузим мужика.

Пристроив бедолагу за стол, подложили его же портфель под буйную головушку, и Макар, оценив ситуацию, довольно ухмыльнулся:

– А что? Вроде как прикорнул с устатку Витюша. Впервой, что ли! – И покачал головой: – Да-а, не слабо ты приложился, вот те честное пионерское, не слабо! Да понял, понял, что не хотел. Сам, бывает, срываюсь, когда вот так провоцируют. А он тебя не провоцировал – бил прицель-

но. Между прочим, рука у него тяжёлая, так что, если бы не унырнул, откачивали бы тебя, а не его. Но ещё неясно, что было бы лучше. Для меня, имею в виду. Короче, э-э...?

– Блинов, – подсказал Алексей.

– Ага. Вот какой расклад получается, Блинов. Ты, конечно, не понял, почему я за тебя впрягаюсь? Тогда в двух словах, пока он не оклемался. Твоя попутчица Логова нам хорошо известна. Вернее, её муж. Отличный мужик, я знаком с ним лично. Сейчас он сидит в тех краях, где... А, это ты уже знаешь? Тем лучше. Так вот на днях всё, что его касается, вернулось наконец на ноги. Говорю – на ноги, потому что долго стояло на голове. Теперь ждём, чьи полетят головы, с кого спросят за это пребывание в местах не столь отдалённых. И её слово сейчас много значит. Ну, вернее, слово Лизы, дочери Логова: это она здесь всех на уши поставила, добившись комиссии из Москвы. А Юлия рассказала о тебе там, у вокзала, и я верю ей, а не проводнице с официантом. Будь я в поезде на месте моих коллег, недоразумения по твоему захвату вообще бы не произошло, так как я знаю её в лицо, а они нет. Но я поздно подключился к операции, да и её увидел, когда тебя уже определили в «бобик». Надеюсь, не сильно помяли?

– Нет. Я же поблагодарил, если ты помнишь.

– Помню. Теперь главное: только что Губенко сказал, что твоему Фишману уже сделали первую операцию и врачи говорят, что должен выжить. Он же переломанный там весь. Короче, мешок с костями.

– Тс-с! – приложил Алексей палец к губам, заметив, что Жердев зашевелился.

– Быстро за дверь и жди там с Губенко! – легонько подтолкнул его Зубов.

Сидевший около кабинета оперативник, увидев Блинова, резво вскочил со стула, посмотрел вопросительно.

– Сказали здесь ждать, – сказал Алексей.

– А, понял, – кивнул тот. – Сидай на мой стул, больше тут ничего немає.

Стул, и правда, был единственный в коридоре, и Алексей, ощущая жуткую слабость во всем теле, взялся за его спинку.

– Сидай, сидай, – ободрил парень. – В ногах правды нема.

Несмотря на дружелюбный тон, он следил за каждым движением подопечного.

По коридору не часто, но сновали люди как в форме, так и в гражданском, и Алексей, упёршись локтями в колени, зарылся лицом в ладони.

«Господи, помилуй! Господи, помилуй, – рефреном стучит в голове. – Я знал, что стану удобной мишенью для милиции, но, Бог мой, не думал, что так скоро. Неужели я уже отгулял на свободе! Неужели новый срок? Вынесу ли я его?»

И снова: «Господи, помилуй!» И больше никаких ни слов, ни мыслей. Ни-ка-ких. Только память вдруг выуживает на свет запомнившиеся когда-то слова: «И верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10:13).

Ни кто их сказал, ни к чему они приурочены, он сейчас не помнил, но так и встрепенулся от догадки: «Да это же обо мне! Конечно! Не попустит Бог нового срока, потому что это будет сверх моих сил. О Господи, как хочу верить в это». Стих поселил надежду, он ухватился за него, как утопающий хватается за соломинку, повторяя, как заклинание, искал и находил в каждом слове Божью милость к себе. Даст, непременно даст Бог облегчение, словно убаюкивая себя, твердил Блинов до тех пор, пока надежда не переросла в уверенность. Мало-помалу он успокоился и с нетерпением стал поглядывать на дверь кабинета, пытаясь

угадать результат переговоров. То, что Зубову удастся отстоять его, почти не сомневался, но тяжёлая, уверенная поступь шагов (так ходит начальство!) и диссонансом к ним дробный стук женских каблучков в тихом, в общем-то, коридоре вновь заставили затаиться. Пожилой майор и высокая девушка в строгом чёрном костюме поприветствовали вытянувшегося в струнку Губенко.

– Там? – коротко спросил офицер.

– Так точно! Прошу! – оперативник услужливо открыл дверь в кабинет: – лейтенант, к вам товарищ майор.

На сидевшего рядом Алексея они не обратили внимания, а он между тем едва не вскочил со стула: Луиза! Девушка из ресторана в Омске! Он сразу узнал её, несмотря на то, что она сильно изменилась. Теперь это была стильная, уверенная в себе дама. Он ещё не успел высветить в памяти ту их встречу, как Зубов позвал его.

– Ваша справка об освобождении, – без предисловий подал ему документ майор. – Я не извиняюсь за ваше задержание, потому что ещё остаётесь под подозрением. Завтра поможете нам в опознании напавших на Фишмана людей... Да, их задержали, но вряд ли он сможет принять участие в опознании. А вы, по показаниям официанта, тоже были в вагоне-ресторане и не только видели, но и говорили с ними. Это так?

Блинов молча кивнул.

– Ну, тогда знакомьтесь. Это Елизавета Егоровна.

– А это – Алексей, – улыбнулась она, протянув руку. – Мама рассказала о вас.

«Не узнала», – облегчённо выдохнул он и подал свою.

– Всё, – взглянул майор на часы. – Зубов, проводи человека к машине Лизы. Мы тут чуть-чуть задержимся.

– Не знаю, как и благодарить тебя, Макар, – шагая по коридору признался Блинов. – Был бы другой на твоём месте, кирдык мне был бы полный.

– Кирдык, уж это точно, – подтвердил тот. – Но благодарить мы с тобой оба должны Лизу. Впрочем, одна просьба у меня к тебе всё же есть.

– Просьба?!

– Не удивляйся. Все мы тут сейчас не знаем, кому кланяться. Сегодня – один на коне, а завтра, смотришь, – тот, кого он вчера давил. Вот скажи: тебе понравился майор?

– Ещё бы не понравился. По-моему, тут всё ясно.

– А между тем, это один из тех, – если не главный, – кто упрятал Егора и два-три дня назад с немалым успехом упрятал бы и тебя. Он «переобулся» прямо в воздухе. Поэтому и хочу, чтобы эта наша сцена с лейтенантом дошла до ушей Лизы. Ну, а там, естественно, до самого Логова. Не, я понимаю, что не по нутру тебе рассказывать, как оприходовал Жердева, – ты мужик, что надо, не баклан какой, – но мне выставлять себя героем ещё больше стрёмно. В любом ведь случае могут подумать, что подмазываюсь. Однако в одной обойме с майором не хочу быть, потому что и не был никогда. Понимаешь, нет?

– Доходит. Что, так скверно в рядах доблестной милиции?

– Скверно – не то слово, – вздохнул Макар. – Подло. Мы, опера, чаще всего и попадаем впросак, потому что совесть ещё осталась. Рыба-то гниёт с головы.

У серебристой «Тойоты» Зубов остановился:

– Тачка Логовой. Ну что, сделаешь?

– Обязательно. Только обскажу всё не Лизе, а Юлии Ивановне. Она поймёт.

– Годится, – улыбнулся Макар. – Это даже лучше. Ну давай, пока. Вон твоя подруга идёт. Может быть, завтра ещё увидимся.

Лиза села за руль и, открыв правую дверцу, пригласила Блинова.

– Ну, как, с ветерком поедем или без оно́го? – спросила весело. Лицо её излучало неприкрытую радость.

– Мне всё едино. Лишь бы побыстрей от этого места.

– Понимаю, – смахнула она улыбку. – И расспросами доносить не буду. Раз побыстрей, значит, с ветерком. Погнали!

Но «погнать» не получилось: на первом же светофоре машина заглохла, и Алексею пришлось толкать её через весь перекрёсток. Там, на обочине, он поднял капот, и через минуту-другую она снова завелась.

– Вот это мастер! – не скрывает восхищения Лиза и неожиданно перешла на «ты». – А может сам и поведёшь? Ты ведь шофёр, как я узнала. А то я...

– Нет-нет, у тебя всё ладом. Мотор ведь заглох не оттого, что за рулём была ты.

– Ну, тогда спасибо. Ты – настоящий джентльмен. А от чего же?

– Просто проводок отсоединился, Луиза, – беспечно проговорился он, назвав её тем именем. – Всех-то и делов, что на место... – И смолк. Понял, что оплошал.

Наступила неловкая пауза. И только уже порядочно отъехав, она заговорила:

– А я всё гадала: узнает – не узнает? Узнал. Только не хотел, чтобы я узнала, так? Или забоялся?

– Приблизительно так. И то и другое. Зачем?

– Да ладно уж. А я (столько лет прошло) всё никак не могла забыть ту встречу. И на тебя, и на себя злилась. Как же: меня не оценили! И только полчаса назад, увидев тебя, поняла, что настоящий мужик и должен был так поступить. Потому что перед этим ровно так же подумала о случайном незнакомце матери, который выручил её и моего любимого братишку в Сыктывкаре. Он ехал в Омск, чтобы узнать адрес жены, которую потерял много лет назад. И так обрадовалась, что этим незнакомцем

оказался ты. Ты ведь уже тогда искал её? Можешь не отвечать, я и так вижу.

– Значит, теперь не держишь зла? – только и спросил он. – Ну или обиды?

– Я же сказала. Но мать ещё утверждает, что ты – верующий. Настоящий, а не который крестик на шею и лбом об пол перед иконой. Это правда?

– Так и есть. Христос в сердце христианина, а не на иконе.

– Я кое-что знаю о такой вере, слышала о заповедях Христа, и вот сейчас на ум пришло, что смогу выполнить одну из них.

– Какую? – Алексей был весь внимание, и она почувствовала это:

– Помочь ближнему. Мать дозвонилась в Азово, но по телефону сколько ни билась, так и не смогла записать адрес твоей жены. Старушенция на том конце провода говорит на каком-то не совсем понятном для неё немецком, да и связь барахлит так, что слышать трудно. В общем, поскольку тебе до звонка из управы нельзя выходить из дому (таков наш уговор с майором), то рано утром я смотаюсь туда и к обеду привезу адрес. Может быть, и к опозданию успею, хотя я там и не нужна. Так, для поддержки духа, если. Ну что, согласен?

– Конечно. Я рад и за себя, и особенно за тебя, Луиза. Или – Лиза?

– Лиза. Луиза кончилась в то самое лето. Не будем больше об этом.

– Хорошо. Тогда расскажи, как тебе удалось доказать... ну, насчёт отца?

– Его невиновность? Расскажу. Нам ещё минут двадцать ехать до Новомосковки, как раз уложимся. Эх, жалко, Вовчик уже спит. Уж так просил разбудить, когда дядя Лёша

вернётся. Да ладно, завтра наговоритесь. Ты ведь не сразу уедешь? Хотя бы денёк погостишь у нас? Да и неизвестно, вдруг да ещё зачем понадобишься следствию.

Было ясно, что для неё вопрос о его невиновности решён, и уже одно это заставило проникнуться к ней чувством признательности; а вот это её «завтра наговоритесь» вселило покой и уверенность: «Да, завтра не будет сегодняшней суеты, завтра всё станет по-другому». И сами просятся на ум пророческие слова: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своём...» (Мф. 6:34).

Так поначалу и случилось, и даже больше. С утра телефонным звонком всё тот же майор отменил всякое опознание, потому что задержанные признали вину. Но тут же и омрачил радостную весть: уехать он не сможет, пока не придёт в себя Фишман. Причину не объяснил, но предупредил:

– Не вздумайте удрать. Не усугубляйте ситуацию. Гуляйте, знакомьтесь с городом, но к вечеру, чтобы были дома. Логовы за вас в ответе. Всё!

К обеду Лиза привезла подробный адрес Риты, повозмущалась приказом майора, но не так, чтобы сильно. Дескать, и правда, почему бы не посмотреть город с тем же Вовкой. Пацан ведь ни на шаг не отстаёт от него. На следующий день узнала: у кого-то из следствия возникли подозрения, что его могут выгораживать подельники, то есть, те двое мужиков. Вот и проверяют, нет ли такой между ними связи. Лишь на третий день Лиза привезла «полный отбой» и огорошила его (как оказалось, на прощание).

– Ну ты и лапоть, хоть и отсидел. О драке с Жердевым рассказывать надо было мне, а не маме. Тогда был бы уже дома. Это он замутил с твоим задержанием. Хотел отомстить. Если бы Зубов сегодня меня не просветил, как ты с ним обошёлся, то и не знаю, как скоро ты отсюда бы выбрался. Я ведь сегодня улетаю к отцу. Освобождают его.

Ну пришлось горе-лейтенанту показать кое-какие фотки, и он больше ничего не хочет. Всех и делов.

– Да-а, ты настоящий профи, – улыбнулся Алексей. – Прямо хоть меняй мнение о журналистах.

– Так и меняй. Я слышала о твоей нелюбви к нам, но пора бы и понять, что все мы – люди, и все разные. Как знать, может быть, тот, на кого ты обижен, уже совсем другой человек, а ты так и судишь его по одному проступку.

– Наверное, и тут ты права.

– Это не я, это Лев Толстой примерно так высказывался.

Тем же вечером она вылетела в Сыктывкар, а наутро Алексей, распрощавшись с Юлией и Вовой, отправился в последний этап своего затянувшегося на годы турне.

* * *

464 Вот и пришло время, дорогой читатель, отыскать след Риты Моос. Нет нужды столь же подробно рассказывать о её жизни в Германии, как это мы делали, отслеживая путь Алексея. Ну хотя бы потому, что житие в согласии с заповедями Христа, с Его любовью в сердце, а значит, и под Его защитой, оберегает верующего от опрометчивых шагов, и путь его более или менее предсказуем. «Бережёного Сам Бог бережёт!» – это ведь не зря говорят в народе. Если когда и случится оступиться, то у него есть Тот, к Которому можно прийти и повиниться, чтобы впредь не грешить и не отягощать жизнь непредсказуемыми последствиями. Да и вполне лояльное отношение государства к верующим в этой стране надо иметь в виду, причём к верующим любой конфессии. Рита быстро здесь освоилась, закончила языковые курсы и работала консультантом в торговой палате.

Итак, в тот же примерно день, когда Блинов по дороге в лагерь встретил своего сына, экскурсионный автобус с надписью «Alemania» остановился недалеко от ворот

одного из многочисленных базаров Стамбула. Короткий инструктаж – и стайка туристов последовала за гидом, ориентируясь на чёрно-жёлтую ленту, привязанную к трости, которую он держит над головой. Предосторожность нелишняя, учитывая многолюдство базара и желание ту-рок-продавцов заполучить покупателя из Германии.

– Алемания, Алемания, ком, битте, – заывают они наперебой. Любят и уважают здесь туристов этой страны. Но чуть отвлечёшься и отстанешь, только этот ориентир и выручит: не будь его, непременно заблудишься в этом человеческом муравейнике.

Сегодня заключительный день турпутёвки и последние два часа на посещение базара. Всё, что нужно и можно, закуплено и упаковано, и этот рейд исключительно для впечатлений. Потому что это не просто базар с лотками и бутиками, а целый город со своими улицами, кафе, магазинами, ресторанами.

И всё же Рита с Эммой, коллегой по работе, чуть приотстали от группы, уступив настойчивым просьбам молодого турка. Он даже не приглашал, а прямо-таки умолял их зайти, всем видом показывая, что это очень важно. Да и объясниться пытался по-русски: то ли сам услышал их речь, то ли подсказал кто.

– Там, пойдёшь, там всё видишь, – повторял заученно. И уговорил-таки.

В тесном проходе бутика стояла женщина закупоренная с головы до пят в длинное чёрное покрывало, а лицо скрывал никаб с прорезью для глаз.левой рукой она прижимала к себе наглухо спеленатого в такую же тёмную ткань ребёнка, правой перебирала развешанные для продажи товары, как бы подбирая что-то для себя. Увидев идущих женщин, она тихо сказала продавцу что-то по-турецки, и тот остался у входа.

– Девочки, вы ведь русские? Я слышала. Только, пожалуйста, не убегайте, – торопливо выпалила она и, открыв

лицо, сбивчиво продолжила: – Не бросайте меня, я – русская... помогите... я сбежала... Если сутенёры поймают, мне не жить.

По мере того, как она говорила, Риту охватывало смутное чувство, что она где-то видела это лицо. Слышала этот голос. Где? Когда?

– Здесь я не могу дольше оставаться, – продолжала умолять та. – Если найдут, ещё и этому парню будет конец, убьют его из-за меня. Девочки, я не останусь в долгу.

«Не останусь в долгу,» – взволнованно бормочет Рита, напрягая память. И, ещё раз взглянув в лицо, не удержалась от вскрика: – Алла? Не может быть!

– Может, – не поняла беглянка. – Убьют и никто не узнает. – Потом изумлённо уставилась на неё: – Откуда ты меня знаешь? – Ещё мгновение, и упавшим голосом: – Рита?! – Обречённо, как приговор себе. И в полной безысходности опустила на один из пуфиков. Видимо, и ей вспомнился тот обман и постыдный фарс с деньгами.

– Простите, – прикрыла лицо никабом. – Обе простите, что задержала. Идите, не обращайтесь внимания. Не судьба, значит. Или, наоборот, судьба.

Всё говорило за то, что человек лишился последней надежды на спасение. Подруги вопросительно переглянулись и, не сговариваясь, шагнули к ней.

– Ты пойдёшь с нами, – решительно сказала Рита. – Скажи парню, чтобы подобрал во что тебе переодеться. Мы заплатим.

– Нет-нет, тогда-то уж меня точно вычислят, – автоматически отреагировала она. Потом недоверчиво: – Ты что, правда, хочешь мне помочь? То есть, вы обе...

– Конечно. Вставай и давай сюда твоего ребёнка, пока не уронила.

– Это кукла. Прикрытие, как и весь наряд. Чтобы труднее было узнать.

– Тогда идём так, – согласилась Рита. – Эми, ты со мной или догонишь группу?

– С вами. Идём скорее к автобусу. Может быть, водитель никуда не ушёл.

Турок, внимательно следивший за ними, понял, что они берут её с собой и благодарно улыбнулся. Алла попросилась и протянула ему какие-то деньги, но он энергично замотал головой и, провожая их, молитвенно сложил руки.

– Храни и тебя Бог, – сказала Рита, словно поняла, о чём молился парень.

Им сильно повезло: автобус не уехал со стоянки, а водитель, пожилой турок, открыл двери, даже не обратив внимания на их спутницу. Они быстро устроились в передних креслах друг против друга.

– А почему вы с ним по-немецки? – не переставая оглядываться, спросила Алла.

– Потому что мы – туристы из Германии, – улыбнулась Рита. – Не удивляйся, я уже давно там живу. Когда группа вернётся, поговорим с нашим гидом о тебе, и он обязательно что-нибудь придумает. А пока расскажи, как ты здесь очутилась?

Алла зябко поёжилась:

– Представьте, приехала с мужем в гости к его дальним родственникам.

– К кому? – вскинулась Рита. – С мужем, к кому?

– Ах, да. Ты же ничего не знаешь. Нет, не с Алексеем. Мы давно развелись. Я вышла за одного нашего турка Абу, а у него тут родня, вот и вся причина. Мне хотелось куда-нибудь в Скандинавию, но он настоял на Турции: весной, мол, на севере делать нечего, а здесь в самый раз. Да и Европу, говорит, уже всю, считай, объездили, а к моим родным всё никак не соберёмся. Уговорил, в общем. Всё было шик-блеск, как

468 всегда, а потом он поехал на какой-то молебен, где нельзя быть с жёнами, и оставил меня у своего, якобы, дяди. Без денег, без документов... без всего. Даже кольца забрал с собой, когда я хватилась их. А «дядя» долго не разговаривал: или, мол, полиция и тюрьма, или танцовщицей в мой элитный клуб, где отработаешь ваши с ним долги, которые он наделал в нашем совместном предприятии, и вали тогда искать своего благоверного. Если, мол, его самого до этого не зашибут за другие долги. И показал счета, по которым, как я поняла, влипла по уши. Все ведь средства вложила туда, а он так бездарно профукал. М-м-м, всё прахом, – даже не застонала, замычала от воспоминания Алла. – Оставался бы, козёл, уж лучше завскладом, где ум необязателен, лишь бы наглость была да изворотливость; так нет, туда же, в начальники! Как же: диплом у него, видите ли. Кто бы только знал, как он его получил. Не выходя из склада, можно сказать. – Тут она почувствовала, что Рита её не слушает и, взбросив глаза, увидела, что та сидит, застыв, как мумия.

«А ведь она его всё ещё любит!» – то ли ужаснулась, то ли восхитилась, а вслух жалобно: – Прости, я о своём говорю, а не о том, что ты хочешь услышать. Только, пожалуйста, не спрашивай, где сейчас Алексей.

– Почему?

– Потому что я не знаю, – отвела глаза Алла и всхлинула.

– Скажи, я очень тебя прошу.

– Если скажу, вы меня выгоните из автобуса, – пролепетала беглянка.

– Алла, мы с Эммой сёстры во Христе Иисусе, и наш долг помочь тебе, спасти, какой бы грех ты ни сделала в прошлом. Мы не бросим тебя, можешь нам поверить. Скажи, он живой?

– Я, правда, этого не знаю. Последняя весть о нём была, что его из тюрьмы...

– Тюрьмы? – не удержалась от вскрика Рита. – Лёша в тюрьме?

– Да. Был под Семипалатинском, а перевели куда-то на север России. В их колонии был бунт, и ему вроде бы добавили срок. Уже как рецидивисту. Абу узнал об этом по своим каналам в Казахстане. С российскими у него связи не было.

– Но за что он мог попасть в тюрьму? – в неподдельной горечи прошептала Рита. Бледная, она судорожно сжимала побелевшими пальцами ручки кресла и, кажется, больше нуждалась в помощи, чем её бывшая соперница. И Алла уловила это.

– Это долго рассказывать, – робко дотронулась её руки. – Долго и муторно. И для меня, и для тебя. Правда. – Но глаза их встретились, и она сдалась: – А, семь бед, один ответ! – вздохнула столь же горестно. – Вижу, что всё равно теперь узнаешь, так, может быть, моя исповедь хоть как-то искупит вину перед тобой. Да и сколько можно носить это в себе. Здесь, в этом рабстве, я переосмыслила многое, потому что попала не в клуб, а в обычный бордель. Да ещё подпольный. Там много наших женщин, но мне это вдвойне тяжело. Потому что они попали сюда по своей бедности, соблазнились посулами на хороший заработок танцовщиц в кабаре. А у меня было всё. Во всяком случае я всегда так считала, а оказалось, что ничего, понимаете? Теперь об Алексее. Выслушайте, потом решайте, что со мной делать.

То, что она рассказала, действительно было похоже на исповедь, лишь изредка прерываемую вопросами Риты. И в ответах не кривила душой, говорила всё без утайки. Похоже, она сама удивлялась той циничности, с которой с любовником облапошила Блинова. А всё из-за того, что узнала: он продолжает любить Риту. Узнала из показаний некоего Малова; с этим парнем Алексей возвращался из

Омска, где искал Риту, и они попали в страшную аварию. Те протоколы ей показал следователь Лунгин, чтобы у неё не осталось иллюзий насчёт предпочтений и любви мужа, а главное, чтобы вытравить последние капли совести (если у неё таковые вообще имелись) и повесить на него все подтасовки и воровство на складе. Почему не поставила ему в упрёк, что знает об этой поездке? Ну очень просто: тогда бы он на суде не взял всё на себя, и кто знает, чем бы это кончилось. А так она сделала всё, чтобы ему дали обыкновенную «химию»! И имущество хотела честно разделить, если бы он не подослал своих друзей, которые прямо на работе жестоко избили турка и пригрозили, что то же будет и с ней, как только Алексей выйдет на свободу.

– Лёша не мог подослать кого-то, – тихо перебила Рита. – И угрожать не мог.

470 – Может быть, и не мог. Только побитый Абу рассказал всё это сам, и, чтобы не искушать судьбу, мы быстро продали дом и уехали в Ереван. Но в день отъезда объявился Блинов и устроил погром в своём бывшем доме, подтвердив тем самым опасения Абу. Вдобавок ко всему избил двух ментов, пытавшихся защитить новых жильцов. А поскольку ещё и сбежал из колонии, то и намотали бы ему срок на полную катушку, если бы я не вступилась. Благодаря моим связям добавили всего три с половиной года. Ну, а про то, что его этапировали на север, я уже говорила. Всё. Больше ничего не знаю. Что теперь скажете? – с печальным видом закончила Алла.

Рита невидящим взглядом смотрела в окно и шептала молитву. Эмма, комкая в руках носовой платок, беззвучно плакала: она хорошо знала историю своей подруги.

– А как же ваш сын? – участливо спросила Рита после долгой паузы. – Где он теперь?

– Какой сын? – нахмурилась Алла. Она произнесла это чуть слышно, но на них слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Подруги переглянулись в изумлении.

– Но ты же сама сказала мне, что ваш сын – вылитый Алексей, – растерянно пробормотала Рита. – Господи, неужели? Неужели ты солгала?

Один миг ровно такого же, как и у них изумления, потом что-то похожее на озарение – и вспыхнула беглянка, вспомнив тот обезоруживший Риту аргумент. Да, он оказался для неё роковым, ибо подвёл черту под остававшуюся ещё надежду сохранить семью. А следом во взгляде уже боль, отчаяние и страх расплаты: прижав пальцы к губам, беспомощно заозиралась Алла, и в следующую секунду сползла на колени в проходе, пытаясь ухватить Риту за руки.

– Рита, прости, – униженно запричитала. – Сама не знаю, как вырвалось тогда. Но я уже и так наказана за ту ложь. Из-за неё и пошло-поехало всё наперекосяк, когда Алексей узнал, что я так обошлась с тобой. Не простить такое, но прошу, умоляю: не гоните, девочки. Не губите, – повторяла, как заклинание. – Не губите... ради Бога.

И ощутила вдруг, как, встав рядом, обняли её подруги, и обе, плача, стали тихо молиться. А когда уловила смысл простых, понятных слов, оторопела: они просили Бога защитить её! Потом почему-то представила, что сделала бы она, попадись в её руки причинившая ей зло соперница. Представила – и ужаснулась. Контраст был столь ярок и убедителен, что в немом отрицании замотала головой и разразилась рыданиями. Поняла грешница, Кто нарисовал в воображении глубину её падения, увидела себя со стороны и признала свою вину перед Богом. Она много плакала в последнее время, плакала горько и безутешно, но вот этот плач высвобождал душу от греха и нёс в себе

такое желанное облегчение. Пусть пока и временное, но Алла никогда не забудет той доброты и искреннего участия, которое проявили к ней те, кто ни по каким её прежним меркам не должен был их проявлять. И хоть и робко, но присоединилась к молитве, повторяя уже в полном умиротворении: «Господи, прости и помилуй меня, грешную!»

Они ещё стояли на коленях, когда с улицы донеслись голоса экскурсантов.

– Рита, идите назад, там свободно, а я поговорю с Томасом, – встала Эмма и, промокнув глаза платочком, выпорхнула навстречу туристам, которые с шумом стали рассаживаться по местам. В окно было видно, как гид внимательно её выслушал, потом поднялся в автобус и стал что-то выяснять у водителя. Тот согласно кивнул и, привстав, показал куда-то рукой. Томас взял микрофон.

– Господа, экскурсия закончена, – объявил бодрым голосом. – Встретимся за ужином в отеле. А пока я временно должен вас покинуть. – И, помахав рукой, вышел.

– Что он сказал? – заволновалась беглянка и буквально вцепилась в руку Риты.

– Вы сказали, что мне нельзя в полицию? Что у меня нет документов?

– Успокойся, – подошла Эмма, присела в кресло напротив и погладила её, как малое дитя. – Он велел ждать в нашем номере в отеле. Здесь где-то недалеко наше консульство, а там уже свяжутся с российским. Он нам позвонит. Надо продолжать молиться, чтобы Господь не оставил тебя Своей милостью.

И вновь с обеих сторон обняли дрожавшую от страха беглянку.

Если в дороге Алла сподобилась даже улыбаться, ну или что-то похожее на улыбку трогало её губы, то в номере её снова охватила нервозность. Она не могла усидеть на месте и при любом шуме в коридоре буквально каменела. Подруги понимали её состояние, молились и уговаривали как могли. Вот уже Эмма сходила на ужин и принесла с собой бутерброд и яйцо для Аллы, а от Томаса так и не было звонка.

– Молимся, девочки, молимся, – в очередной раз призвала Рита, и в этот миг зазвонил телефон.

– Полный порядок, – сказал Томас. – Поднимаемся за вашей подругой.

А уже через минуту-другую Алла покидала номер в сопровождении двух джентльменов из российского консульства.

– Как же я виновата перед тобой, – не выпускала она руки Риты из своих. – Если вернусь домой, всем буду рассказывать о чуде, которое Бог сотворил со мной. Вы с Эммой перевернули мою жизнь. Прощайте!

– Не переставай молиться, Алла, – напутствовала её Рита. – Доброго пути!

– Храни тебя Господь! – поддержала Эмма. – Молись, Алла!

Дверь закрылась, и подруги взглянули друг на друга.

– Слава Богу! Мы всё правильно сделали, – сказала Эмма. – Теперь будешь искать его?

– Да. Обязательно. Поедем с Глебкой.

– Но ему же ещё сидеть и сидеть. Да и где искать? Север – понятие, ой, какое растяжимое. Это не Германия. Помнишь о Колыме: «Семьсот километров тайга»?

– Поеду к его родителям, узнаю. Я виновата перед ними: мне казалось, что поступаю благородно, скрыв, что жду ребёнка, а по сути перенесла на них свою обиду

на Алексея. Так получилось. Буду исправлять ошибку. – Рита помедлила и, вздохнув, процитировала: – «Время собирать камни...»

– «Время искать и время терять», – подхватила Эмма и улыбнулась: – Что потеряла, теперь найдёшь. А вернее, найдёт он, Алексей, потому что он и потерял. Я почему-то всегда ждала именно такой развязки. Не верила, что он мог тебя забыть. Что у вас дальше получится, не гадаю, но в любом случае поддерживаю твоё решение. Когда думаешь отправиться?

– Завтра вернёмся и сразу подам на срочную визу. У меня в запасе ещё месяц неиспользованного отпуска. Думаю, шеф разрешит: работы не ахти сколько.

– Что-то мне подсказывает, что увидите вы с ним. Да, непременно.

– Пророчица ты моя, – улыбнулась наконец и Рита. – Твоими бы устами, как говорится. Да, дай-то Бог! Помолимся об этом?

Ну пророчица или нет, а первое, отчего у Риты учащённо забилось сердце, была свирель в руках встречавшего в аэропорту Глебки. Даже не сам он, а именно свирель. И хоть с вопросами пришлось повременить, так как встречала её ещё и орава Зайлеров во главе с мамашей, но как только остались дома одни, приступила к сыну с расспросами. И охнула, услышав, кто, где и при каких обстоятельствах подарил её. Порывисто обняв сына, присела перед ним на корточки.

– Значит, не забыл, о чём мы мечтали. Значит, ждал и надеялся, что когда-нибудь встретит тебя, – сказала и, видя, что он не понимает, пояснила: – Это твой папа, сынок. Теперь он нашёлся, и мы должны поехать к нему. Хочешь?

Глеб с готовностью, будто только и ждал этого её предложения, часто-часто закивал головой:

– А когда?

– Ты так хочешь увидеть его?

– Да. Сильно.

– Если получится, то на днях, – заверила она и шутливо упрекнула сына, крепко обнявшего её: – Да дай же мне хотя бы отдохнуть с дороги. Посмотри вон в чемодане, что привезла для тебя.

Вскоре заглянул и сам Мартин, и подтвердил, что человек, помогавший завести заглохшую машину, назвался Алексеем. Ещё сказал, что днями должен освободиться по УДО и подарил Глебу свирель. Её, мол, какой-то эзк-умелец смастерил.

Тут-то его и прервал сияющий Глебка.

– Это мой папа! – сообщил с гордостью. – Мы к нему поедem снова.

– Кто, папа? – не сразу понял Мартин и тут же звучно приложился ладонью ко лбу. – Как же я, старый пень, не догадался! Ах, ты, жалость какая. Рита, он же с Глебки глаз не сводил, даже в лице изменился. Ах, ты, жалость-то, а! – И тот же вопрос, что был у Эммы: – Будешь искать его? – И сам же ответил: – Конечно, будешь, ибо от Бога это нам. От Господа, даже и нет сомнений, чтобы так всё совпало.

– Так и я думаю, что от Бога. Завтра буду хлопотать о визе.

– И правильно. А мы всей церковью будем молиться о вас. И сейчас, давай, Глебка, помолимся об отце твоём. Минутная была встреча, а запомнился он мне видом своим страдальческим. Понял я теперь, отчего он за сердце-то схватился, понял. Тебя признал. Ах, ты жалость-то какая!

Зайлер ушёл. До вечера у Риты с сыном только и было разговоров, что об отце: мальчика интересовало всё, и она не успевала отвечать на вопросы. А когда укладывался спать, вздохнул мечтательно:

– Взял бы да сразу и сказал, что он – мой папа. Тогда бы и домой вернулись вместе. Почему он сразу не сказал?

– Вот это ты у него и спросишь, сынок, – предложила мать. – Скоро уже спросишь. Спи.

* * *

476 | День клонился к вечеру и улицы села, особенно на окраине, уже обезлюдели. У самого въезда остановился междугородный автобус, и покинувший его пассажир, в котором мы тотчас узнали бы Алексея, неспешно зашагал по обочине. Довольный, что никто в пути от самой Алматы не обратил на него внимания, он явно хотел остаться неопознанным и тут. Поэтому на первом же перекрёстке свернул с магистрали и пошёл безлюдными проулками. И чем ближе подходил к своей улице, тем больше замедлялся, тем тяжелее давался каждый шаг. Он давно корил себя за то, что не писал родителям, однажды озлившись на весь белый свет, в том числе и на них. Лишь два раза давал знать о себе короткими весточками, типа: жив, здоров, Алексей Блинов. Но даже когда и появлялось желание выговориться, дальше первых строк – с обязательным «Здравствуйте, мои дорогие!» – дело не шло. Дальше лист так и оставался чистым; вот не было мысли – и всё тут! Так, например, было в случае появления надежды на УДО: уж как только не изошрялся в думках, какими речевыми оборотами не украшал жизнь лагерную, чтобы не очень переживали, а сядет писать – куда всё и подевалось. Зато наизусть помнил письмо отца, что получил ещё в Жезкенте, аккурат перед побегом, и которое сейчас особенным упрёком обжигало совесть. Ах, какое же благословение оно принесло ему когда-то! И как потом старался изгладить его из памяти.

Алексей даже остановился, чтобы вспомнить его содержание. И это оказалось легко сделать: он будто не повторял заученное, а видел слова перед собой.

«Пусть тебя сохранит Господь от мирского зла, сынок. Достаточно ты повидал за это время, чтобы понять всю пагубность погони за богатством. Достаточно натерпелся за иллюзорное счастье, которое на самом деле – глубокое несчастье. И если ты это понял, то позаботься о душе, о духовных для неё сокровищах, чтобы не затянула тебя бездна греха. Мы просим Бога об этом!»

И вновь, как и тогда в пустой квартире, волна нежного благоговения заполонила всё его существо, разлилась по каждой жилочке, и сердце забилося в таком бурном восторге, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди: «Мой отец с Богом! Господи, как велика милость Твоя!»

И снова вдохновенно шепчет он тронувшие однажды до глубины души слова псалмопевца и идущие сейчас из его ликующего сердца: «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мной» (Пс. 41:8).

О, сколько их, этих волн, и мелких, и настоящих цунами, пронеслось над его головой, но ни одна не оказалась погибельной, потому что Сам Бог был его защитой.

Вдохновение столь велико, что его непременно надо с кем-то разделить! И Алексей ускорил шаги. Вон и крыша дома, и за оградой уже видна верхушка всё той же раскидистой яблони, усыпанная спелыми плодами. Начало сентября, пора урожая. До заветной калитки осталось каких-нибудь двадцать метров, как вдруг до слуха донеслись мягкие, нежные переливы. Свирель?! Или звенит в ушах? Алексей невольно встряхнул головой, прогоняя наваждение! Не проходит. Ещё несколько шагов – и слышится голос матери: «Глебушка, поиграй ещё!»

– Не-е, я пойду папу посмотрю, – спокойно возражает детский голос. И следом радостный, пронзительный вскрик: – Папа! Вон папа пришёл!

Налились ноги свинцом – не сдвинуться, защемило сердце, заныло, заломило в затылке, и поплыло всё перед глазами. Ухватился Алексей за ограду да так и навалился на неё всем телом с одной лишь мыслью: «Только бы не сейчас».

А рядом уже и Глебка, и Рита, и мать с отцом. Рядом, а голоса будто из космоса отдаленного, слов не разобрать. Одно и понятно, что говорят в радости великой, суетятся да под руки до самой беседки ведут.

– Ну вот, здравствуйте! – вымолвить сподобился. Турман сизой поволокой глаза застит, а в ушах так и стоит столько раз звучавшее в мечтах, выстраданное годами, долгожданное: «Папа, папа пришёл!»

– Пришёл я, Глебушка, пришёл, сынок, – бормочет Алексей, стараясь сдержать слёзы, и, встав на колени, прижимает парнишку к себе. – Бог привёл. Мама, папа, Рита! Господь простил меня, простите и вы за всё. За то, что причинил столько горя. – И не в силах больше сдерживаться, закрыл лицо руками и приглушённо зарыдал.

Долго в этот вечер в доме Блиновых не стихала молитва к Всевышнему; стоило закончить матери, и начинал свою отец; после Риты – Алексей. И снова, будто по кругу, к Елене Ивановне. Глебка же слушал, не отходя ни на шаг от найденного им папы. Что это именно так, предположила Рита, и все согласились с нею. Но послушать невесёлый его рассказ о тюремных скитаниях не дали. Отправили спать. И лишь далеко за полночь разошлись сами.

Несмотря на это, наутро Елена Ивановна рано разбудила сына:

– Лёша, отец едет в центр, тебе ничего там не надо?

– Пока нет.

Следом появился и сам Глеб Петрович с большим чемоданом в руках, увидев который, Алексей так и сорвался с кровати.

– Да-да, твой, из Жезкента, – подтвердил отец. – Друзья твои, Николай с Людой, привезли, когда узнали, что туда не вернёшься. – И улыбнулся: – Всё же добрых людей больше, кто бы что ни говорил. Таких вот, как они.

– Эти ребята – что надо, – согласился Алексей и, открыв чемодан, извлёк из-под подкладки конверт с маркой. Затем, достав ручку из столешницы, быстро черкнул обратный адрес, заклеил и протянул отцу: – Сбрось, пожалуйста, в почтовый ящик.

– Литва, Лакису, – прочитал отец и удивлённо взглянул на сына: – Это тот, о котором Коля с Людой рассказывали?

– Тот самый.

– И что, так пустой и сбросить?

– Он не пустой, папа. В нём моё покаяние. И признание, что всё предсказанное этим христианином, сбылось. Он ждёт это письмо и поймёт всё.

– Тогда и слава Богу!

«Пойте Господу, святые Его, славьте память святыни Его, ибо на мгновение гнев Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворяется плач, а наутро – радость!» (Пс. 29:5–6).

Виталий Полозов

Поросло быльём некошеным...

Редактор *Вальдемар Цорн*
Корректор *Елена Сафонова*
Компьютерная вёрстка *Андрея Цорна*
Обложка *Татьяны Крук*

Изд. № 01.560.

Подписано в печать 06.04.2020.

Бумага 80 гр. Holmen Book Cream.

Гарнитура: AGOpus.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 09003631.

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany.

Суровому испытанию подвергаются народы при крушении империй. И для советских народов при развале государства СССР наступили времена тяжкие – войны между братскими народами, все сферы жизни охвачены кризисом и т. д.

Рухнула система, отвергающая Бога, и в жизни народов бывших республик при всеобщем кризисе и неуверенности в завтрашнем дне чётче обозначились её изъяны: обострилась борьба за «тёплые места», при которой хороши любые средства для достижения корыстных целей – обман, зависть, подсиживание, ненависть друг к другу, жажда мести и т. д. Эти жизненные коллизии в бывшей империи достоверно и правдиво отразил в своей повести «Поросло быльём некошеным...» Виталий Полозов.

Да использует Господь и эту повесть для назидания и благословения читающих её!

